

RAMOND
LIBRARY
of the

CHICAGO
THEOLOGICAL
SEMINARY

221.1
M592

WITHDRAWN 107

Ac. 35474

5. 109.

СВЯТЫЙ МЕΘΟΔΙЙ

ЕПИСКОПЪ И МУЧЕНИКЪ,

ОТЕЦЪ ЦЕРКВИ III-го ВѢКА.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ЕГО ТВОРЕНІЙ,

ПЕРЕВЕДЕННЫХЪ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ПРОФЕССОРА С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

Евграфа Ловягина.

Изданіе 2-е.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книгопродавца И. Л. ТУЗОВА. Гостинный дв., № 45.

1905.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ И. Л. ТУЗОВА,

С.-Петербургъ, Садовая улица, Гостинный дворъ, № 45,

МЕЖДУ ПРОЧИМИ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Сергій, Д. Б., арх. Православное учение о почитаніи святыхъ иконъ и другія соприкосновенныя съ нимъ истины правосл. вѣры. Изд. 3-е. Спб., 1899 г., ц. 25 к. *Мин. Нар. Просв. допущена въ ученич. библ. ср. учеб. зав.* (4 авг. 1903 г., № 23684).

Синайскій, А. Магометанство въ его исторіи и отношеніи къ христіанству. Изд. 2-е, испр. и доп. Спб. 1904 г., ц. 40 к.

— Отношеніе русской церковной власти къ расколу старообрядчества въ первые годы Синодальнаго Управл. при Петрѣ Великомъ (1721—1725 г.). Спб., 1892 г., ц. 1 р. 75 к.

Снальскій, К., свящ. Литургія св. Іоанна Златоустаго. Руководство для священно-и церковно-служителей при Архіерейской службѣ, съ изложеніемъ порядка посвященія въ священно-церковно-служительскія степени и награжденія на бедренникомъ, скуфьею, камилавкою и проч. Спб., 1902 г., ц. 30 к.

Славинъ, А. Помилуй мя, Боже, помилуй мя! Душевные и сердечные вопли, стенанія и воздыханія кающагося грѣшника. Изд. 3-е. Спб., 1899 г., ц. 20 к.

— Размышленія кающагося грѣшника о страшн. Судѣ или о второмъ пришествіи Господа нашего І. Христа на землю и всеобщемъ воскрес. мертвыхъ. Изд. 4-е, дополн. Спб., 1897 г., ц. 15 к.

Смирновъ С., свящ. Сарат. епарх. Алфавитный сборникъ распоряж., необходимыхъ для каждаго члена причта. Настольн. книга „Ни кто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона“ (Осн. зак., ст. 62). Спб., 1898 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р. 25 к.

Синесорева, С. Земн. жизнь Пресвятой Богородицы и описаніе святыхъ чудотворн. ея иконъ, чтимыхъ православно. церк. на основаніи свящ. писанія и церковныхъ преданій. Съ изображен. въ текстѣ праздниковъ и иконъ Божіей Матери. Спб., 1898 г., ц. 3 р., въ роск. кол. перепл. 4 р. *Внесена въ кат. книгъ для употр. въ низ. учил. вѣд. Мин. Нар. Просв. и для публ. нар. чтеній* (стр. кат. 135, 1901 г.).

Соколовъ, А., прот. Священная исторія въ простыхъ разсказахъ для чтенія въ школахъ и дома. Ветх. и Нов. Зав. Съ 40 рис. по ориг. Доре и Плоггорста и съ 109-ю полит. въ текстѣ. Спб., 1901 г., ц. 1 р., въ изящномъ коленкор. перепл. съ золот. тис. 2 р.

Соколовъ И. И. Доц. Спб. Дух. Акад. Афонское монашество въ его прошломъ и современномъ состояніи. Спб., 1904 г., ц. 40 к.

Соловьевъ І., свящ. Пособіе къ доброду чтенію Святой Библии (Руководств. свѣдѣнія объ ея богодухнов. значеніи, составѣ, раздѣленіи и внѣшнихъ особенност., о происхожд., содерж. и богослуж. употребленіи каждой изъ свящ. книгъ, Библии въ отдѣльности). Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб., 1898 г., ц. 2 р., въ кол. пер. 2 р. 75 к. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущ. въ учит. библ. низш. учил. и въ безпл. народ. чит. и библ.*

— Что нужно знать правосл. христ. о св. Евангеліи. Спб., 1898 г., ц. 30 к.

Соловьевъ, Н. И. Православное духовенство. Очерки, повѣсти и разсказы изъ жизни приход. духовенства. Изд. 2-е, значит. дополн. Спб. 1902 г., ц. 1 р., въ изящн. коленкор. перепл. 1 р. 75 к. *Мин. Нар. Просв. допущена въ ученич. библ. средн. учебн. завед. Минист.* (17-го ноября 1903 г., № 35999).

Спасскій, П. Н., членъ-дѣлопр. Новг. Еп. Учл. Сов. Сборникъ правилъ о школахъ церковно-приходскихъ и грам., съ относящимися къ нимъ опредѣл. и указ. Св. Сын., Училищн. при ономъ Совѣтѣ и Новгородск. епарх. начальства. Спб., 1898 г., ц. 60 к.

— Толкованіе на пророческія книги Ветхаго Завета, составл. на основаніи святоотеч. толков. примѣнит. къ славян. и греч. (70) тексту по прогр. для 4-го кл. дух. семина. Книги прор.: Исаія, Іеремія. Іезекія и Дан. *Одоб. Уч. Ком. при Св. Сын. къ употрѣбл. въ кач. уч. пос. по Свящ. Пис. при прохожденіи курса IV кл. Дух. Сем.* Изд. 2. Спб., 1898 г., ц. 2 р.

Стратилатовъ, К., свящ. Катихизическія бесѣды къ сельскимъ прихожан. Изд. 5-е. Спб., 1893 г., ц. 1 р. 50 к.

— Собраніе церковныхъ поученій для простого народа. *Удостоенныя преміи Свят. Сын.* Изд. 3-е. Спб., 1903 г., ц. 1 р. 50 к. Въ 2 ч. Часть I. Поученія на Символъ вѣры, молитву Господню, Блаженства евангельскія и на десять заповѣдей Божіихъ. Часть II. Поученія объ обрядовомъ богослуженіи православно. Церкви, съ присовокупл. поуч. на общеупотр. христіан. молитвы. *Одоб. для приобр. въ ученич. библ. средн. учебн. завед. Мин. Народн. Просв.* (№ 14375, 21 іюля 1894 г.).

Тренчъ, арх. Дублин. Толкованіе притчей Господа нашего Іисуса Христа. Переводъ съ англійскаго, сдѣланный покойнымъ А. З. Зиновьевымъ. Изд. 2-е, вновь пересм. и испр. по посл. XV изд. подлинника. Спб., 1888 г., ц. 2 р., въ изящн. кол. пер. 3 р.

мил. 54
1965

СВЯТЫЙ МЕΘΟΔΙЙ

ЕПИСКОПЪ И МУЧЕНИКЪ,

ОТЕЦЪ ЦЕРКВИ Ш-го ВѢКА.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ЕГО ТВОРЕНІЙ.

ПЕРЕВЕДЕННЫХЪ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ПРОФЕССОРА С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

Евграфа Ловягина.

Изданіе 2-е.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книгопродавца И. Л. ТУЗОВА. Гостинный дв., № 45.

1905.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 27-го іюля 1904 г.

Цензоръ, Іеромонахъ **Александръ**.

Отъ издателя.

(Къ первому изданію).

Въ настоящемъ изданіи предлагаются, въ переводѣ съ Греческаго языка, всѣ творенія Святаго Священномученика Меѳодія, которыя до сего времени найдены. За границую они имѣли уже нѣсколько изданій; у насъ же въ Россіи, въ полномъ своемъ составѣ, они являются впервые, и притомъ въ переводѣ возможно близкомъ къ подлиннику. Издатель почтетъ себя совершенно счастливымъ, если, хотя въ малой мѣрѣ, достигнется цѣль, которую онъ имѣлъ въ виду, приступая къ этому дѣлу. Цѣль эта заключалась въ томъ, чтобы ознакомить православныхъ читателей съ высоконравственнымъ ученіемъ Святителя Меѳодія, ученіемъ, которымъ онъ, насколько тщился руководить паству свою къ достиженію царствія небеснаго путемъ исполненія заповѣдей и обѣтомъ чистоты или дѣвства, настолько же и охранялъ ее, какъ отецъ чадъ своихъ, отъ ложныхъ ученій и навѣтовъ, которыми, въ первые вѣка христіанства, столь тревожима была Христова Церковь.

Читая творенія Святаго мужа, мыслию невольно переносишься въ тѣ, отдаленныя отъ насъ и по несходству и по разстоянію времена, когда послѣдователи Христа, озаренные свѣтомъ Его ученія, предавались Ему всецѣло, слѣдовали Ему безтрепетно, и вѣру и любовь къ нисшедшему съ небесъ Учителю не только доказывали воздержаніемъ и чистотою жизни, но запечатлѣвали ихъ, когда это требовалось, и своею собственною кровію среди жесточайшихъ пытокъ и истязаній.

Главнѣйшимъ же побужденіемъ къ изданію въ свѣтъ твореній Святаго Пастыря Тирской и Патарской церквей составляло ревностное желаніе воздать славу великому угоднику Божію, святителю Меөодію, отъ дѣятельности котораго, по милости Божіей, сохранилось до настоящаго времени достаточно твореній, чтобы намъ возможно было по нимъ составить себѣ точное понятіе о возвышенной душѣ и свѣтломъ умѣ добраго пастыря стада Христова, и чтобы мы могли съ вѣрою и надеждою обращаться къ Нему, какъ ходатаю и заступнику нашему предъ престоломъ Вышняго и мудрому руководителю, могущему, молитвами своими, внести болѣе согласія, мира и любви въ жизнь современнаго общества и направить участь всѣхъ и cadaго къ лучшему.

М. М—въ.

16 мая 1877.
г. Царское Село.

С В Ъ Д Ъ Н І Я

О ЖИЗНИ И ТВОРЕНИЯХЪ

СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА МЕӨОДІЯ.

Св. Меөодій принадлежитъ къ знаменитымъ учителямъ и Отцамъ первыхъ трехъ вѣковъ Христіанской Церкви, и притомъ такимъ, которыхъ высота ученія и святость жизни пріобрѣли имъ великое и всеобщее уваженіе не только отъ православныхъ христіанъ, но и отступниковъ отъ православной Церкви—еретиковъ. Церковный писатель VII вѣка († около 624 г.) Леонтій Византійскій, подвизавшійся въ одномъ изъ Іерусалимскихъ монастырей, исчисляя знаменитыхъ учителей и Отцевъ Церкви, жившихъ отъ Рождества Христова до царствованія Императора Константина великаго, ставитъ между ними и *Меөодія Патарскаго* въ такомъ порядкѣ: „Игнатій Богоносецъ, Ириней, Іустинъ Философъ и мученикъ, Климентъ и Ипполитъ Епископы Римскіе, Діонисій Ареопагитъ, Меөодій Епископъ Патарскій (*Πατάρων*), Григорій Чудотворецъ, Петръ Александрійскій Епископъ и мученикъ“, и затѣмъ прибавляетъ: „всѣхъ ихъ принимаютъ и бывшія послѣ нихъ ереси“ ¹⁾. Другіе древніе писатели, свидѣтельствуя о многостороннемъ просвѣщеніи и мудрости св. Меөодія (Патарскаго), благотворной дѣятельности его въ утвержденіи и защищеніи православной вѣры и славныхъ подвигахъ мученичества, вообще отзываются о немъ съ высокими похвалами; а нѣкоторые изъ

¹⁾ Леонт. Визант. De sectis. Act. III. § 1.

нихъ, какъ то: Андрей Епископъ Кесарійскій (VI вѣка), Іоаннъ Епископъ Θεσσαλονικійскій (VII вѣка) и Патріархъ Фотій († 886) называютъ его *великимъ*¹⁾; и вся святая Церковь, празднуя память священномученика Мееодія 20 іюня, воспѣваетъ въ честь его: „ученій пучину, и скрижаль наказаній, и зрѣнія высокаго сокровище ты знаемъ, и чувству престолъ, поюще благочестно Христа Царя во вся вѣки“ (Канон. Пѣс. 8. троп. 4).

Въ свидѣльствахъ древности Св. Мееодій называется Епископомъ не только *Патарскимъ*, но и *Олимпійскимъ* и *Тирскимъ*. Такъ, кромѣ Леонтія Византійскаго, св. Іоаннъ Дамаскинъ († около 780 г.), выписывая одно мѣсто изъ сочиненія Св. Мееодія о воскресеніи мертвыхъ, называетъ его Епископомъ *Патарскимъ*²⁾. Между тѣмъ другіе, именно церковный историкъ Сократъ († 440 г.) и Св. Максимъ Исповѣдникъ († 662), упоминая объ этомъ самомъ сочиненіи того же св. Мееодія, называютъ его Епископомъ *Олимпійскимъ*³⁾. А блаж. Іеронимъ, жившій около того же времени († 419 г.), въ книгѣ о знаменитыхъ мужахъ называетъ Св. Мееодія кромѣ того Епископомъ *Тирскимъ*⁴⁾, чего не говорятъ другіе писатели. Но самъ же блаж. Іеронимъ дѣлаетъ для насъ возможнымъ согласить всѣ приведенныя свидѣльства о мѣстѣ епископства святителя, выражаясь такъ: „Мееодій, епископъ Олимпа Ликійскаго и потомъ Тира“. Нѣтъ основанія сомнѣваться въ справедливости этого свидѣльства, какъ нѣкоторые⁵⁾ сомнѣваются, находя основанія къ сомнѣнію въ древнихъ церковныхъ правилахъ, которыми запрещалось епископамъ переходить изъ одной епархіи въ другую, а также въ свидѣльствѣ церковнаго историка Евсевія Кесарійскаго († 338), который въ числѣ мучениковъ, пострадавшихъ во время гоненія Діоклитіанова,

¹⁾ Андр. Кесар. in Apocal. serm. XI, c. 33. Bibl. Patr. T. V. p. 609. Іоанн. Θεσσαλον. въ сочиненіи Льва Алляція De Method. Scriptis. ed 1656 p. 333. Фотія Bibl. cod. 235. Прочія свидѣльства см. ниже.

²⁾ De imagin. Or. II, Ed. Paris. 1712. T. I. p. 389.

³⁾ Сократ. Hist. Eccl. VI, 13. Максим. Исп. Scholia ad Dionys. Hier. eccl. § 7.

⁴⁾ De vir illustr. c. 83.

⁵⁾ Tillemont. Monum. eccles. T. V. p. 198. et Not. 1. p. 342.

упоминаетъ о Тиранніонѣ, епископѣ Тирскомъ, не упоминая о Св. Мееодіѣ (Н. Е. VIII, 13). Между тѣмъ древнія церковныя правила запрещали епископамъ переходить въ другія епархіи не безусловно; напротивъ они позволяли епископу такой переходъ въ извѣстныхъ случаяхъ, когда „будетъ нѣкоторая вина благословная, сіе творити его понуждающая, яко могущаго большую пользу обитающимъ тамо принести словомъ благочестія“ (14 Прав. Апостол.); что же касается до епископа Тирскаго Тиранніона, то по всей вѣроятности это былъ преемникъ Св. Мееодія, пострадавшій во время одного и того же продолжительнаго и жестокаго гоненія Діоклитіанова; ибо тогда, по словамъ Евсевія, въ иной разъ было убиваемо въ одинъ день отъ десяти до ста мучениковъ (VIII, 9). Слѣдовательно, Святитель Мееодій, поставленный впослѣдствіи времени на каеэдру епископа Тирскаго, какъ духовный свѣтильникъ, имѣвшій возможность „принести обитающимъ тамо наибольшую пользу“ и остававшійся здѣсь до своего мученичества, прежде того былъ епископомъ Олимпійскимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по всей вѣроятности, и Патарскимъ; совмѣстность двухъ послѣднихъ названій объясняется или тѣмъ, что два названія этихъ мѣстъ означаютъ одинъ и тотъ же городъ, какъ полагаетъ ученый Свиды (X вѣка), прибавляя къ словамъ Іеронима: „Олимпа Ликійскаго, т. е. (Ἰττοῖ) Патарь“; и другіе ¹⁾; или тѣмъ, что св. Мееодій въ одно и то же время завѣдывалъ церквами обоихъ этихъ городовъ, какъ нерѣдко бывало во время гоненій, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей ²⁾, особенно, если принять во вниманіе незначительность города Олимпа сравнительно съ Патарами и весьма близкое разстояніе между ними ³⁾. Патары, древнѣйшій городъ

¹⁾ Suidas. Lexic. подъ словомъ: Μεθοδίου. Фееслеръ. Instit. Patrol. I, 318.

²⁾ Lequien. Or. Christ. T. I. p. 976. Филарет. Учен. объ Отц. и Учит. Цер. 1859. Т. I. стр. 167.

³⁾ Въ латинскихъ Acta sanctorum (Iunii IV, 5. Sept. V, 18) полагается два епископа Мееодія, одинъ Патарскій, котораго память у Грековъ 20 іюня, а другой Олимпійскій и потомъ Тирскій, котораго память у Латинянъ 18 сентября. Но, — справедливо замѣчаетъ Комбефизъ, — Іеронимовъ Мееодій не отличается отъ Греческаго Патарскаго, и нѣтъ никакого слѣда въ исторіи,

Ликии въ Малой Азій, упоминаемый еще Геродотомъ въ его исторіи (1, 182) и впослѣдствіи времени называвшійся иначе Арсиноею Ликійскою по распоряженію Птолемея Филладельфа, находился на южномъ берегу при Средиземномъ морѣ близъ устья рѣки Ксанеа, былъ цвѣтущимъ и торговымъ городомъ и нѣсколько времени столицею этой области до Римскаго въ ней владычества, и извѣстенъ въ церковной исторіи тѣмъ, что былъ отчизною св. Николая Мврликійскаго Чудотворца и мѣстомъ, гдѣ онъ началъ свое служеніе въ санѣ пресвитера и Епископа. Подъ именемъ же Олимпа (если только можно считать его отдѣльнымъ отъ Патаръ) нѣкоторые писатели разумѣютъ не что иное, какъ незначительное селеніе, образовавшееся изъ крѣпостнаго замка и стоявшее на отлогостяхъ Ликійской вулканической горы Олимпа ¹⁾. Это селеніе, кажется, находилось весьма близко отъ Патаръ, такъ что св. Мееодій, по собственнымъ словамъ его, могъ пѣшкомъ доходить отъ одного мѣста до другаго для посѣщенія братіи: „за нѣсколько дней предъ симъ,—говоритъ онъ,—ходилъ я (изъ Олимпа) въ Патары, желая видѣть Теофила“ ²⁾; откуда еще болѣе становится вѣроятнымъ, что обѣ эти мѣстности въ одно и тоже время находились подъ іерархическою властію Св. Мееодія прежде перемѣщенія его на каѳедру г. Тира. Этотъ послѣдній городъ, который въ древности былъ важнѣйшимъ и славнѣйшимъ изъ городовъ Финикіи по своему положенію, богатой промышленности и обширной торговлѣ, въ первыя времена христіанства находился еще въ цвѣтущемъ состояніи; и христіанская епископская каѳедра въ этомъ городѣ, просвѣщенномъ христіанскою вѣрою Св. Апостоломъ Павломъ и бывшемъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Патарами (Дѣян. XXI, 1—3), имѣла тогда важное значеніе. Здѣсь-то Промыслъ Божій судилъ святительствовать Св.

чтобы Патарскій отличался отъ Тирскаго; одни и тѣже сочиненія въ кодексахъ приписываются то Мееодію Патарскому, то Олимпійскому и Тирскому. См. Migne, Patrol. T. XVIII, p. 18.

¹⁾ Pauly. Real-Encyclop. B. V. p. 927 и 1221.

²⁾ Впрочемъ эти слова сохранились только въ славянскомъ переводѣ творенія Св. Мееодія о воскресеніи. См. Филарет. Ук. Соч. стр. 167.

Меоөдію въ то время, когда послѣднее и жесточайшее гоненіе на христіанъ, начатое Императоромъ Діоклитіаномъ (съ 303 г.) и продолженное преемниками его власти на востокъ Галеріемъ и Максиміномъ (до 312 г.), причиняло и пастырямъ и пасомымъ ужаснѣйшія бѣдствія. Неоднократными эдиктами этихъ жестокихъ гонителей повелѣвалось подвергать послѣдователей Христовыхъ единственно за исповѣданіе святой вѣры всевозможнымъ мученіямъ, такъ эдиктомъ 303 года, изданнымъ Діоклитіаномъ по наущенію Галерія, было предписано слѣдующее: всѣ богослужебныя собранія христіанъ запрещаются; христіанскіе храмы должны быть разрушены; списки Св. Писанія должны быть отбираемы и сожигаемы; всѣ, содержащіе Христіанство, лишаются своего достоинства и гражданскихъ правъ; у христіанскихъ рабовъ отнимается навсегда надежда на освобожденіе; при судѣ надъ христіанами дозволяется употреблять пытки безъ принятія отъ нихъ жалобъ. Вторымъ эдиктомъ повелѣвалось — всѣхъ предстоятелей церквей и другихъ духовныхъ лицъ, какъ политическихъ преступниковъ, заключать въ темницы; а вскорѣ послѣдовавшимъ третьимъ эдиктомъ предписывалось — всѣхъ заключенныхъ, принесшихъ жертвы идоламъ, освобождать, остающихся же непреклонными мучить жестокими пытками. Четвертымъ эдиктомъ 304 года всѣ христіане поголовно были осуждены на пытки и мученія съ цѣлію принудить ихъ къ отреченію отъ Христа и обращенію въ идолопоклонство. Жестокость гонителей не знала никакихъ границъ и выдумывала безчисленное множество различныхъ формъ мученій; и эти мученія производились не нѣсколько дней и не въ теченіе одного года, но въ продолженіе цѣлаго десятилѣтія до 312 года; потому что, хотя въ 311 году Галерій, пораженный тяжкою и неизлечимою болѣзнію и убѣдившійся, что никакая человѣческая сила не можетъ уничтожить ученія Христова, незадолго до своей смерти издалъ указъ о прекращеніи гоненія, но Кесарь, Максиминъ, управлявшій послѣ него Сирією и Египтомъ и присвоившій себѣ Императорское достоинство, продолжалъ съ неменьшею жестокостію преслѣдовать христіанъ: запре-

щаль имъ строить церкви, изгонялъ изъ городовъ, нѣкоторыхъ увѣчилъ, вырывалъ у нихъ ноздри или глаза, отрубалъ уши или руки, и, наконецъ, предавалъ смерти. Церковный историкъ Евсевій, современникъ этого гоненія, въ своей исторіи рассказывая подробно о всѣхъ ужасахъ, сопровождавшихъ преслѣдованіе христіанъ въ разныхъ областяхъ и городахъ римской Имперіи, какъ то: Фригіи и Египтѣ, въ Оивайдѣ и Александріи, говоритъ въ частности о Тирѣ Финикійскомъ, что здѣсь, между прочимъ, послѣ ужасныхъ бичеваній христіанъ, выпускали на нихъ пантеръ, медвѣдей, дикихъ кабановъ и быковъ, разъяренныхъ каленымъ желѣзомъ, и что въ это время церковь Тирская прославилась твердостью своихъ мучениковъ ¹⁾. Гонители, ослѣпленные звѣрскою яростію, полагали, что они достигнутъ совершеннаго истребленія христіанскаго имени и возобновятъ почитаніе языческихъ боговъ; но со стороны Христіанства всюду выступали новые и новые поборники его и скорѣе жертвовали своею жизнію, нежели отказывались отъ содержаемаго ими вѣроученія. Между этими святыми поборниками вѣры Христовой въ тогдашнее время занимаетъ славное мѣсто и Св. Меөодій, управлявшій церковію въ предѣлахъ Тира Финикійскаго; ревность его, какъ истиннаго пастыря, безъ сомнѣнія много содѣйствовала достославной твердости Тирской церкви, доколѣ и самъ онъ, по любви къ Господу и для назиданія пасомыхъ, не запечатлѣлъ вѣру свою мученическимъ подвигомъ. Впрочемъ, дѣятельность этого святителя въ санѣ Епископа среди столь тяжкихъ обстоятельствъ Церкви не изложена въ какомъ-либо письменномъ памятникѣ и, конечно, не безъ воли Божіей, осталась неизвѣстною для вѣрующихъ чадъ Церкви и читателей памяти Св. Меөодія, равно какъ до насъ не дошло почти никакихъ извѣстій и о всѣхъ обстоятельствахъ его жизни, предшествовавшихъ епископству, напр. мѣстѣ и годѣ его рожденія, мѣстѣ воспитанія, времени вступленія

¹⁾ Евсев. Ц. Ист. Кн. 8. Гл. 7 и дал. Начерт. Церк. Ист. Иннокентія, Отд. 1. Москва, 1838, стр. 75—78.

въ служеніе Церкви и пр., кромѣ общаго замѣчанія въ Менологіѣ греческаго Императора Василія (X вѣк.), повтореннаго въ синаксарѣ греческой Минеи (20 іюня), что „этотъ блаженный мужъ, съ дѣтства посвятивъ себя Богу, сдѣлался божественнымъ сосудомъ и вмѣстилищемъ божественнаго Духа; посему, получивъ изволеніемъ Божиимъ отъ божественной благодати священство, прекрасно и богоугодно пасъ ввѣренное ему стадо, просвѣщая общество церковное кроткими рѣчами“. Что такая прекрасная и богоугодная жизнь святителя продолжалась до глубокой старости, въ которой и послѣдовала мученическая его кончина, объ этомъ можно заключать изъ словъ св. Епифанія († около 403 г.), который называетъ его: „нашъ прекраснѣйшій старецъ и блаженный мужъ Меөодій“ ¹⁾. Мученическая же кончина его удостовѣрена несомнѣнными свидѣтельствами. Не исчисляя выраженій многихъ древнихъ писателей, которые, упоминая о Св. Меөодіи, прилагаютъ къ нему названіе *мученика*, достаточно указать на блаж. Іеронима, который прежде всѣхъ написалъ о немъ слѣдующее: „онъ увѣнчанъ мученичествомъ въ концѣ послѣдняго (Діоклитіанова) гоненія, или, какъ другіе утверждаютъ, при Декіи и Валеріанѣ“ ²⁾. Но что послѣднее мнѣніе нѣкоторыхъ не можетъ быть принято, т. е. будто св. Меөодій пострадалъ во времена Императоровъ Декія и Валеріана, воздвигнувшихъ гоненіе на Христіанъ въ половинѣ III вѣка (249—260), это доказываютъ какъ его сочиненія противъ Оригена, писанныя уже долго спустя послѣ смерти этого учителя († 253 г.), такъ особенно сочиненіе его противъ языческаго философа Порфирія, который написалъ и обнародовалъ свои сочиненія противъ христіанства не прежде 270 года. Посему остается признать вѣрнымъ сказаніе Іеронима о мученичествѣ Св. Меөодія во время десятаго (Діоклитіанова) гоненія на христіанъ, и именно отнести мученическую смерть его къ самому концу этого гоненія, по смыслу подлинныхъ выраженій Іеронима: „въ концѣ послѣдняго гоненія (ad extremum

¹⁾ Haeres. LXIV, с. 63.

²⁾ De vir. illustr. § 83.

novissimae persecutionis)¹⁾, хотя по недостатку свидѣтельствъ невозможно съ точностію опредѣлить годъ этой смерти, которую посему новѣйшіе ученые и полагаютъ не раньше 310 и не позже 312 года по Р. Христовомъ²⁾. Такимъ образомъ, кровь святителя Мееодія была какъ-бы послѣднею благодатною росой, окропившею древній міръ предъ восходомъ надъ всею вселенною величественнаго солнца — Христіанской вѣры, восторжествовавшей и потомъ сдѣлавшейся господствующею при Императорѣ Константинѣ великомъ (въ 312 г.). Мѣстомъ мученической кончины его не былъ городъ Тиръ, въ которомъ онъ епископствовалъ, что можно принять за достовѣрное какъ по умолчанію объ этомъ въ свидѣтельствахъ о тогдашнихъ мученикахъ³⁾, такъ и потому, что блаж. Іеронимъ полагаетъ мѣстомъ этой кончины *Халкиду Греческую* (in Chalcide Graeciae)⁴⁾. Но такъ какъ здѣсь нѣтъ основаній разумѣть собственно греческій городъ Халкиду, находящійся въ Эгейскомъ морѣ на островѣ Евбеѣ, слишкомъ отдаленный отъ мѣста гоненія Максиминова и мѣста жительства святителя Тирскаго, то всего вѣроятнѣе здѣсь нужно разумѣть Халкиду Сирійскую, по имени которой назывался Халкидикою цѣлый тамошній округъ, простиравшійся отъ р. Оронта до Сирійской пустыни. Эта вѣроятность подтверждается свидѣтельствомъ современника Іеронима и переводчика его сочиненій на греческій языкъ — Софронія, который отличаетъ упомянутый городъ отъ гре-

¹⁾ Вопреки мнѣнію тѣхъ, которые понимаютъ слово ad extremum въ смыслѣ in initio (въ началѣ). См. Филарет. Ист. учен. объ Отц. стр. 168. Въ Четьи-Минеи 20 іюня говорится, что св. Мееодій пострадалъ при Императ. Авреліанѣ (270—275 г.), неизвѣстно, на какомъ основаніи.

²⁾ Селье (Cellier, Н. Eccl. Т. VI, р. 16) и Мёлеръ (Möhler, Patrol. II, 681), полагаютъ ее въ 311 году, Фесслеръ (Inst. Patrol. 1, 318) въ 312 г., а Преосв. Филаретъ въ ук. соч. не раньше 310 г.

³⁾ Кромѣ исторіи Евсевія, о Св. Мееодіѣ не упоминается и въ свидѣтельствѣ о 156 мученикахъ, сожженныхъ также при Діоклитіанѣ въ самомъ городѣ Тирѣ, между которыми поименованы два епископа изъ Египта *Пеллій* и *Нилъ*, священникъ *Зинонъ* и два именитые мужа *Патермувій* и *Илія* (17 сентября).

⁴⁾ Тамъ же. Въ Acta sanctorum (Junii IV, 5) мѣстомъ кончины св. Мееодія полагается также *Греческая Халкида*, и прибавляется, что онъ удалился туда изъ Тира для безопасности; но безъ всякихъ основаній.

ческой халкиды, называя его (вмѣсто *Греческой*) *восточною Халкидою* ¹⁾; а позднѣйшіе ученые, напр. Фабрицій, уже прямо называютъ его Халкидою *Сирійскою* ²⁾; и, особенно, подтверждается тѣмъ соображеніемъ, что Епископу Тира Финикійскаго во времена восточнаго Кесаря Максимиана всего естественнѣе было пострадать въ странѣ сосѣдней съ Финикіею, которая считалась одною изъ областей Сирии въ сосѣдствѣ съ Келесиріею и съ городомъ Халкидою. Что же касается до рода мученической смерти Святителя, то въ упомянутомъ Менологіѣ Императора Василия и греческомъ синаксарѣ объ этомъ говорится такъ: „врагъ (дѣволъ), не перенося дерзновенія и ревности этого великаго мужа, вооружилъ слугителей своихъ къ его умерщвленію; онъ же, еще прежде мученичества облекшійся въ животворное умерщвленіе (плоти), принявъ отсѣченіе головы мечемъ, переселился въ лучшую жизнь; такъ прежде священнодѣйствовавшій Агнца Божія потомъ самъ былъ закланъ и принесенъ въ живую жертву Христу; посему онъ и украшенъ сугубыми вѣнцами, и какъ доблестный защитникъ истины, запечатлѣвъ жизнь мученическою кровію, упокоился на вѣки“.

Писатели всѣхъ вѣковъ, упоминавшіе о Св. Мееодіи, свидѣтельствуя о святости жизни и мученическихъ подвигахъ его, особенно превозносятъ похвалами его глубокую ученость, блестящее краснорѣчіе и искусство писать о высокихъ истинахъ Христіанства. Такъ блаж. Іеронимъ въ одномъ мѣстѣ называетъ его „краснорѣчивѣйшимъ (disertissimus) мужемъ“, а въ другомъ, вышеприведенномъ мѣстѣ ³⁾, исчисляя его творенія, говоритъ: „онъ съ блистательнымъ и яснымъ краснорѣчіемъ написалъ нѣсколько книгъ противъ Порфирія и Пиръ десяти дѣвъ, превосходное сочиненіе о воскресеніи противъ Оригена, противъ него же о Пиеонисѣ и о свободѣ воли, также толкованія на книгу Бытія и Пѣснь Пѣсней, и множество другихъ сочиненій, которыя читаются повсюду“. Св. Епифаній въ своемъ со-

¹⁾ Migne, Patr. Curs. Compl. T. XVIII, p. 10.

²⁾ Bibl. Graec. Vol. VII, p. 261. Edit. 1801.

³⁾ De vir. illustr. c. 83. Comment. in Daniel. c. XIII.

чиненіи о ересяхъ представляетъ его „мужемъ ученымъ и крѣпко подвизавшимся за истину“, писавшимъ и прозою и стихами ¹⁾. Св. Анастасій Синаитъ († 599 г.) называетъ Св. Мееодія „богатымъ мудростію“ ²⁾. Въ греческомъ синаксарѣ говорится: „этотъ по истинѣ божественный священникъ Божій и мученикъ оставилъ намъ творенія, исполненныя всякаго вѣдѣнія и пользы“. И Св. Церковь воспѣваетъ въ честь его: „твоихъ словесъ молнія, и разума труба, и ученій благонароचितое вѣщаніе во всю землю изыде, преподобне, вся зовуще вѣрныя къ причастію, преблаженне, небесныхъ наслажденій“ (Канон. пѣс. 3. тр. 3). Послѣ столь высокихъ и согласныхъ отзывовъ не важно, хотя и довольно странно то, что Евсевій кесарійскій, собиравшій свѣдѣнія о знаменитыхъ мужахъ Церкви и ихъ твореніяхъ и современный Св. Мееодію, въ своей церковной исторіи совершенно не упоминаетъ ни о твореніяхъ, ни о самомъ лицѣ его; можетъ быть, эти творенія еще не были достаточно распространены въ Христіанской Церкви при жизни Евсевія, а что касается лица святителя, то, можетъ быть, историкъ не отличалъ подвиговъ доблестнаго Пастыря отъ подвиговъ руководимыхъ имъ пасомыхъ—такъ тѣсно соединенъ былъ словомъ и дѣломъ добрый пастырь съ своею паствою!—; но отъ чего бы ни происходило такое молчаніе Евсевія ³⁾, оно нисколько не уменьшаетъ величія дарованій Св. Мееодія и достоинства его твореній. „Особенная слава приписывается Св. Мееодію за то, — говоритъ одинъ ученый издатель его твореній, — что ни въ комъ изъ его современниковъ не соединялись обильнѣе тѣ дарованія, которыя могутъ сдѣлать человѣка превосходнѣйшимъ во всѣхъ отношеніяхъ учителемъ священной науки; ибо великому богатству его природной и приобрѣтенной мудрости соотвѣт-

¹⁾ Haeres. LXIV, с. 63.

²⁾ In Hexaemer. L. II. p. 920. Bibl. patr. T. IX.

³⁾ Впрочемъ нѣкоторые изъ ученыхъ (Валезій, Мелеръ и др.) объясняютъ это молчаніе Евсевія о св. Мееодіѣ личными отношеніями перваго къ послѣднему вслѣдствіе различныхъ взглядовъ ихъ на Оригена, котораго ученіе Евсевій ревностно защищалъ, а Мееодій сильно опровергалъ въ своихъ сочиненіяхъ. См. Migne, Patr. T. XVIII, p. II.

ствуешь и плодovitость рѣчи и высокое изящество сочиненія, благодаря которымъ прекрасныя мысли его переходятъ къ позднѣйшему потомству; однимъ словомъ: какъ никто не мыслилъ глубже его, такъ не легко найти, кто бы и писалъ обильнѣе, краснорѣчивѣе и стройнѣе его“ ¹⁾. Эти сочиненія даже въ томъ неполномъ видѣ, въ какомъ многія изъ нихъ дошли до насъ, совершенно оправдываютъ превосходныя похвалы безсмертному ихъ автору. Они дѣйствительно отличаются христіанскою мудростію, твердымъ убѣжденіемъ, діалектическою тонкостію въ разсужденіяхъ и блистательнымъ краснорѣчіемъ. Заключая въ себѣ ученіе третьяго вѣка христіанскаго о тѣхъ предметахъ, которыхъ касался Св. Отецъ, они открываютъ не только его глубокое знаніе священнаго Писанія, но и обширное знакомство съ лучшими писателями языческаго міра; приводимыя имъ мѣста и выраженія изъ древнихъ греческихъ поэтовъ, ораторовъ и философовъ, особенно Гомера и Платона, доказываютъ какъ обширную его начитанность въ свѣтской литературѣ, такъ и мудрое умѣнье, по словамъ Апостола, *все испытывая держаться лучшаго* (1 Сол. V, 21), и представляютъ его тѣмъ книжникомъ, наученнымъ царству небесному, который, по словамъ Господа, *подобно хозяину выноситъ изъ сокровищницы своей новое и старое* (Матѣ. XIII, 52). По содержанію своему творенія Св. Мееодія показываютъ въ немъ и превосходнаго проповѣдника христіанской нравственности, особенно высокой идеи христіанскаго дѣвства, и твердаго защитника догматовъ православной Вѣры противъ еретиковъ и язычниковъ, особенно противъ Валентиніанъ, Оригенистовъ и философа Порфирія, и глубокаго толкователя Св. Писанія. Главнѣйшія изъ нихъ прежде всѣхъ исчислилъ блаженный Іеронимъ, а на другія дѣлаютъ указанія другіе писатели. Они суть слѣдующія:

1. *Пиръ* (Συμπόσιον) *десяти днѣвъ, или о дѣвствѣ*. Это весьма значительное по объему разсужденіе сохранилось до нашего времени во всей цѣлости, и подлинность его не подлежитъ

¹⁾ Possin. Praef. ad Method. Convivium, въ Thesavrus ascet. Paris. 1684.

сомнѣнію; объ немъ, кромѣ блаженнаго Іеронима, упоминають: Св. Григорій Нисскій († около 374 г.) въ сочиненіи объ образѣ и подобіи Божіемъ (*Oper. Edit. Paris, T. II, p. 26*), Св. Андрей Кесарійскій и Ареѳа Архіепископъ Кесарійскій (X вѣка) въ своихъ толкованіяхъ на Апокалипсисъ (*Андр. Кес. in Apocal XI, 33, Ареѳ. in Apocal c. XXXIII. Bibl. Patr. T. IX, p. 769*), согласно называя Св. Мееодія писателемъ этого творенія; извлеченія изъ „Пира дѣвъ“, также съ указаніемъ имени Св. Мееодія, находится у Св. Іоанна Дамаскина († около 780 г.) въ его сочиненіяхъ (*Sacr. Parall. T. 11, p. 643*) и особенно у Патріарха Фотія († 886 г.) въ его библіотекѣ (*Bibl. cod. 234 и дал.*). Оно написано въ видѣ разговора между десятью дѣвами, изъ которыхъ каждая, одна за другою, говоритъ болѣе или менѣе продолжительную рѣчь въ похвалу дѣвственной жизни. Кромѣ нихъ вводятся разговаривающими еще три лица: Арета, въ домѣ которой будто бы происходилъ описанный пиръ, Григора, слышавшая о происходившемъ на этомъ пирѣ отъ одной изъ десяти дѣвъ, и Еввуль, которому Григора и пересказываетъ всѣ ихъ рѣчи. Въ заключеніе одна изъ десяти дѣвъ Ѳекла поетъ прекрасную пѣснь въ честь божественнаго Жениха Христа, на что прочія отвѣчаютъ неоднократнымъ повтореніемъ одного стройнаго припѣва. Здѣсь сообщаются превосходныя мысли о высокомъ достоинствѣ дѣвства, подкрѣпленныя свидѣтельствами Слова Божія и соображеніями просвѣщеннаго разума, и предлагаются побужденія и средства къ его сохраненію; изящное изложеніе, въ которомъ воображеніе и краснорѣчіе обильно пользуются всѣми красотами Греческой словесности, служить достойнымъ выраженіемъ прекрасныхъ мыслей писателя; общее же впечатлѣніе, производимое этимъ твореніемъ на читателя, сопровождается тѣмъ возвышеннымъ и душеспасительнымъ назиданіемъ, которое Св. Церковь въ пѣснопѣніяхъ своихъ памяти святаго автора его выражаетъ слѣдующими словами: „дѣвство честное и чистоты доброту искусомъ, славне, навѣкъ, премудростію твоею и словесъ благодатію, всѣхъ (всю) сихъ доброту показуеши,

богомудре, и вѣчнующую свѣтлость... Крѣпчайшею пищею духовныхъ напоеній (συνποσίωυ) насыщешся, премудре, твоихъ, истинною пищею оною наслаждаются (люди), пребывающею, приснотекущею немимоходно и растущею (возрастающе у) причастникомъ“ (Канон. пѣсн. 3 троп. 2 и 4).

2. Слово о *Симеонѣ и Аннѣ*, въ день Срѣтенія Господня, также дошедшее до насъ въ цѣлости. Подлинное происхожденіе этого слова отъ Св. Мееодія, подвергавшееся сомнѣнію ¹⁾, доказывается тѣмъ, что въ самомъ его началѣ писатель указываетъ на свое сочиненіе подъ заглавіемъ „Пирь“, гдѣ онъ разсуждалъ о *дѣвствѣ* (§ 1); притомъ является противникомъ тѣхъ неправомыслящихъ, которые допускали возможность будущаго спасенія демоновъ (§ 13), т. е. Оригенистовъ, противъ которыхъ Св. Мееодій, какъ извѣстно, писалъ обширныя сочиненія; затѣмъ дѣлаетъ намекъ на жестокія страданія христіанъ, соотвѣтствующій временамъ Діоклитіанова гоненія, взывая къ своей паствѣ: „не бойся малое стадо треволненій врага; ибо Отецъ благоволилъ дать тебѣ царство и (силу) попать выю враговъ твоихъ“ (§ 13); наконецъ нѣкоторые особенные обороты рѣчи показываютъ сходство этого слова съ несомнѣнно подлинными произведеніями Св. Мееодія, въ особенности съ упомянутымъ его твореніемъ „Пирь дѣвъ“. По содержанію своему оно есть не что иное, какъ торжественный гимнъ хвалы и благодарности Богу Отцу, Спасителю нашему Іисусу Христу и Пресвятой Его Матери; а главная цѣль проповѣдника—возбудить подобныя чувствованія и во всѣхъ своихъ слушателяхъ при воспоминаніи о радостномъ событіи Срѣтенія божественнаго младенца въ храмѣ Іерусалимскомъ.

3. Слово въ *недѣлю Вай* — третье произведеніе Св. Мееодія, дошедшее до насъ въ цѣлости. Подлинность этого слова подвергалась сомнѣнію, но безъ достаточныхъ основаній ²⁾. Достоинство его такъ очевидно, что первоначально

¹⁾ Филар. ук. соч. Т. I, стр. 176 и Приб. къ Твор. Св. Отц. Ч. XVI. 1857, стр. 197.

²⁾ Объ этомъ см. Филар. тамъ же стр. 176 и Приб. къ Твор. Св. Отц. тамъ же, стр. 200.

оно было признано и издано (ученымъ Савиліемъ) подъ именемъ Св. Іоанна Златоустаго на основаніи одной древней рукописи; но потомъ другой ученый (Комбефизъ) на основаніи болѣе вѣрной рукописи Парижской Королевской библіотеки не усумнился приписать его Св. Мееодію и издалъ его въ общемъ собраніи твореній сего послѣдняго. И дѣйствительно слогъ этого произведенія краснорѣчиваго проповѣдника представляется болѣе свойственнымъ Св. Мееодію, нежели Св. Златоусту. Содержаніемъ же его служить прославленіе Христа Спасителя по случаю воспоминанія торжественнаго Входа Его въ Іерусалимъ и возбужденіе въ христіанахъ чувствованій радости, благодаренія и словесія Господу.

4. О *свободѣ воли* — твореніе, направленное противъ Валентиніанъ, которые наслѣдовали заблужденія отъ еретика II-го вѣка Валентина и къ концу III вѣка продолжали распространять ихъ на востокъ. Они, между прочимъ, утверждали, что матерія или вещество есть совѣчное Богу начало міра и что зло происходитъ отъ этой матеріи. Св. Мееодій и опровергаетъ эти заблужденія въ своемъ сочиненіи, котораго подлинность, кромѣ бл. Іеронима, засвидѣтельствовали Св. Іоаннъ Дамаскинъ, Патріархъ Фотій и другіе церковные писатели, оставивъ намъ изъ него нѣсколько извлеченій (Дамаск. у Combef. р. 373 и д. Фот. Bibliot. cod. 236. Леонт. Bys. Rerum. Sacr. Lib. II. Tit. 3). Оно написано въ видѣ разговора между Православнымъ и двумя послѣдователями Валентина и по содержанію своему раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ въ первой опровергаются упомянутыя мнѣнія Валентиніанъ, а во второй доказывается происхожденіе зла отъ свободной воли чело- вѣка и рѣшаются нѣкоторые соприкосновенные вопросы ¹⁾).

5. О *воскресеніи*, — весьма важное и обширное твореніе, направленное противъ Оригена, знаменитаго учителя и пи-

¹⁾ На греческомъ языкѣ извѣстна только первая часть этого сочиненія и притомъ въ небольшихъ отрывочныхъ извлеченіяхъ; послѣдняя же часть сохранилась только въ славянскомъ переводѣ, который дополняетъ и то, что есть на греческомъ языкѣ, и носитъ заглавіе: „о Бозѣ и о вѣщи по самовластиѣ“. См. Филар. ук. соч. стр. 169 и Приб. къ Твор. Св. Отц. Тамъ же стр. 177 и д.

сателя III вѣка, но допускавшаго въ своихъ сочиненіяхъ немало погрѣшительныхъ мнѣній. Понявъ опасность отъ этихъ мнѣній, угрожавшую чистотѣ Вѣры и неизмѣнности церковнаго преданія, Св. Меодій кромѣ собственной святой ревности имѣлъ еще ближайшее побужденіе къ борьбѣ съ Оригенистами, какъ епископъ Тира, гдѣ Оригенъ провелъ послѣдніе годы своей жизни и имѣлъ многихъ послѣдователей. Такъ какъ Оригенисты, между прочимъ, отвергали будущее воскресеніе человѣческихъ тѣлъ, то Св. Отецъ въ своемъ твореніи, опровергая ихъ возраженія, защищаетъ православное ученіе о воскресеніи мертвыхъ. Это твореніе назначено было для нѣкоего Теофила и написано въ видѣ разговора, гдѣ разговаривающими лицами, кромѣ самого Меодія, вводятся Авксентій, Прокль и Аглафонъ, изъ которыхъ два послѣдніе представляются какъ бы послѣдователями Оригена. Происхожденіе его отъ Св. Меодія несомнѣнно; на него указываетъ бл. Іеронимъ, какъ на превосходное сочиненіе Св. Меодія (см. выше); Св. Максимъ исповѣдникъ совѣтуетъ прочесть это сочиненіе для того, чтобы узнать, какъ баснословны и странныя понятія Оригенистовъ, приписывая его прямо святому мученику и епископу Олимпа Ликійскаго Меодию (въ Толков. на Церк. Іерарх. Діонисія Ареопаг. с. 5); изъ него сдѣлали сохранившіяся до насъ извлеченія Св. Епифаній (Haeres. LXIV), также Св. Іоаннъ Дамаскинъ (Orat. III, de imagin.), Патріархъ Фотій (Bibl. cod. 234) и другіе (Леонтій I. с.). Въ своей цѣлости оно служило великимъ пособіемъ и для другихъ пастырей въ борьбѣ съ Оригенистами въ послѣдующія времена¹⁾, и благотворные плоды его засвидѣтельствовала Св. Церковь, прославляя память Св. Меодія слѣ-

¹⁾ На греческомъ языкѣ это сочиненіе извѣстно также въ отрывочныхъ извлеченіяхъ; въ древнемъ же славянскомъ переводѣ представляется въ полнѣйшемъ видѣ и раздѣляется на три слова о воскресеніи, которыя начинаются такъ: 1-е Слово: „Доидохъ прежде днѣй сихъ въ Патары съ Мидійскимъ Прокломъ видѣти хотя Теофила“. 2-е Слово: „Видѣхомъ же убо, яже первѣе во Апостолѣ начахомъ глаголати“. 3-е Слово: „Зѣло убо якоже ся и самъ препираю“. Филар. ук. соч. стр. 169. Приб. къ Твор. Св. О. также стр. 166.

дующими словами: „распаляющуюся видѣвъ Оригенову прелесть, яко сый изряденъ пастырь, божественнымъ огнемъ скоро попалилъ еси всю онаго мглу, блистающую лучу вжегъ премудрости своея“ (Канон. Пѣсн. 3. тр. 1 ср. синаксарь 20 іюня).

6. Твореніе Св. Мееодія о *сотворенномъ* также направлено противъ Оригенистовъ, которые между прочимъ утверждали, будто міръ не имѣетъ начала и совѣченъ Богу, противъ чего Св. Отецъ и ведетъ свое разсужденіе, чтобы доказать православное ученіе о Богѣ, какъ единомъ Творцѣ и виновникѣ всего. Патріархъ Фотій оставилъ нѣсколько извлеченій изъ этого сочиненія и несомнѣнно относитъ ихъ къ подлиннымъ твореніямъ Св. Мееодія (Bibl. cod. 235). Изъ свидѣтельствъ другихъ древнихъ писателей не видно, чтобы Св. Мееодій писалъ отдѣльное сочиненіе подъ такимъ заглавіемъ; посему нѣкоторые думаютъ ¹⁾, что отрывки, сохраненные Фотіемъ, извлечены имъ изъ другаго творенія Св. Мееодія, именно изъ его толкованія на книгу Бытія, о которомъ упоминаетъ бл. Іеронимъ (см. выше). Но достоинство этого творенія не уменьшается отъ того, было ли оно только частію толкованія на книгу Бытія или отдѣльнымъ сочиненіемъ Святителя.

7. Изъ твореній Св. Мееодія, дошедшихъ до насъ только въ краткихъ отрывкахъ, замѣчательны: а) сочиненіе *противъ Порфирія*, который былъ современникомъ Св. Мееодія, славился между язычниками своею ученостію и написалъ 15 книгъ противъ Христіанства. Св. Мееодій первый возвысилъ свой голосъ въ защиту истины противъ коварнаго суетнаго мудрѣя языческаго философа, и этотъ голосъ въ особенности благопотребенъ былъ для церкви Тира, гдѣ, какъ въ мѣстѣ родины Порфирія, могли быть многіе, слѣпо довѣрявшіе клеветамъ его на Христіанство. Впрочемъ, это твореніе Св. Отца, которое по словамъ бл. Іеронима состояло изъ нѣсколькихъ книгъ и заключало въ себѣ до 10 тысячъ стиховъ (Epist. 83 ad. Magnum), утрачено временемъ. Не-

¹⁾ Cavé Hist. litter. 1741. Т. 1. p. 152.

большіе отрывки, сохранившіеся въ извлеченіяхъ у Св. Іоанна Дамаскина (Parall. Op. Т. II. 778. 784 и 785), не даютъ намъ яснаго понятія ни объ общемъ содержаніи сочиненія, ни о частныхъ опроверженіяхъ возраженій языческаго философа; б) Слово о мученикахъ, изъ котораго сохранился одинъ отрывокъ у блаж. Ѳеодорита Епископа Кирскаго (V вѣка, Dial. I. De immutab. Oper. Т. IV. р. 37 Ed. Sirmondi); но и изъ этого краткаго отрывка можно заключить, что Св. Отецъ ревностно утверждалъ вѣрующихъ среди гоненій, представляя подвигъ мученичества достойнымъ удивленія и желанія, такъ какъ Самъ Сынъ Божій оставилъ намъ примѣръ мученическаго терпѣнія. Такія увѣщанія вполне соотвѣтствуютъ и времени жизни Св. Меөодія, когда Церковь Христова страдала отъ жестокихъ гоненій со стороны язычниковъ, и святой ревности пастырскаго служенія Святителя.

Всѣ исчисленныя творенія были неоднократно издаваемы въ свѣтъ иностранными учеными. Первый сдѣлалъ собраніе твореній Св. Меөодія Ф. Комбесфизъ (Combesfisius) въ Oper. S. Methodii, Amphilochoii et Andreae Cret. Paris. 1644, и съ новыми дополненіями въ Auctario noviss. Т. I. Paris. 1672. Затѣмъ, Левъ Аллатій (Allatius) издалъ въ исправнѣйшемъ видѣ „Пиръ десяти дѣвъ“ при своемъ сочиненіи: Diatriba de Methodiorum scriptis, Romae, 1656, изъ котораго заимствовалъ это твореніе для новаго изданія П. Поссини (Possini) въ своемъ Thesaurus Asceticus, Paris, 1684. Потомъ полнѣйшее изданіе всѣхъ твореній сдѣлалъ Анд. Галландъ (Galland) въ Bibliotheca Veterum Patrum, Venet. 1755, и съ дополненіями Venet. 1781, Т. III, обогативъ текстъ примѣчаніями собственными и своихъ предшественниковъ. Съ него сдѣлано въ настоящемъ столѣтіи новое изданіе въ Patrologiae Cursus completus, Т. XVIII. Edit. Migne, Paris, 1857 г. Самое же лучшее и послѣднее изданіе принадлежит А. Яну (Jahnus) подъ заглавіемъ: J. Methodii opera, Halis Saxonum, 1865 г.—Кромѣ изданныхъ извѣстны еще нѣсколько твореній Св. Меөодія по однимъ заглавіямъ. Таковы: 1, Толкованіе на книгу Бытія, 2, толкованіе на Пѣснь Пѣсней, и 3, о Пивонисѣ,

т. е. волшебницѣ, вызывавшей душу Самуила для царя Саула (1 Цар. гл. XXVIII), о которыхъ упоминаетъ бл. Іеронимъ изъ числа множества извѣстныхъ ему сочиненій Святителя, которыя читались повсюду ¹⁾; далѣе 4, толкованіе на *Псалмы*, 5, толкованіе на *Евангелія*, 6, толкованіе на *Апокалипсисъ*, извѣстныя по древнимъ рукописямъ западныхъ библіотекъ ²⁾; и 7, разговоръ подъ заглавіемъ *Ксеносъ*, касавшійся Оригеновыхъ мнѣній, о которомъ упоминаетъ церковный историкъ Сократъ ³⁾. Приписанныя же ему нѣкоторыми издателями *Откровенія о послѣднихъ временахъ* и *Хроника*, по общему убѣжденію ученыхъ и по внутреннимъ признакамъ, не могутъ принадлежать Меөодию III вѣка ⁴⁾. Утраченныя творенія Святителя вознаграждаются драгоценными сборниками его сочиненій въ древнемъ славянскомъ переводѣ, хранящимися въ русскихъ библіотекахъ ⁵⁾, именно въ Московской Патріаршей (нынѣ Синодальной) подъ № 496, полууст. XV — XVI вѣк., при Московской духовной Академіи подъ № 40 и 41, у графа Толстаго — 2 № 56, въ Волоколамскомъ сборникѣ игумена Евфимія. Въ нихъ заключаются, кромѣ вышеупомянутыхъ 1, Сочиненія о *свободѣ воли*, и 2, *Трехъ словъ о воскресеніи*, еще сочиненія: 3, о *житіи и дѣяніи разумнѣ*, которое впрочемъ считается частію сочиненія о *свободѣ воли*; 4, *О разлученіи яди* (т. е. о различеніи родовъ пищи) и о *юницы мѣнимѣй* (т. е. упоминаемой) въ *Левитицѣ*, ея же *пепеломъ ирѣшніи кропляхуся* (Числ. гл. XIX); 5, о *прокаженіи* (Левит. гл. 1) и 6, *О пѣявицы, сущіи въ Прит-*

¹⁾ De vir. illust. с. 83.

²⁾ Прибав. къ твор. Св. Отц. Тамъ же стр. 204.

³⁾ Hist. Eccl. VI, 13.

⁴⁾ Möhler, ук. сочин.

⁵⁾ Филар. ук. сочин. стр. 169. Приб. къ Твор. Св. Отц. Тамъ же стр. 195 и 204—209. На русскомъ языкѣ было напечатано одно слово Св. Меөодія въ *недѣлю Ваіи* (въ Христ. Чтен. 1837 г. ч. 2) въ устарѣломъ переводѣ. Встрѣчающееся въ древнихъ славянскихъ рукописяхъ (Московской Синодальной подъ № 38 и др.) подъ именемъ Св. Меөодія Патарскаго *Слово о Царствіи языкъ послѣднихъ временъ* напрасно носить имя этого Святителя и есть не что иное, какъ переводъ изъ лѣтописи греческаго писателя Константина Манассіи (XII в.). Оно издано въ Памятник. Отречен. Рус. Литературы И. Тихо-нравовымъ, Т. II. Моск. 1863. стр. 212 и дал. См. изслѣд. Черткова о Манас. лѣтоп. въ Русск. Истор. Сборникѣ, Том. 6. 1843 г.

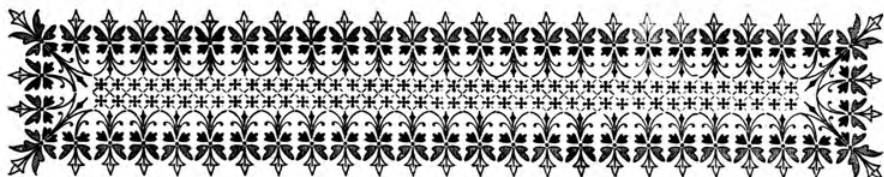
чахъ (Притч. XXX, 15) и о *небеса повѣдаютъ славу Божию* (Псал. XVIII, 2). Сходство мыслей и образа рѣчи въ этихъ сочиненіяхъ съ извѣстными греческими твореніями Св. Мееодія доказываютъ подлинность принадлежности ихъ этому Святителю. Желательно, чтобы всѣ эти славянскіе переводы были пересмотрѣны и изданы, какъ рѣдкія сокровища, частью дополняющія текстъ изданныхъ греческихъ твореній Св. Мееодія, частью неизвѣстныя ни на какомъ другомъ языкѣ.

Таковы немногочисленные, но достовѣрнѣйшія свѣдѣнія о жизни и твореніяхъ Св. Священномученика Мееодія, дошедшія до насъ изъ восточныхъ и западныхъ областей Христіанской Церкви, въ которыхъ имя его всегда было извѣстно и одинаково прославляется при богослуженіи. Православная Церковь не престааетъ воспѣвать въ честь его такими словами:

Тропарь: Кровь твоя, мудре, тайно вопіетъ отъ земли, якоже Авелева къ Богу, богомудре Святителю Мееодіе, ясно проповѣдавый Божіе вочеловѣченіе, тѣмъ же и посрамилъ еси Оригенову лесь, и претавился еси въ небесный чертогъ: моли Христа Бога, да спасетъ души наша.

Кондакъ. Священнотаинникъ Святѣя Троицы, и яже паче ума повелѣній божественныхъ проповѣдникъ, и православнымъ утвержденіе былъ еси, Мееодіе, злославныя обличилъ еси смыслы правовѣрія ради, кровію твоею священномученикъ явлься, и Христу со Ангелы предстоя, моли спастися намъ.

Е. Л.

I.

П И Р Ъ Д Е С Я Т И Д Ъ В Ъ

или

О Д Ъ В С Т В Ъ.

Лица, разговаривающія: *Еввулъ* и *Григора* ¹⁾.

ЛИЦА ВВОДНЫЯ:

<i>Арета,</i>	<i>Θεοπατρα,</i>	<i>Θεκλα,</i>
<i>Маркелла,</i>	<i>Θαλλуса,</i>	<i>Τισιана,</i>
<i>Θεοφιλα,</i>	<i>Αγαθα,</i>	<i>Δомнина.</i>
<i>Θαλiя,</i>	<i>Προкилла,</i>	

В В Е Д Е Н I Е.

Цѣль сочиненiя. — Путь къ раю. — Изображенiе и олицетворенiе добродѣтели. — Агносъ — символъ дѣвства. — Маркелла — старшая и первая между дѣвами Христовыми.

Еввулъ. Очень благовременно пришла ты, Григора; я недавно искалъ тебя, желая узнать, какiя были рѣчи о дѣвствѣ въ обществѣ Маркеллы и прочихъ дѣвъ, собравшихся тогда на пиршество. Онѣ, говорятъ, такъ великолѣпно и сильно разсуждали между собою, что не опустили ничего, необходимо относящагося къ этому предмету. И такъ, если ты пришла для чего-нибудь другаго, то отложи это до дру-

¹⁾ Въ греческомъ подлинникѣ *Εὐβούλιον* и *Γρηγόριον* уменьшительныя имена, первое—мужеское, а второе—женское. Подъ первымъ нѣкоторые (Левъ Алляцій) разумѣютъ самого св. Меодiя, который имѣлъ прозванiе *Εὐβούλιος*,

гаго времени, а теперь не полѣнись рассказать по порядку всё, о чемъ мы просимъ тебя.

Григора. Кажется, я обманулась въ своей надеждѣ, такъ какъ кто-то другой уже напередъ рассказалъ о томъ, о чемъ ты спрашиваешь. Я думала, что ты еще ничего не слыхалъ о происходившемъ, и очень восхищалась и утѣшалась тѣмъ, что первая расскажу тебѣ. Потому я и поспѣшила скорѣе придти сюда къ вамъ, опасаясь этого самаго, чтобы кто нибудь другой не предупредилъ меня.

Еввулѣ. Успокойся, блаженная; мы ничего обстоятельно не узнали о происходившемъ. Говорившій не могъ объяснить ничего болѣе, кромѣ того, что происходили разговоры, а какіе и какъ, онъ не могъ отвѣчать на вопросы.

Григора. И такъ, если за этимъ я пришла сюда, хотите ли вы слышать обо всемъ сказанномъ съ самаго начала, или мнѣ иное опустить, а припомнить только то, что найду достойнымъ воспоминанія.

Еввулѣ. Нѣтъ, Григора, расскажи намъ съ самаго начала, и о собраніи, гдѣ оно происходило, и о яствахъ приготовленныхъ, и о себѣ самой, какъ ты возливала вино, а онѣ

„ . . . кубки приѣмля златые, чествовали другъ друга, на великое небо взирая“ ¹⁾.

Григора. Ты всегда искусенъ въ бесѣдахъ и очень любознателенъ, такъ что просто всѣхъ превосходишь.

Еввулѣ. Не время теперь, Григора, спорить съ тобою объ этомъ; о чемъ просимъ тебя, о томъ расскажи намъ, какъ происходило съ самаго начала, и не иначе.

Григора. Постараюсь. Но напередъ ты самъ отвѣть мнѣ: знаешь ли ты дочь Философіи — Арету? ²⁾.

Еввулѣ. Что-же?

какъ свидѣтельствуешь св. Епифаній (Наг. LXIV, с. 63), хотя въ концѣ этого самаго сочиненія Меводій (впрочемъ неизвѣстно, какой именно) представляется лицомъ отдѣльнымъ отъ Ευβοδίου; а что это дѣйствительно собственное имя мужчины, такъ думаютъ многіе толкователи текста, не смотря на нѣкоторыя мѣста сочиненія, повидимому указывающія въ немъ женщину, какъ и въ имени Γρηγορίου. См. Method. Oper. Edit Jahnii. 1865.

¹⁾ Илиад. IV, 3, 4.

²⁾ Арета отъ ἀρετή — добродѣтель, которой свойства и описываются далѣе.

Григора. Въ ея садѣ, находящійся на востокѣ, мы были приглашены срывать созрѣвшіе плоды, и отправились, именно: я (мнѣ рассказывала Θεопатра, отъ ней я слышала), Прокилла и Тисіана, какимъ, Григора, утесистымъ, труднымъ и крутымъ путемъ мы проходили!—Когда же мы приближались къ тому мѣсту,—продолжала Θεопатра,—то насъ встрѣтила какая-то величественная и благообразная, молча и благопристойно выступавшая женщина, одѣтая въ весьма свѣтлую, какъ бы изъ снѣга, одежду; вся она была по истинѣ нѣкоторою божественною и дивною красотою; стыдливость съ великою важною выражалась на лицѣ ея. Такой взглядъ страшный, соединенный съ пріятною кротостію,—говорила она,—не знаю видала ли я когда-нибудь. Она была совершенно безъ прикрасъ и не имѣла ничего неестественнаго. Подошедши съ великою радостію, она каждую изъ насъ, какъ мать, увидѣвшая послѣ долгаго отсутствія, обняла и поцѣловала, и говорила: дщери мои, ко мнѣ, сильно желающей ввести васъ въ садъ нетлѣнія, съ трудомъ пришли вы, испытавъ на пути различныя опасности отъ змѣй; я, наблюдая, видѣла, какъ часто вы уклонялись, и боялась, чтобы вы, какъ-нибудь сбившись съ дороги, не погибли въ утесахъ; но благодареніе Жениху, которому я обручила васъ, дѣти мои (2 Кор. XI, 2), который помогъ устроиться всему по желаніямъ (нашимъ)! Между тѣмъ какъ она говорила это, мы,—говорила Θεопатра,—достигли ограды, такъ какъ двери еще были открыты (Матѣ. XXV, 10), и нашли уже пришедшихъ Θεклу, Агаѳу и Маркеллу, намѣревавшихся приступить къ ужину. Тогда,—говорила она,—Арета сказала: войдите и вы возлечь здѣсь на ряду съ этими вашими подругами. Всѣхъ же насъ пировавшихъ тамъ, я думаю,—говорила она мнѣ, было числомъ десять ¹⁾. Самая мѣстность была чрезвычайно красивая и исполненная великой пріятности. Благоухающій воздухъ, озаренный чистыми лучами свѣта, легко колебался; по срединѣ ключъ тихо, по-

¹⁾ Лицъ, участвовавшихъ въ пирѣ и разговорѣ, было собственно одиннадцать; но здѣсь говорится о приглашенныхъ на пиръ дѣвахъ безъ Ареты, въ домъ которой онѣ были приглашены.

добно елею, источалъ пріятнѣйшее питье; вытекающая изъ него прозрачная и чистая вода составляла источники, а эти, разливаясь рѣкою, напаяли всю мѣстность, доставляя обильную влагу. Были тамъ различныя деревья, изобилующія свѣжими осенними плодами, которые, вися, представляли одну прекрасную картину; также всегда цвѣтушіе луга, усѣянные благоухающими и разнообразными цвѣтами, отъ которыхъ вѣтеръ нѣжно разносилъ пріятнѣйшій запахъ. А вблизи находился агнось ¹⁾, высокое дерево, подъ которымъ мы расположились, такъ какъ оно было весьма широко и тѣнисто.

Еввуль. Ты, блаженная, изображаешь второе райское жилище.

Григора. Ты говоришь правду. И такъ, когда мы насладились всякими яствами и различными сладостями, такъ что не оставалось никакихъ пріятностей, тогда — говорила она — вошла Арета и предложила слѣдующее: отроковицы, краса моего радушія, прекрасныя дѣвы, воздѣлывающія непорочными руками нетлѣнные сады Христовы; уже довольно было яствъ и угощенія; всего у насъ достаточно и съ избыткомъ. Чего же еще хотѣлось бы мнѣ, и чего я ожидаю? Того, чтобы каждая изъ васъ сказала похвальную рѣчь дѣвству. Пусть начнетъ Маркелла, такъ какъ она сидитъ первою и притомъ старше другихъ. Когда же она прекрасно исполнитъ это дѣло, то я почту за стыдъ для себя, если не сдѣлаю ее примѣромъ подражанія, увѣнчавъ чистымъ вѣнкомъ мудрости. Такимъ образомъ, помнится мнѣ, — говорила она, — Маркелла тотчасъ и начала говорить слѣдующее.

¹⁾ Ἀγνός, vitex, или Комаріша, агнецъ непорочный или цѣломудренникъ, растеніе, которое по самому названію своему соотвѣтствуетъ заглавію настоящаго сочиненія: περί ἀγνείας. Это душистое растеніе изъ рода кустарниковъ описываютъ Платонъ въ Федрѣ, 230. В. Плиній Hist. Nat. XXIV. 19. Оно упоминается и въ Св. Писаніи. Левит. XXIII. 40.

Р Ъ Ч Ъ І.

МАРКЕЛЛА.

ГЛАВА І.

Трудность и превосходство дѣвства. — Упражненіе въ ученіи необходимо для дѣвъ.

Дѣвство есть нѣчто чрезвычайно великое, дивное и славное и, если можно сказать откровенно, слѣдую священнымъ Писаніямъ, оно — питомникъ нетлѣнія, цвѣтъ и начатокъ его. Оно только одно есть превосходнѣйшій и прекраснѣйшій подвигъ. Посему и Господь обѣщаетъ входъ въ царство небесное тѣмъ, которые сами себя сдѣлали дѣвственниками, когда въ Евангеліи говоритъ о различіи скопчества (Матѣ. XIX, 12); потому что очень рѣдко и трудно для людей дѣвство; и чѣмъ оно выше и величественнѣе, тѣмъ большимъ подвергается опасностямъ. Нужны крѣпкія и мужественныя природныя силы, которыя стремительно воспаривъ надъ потокомъ сладострастія, направляютъ колесницу души въ высоту и не уклоняются отъ этой цѣли до тѣхъ поръ, пока легко перенесшись чрезъ міръ быстрѣйшимъ полетомъ мысли и ставши по истинѣ у небеснаго свода, не узрятъ прямо самаго нетлѣнія, исходящаго изъ чистыхъ нѣдръ Вседержителя. Земля не въ состояніи производить этотъ нектаръ; одно небо можетъ источать его. Ибо дѣвство, хотя ходитъ по землѣ, но, нужно думать, касается небесъ. Нѣкоторые, стремившіеся къ нему и взиравшіе только на конецъ его, приступивъ съ неомытыми ногами и несовершенными въ трудахъ, возвратились съ половины пути, не получивъ надлежащаго направленія мыслей отъ этого подвига; потому что не только нужно сохранять тѣла чистыми, подобно какъ храмамъ не слѣдуетъ оказываться лучше святыхъ ихъ; но нужно, чтобы души, — эти святыни тѣлъ, были соблюдаемы, украшаясь правдою. А соблюдаются и очищаются онѣ болѣе тогда, когда, не лѣнностью соревнуя слушать божественныя изреченія, не

престаютъ дотолѣ, пока не достигнуть того, что есть „истинное“, приходя къ дверямъ мудрыхъ (Сирах. VI, 36). Какъ солью истребляется гной и гнилость и все вредное въ мясѣ, такъ и въ дѣвѣ всѣ неразумныя плотскія пожеланія обуздываются ученіемъ. Душа не орошаемая, какъ бы солью, глаголами Христовыми, по необходимости, портится и производитъ червей, подобно какъ царь Давидъ, раскаяваясь со слезами, взывалъ въ горахъ: *смердятъ и тноятся раны мои* (Псал. XXXVII, 6); потому что онъ не обуздалъ самого себя, какъ бы солью, цѣломудріемъ, но по нерадѣнію увлекся похотью и засмердѣлъ прелюбодѣяніемъ. Посему въ книгѣ Левитъ (II, 13) запрещается приносить въ жертву Господу Богу всякій даръ, если онъ не осолится солью. А для насъ ѣдкою солью, очищающею на пользу, служить всякое духовное упражненіе въ Писаніяхъ, безъ котораго душа не можетъ разумно принести себя въ жертву Вседержителю; *ибо вы соль земли* (Мате. V, 13), сказалъ Господь Апостоламъ. Итакъ дѣвѣ всегда нужно стремиться къ доброму и отличаться между первенствующими въ мудрости и не имѣть никакого нерадѣнія и легкомыслія, но подвизаться и помышлять о приличномъ дѣвству, постоянно очищая разумомъ гной сладострастія, чтобы какая-нибудь малая скрывающаяся гнилость не произвела червя невоздержанія. *Ибо незамужняя заботится о Господнемъ, какъ угождаетъ Господу, чтобы быть святою и тѣломъ и духомъ* (1 Кор. VII, 34), говоритъ блаженный Павелъ. Между тѣмъ многія, считая слушаніе (Св. Писанія) дѣломъ маловажнымъ, думаютъ, что онѣ оказываютъ большую заслугу, если на короткое время обращаютъ къ нему слухъ свой, который нужно было бы заградить; потому что душѣ легкомысленной, низкой и воображающей себя мудрою, не слѣдуетъ сообщать божественнаго ученія. И не смѣшными ли можно назвать тѣхъ, которыя въ вещахъ маловажныхъ употребляютъ всѣ усилія, чтобы наилучшимъ образомъ достигнуть желаемого; а къ предметамъ необходимымъ, чрезъ которые у нихъ особенно усиливается любовь къ цѣломудрію, не прилагаютъ величайшаго усердія?

ГЛАВА II.

Дѣвство — небесное растеніе, поздно узнанное. — Какъ устроено возвышеніе человѣка къ совершенству.

Растеніе дѣвства ниспослано людямъ съ небесъ по истинѣ къ великому преуспѣянію; и потому оно не было открыто первымъ поколѣніямъ. Тогда родъ человѣческій былъ еще немногочисленъ и ему нужно было размножаться и усовершенствоваться. Посему небыло непристойнымъ, что древніе вступали въ супружество съ своими сестрами, до тѣхъ поръ, пока пришедшій законъ опредѣлилъ и, запретивъ казавшееся прежде хорошимъ, объявилъ это грѣхомъ, называя проклятымъ открывающаго наготу сестры своей (Лев. XVIII, 9; XX, 17); Богъ попечительно оказывалъ помощь роду нашему соотвѣтственную времени, какъ родители поступаютъ съ дѣтьми. Они не тотчасъ съ самаго младенчества приставляютъ къ нимъ учителей, но позволяя имъ въ дѣтскомъ возрастѣ забавляться играми, подобно юницамъ, сначала посылаютъ ихъ къ учителямъ лепечущимъ вмѣстѣ съ ними; когда же они сбросятъ юношескій пухъ ума, то посылаютъ ихъ заниматься высшими науками, а затѣмъ еще болѣе высшими. Такъ, нужно думать, Богъ и Отецъ всѣхъ обращался и съ нашими предками; пока міръ еще не былъ наполненъ людьми, то человѣкъ былъ какъ бы младенецъ и ему нужно было прежде размножаться, и такимъ образомъ возрастать въ мужа. А когда онъ былъ населенъ отъ концевъ до концевъ своихъ, и человѣчество безпредѣльно распространилось, то Богъ не допустилъ людямъ оставаться при прежнихъ нравахъ, имѣя въ виду, чтобы они, переходя отъ одного къ другому, постепенно болѣе и болѣе приближались къ небесамъ, пока не сдѣлаются совершенными, достигнувъ величайшаго и высочайшаго ученія — дѣвства; именно, чтобы они сначала перешли отъ смѣшенія съ сестрами къ вступленію въ бракъ съ посторонними женщинами, потомъ чтобы не совокуплялись съ многими подобно четвероногимъ животнымъ, какъ бы родившіеся для совокупленія, затѣмъ чтобы они не были прелюбодѣями; а потомъ

далѣе (перешли бы) къ цѣломудрію, и отъ цѣломудрія къ дѣвству, въ которомъ, научившись возвышаться надъ плотію, безбоязненно вступили бы въ безмятежную пристань нетлѣнія.

ГЛАВА III.

Браки съ сестрами прекращены обрѣзаніемъ Авраама. Со временъ пророческихъ отвергнуто многоженство. Самая супружеская чистота ограничена.

Чтобы кто-нибудь не сталъ обвинять эту рѣчь въ недостаткѣ свидѣтельствъ изъ Писаній, то мы предложимъ и свидѣтельства пророковъ, и тѣмъ еще болѣе докажемъ истинность вышесказаннаго. Такъ Авраамъ первый, получивъ завѣтъ обрѣзанія, обрѣзывая часть собственной своей плоти, кажется, указывалъ не на что иное, какъ на то, чтобы болѣе не раждать дѣтей отъ потомковъ одного сѣмени, научая каждого отсѣкать удовольствіе совокупленія съ собственною сестрою, какъ бы съ своею плотію. Такъ сближеніе и сожитіе съ своими сестрами прекращено со временъ Авраама; сожитіе же съ многими женами уничтожено со временъ пророческихъ. *Не ходи вслѣдъ похотей твоихъ, и воздерживайся отъ пожеланій твоихъ*, говоритъ Премудрый (Сир. XIX, 2). *Ибо вино и женщины развратятъ разумныхъ* (Сир. XIX, 2). И въ другомъ мѣстѣ: *источникъ воды твоей да дудетъ у тебя твой, и утѣшайся женою юности твоей* (Притч. V, 15—18). Т. е. онъ отвергаетъ многоженство. Іеремія же прямо называетъ похотливыми конями тѣхъ, которые вступаютъ въ связь съ различными женщинами (V, 8) *Ибо плодородное множество нечестивыхъ не принесетъ пользы, и прелободѣйныя отрасли не дадутъ корней въ глубину*, говоритъ Премудрый (Прем. Сол. IV, 3). Впрочемъ, чтобы намъ не слишкомъ распространяться, приводя пророческія изреченія, представимъ еще какъ цѣломудріе преемствовало супружеству съ одною женою, мало по малу ослабляя плотское сладострастіе, доколѣ совершенно не обуздало обычнаго стремленія къ совокупленію. Вотъ наконецъ уже представляется прямо отказывающійся отъ такого образа жизни. *Господи, говоритъ онъ, Отче и Владыко жизни моей, не оставь меня на*

волю ихъ. Возношеніе очей отврати отъ меня. Пожеланіе чрева ¹⁾ и сладострастіе да не овладѣютъ мною (Сир. XXIII, 14. 5). И въ поучающей всѣмъ добродѣтелямъ книгѣ Премудрости Духъ Святый, открыто побуждая слушателей къ воздержанію и цѣломудрію, громогласно воспѣваетъ такъ: *лучше бездѣтность съ добродѣтелію, ибо память о ней безсмертна; она признается и у Бога и у людей; когда она присуща, ей подражаютъ ²⁾, а когда отойдетъ, стремятся къ ней: и въ вѣчности увѣнчанная она торжествуетъ, какъ одержавшая побѣду непорочными подвигами* (Прем. IV, 1. 2).

ГЛАВА IV.

Одинъ Христосъ научилъ дѣвству, открыто предсказывая царство небесное. Уподобленіе Богу должно совершаться при свѣтѣ божественныхъ добродѣтелей.

И такъ о человѣчествѣ въ разныя времена, какъ оно, начавъ съ смѣшенія съ сестрами, перешло къ воздержанію, сказано; остается сказать о дѣвствѣ; постараемся же посылно сказать и объ этомъ. И прежде всего нужно объяснить, почему изъ многихъ пророковъ и праведниковъ, возвѣщавшихъ и совершавшихъ многое и прекрасное, никто не прославлялъ и не избралъ дѣвства? Потому, что преподать это ученіе предоставлено было одному Господу, такъ какъ Онъ одинъ, пришедши, научилъ человѣка шествовать къ Богу. Ибо первосвященнику, первопророку и первоангелу надлежало назваться и перво дѣвственникомъ. Въ древности человекъ еще не былъ совершеннымъ, и потому еще не былъ въ состояніи вмѣстить совершенное — дѣвство. Онъ, сотворенный по образу Божію, еще имѣлъ нужду въ томъ, чтобы быть по подобію (Божію). Для исполненія этого посланное въ міръ Слово напередъ приняло нашъ образъ, запятнанный (у насъ) многими грѣхами, дабы мы, ради которыхъ Оно приняло его, могли опять получить образъ бо-

¹⁾ Въ подлинникѣ: καρδίας—сердца, вм. κοιλίας, какъ читается въ Библіи.

²⁾ Въ подлинникѣ: τιμῶσιν—почитаютъ вм. μίμούνται, какъ читается въ Библіи.

жественный. Ибо быть въ точности по подобію Божію возможно тогда, когда мы, отпечатлѣвъ черты его человѣческой жизни въ самихъ себѣ, какбы на доскахъ, подобно искуснымъ живописцамъ, сохранимъ ихъ, изучая тотъ путь, который Онъ самъ открылъ. Для того Онъ, будучи Богомъ, и благоволилъ облечься въ человѣческую плоть, чтобы и мы, взирая, какбы на картинѣ, на божественный образъ жизни Его, могли подражать начертавшему ее. Ибо Онъ не иное мыслилъ, а иное дѣлалъ, и не иное считалъ прекраснымъ, а иному училъ, но что по истинѣ было полезно и прекрасно, тому Онъ и училъ, то и дѣлалъ.

ГЛАВА V.

Христосъ, сохранивъ плоть нерастлѣнною въ дѣвствѣ, побуждаетъ къ соблюденію дѣвства. Небольшое число дѣвственниковъ въ сравненіи съ множествомъ другихъ святыхъ.

Что же Господь, истина и свѣтъ, сдѣлалъ пришедши (въ міръ)? Онъ, принявъ плоть, сохранилъ ее нерастлѣнною—въ дѣвствѣ. Такъ и мы, если хотимъ быть подобными Богу и Христу, должны стараться соблюдать дѣвство. Ибо подобіе Божіе состоитъ въ воздержаніи отъ растлѣнія. А что вочеловѣчившееся Слово стало перводѣвственникомъ, и первопастыремъ, и первопророкомъ Церкви, это объяснилъ намъ вдохновенный Христомъ Іоаннъ въ книгѣ Откровенія, сказавъ: *и взянуль я, и вотъ Агнецъ стоитъ на горѣ Сіонъ, и съ нимъ сто сорокъ четыре тысячи, у которыхъ имя Его* ⁽¹⁾ *и имя Отца Его написано на челахъ. И слышалъ я голосъ съ неба, какъ шумъ отъ множества водъ и какъ звукъ сильнаго грома; и услышалъ голосъ какъ бы гуслистовъ, играющихъ на гусляхъ своихъ. Они поютъ новую пѣснь предъ престоломъ и предъ четырьмя животными и старцами; и никто не могъ научиться сей пѣсни, кромѣ сихъ ста сорока четырехъ тысячъ, искупленныхъ отъ земли. Это суть тѣ, которые не осквернились съ женами: ибо они дѣвственники; это суть тѣ, которые слѣдуютъ за Агнцемъ, куда бы*

¹⁾ Прибавленные слова: *имя Его и* — читаются въ нѣкоторыхъ спискахъ Апокалипсиса.

онъ ни пошелъ (Апок. XIV, 1—4). Притомъ замѣть, какъ велико достоинство дѣвства предъ Богомъ: *они искуплены изъ людей, какъ первенцы Богу и Агнцу, и въ устахъ ихъ нѣтъ лукавства; они непорочны, и слѣдуютъ за Агнцемъ, куда бы онъ ни пошелъ* (Апок. XIV, 4. 5). Этимъ онъ хочетъ ясно внушить намъ, что такимъ числомъ, т. е. сто сорокъ четыремя тысячами издревле опредѣлено количество дѣвственниковъ, между тѣмъ какъ другихъ святыхъ неопредѣленное множество. Ибо замѣчательно, что онъ прибавляетъ, говоря о прочихъ: *и взянуль я, и вотъ изъ всѣхъ языковъ и племенъ и всѣхъ народовъ великое множество, котораго никто не могъ перечесть* (Апок. VII, 9). Итакъ онъ представляетъ, какъ я сказала, безчисленное множество другихъ святыхъ, а дѣвственниковъ весьма небольшое число сравнительно съ составляющими безчисленное множество.—

Такова, Арета, моя рѣчь тебѣ о дѣвствѣ. Если я опустила что-нибудь, то пусть дополнить слѣдующая за мною Теофила.

Р Ѣ Ч Ь II.

Т Е О Ф И Л А.

Г л а в а I.

Похвалою дѣвству не уничтожаются браки.

Итакъ, — говорила она, — Теофила сказала слѣдующее: такъ какъ Маркелла, прекрасно начавъ рѣчь, не вполне dokonчила её, то мнѣ представляется необходимымъ постараться докончить эту рѣчь. Что человѣкъ постепенно дошелъ до дѣвства при помощи Бога, побуждавшего его отъ времени до времени, это, по моему мнѣнію, прекрасно изложено; а что будто бы поэтому уже не нужно рождать дѣтей, — этого сказать нельзя. Изъ Писаній, мнѣ кажется, ясно видно, что по появленіи дѣвства Слово (Божіе) не отвергло совершенно дѣторожденія. Если луна больше звѣздъ, то этимъ не уничтожается свѣтъ прочихъ звѣздъ. — Начнемъ съ книги Бытія, чтобы почтить старѣйшее Писаніе. Опредѣленіе Божіе и заповѣдь о дѣторожденіи (Быт. I, 28),

конечно, и доннынъ исполняется; Создатель еще доселѣ образуетъ человѣка. Это совершенно ясно, такъ какъ Богъ доселѣ, подобно художнику, образуетъ міръ, какъ и Господь научилъ, сказавъ: *Отецъ Мой доннынъ дѣлаетъ* (Іоанн. V, 17). Вотъ, если бы рѣки уже окончили свое теченіе, излившись въ морское вмѣстилище, если бы свѣтъ былъ совершенно отдѣленъ отъ тьмы (а теперь онъ еще отдѣляется), если бы суша перестала производить плоды съ пресмыкающимися и четвероногими животными и предопредѣленное число людей исполнилось, тогда, конечно, слѣдовало бы воздерживаться и отъ дѣторожденія. А теперь необходимо, чтобы человѣкъ и съ своей стороны дѣйствовалъ по образу Божію, такъ какъ міръ еще стоитъ и устрояется; *плодитесь, сказано и размножайтесь* (Быт. I, 28). И не слѣдуетъ гнушаться опредѣленіемъ Творца, вслѣдствіе котораго и мы сами стали существовать. Началомъ рожденія людей служитъ вверженіе сѣмени въ нѣдра женской утробы, чтобы кость отъ костей и плоть отъ плоти, бывъ восприняты невидимою силою, снова были образованы въ другаго человѣка тѣмъ же Художникомъ. Такимъ образомъ, нужно думать, исполняется изреченіе: *вотъ, это кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей* (Быт. II, 23).

ГЛАВА II.

Рожденіе подобно образованію первой Евы изъ ребра и кости Адама. —
Въ обыкновенномъ рожденіи Богъ есть Создатель людей.

На это, быть можетъ, указываетъ и сонное изступленіе, наведенное на первозданнаго (Быт. II, 21), предъизображая услажденіе мужа при сообщеніи, когда онъ въ жаждѣ дѣторожденія приходитъ въ изступленіе, разслабляясь снотворными удовольствіями дѣторожденія, чтобы нѣчто, отторгшееся отъ костей и плоти его, снова образовалось, какъ я сказала, въ другаго человѣка. Ибо, когда нарушается тѣлесная гармонія отъ раздраженія при сообщеніи, то, какъ говорятъ намъ опытные въ брачномъ дѣлѣ, вся мозговая и плодотворная часть крови, состоящая изъ жидко-

образной кости, собравшись изъ всѣхъ членовъ, обратившись въ пѣну и сгустившись, извергается дѣтородными путями въ животворную почву женщины. Поэтому справедливо сказано, что человѣкъ оставляетъ отца и мать, какъ забывающій внезапно обо всемъ въ то время, когда онъ, соединившись съ женою объятіями любви, дѣлается участникомъ плодотворенія, предоставляя Божественному Создателю взять у него ребро, чтобы изъ сына сдѣлаться самому отцемъ. — Итакъ, если и теперь Богъ образуетъ человѣка, то не дерзко ли отвращаться отъ дѣторожденія, которое не стыдится совершать самъ Вседержитель своими чистыми руками? Онъ сказалъ Іереміи: *прежде нежели Я образовалъ тебя во чревь, Я позналъ тебя* (Іер. I, 5). И Іову сказалъ: *или ты, взявъ брѣніе, создалъ животное, и самое словесное (животное) сотворилъ на земль* (Іов. XXXVIII, 14) ¹⁾? И Іовъ съ благоговѣніемъ, обращаясь къ Нему, говоритъ: *Твои руки трудились надо мною и образовали меня* (X, 8). Не нелѣпо ли отвергать брачныя узы, тогда какъ еще и послѣ насъ ожидаютъ будущіе мученики и противники лукаваго, для которыхъ Слово обѣщало сократить *тѣ дни* (Матѣ. XXIV, 20; Марк. XIII, 20)? Если впослѣдствіи дѣторожденіе признано Богомъ за худое дѣло, какъ ты сказала, то какъ же они, родившись вопреки опредѣленію и волѣ божественной, могутъ предстать благоугодными предъ Богомъ? Или не слѣдуетъ ли признать рожденныхъ подложными, а не богорожденными, если они образуются, подобно фальшивой монетѣ, вопреки волѣ и опредѣленію (творческой) силы? Иначе мы должны приписать и людямъ способность создавать людей.

ГЛАВА III.

Толкованіе мѣста изъ Писанія. Незаконнорожденные бываютъ не только вѣрующими, но иногда и предстоятелями.

Маркелла, прервавъ ее, сказала: великая ошибка оказывается (въ твоей рѣчи), Теофила, и противное тому, что ты сказала; — и ужели ты думаешь укрыться, напустивъ

¹⁾ По переводу 70 толковниковъ.

такого тумана? Вотъ то возраженіе, которое, быть можетъ, предложить кто-нибудь, требуя отчета отъ тебя, какъ мудрѣйшій: что ты скажешь о рождающихся незаконно отъ прелюбодѣянія? Ты допустила, что необычно и невозможно кому-нибудь войти въ міръ безъ воли и дѣйствія великой силы Бога, устрояющаго ему (тѣлесную) хижину ¹⁾. И чтобы ты не прибѣгла, какъ бы къ надежной стѣнѣ, къ свидѣтельству Писанія, которое говоритъ: *дѣти прелюбодѣвъ будутъ не совершенны* (ἀτελεσφόρητα. Прем. III, 16), то и противъ этого онъ кротко возразить тебѣ, сказавъ: однако мы часто видимъ, что зачатые отъ незаконныхъ связей при совершенномъ чревоношеніи рождаются зрѣлымъ плодомъ. Если же ты, ухищряясь еще скажешь: почтенный, подъ *несовершенствомъ* я разумѣю отчужденіе отъ преподанной Христомъ правды, къ которой принадлежать совершенные, то онъ отвѣтитъ: однако, блаженная, очень многіе незаконнорожденные тѣмъ не менѣе не только причисляются къ паствѣ братій, но даже нерѣдко бываютъ избираемы въ руководители ихъ. Если же очевидно все свидѣтельствуется, что и рожденные отъ прелюбодѣянія достигаютъ *совершенства*, то, надобно думать, что Духъ предвозвѣстилъ не о зачатіяхъ и рожденіяхъ, но, можетъ быть, о прелюбодѣйствующихъ въ отношеніи къ истинѣ, которые, искажая Писанія неправыми мнѣніями, порождаютъ несовершенную мудрость, примѣшивая заблужденіе къ благочестію. Посему, когда отнять у тебя и этотъ предлогъ, изволь отвѣчать, что и рождающіеся отъ прелюбодѣянія рождаются по волѣ Божіей. Ибо ты сказала, что невозможно плоду человѣческому достигнуть зрѣлости, если не образуетъ и не одушевитъ его Господь.

ГЛАВА IV.

Объясненіе человѣческаго рожденія и дѣйствія въ немъ Божія.

Ееофила, какъ бы схваченная по срединѣ сильнымъ противникомъ, смутилась и, едва переведши духъ, сказала:

¹⁾ Въ подлинникѣ: σκῆνωμα, выраженіе заимствованное изъ посланій св. Апостоловъ Петра, 2 Пет. 1, 13 и Павла, 2 Коринѣ. V, 1.

ты, блаженная, требуешь объясненія этого вопроса посредствомъ примѣра, чтобы тебѣ еще болѣе убѣдиться, что творческая сила Божія, простирающаяся на все, особенно дѣйствуетъ сама въ рожденіи людей, возвращая посѣянное на плодотворной почвѣ. Подлинно нужно обвинять не то, что сѣется, а того, кто безстыдно бросаетъ собственное сѣмя на чужую ниву, какъ наемникъ за малое удовольствіе, на прелюбодѣйныхъ ложахъ. Представь наше рожденіе въ жизнь подобныхъ чему-нибудь, на примѣръ такому дому, который имѣетъ входъ, обставленный высокими горами; а самый домъ простирается далеко внизъ, снабженъ съ внѣшней стороны до вершинъ входа множествомъ отверстій и имѣетъ круглый видъ съ этой стороны.—Представляю, сказала Маркелла.—Потомъ вообрази, что внутри сидитъ ваятель, чтобы дѣлать множество статуй; еще представь, что ему отвнѣ чрезъ отверстія обильно доставляется глиняное вещество многими людьми, между тѣмъ какъ самага художника никто не видитъ. Допусти, что этотъ домъ покрытъ мглою и облаками и имъ отвнѣ ничего не видно, кромѣ однихъ отверстій.—Пусть, сказала та, будетъ и это.—Еще то, что каждому изъ сотрудниковъ, доставляющихъ глиняное вещество, назначено одно отверстіе, въ которое онъ одинъ только долженъ слагать собственное вещество, не касаясь другихъ. А если кто-нибудь опрометчиво дерзнетъ открыть отверстіе, назначенное для другого, тому пусть угрожаютъ огонь и бичи. Представь же слѣдующее за тѣмъ. Ваятель изнутри, обходя отверстія и принимая находящееся въ каждомъ изъ нихъ порознь глиняное вещество, образуетъ его и, образовавъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсячныхъ періодовъ, возвращаетъ наружу чрезъ тоже отверстіе, слѣдуя заповѣди: обрабатывать безразлично всякое способное къ обработкѣ глиняное вещество, хотя бы оно было кѣмъ-нибудь внесено неправильно чрезъ чужое отверстіе. Вещество ни въ чемъ невиновно, и потому оно, какъ невиновное, должно быть обдѣлываемо и образуемо; а того, кто вопреки установленію и заповѣди положилъ его въ чужое отверстіе, должно наказывать, какъ злодѣя и пре-

ступника. Не глиняное вещество нужно обвинять, а того, кто сдѣлалъ это вопреки священному повелѣнію, такъ какъ онъ по распутству, принеся, положилъ его въ чужое отверстіе тайно, съ насиліемъ. — Ты говоришь весьма справедливо, (сказала Маркелла).

ГЛАВА V.

Святой Отецъ продолжаетъ изъяснять тотъ же предметъ.

Итакъ, по окончаніи всего этого, остается тебѣ, мудрѣйшая, приложить весь этотъ примѣръ къ вышесказанному. Домъ подобенъ невидимой природѣ нашего рожденія, а входъ обставленный горами — нисхожденію и вселенію душъ съ небесъ въ тѣла ¹⁾; отверстія—женщинамъ и вообще женскому полу; ваятель—творческой силѣ Божіей, которая, подъ покровомъ рожденія, распоряжаясь нашею природою, внутри невидимо облакаетъ насъ въ человѣческій образъ, устрояя одѣянія для душъ. Приносящимъ же глиняное вещество нужно уподобить мужчинъ и вообще мужескій полъ, когда они въ жаждѣ дѣторожденія ввергаютъ сѣмя въ естественные женскіе проходы, какъ тамъ глиняное вещество въ отверстія. Это сѣмя, дѣлаясь причастнымъ божественной, такъ сказать, творческой силы, само по себѣ не должно считаться причиною непотребныхъ раздраженій. Между тѣмъ художество постоянно обрабатываетъ предлагаемое вещество. Никакая вещь сама по себѣ не должна считаться зломъ, но она дѣлается такою отъ злоупотребленія пользующихся ею. Употребляемое благопристойно и цѣломудренно выходитъ благопристойнымъ; а употребляемое постыдно и непристойно выходитъ постыднымъ. Такъ, чѣмъ виновно желѣзо, приобретаемое для земледѣлія и художествъ,

¹⁾ Приведенныя слова о происхожденіи душъ человѣческихъ нѣтъ нужды объяснять такъ, будто св. Мееодій слѣдовалъ ученію философа Платона и Оригена о предсуществованіи душъ, какъ объясняли нѣкоторые (Migne, p. 53 и 222. Jahnii указ. соч.), но они могутъ означать тоже, что содержится въ словахъ Премудраго: *духъ возвратится къ Богу, который далъ его* (Еккл. XII, 7), какъ видно и изъ дальнѣйшихъ словъ св. Отца о томъ же предметѣ.

въ томъ, что нѣкоторые оттачивали его для гибельныхъ междоусобныхъ войнъ? Чѣмъ (виновно) золото, или серебро, или мѣдь и вообще всякое обрабатываемое произведеніе земли, въ томъ, что нѣкоторые, неблагодарно согрѣшая противъ своего Творца, обращаютъ ихъ въ свои разнообразныя истуканы? Также, если кто-нибудь доставить ткацкому художеству волну, пріобрѣтенную воровствомъ, то художество обрабатываетъ предлагаемое вещество, обращая вниманіе только на одно, способно ли оно къ обработкѣ, и не отвергая ничего пригоднаго для него; потому что украденное вещество, какъ бездушное, здѣсь нисколько невиновно. Оно должно быть обдѣлываемо и украшаемо; а унесшій его беззаконнымъ хищеніемъ долженъ быть наказанъ. Такъ и осквернителей браковъ и нарушителей прекрасной гармоніи струнъ жизни, разгорячающихся страстію и доводящихъ похоть до прелюбодѣянія, должно обуздывать и наказывать, потому что они хищнически наносятъ вредъ плодотворнымъ союзамъ въ чужихъ садахъ; а сѣмени, какъ тамъ волнѣ, слѣдуетъ быть образуемымъ и одушевляемымъ.

ГЛАВА VI.

Попеченіе Божіе и о незаконнорожденныхъ людяхъ. — Имъ даны Ангелы хранители.

И для чего мнѣ распространять рѣчь, приводя столько примѣровъ? Природа безъ божественнаго содѣйствія въ столь короткое время не могла бы совершить такого дѣла. Подлинно, кто сплотилъ несплоченную сущность костей? Кто соединилъ члены такъ, что они натягиваются жилами и двигаются, сгибаясь около составовъ? Кто приготовилъ внутренніе проходы для крови и нѣжную артерію для дыханія? Или кто другой, примѣшавъ къ влагѣ кровь, какъ бы закваску, образовалъ изъ бренія нѣжную плоть, какъ не одинъ высочайшій Художникъ, созидающій человѣка, — насъ, — въ разумный и одушевленный свой образъ, и изъ влажныхъ и мельчайшихъ сѣмянъ, какъ бы изъ воска,

устрояющій насъ въ утробѣ? Кто печется, чтобы плавающій внутри зародышъ не задохся отъ влаги и тѣсноты сосудовъ? Или кто, послѣ рожденія и появленія на свѣтъ, сообщаетъ слабому и малому высокій ростъ, красоту и силу, если не тотъ же, какъ я сказала, высочайшій Художникъ-Богъ, творческою силою составляющій и живуписующій образы Христовы? Посему мы и находимъ въ богодухновенныхъ Писаніяхъ, что дѣти, хотя бы рожденные отъ прелюбодѣянія, ввѣряются Ангеламъ-хранителямъ. Если бы они родились вопреки волѣ и опредѣленію этого блаженного существа — Бога, то какъ они могли бы быть ввѣряемы Ангеламъ для воспитанія съ великою нѣжностію и охраною? И какъ они могли бы призывать на судъ Христовъ своихъ родителей, чтобы обвинять ихъ? Господи, скажутъ они, Ты не отказалъ намъ въ этомъ общемъ свѣтѣ (жизни); а они предали насъ на смерть, презрѣвъ заповѣдь Твою. *Ибо дѣти, говорится въ Писаніи, раждаемыя отъ беззаконныхъ сожитій, суть свидѣтели разврата противъ родителей при допросѣ ихъ* (Прем. IV, 6).

ГЛАВА VII.

Разумная душа — отъ самого Бога. Дѣвство — не единственное благо, хотя лучшее и предпочтительное.

Можетъ быть, кто-нибудь еще станетъ утверждать и найдетъ между людьми неразумными и неразумными довѣріе, будто плотяный покровъ души, насаждаемый людьми, образуется самъ собою безъ опредѣленія Божія; но конечно никто не повѣритъ тому, кто сталъ бы учить, что вмѣстѣ съ смертнымъ тѣломъ также насаждается и безсмертное существо души. Безсмертное и нестарѣющее вдыхаетъ въ насъ одинъ Вседержитель, и Онъ одинъ есть Творецъ невидимаго и негибнущаго. *И вдунулъ въ лице его дыханіе жизни, говорится въ Писаніи, и сталъ человекъ душою живою* (Быт. II, 7). А противъ тѣхъ художниковъ, которые на погибель людямъ дѣлаютъ человекообразныя статуи, неспособныя къ познанію своего Создателя, въ научающей всѣмъ добродѣтелямъ книгѣ Премудрости говорится: *сердце ихъ пепель, и*

надежда ихъ ничтожныя земли, и жизнь ихъ презрѣнныя тѣни: ибо они не познали сотворившаго ихъ и вдунувшаго въ нихъ дѣятельную душу, и вдохнувшаго въ нихъ духъ жизни (XV, 10, 11). Этотъ Творецъ всѣхъ людей есть Богъ. И потому, какъ говоритъ Апостоль, *Онъ хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись и достигли познанія истины* (I Тим. II, 4). Такъ какъ и это разсужденіе почти окончено, то наконецъ надобно сказать, чтó слѣдуетъ отсюда. Кто тщательно изучитъ область свойственнаго человѣку по природѣ, тотъ убѣдится, что не слѣдуетъ гнушаться дѣторожденіемъ, но должно хвалить и предпочитать дѣвство. Ибо потому только, что медъ слаще и пріятнѣе другихъ вещей, не слѣдуетъ считать горькими всѣ остальные плоды, которые также имѣютъ прирожденную имъ пріятность. Въ подтвержденіе этого представлю достовѣрнаго свидѣтеля, Павла, который говоритъ: *посему выдающій замужъ свою дѣвицу поступаетъ хорошо, а не выдающій поступаетъ лучше* (1 Кор. VII, 38). Такъ Писаніе, предлагая лучшее и болѣе желательное, не запрещаетъ всего другаго, но заповѣдуетъ предоставлять каждому свойственное ему и полезное. Для однихъ оно не находитъ дѣвство еще доступнымъ, но другимъ не желаетъ, чтобы они осквернялись постыдными раздраженіями, а съ самаго начала пеклись и помышляли о равноангельскомъ преобразованіи тѣлъ, въ которомъ, по неложному изреченію Господа, *ни женятся, не выходятъ замужъ* (Мѣ. XXII, 30). Ибо не всѣмъ ввѣряется нескверное и ведущее къ царству небесному скопчество (Мѣ. XIX, 12), но только тѣмъ, которые могутъ сохранить цвѣтъ дѣвства всегда цвѣтущимъ и непорочнымъ. И въ пророческомъ словѣ Церковь уподобляется цвѣтущему и разнообразнѣйшему лугу, какъ украшенная и увѣнчанная не только цвѣтами дѣвства, но и цвѣтами дѣторожденія и воздержанія; ибо *въ ризахъ позлащенныхъ, преиспещренная предстоитъ царица одесную жениха* (Псал. XLIV, 10)¹⁾. — Вотъ и я, Арета, привношу посильное съ своей стороны въ разсужденіе объ истинѣ. — Когда Теофила сказала это,

¹⁾ По переводу 70 толковниковъ.

то, — говорила Θεопатра, — пріятный говоръ произошелъ между всѣми дѣвами, хвалившими рѣчь. Когда же онѣ утихли, то послѣ продолжительнаго молчанія встала Θалія; ибо ей предоставлено было говорить третьей послѣ Θεофилы. Начавъ въ свою очередь, она, я думаю, сказала слѣдующее.

Р Ѣ Ч Ъ Ш.

Θ Α Λ Ι Α.

ГЛАВА I.

Сравненіе словъ книги Быт. II, 23, 24, съ словами Ап. Павла въ посланіи къ Ефес. V, 28—32.

Ты, Θεοφιλα, — сказала она, — мнѣ кажется, превосходишь всѣхъ и дѣломъ и словомъ и никому не уступаешь въ мудрости. Никто не станетъ укорять твою рѣчь, какъ бы онъ ни былъ сварливъ и склоненъ къ препирательству. Но, блаженная, только одно изъ всего, сказаннаго правильно, повидимому, смущаетъ и тяготитъ меня, при представленіи моемъ о томъ, что такой мудрый и исполненный духа мужъ, — разумѣю Павла, — напрасно не сравнилъ бы союза первозданнаго человѣка и его жены со Христомъ и Церковію (Ефес. V, 32), если бы Писаніе не заключало здѣсь ничего выше простыхъ словъ и историческаго событія. Ибо, если это мѣсто Писанія должно понимать буквально о союзѣ мужа и жены, то для чего Апостоль, упомянувъ о немъ и, я думаю, желая руководить насъ на путь духовный, относящееся къ Евѣ и Адаму иносказательно относитъ ко Христу и Церкви? Мѣсто изъ книги Бытія гласитъ такъ: *и сказалъ Адамъ: вотъ это кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей; она будетъ называться женою: ибо взята отъ мужа моего. Потому оставитъ человекъ отца своего и мать свою, и прильпится къ женѣ своей; и будутъ два одна плоть* (Быт. II, 23, 24). Апостоль, обращая вниманіе на это мѣсто, не желаетъ принимать его, какъ я сказала, въ буквальномъ смыслѣ, чувственно, о союзѣ мужа и жены, какъ дѣлаешь ты. Ты, объясняя эти слова въ физическомъ смыслѣ, до-

пустила, что Писаніе говоритъ только о зачатіяхъ и рожденіяхъ; ибо (ты сказала), чтобы могъ родиться другой чловѣкъ, какъ кость, взятая отъ костей, для этого живыя тѣла, созрѣвшія для рожденія подобно деревьямъ, соединяются во время зачатія. А онъ, въ духовномъ смыслѣ относя эти слова ко Христу, поучаетъ такъ: *любящій свою жену любитъ самого себя. Ибо никто никогда не имѣлъ ненависти къ своей плоти, но питаетъ и грѣетъ ее, какъ и Господь церковь: потому что мы члены тѣла Его. Посему оставитъ чловѣкъ отца своего и мать, и прильпится къ женѣ своей, и будутъ двое одна плоть. Тайна сія велика; я говорю по отношенію ко Христу и къ церкви* (Ефес. V, 28 — 32).

ГЛАВА II.

Переходы въ рѣчахъ Ап. Павла. — Характеръ его ученія, не заключающаго въ себѣ никакихъ противорѣчій. — Не безопасно обращать все въ аллегорію.

Но пусть не смущаетъ тебя то, что онъ, говоря объ одномъ, переходитъ къ другому, такъ что подумаешь, будто онъ примѣшиваетъ и привноситъ нѣчто, не относящееся къ предмету, уклоняясь отъ своей цѣли, какъ и здѣсь. Ибо намѣреваясь, какъ видно, обстоятельно изложить ученіе о дѣвствѣ, онъ напередъ предрасполагаетъ къ своему предмету, употребляя въ началѣ болѣе снисходительный образъ рѣчи. Таковъ характеръ его рѣчей, весьма разнообразный и постепенно усиливающийся; онъ начинается съ низшаго и переходитъ къ болѣе высокому и величественному; потомъ, снова ниспускаясь въ глубину, оканчиваетъ то простѣйшимъ и легкимъ, то труднѣйшимъ и возвышеннымъ, не привнося однако этими переходами ничего чуждаго главнымъ предметамъ, но, соединяя все это нѣкоторою дивною связію, сводитъ къ одной предположенной у него цѣли предмета. Итакъ мнѣ нужно обстоятельнѣе раскрыть смыслъ апостольскихъ словъ, не отвергая ничего изъ вышесказаннаго. — Ты, Теофила, мнѣ кажется, достаточно и ясно раскрыла ихъ, изложивъ слова Писанія болѣе безопаснымъ образомъ, такъ, какъ они читаются. Конечно, опасно пре-

небрегать текстомъ, какъ онъ сказанъ, особенно въ книгѣ Бытія, гдѣ излагаются непреложныя повелѣнія Божіи, устроившія вселенную, сообразно съ которыми еще и теперь міръ управляется самымъ совершеннымъ образомъ и въ совершенной соразмѣрности, пока самъ Законодатель, устроившій міръ, пожелавъ преобразовать его, снова инымъ повелѣніемъ не разрушитъ прежнихъ законовъ природы. Но такъ какъ не слѣдуетъ оставлять этихъ словъ съ неполнымъ и какъ бы полухрамлющимъ объясненіемъ, то мы придадимъ ему и другое соотвѣтственное значеніе, вникнувъ глубже въ Писаніе; ибо не должно оставлять безъ вниманія того, какъ Павелъ, возвышаясь надъ буквальнымъ чтеніемъ, относитъ эти слова ко Христу и Церкви.

ГЛАВА III.

Сравненіе перваго и втораго Адама.

И во-первыхъ надобно изслѣдовать, можетъ ли быть сравниваемъ съ Сыномъ Божіимъ Адамъ, оказавшійся падшимъ чрезъ преслушаніе и услышавшій: *прахъ ты, и въ прахъ возвратишься* (Быт. III, 19). Какъ можетъ быть названъ *рожденнымъ прежде всякой твари* (Кол. I, 15) тотъ, кто образованъ изъ персти послѣ земли и тверди? Какъ можетъ почитаться *древомъ жизни* (Апок. II, 7) тотъ, кто за преслушаніе изгнанъ, чтобы онъ опять *не простеръ руки (къ древу жизни) и вкусивши отъ него не сталъ жить вѣчно* (Быт. III, 22)? Сравнимое должно быть во многомъ подобно и соотвѣтственно тому, съ чѣмъ сравнивается, а не имѣть въ себѣ противоположныя и несходныя свойства. Такъ оказался бы благоразумнымъ не тотъ, кто рѣшился бы уподоблять неравное равному или гармонію негармоніи, но (кто сравнилъ бы) равное съ равнымъ по природѣ, хотя бы оно было равно въ немногомъ, и бѣлое съ бѣлымъ по природѣ, хотя бы оно (было бѣлымъ) въ весьма малой степени и представляло въ себѣ немного бѣлизны послѣдняго, отъ чего и само называется бѣлымъ. Равное же, гармоническое и свѣтлое, какъ несомнѣнно ясно для всякаго, есть то, что безгрѣшно и

нетлѣнно, т. е. премудрость; а неравное и негармоническое есть то, что смертно и грѣховно и извергнуто по неодобренію и подверглось осужденію.

ГЛАВА IV.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Почти такія, я думаю, представляются возраженія тѣми, которые не допускаютъ сравненія перваго человѣка со Христомъ, кажется, не обращая вниманія на мудрость Павла. Посему мы посмотримъ, какъ правильно Павелъ сравнилъ Адама со Христомъ, полагая, что онъ (Адамъ) не образъ только и подобіе (Христа), но именно онъ самъ и сталъ Христомъ отъ того, что на него низошло Слово, существующее прежде вѣковъ. Ибо надлежало, чтобы первожденный отъ Бога, первая и едиnorodная отрасль, т. е. Премудрость, вочеловѣчилась, соединившись съ первозданнымъ, первымъ и первороднымъ изъ людей человѣкомъ, чтобы такимъ образомъ Христосъ былъ человѣкомъ, исполненнымъ чистаго и совершеннаго Божества, и Богомъ, вмѣстившимся въ человѣкъ; ибо весьма сообразно было, чтобы древнѣйшій вѣковъ и высшій Архангеловъ ¹⁾, восхотѣвъ обращаться съ людьми, вселился въ древнѣйшаго и перваго изъ людей, Адама. Такимъ образомъ возобновляя бывшее въ началѣ и возстановляя отъ Дѣвы и Духа, онъ образуетъ того же самаго (Адама); ибо и въ началѣ, когда земля была еще дѣвственна и невоздѣлана, Богъ, взявъ персть, безъ сѣмени образовалъ изъ ней разумнѣйшее животное (человѣка) ²⁾.

¹⁾ Слова подлинника: *πρῶτος τῶν αἰώνων καὶ πρῶτος τῶν Ἀρχαγγέλων* могутъ быть переведены: „старѣйшій изъ зоновъ и первый изъ Архангеловъ“, какъ переводятъ нѣкоторые (см. Migne, p. 67). Если же дѣйствительно таковъ смыслъ этого мѣста, то здѣсь нельзя не видѣть одного изъ тѣхъ искаженій настоящаго сочиненія св. Меѳодія Аріанами, о которыхъ говоритъ Фотій въ *Bibl. cod. CCXXXVII*, p. 950—963.

²⁾ Изложенное мнѣніе св. отца о воплощеніи Слова Божія въ Адама не будетъ представляться столь страннымъ, какъ думаютъ нѣкоторые (см. Migne, p. 66), если подъ Адамомъ разумѣть человѣческую природу, перешедшую отъ Адама ко всѣмъ его потомкамъ и обратно простирающуюся отъ потомковъ до перваго праотца.

ГЛАВА V.

Изъясненіе мѣста изъ пророчества Іереміи.

Пусть предстанетъ достовѣрнымъ и яснымъ свидѣтелемъ моимъ пророкъ Іеремія, который говоритъ: *и сошелъ я въ домъ горшечника, и вотъ онъ работалъ свою работу на кружалъ. И сосудъ, который онъ дѣлалъ, развалился въ рукахъ его, и онъ снова сдѣлалъ изъ него другой сосудъ, какой ему вздумалось сдѣлать* (Іерем. XXXVIII, 3. 4). Когда созданный изъ персти Адамъ былъ, такъ сказать, мягкимъ и влажнымъ и еще не успѣлъ, подобно обожженной глины, окрѣпнуть въ неплѣни, то грѣхъ, подобно текучей и каплющей водѣ, разрушилъ его. Посему Богъ, желая снова возстановить и образовать его изъ персти такимъ же (*сосудомъ*) въ честь (2 Тим. II, 20. 21), сначала сдѣлавъ его твердымъ и крѣпкимъ въ дѣвственной утробѣ, соединивъ и смѣшавъ его съ Словомъ, вывелъ его въ жизнь несокрушимымъ и невредимымъ, чтобы онъ по рожденіи, когда устремятся на него отъ потоковъ плѣни, опять не подвергся разрушенію, какъ поучаетъ Господь и въ извѣстной притчѣ объ обрѣтеніи овцы, гдѣ Господь мой говоритъ къ предстоящимъ: *кто изъ васъ, имѣя сто овецъ и потерявъ одну изъ нихъ, не оставитъ девяносто девяти въ пустынь и не пойдетъ за пропавшею, пока не найдетъ ея? А нашедши возьметъ ее на плеча свои; и пришедши домой, созоветъ друзей и сосѣдей, и скажетъ имъ: порадовуйтесь со мною; я нашелъ свою пропавшую овцу* (Лук. XV, 4—6).

ГЛАВА VI.

Цѣлостное число духовныхъ овецъ. Человѣкъ—второй послѣ Ангеловъ лишь во славу Божию. Объясненіе притчи о погибшей овцѣ.

Это и былъ и есть по истинѣ Тотъ, который *въ началѣ былъ у Бога и былъ Богъ* (Іоан. I, 1), повелитель и пастырь небесныхъ (существъ), которому повинуются и слѣдуютъ всѣ разумныя (существа) и который строино правитъ и исчисляетъ сонмы разумныхъ Ангеловъ. А число этихъ безсмертныхъ существъ, раздѣленныхъ на роды и чины, будетъ

равнымъ и совершеннымъ тогда, когда присоединится къ этой паствѣ человѣкъ; ибо и онъ созданъ былъ неподлежащимъ тлѣнію, чтобы прославлять Царя и Творца всѣхъ, воспѣвая соотвѣтственно раздающимся съ неба голосамъ Ангельскимъ. Но такъ какъ случилось, что онъ, преступивъ заповѣдь, палъ тяжкимъ и пагубнымъ паденіемъ и подвергся смерти, то Господь говоритъ, что Онъ самъ сошелъ съ небесъ въ міръ, оставивъ чины и воинство Ангеловъ. Ибо (въ той притчѣ) горы означаютъ небеса, а девяносто девять овецъ — силы и начала и власти, которыя оставивъ, начальникъ и пастырь сошелъ отыскать погибшую овцу. Оставалось включить въ этотъ свитокъ и въ это число человѣка, тѣмъ, что Самъ Господь облекся въ него и понесъ его, дабы онъ, обуреваемый тревоженіями и напастями, какъ я сказала, опять не подвергся потопленію. Такимъ образомъ Слово восприняло человѣка, чтобы чрезъ себя самого разрушить пагубное осужденіе, поразивъ змія. Ибо слѣдовало лукавому быть побѣждену не чрезъ кого-либо другаго, а чрезъ того, надъ которымъ онъ считалъ себя властвующимъ, обольстивъ его; потому что иначе не возможно было разрушиться грѣху и осужденію, какъ только такъ, чтобы тотъ самый человѣкъ, по винѣ котораго было сказано: *прахъ ты, и въ прахъ ты возвратишься* (Быт. III. 19), бывъ возсозданъ, уничтожилъ это опредѣленіе, перешедшее отъ него на всѣхъ, дабы какъ прежде въ Адамѣ умирали всѣ, такъ обратно во Христѣ, воспріавшемъ Адама, всѣ оживали (1 Кор. XV, 22).

ГЛАВА VII.

Дѣла Христовы, свойственныя Богу и человѣку, принадлежать Ему самому, какъ единому.

Что человѣкъ, сдѣлавшись орудіемъ и одѣяніемъ Единороднаго, совершаетъ то, что и самъ вселившій въ него, — объ этомъ, мнѣ кажется, довольно сказано; а что здѣсь нѣтъ несогласія, объ этомъ нужно еще разсудить кратко. Кто говоритъ, что прекрасное по своей природѣ и праведное

и святое по своей природѣ, по участию въ которомъ и другія (существа) дѣлаются прекрасными, есть Премудрость, существующая съ Богомъ, и что наоборотъ порочное и несправедливое и злое есть грѣхъ, тотъ говоритъ весьма справедливо. Подлинно, два предмета крайне противоположны другъ другу: жизнь и смерть, нетлѣніе и тлѣніе. Жизнь есть равенство, а тлѣніе неравенство; справедливость и мудрость есть согласіе, а безуміе и несправедливость — несогласіе. Человѣкъ же, находясь посрединѣ между ними, не есть ни самая справедливость, ни самая несправедливость; но бывъ поставленъ въ срединѣ между нетлѣніемъ и тлѣніемъ, если къ которому изъ нихъ увлекшись преклонится, то и говорится о немъ, что онъ измѣнился въ природу одержавшаго верхъ. Склонившись къ тлѣнію, онъ дѣлается тлѣннымъ и смертнымъ, а (склонившись) къ нетлѣнію, — нетлѣннымъ и бессмертнымъ. Такъ, находясь между древомъ жизни и (древомъ) познанія добра и зла, онъ отъ плодовъ котораго вкусилъ, въ образъ того и измѣнился (Быт. II, 9), не бывъ самъ ни древомъ жизни, ни древомъ тлѣнія, но оказавшись смертнымъ отъ общенія и союза съ тлѣннымъ, а отъ общенія и союза съ жизнію — опять нетлѣннымъ и бессмертнымъ, какъ и Павелъ учитъ, когда говоритъ: *тленіе не наслаждается нетлѣнія* и смерть жизни (1 Кор. XV. 50), справедливо называя тлѣніемъ и смертію то, что растлѣваетъ и убиваетъ, а не то, что подвергается тлѣнію и умираетъ; нетлѣніемъ же и жизнію — то, что даетъ безсмертіе и животворитъ, а не то, что получаетъ безсмертіе и оживотворяется. И такъ человѣкъ не есть ни несогласіе и неравенство, ни равенство и согласіе; но когда онъ принялъ несогласіе (т. е. преслушаніе и грѣхъ), то сталъ несогласнымъ и безобразнымъ, а когда онъ принимаетъ согласіе (т. е. правду), то дѣлается стройнымъ и благоприличнымъ орудіемъ, такъ что Господь, — это нетлѣніе, побѣдившее смерть, — благозвучно воспѣваетъ воскресеніе въ плоти (своей), не допуская ее опять сдѣлаться наслѣдіемъ тлѣнія. Теперь и объ этомъ довольно сказано.

ГЛАВА VIII.

Кости и плоть Премудрости. Ребро, изъ котораго образована духовная Ева, есть Духъ Святой. Жена, помощница Адама, есть обрученныя Христу дѣвы.

Такъ не маловажными доказательствами изъ Писанія подтверждено, что первозданный справедливо можетъ быть сравниваемъ съ самимъ Христомъ, не только какъ образъ, изображеніе и подобіе Единороднаго, но какъ бы дѣлающійся самою Премудростію и Словомъ. Соединившись съ премудростію и жизнію, подобно водѣ, человѣкъ становится тѣмъ, чѣмъ былъ самъ вселившійся въ него чистый свѣтъ. Посему Апостолъ справедливо отнесъ ко Христу то, что относится къ Адаму, и такимъ образомъ оказывается весьма сообразнымъ, что изъ костей и плоти Его произошла Церковь, для которой Слово, оставивъ Отца небеснаго, сошло на землю, чтобы вселиться въ жену, и, уснувъ, истощаніемъ страданія, добровольно умерло за нее, *чтобы представить Себя Церковъ славною и непорочною, очистивъ ее банею водною* (Ефес. V, 26. 27), для принятія духовнаго и блаженнаго сѣмени, которое сѣетъ Самъ внушающій и насаждающій во глубинѣ ума; а Церковь, подобно женѣ, принимаетъ и образуетъ его для рожденія и воспитанія добродѣтели. Итакъ слова Писанія: *плодитесь и размножайтесь* (Быт. I, 28), надлежащимъ образомъ исполняются, когда Церковь со дня на день возрастаетъ въ величіи, красотѣ и численности, вслѣдствіе союза и общенія съ Словомъ, которое еще и теперь нисходитъ къ намъ и подвергается истощанію при воспоминаніи страданій. Иначе Церковь не могла бы собрать вѣрующихъ и возродить ихъ банею пакибытія, если бы Христосъ, истощивъ себя за нихъ, чтобы вмѣститься въ нихъ чрезъ возобновленіе страданій, какъ я сказала, снова не умиралъ—сошедши съ небесъ, и, соединившись съ своею женою, Церковію, не попускалъ исходить изъ ребра своего нѣкоторой своей силѣ, чтобы всѣ зиждущіеся на Немъ возрастали, возражаясь этою банею, воспринимая отъ костей и плоти Его, т. е. отъ святости и славы Его. Ибо тотъ гово-

рить весьма справедливо, кто говоритъ, что кости и плоть Премудрости суть мудрость и добродѣтель, а ребро — Духъ истины, Утѣшитель, отъ котораго заимствуя просвѣщаемые возраждаются въ нетлѣніе. Никто не можетъ сдѣлаться причастнымъ св. Духу и стать членомъ Христовымъ, если напередъ Слово, сошедши и на него, не подвергнется истощенію какъ бы сну, чтобы и онъ, возставши отъ сна съ уснувшимъ для него и возсоздавшись, могъ получить обновленіе и возрожденіе Духа. Ибо онъ собственно, Духъ истины, семивидный по словамъ пророка (Ис. XI, 2), можетъ быть названъ ребромъ Слова, отъ котораго заимствуя, Богъ по истощаніи Христа, т. е. послѣ вочеловѣченія и страданія, приготовляетъ Ему помощницу, т. е. соединившіяся съ Нимъ и уневѣстившіяся Ему души. Такъ въ Писаніяхъ часто называется самое общество и собраніе вѣрующихъ, Церковь, въ которой совершеннѣйшіе по степени преуспѣянія составляютъ какъ бы одно лице и тѣло Церкви. И подлинно лучшіе и яснѣе усвоившіе истину, какъ избавившіеся отъ плотскихъ похотей чрезъ совершенное очищеніе и вѣру, дѣлаются Церковью и помощницею Христа, какъ бы дѣвою, по словамъ Апостола, соединяясь съ Нимъ и уневѣчиваясь Ему, чтобы, принявъ чистое и плодотворное сѣмя ученія, съ пользою содѣйствовать проповѣди для спасенія другихъ. А несовершенные и еще начинающіе спасительное ученіе возрастаютъ и образуются, какъ бы въ материнскомъ чревѣ, отъ болѣе совершенныхъ, пока они, достигнувъ зрѣлости возрожденія, приобрѣтутъ величіе и красоту добродѣтели, и потомъ по преуспѣяніи сами, сдѣлавшись Церковію, будутъ содѣйствовать рожденію и воспитанію другихъ дѣтей, во вмѣстилищѣ души, какъ бы въ утробѣ, непреложно осуществляя волю Слова.

ГЛАВА IX.

Дѣйствіе благодати въ Апостолѣ Павлѣ.

Такъ слѣдуетъ разсуждать и о бывшемъ съ приснопамятнымъ Павломъ. Когда онъ еще не былъ совершеннымъ во Христѣ, то напередъ раждается и питается млеко

отъ Ананіи, который проповѣдалъ ему и обновилъ его крещеніемъ, какъ говорится въ Дѣянїяхъ (ІХ, 7—19). А когда онъ возмужалъ и благоустроился, достигнувъ духовнаго совершенства, и сдѣлался помощникомъ и невѣстою Слова, воспринявъ и возрадивъ въ себѣ сѣмена жизни, тогда, бывшій прежде младенцемъ, сталъ церковію и матерію, рождающая и самъ увѣровавшихъ чрезъ него во Христа, доколѣ въ нихъ не родился изобразившійся Христосъ: *дѣти мои, говоритъ онъ, для которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, доколѣ не изобразится въ васъ Христосъ* (Гал. IV, 19); и еще: *я родилъ васъ во Христа Иисуса благовѣствованіемъ* (1 Кор. IV, 15). Посему такъ слѣдуетъ относить сказанное объ Адамѣ и Евѣ къ Церкви и Христу. Это по истинѣ великая и вышемірная тайна, которой я, по слабости и тупости ума, не въ силахъ объяснить сообразно съ ея достоинствомъ и величіемъ. Впрочемъ нужно попытаться, ибо надлежитъ сказать вамъ и слѣдующее за тѣмъ.

ГЛАВА X.

Ученіе того же Апостола о цѣломудріи.

Павелъ, призывая всѣхъ къ святости и цѣломудрію, сказанное о первозданномъ и Евѣ отнесъ ко Христу и Церкви во вторыхъ въ томъ смыслѣ, чтобы такимъ образомъ заставить умолкнуть невѣждъ, лишивъ ихъ предлоговъ. Они, предаваясь своимъ чрезмѣрнымъ похотямъ сладогостіи, дерзаютъ извлекать изъ Писаній смыслъ противный православному, выставляя его въ защиту своего невоздержанія, именно изъ слѣдующихъ словъ: *сказалъ Богъ: плодитесь и размножайтесь*, и еще: *потому оставитъ человекъ отца своего и мать свою* (Быт. 1, 28; II, 24), и не стыдятся уклоняться отъ Духа, но, какъ бы для того и родились, раздуваютъ зараждающуюся и еще тлѣющую похоть, воспламеняя ее раздраженіями. Посему онъ, весьма сильно поражая ихъ коварныя ухищренія и выдуманые предлоги, дошедши до заповѣди о томъ, какъ мужья должны относиться къ женамъ, и сказавъ, что—такъ, какъ къ Церкви

Христось, предавшій себя за нее, чтобы освятить ее, очистивъ банею водою, посредствомъ слова (Еф. V, 26), обращается къ книгѣ Бытія, припоминая слова, сказанныя о первозданномъ и объясняя и ихъ сообразно съ смысломъ излагаемаго имъ предмета, чтобы не подать повода злоупотреблять этими словами тѣмъ, которые, подъ предлогомъ дѣтскаго рожденія, предаются тѣлесному сладострастію.

ГЛАВА XI.

О томъ же предметѣ.

Ибо смотрите, дѣвы, какъ онъ, желая, чтобы вѣрующіе по мѣрѣ силъ были цѣломудренны, старается доказать имъ превосходство дѣвства множествомъ доводовъ. Онъ говоритъ: *о чемъ вы писали ко мнѣ, то хорошо человѣку не касаться женщины* (1 Кор. VII, 1), ясно уже этимъ выражая, что хорошее дѣло не касаться женщины, напередъ поставивъ и опредѣливъ это безусловно. Потомъ сознавая немощь и склонность невоздержныхъ къ совокупленію, онъ позволилъ тѣмъ, которые не могутъ владѣть плотію, лучше имѣть своихъ женъ, чѣмъ падать, гнусно предаваясь блуду. Затѣмъ тотчасъ послѣ этого позволенія онъ прибавилъ: *чтобы не искушалъ васъ сатана невоздержаніемъ вашимъ* (1 Кор. VII, 5). Это значитъ: если вы, люди, не можете быть совершенно цѣломудренными, по причинѣ тѣлеснаго сладострастія, то я позволяю вамъ лучше имѣть общеніе съ собственными женами, чтобы вы, считаясь давшими обѣтъ воздержанія, не подвергались постоянному искушенію отъ діавола, разжигаясь на чужихъ (женъ).

ГЛАВА XII.

Павель—примѣръ для вдовыхъ и тѣхъ, которые могли бы не имѣть женъ.

Разсмотримъ же тщательно самый текстъ; въ немъ Апостоль позволилъ это многимъ не безусловно, но прибавилъ напередъ причину, по которой онъ поступилъ такъ. Сказавъ: *хорошо человѣку не касаться женщины*, онъ тотчасъ

прибавилъ: но во избѣжаніе блуда каждый имѣй свою жену, т. е. по причинѣ опасенія блуда, если вы не будете въ состояніи обуздывать сластолюбія; и каждая жена имѣй своего мужа. Мужъ оказывая женѣ должное благорасположеніе; подобно и жена мужу. Жена не властна надъ своимъ тѣломъ, но мужъ; равно и мужъ не властенъ надъ своимъ тѣломъ, но жена. Не уклоняйтесь другъ отъ друга, развѣ по согласію, на время, для упражненія въ молитвѣ, а потомъ опять будьте вмѣстѣ, чтобы не искушалъ васъ сатана невоздержаніемъ. Впрочемъ сіе сказано мною какъ позволеніе, а не какъ повелѣніе (I Кор. VII, 1—6). Весьма предусмотрительно (сказано) и это. Словами: *какъ позволеніе* — онъ выразилъ, что онъ даетъ совѣтъ, а не повелѣніе; потому что *повелѣніе* онъ употребляетъ касательно цѣломудрія и того, чтобы не касаться женщины, а позволеніе, какъ я сказала, касательно тѣхъ, которые не могутъ обуздывать похоти. Итакъ касательно единобрачныхъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, которые уже состоятъ въ бракѣ, или еще будутъ состоятъ, онъ такъ заповѣдуетъ; а о потерявшихъ своихъ женъ мужьяхъ, или женахъ (потерявшихъ) мужей, намъ опять надобно тщательно изслѣдовать изреченіе Апостола, какъ онъ заповѣдуетъ. *Безбрачнымъ же, говоритъ онъ, и вдовамъ говорю: хорошо имъ оставаться, какъ я. Но если не могутъ воздержаться, пусть вступаютъ въ бракъ; ибо лучше вступить въ бракъ, нежели разжигаться* (I Кор. VII, 8. 9). И здѣсь онъ продолжаетъ отдавать преимущество воздержанію. Ибо, представивъ себя самого величайшимъ примѣромъ, онъ приглашаетъ слушателей соревновать ему въ такомъ подвигѣ, научая, что бывшему женатымъ на одной женѣ лучше остаться съ самимъ собою, какъ и онъ. Но если бы для кого-нибудь по причинѣ разжженія и похоти тѣлесной это было неудобоисполнимо, то онъ даетъ такому позволеніе вступать во второй бракъ, не объявляя этимъ второбрачія хорошимъ дѣломъ, а только считая его лучшимъ разжженія. Подобно тому, какъ если кто-нибудь въ день Пасхи ¹⁾ и поста принесъ пищу тяжело больному

¹⁾ Подъ *Пасхою* здѣсь разумѣются дни воспоминанія страданій Христовыхъ, ближайшія къ празднику Пасхи, и въ особенности великая суббота.

и совѣтоваль по болѣзни вкусить принесеннаго, сказавъ: „по истинѣ, почтенный, прекрасное дѣло и слѣдовало бы и тебѣ, подобно намъ, терпѣливо сохранивъ воздержаніе, потомъ насладиться одними съ нами благами; ибо сегодня совершенно запрещено даже вспоминать о пищѣ; но такъ какъ ты, удрученный болѣзнію, ослабѣлъ и не можешь перенести этого, то мы въ видѣ позволенія совѣтуемъ тебѣ вкусить пищи, чтобы тебѣ, по причинѣ болѣзни, не имѣющему силъ противиться пожеланію пищи, не умереть“; такъ и Апостолъ здѣсь, сказавъ сначала, что онъ желалъ бы, чтобы всѣ оставались цѣломудренными, подобно ему, потомъ удрученнымъ болѣзнію страстей, чтобы они вслѣдствіе раздраженія къ дѣторожденію не устремлялись на прелюбодѣяніе, дозволилъ второбрачіе, считая его лучше разжженія и распутства.

ГЛАВА XIII.

Объясняется ученіе Павла о дѣвствѣ.

О воздержаніи и бракахъ и цѣломудріи и сожитіи въ замужествѣ, и о томъ, какая отъ нихъ бываетъ польза для пріобрѣтенія праведности, почти уже окончена моя рѣчь; о дѣвствѣ же остается еще сказать, есть ли какія-нибудь заповѣди и относительно его. Итакъ, нужно разсудить и объ этомъ. Вотъ, что говоритъ Апостолъ: *относительно дѣвства я не имѣю повелѣнія Господня, а даю совѣтъ, какъ получившій отъ Господа милость быть Ему вѣрнымъ. По настоящей нуждѣ за лучшее признаю, что хорошо человеку оставаться такъ. Соединенъ ли ты съ женою? не ищи развода. Остался ли безъ жены? не ищи жены. Впрочемъ если и женишься, не согрѣшишь; и если дѣвица выйдетъ замужъ, не согрѣшитъ. Но таковыя будутъ имѣть скорби по плоти; а мнѣ васъ жаль* (1 Кор. VII, 25—28). Весьма осторожно начавъ рѣчь о дѣвствѣ и намѣреваясь предложить совѣтъ, кому угодно, отдавать дочь свою замужъ, чтобы въ дѣлахъ святости ничто не было по необходимости и принужденію, но по свободному произволенію души, (потому что это угодно Богу), — онъ хочетъ говорить объ

этомъ, т. е. относительно замужества дѣвицы, не въ видѣ повелѣнія и воли Господней. Именно, сказавъ: *если дѣвица и выйдетъ замужъ, не согрѣшитъ*, онъ опять предусмотрительно ограничиваетъ это снисхожденіе, объявляя, что даетъ такой совѣтъ, какъ человѣческое позволеніе, а не божественное. Далѣе послѣ словъ: *если дѣвица выйдетъ замужъ не согрѣшитъ*, онъ тотчасъ прибавилъ: *но таковыя будутъ имѣть скорби по плоти; а мнѣ васъ жаль* (1 Кор. VII, 28), т. е. я, щадя васъ, други, далъ такое позволеніе, если уже вы предпочитаете такъ разсуждать, — чтобы не показалось, будто я влеку васъ силою къ этому и принуждаю кого-нибудь. Впрочемъ, если вы, будучи не въ состояніи переносить дѣвства, болѣе склоняетесь къ этому позволенію, то и при этомъ, я думаю, для васъ полезнѣе умѣрять плотскія раздраженія, не давая своимъ членамъ, подъ предлогомъ позволенія вступать въ бракъ, нечистаго употребленія. Поэтому онъ прибавляетъ: *я вамъ сказываю, братія: время уже коротко; такъ что имѣющіе женъ должны быть, какъ не имѣющіе* (1 Кор. VII, 29). Потомъ опять настойчиво убѣждая къ тому же, онъ такъ ведетъ рѣчь, чтобы еще сильнѣе утвердить расположеніе къ дѣвству. Въ дополненіе къ вышесказанному, онъ буквально говоритъ слѣдующее: *я хочу, чтобы вы были безъ заботъ. Неженатый заботится о Господнемъ; а женатый заботится о мірскомъ, какъ угодить женѣ. Есть разность между замужнею и дѣвицею: незамужняя заботится о Господнемъ, чтобы быть святою и тѣломъ и духомъ; а замужняя заботится о мірскомъ, какъ угодить мужу* (1 Кор. VII, 32—34). Безъ сомнѣнія ясно для всѣхъ, что заботиться о Господнемъ и угождать Богу гораздо лучше, нежели заботиться о мірскомъ и угождать женѣ. Кто же такъ глупъ и слѣпъ, чтобы не понять отсюда, что увѣщаніе Павла клонится больше къ дѣвству? Говорю это, продолжаетъ онъ, для вашей же пользы, не съ тѣмъ, чтобы наложить на васъ узы, но чтобы вы благочинно (служили Господу) (1 Кор. VII, 35).

ГЛАВА XIV.

Дѣвство есть даръ Божій, и рѣшимость на него не всякимъ безразсудно должна быть принимаема.

Кромѣ вышесказаннаго представъ и то, что, по ученію Павла, расположеніе къ дѣвству даруется Богомъ. Посему—тѣхъ изъ невоздержныхъ, которые рѣшаются на него изъ тщеславія, онъ отвергаетъ, совѣтуя имъ вступать въ бракъ, чтобы во время зрѣлаго возраста, когда начнутся плотскія волненія и страсти, они не посрамились, раздражаясь въ душѣ. Посмотримъ же, какъ онъ учитъ. *Если кто, говоритъ онъ, почитаетъ неприличнымъ для своей дѣвицы то, чтобы она, будучи въ зрѣломъ возрастѣ, оставалась такъ, тотъ пусть дѣлаетъ, какъ хочетъ; не согрѣшитъ: пусть таковыя выходятъ замужъ* (1 Кор. VII, 36). Здѣсь онъ собственно предпочитаетъ бракъ посрамленію для тѣхъ, которые, рѣшившись оставаться въ дѣвствѣ, потомъ унывають и тяготятся, и на словахъ изъ стыда предъ людьми представляются воздержными, а на дѣлѣ не могутъ долѣе оставаться въ дѣвствѣ. Тому же, кто по собственному и свободному расположенію рѣшается соблюдать свою плоть дѣвственною, *не будучи стѣсняемъ нуждою* (1 Кор. VII, 37) (т. е. страстію, возбуждающею въ чреслахъ похоть, потому что тѣла, какъ извѣстно, бываютъ различныхъ свойствъ), и притомъ, если онъ соревнуетъ и подвизается и твердо пребываетъ въ своемъ обѣтѣ и прекрасно выдерживаетъ его до конца (Павелъ), заповѣдуетъ быть твердымъ и соблюдать это, отдавая преимущество дѣвству. Кто можетъ, говоритъ онъ, и старается сохранить свою плоть дѣвственною, тотъ дѣлаетъ лучше; а кто не можетъ и вступаетъ въ законный бракъ, а не растлѣваетъ себя тайно, тотъ поступаетъ хорошо. Впрочемъ объ этомъ довольно.—Желающій пусть возьметъ въ руки посланіе къ Коринейнамъ, и вникнувъ подробно въ написанное тамъ, пусть потомъ разсмотритъ сказанное нами и сравнитъ, есть ли между тѣмъ и другимъ полное согласіе и единомысліе.

Вотъ, что и я по силамъ приношу тебѣ, Арета, въ разсужденіе о дѣвствѣ.

Еввуль. Весьма многословно, Григора, но едва коснулась она предмета, измѣривъ и проплывъ обширнѣйшее море словъ.

Григора. Кажется, такъ; но будемъ припоминать по порядку и въ точности излагать и остальное, что, мнѣ кажется, еще раздается въ моихъ ушахъ, прежде, нежели оно улетитъ и исчезнетъ, потому что у стариковъ легко изглаждается изъ памяти недавно слышанное.

Еввуль. Скажи же; мы для того и сошлись, чтобы охотно послушать этихъ рѣчей.

Григора. И такъ, когда Фалія, какъ ты сказалъ, совершивъ свое безмятежное плаваніе, сошла на землю, то Θεопатра, по порядку смѣнивъ ее, какъ она сама говорила, сказала слѣдующее.

Р Ѣ Ч Ь IV.

Θ Ε Ο Π Α Τ Ρ Α .

Г л а в а I.

Необходимо прославлять добродѣтель всякому, у кого есть къ тому способность.

Если бы мудрость словеснаго искусства, дѣвы, стояла на одной и той же степени и постоянно шла однимъ и тѣмъ же путемъ, то не было бы никакого способа не наскучить вамъ для меня, рѣшающейся говорить о предметѣ уже разсмотрѣнномъ. Но такъ какъ есть множество оборотовъ и способовъ рѣчи, при помощи Бога, *многократно и многообразно* вдохновляющаго насъ (Евр. I, 2); то какая надобность таиться и страшиться? При томъ не безвиненъ тотъ, кто, будучи причастенъ благодати, не станетъ прославлять прекраснаго благодарственными рѣчами и не будетъ порицать дурного. Поэтому и мы будемъ восхвалять это блистательнѣйшее и почтеннѣйшее изъ дарованій, свѣтило Христово, дѣвство. Это — пространнѣйшій и обильнѣйшій путь Духа. Посему, о чемъ говорить намъ покажется приличнымъ и

соотвѣтственнымъ вышесказанному, съ того и надобно начать разсужденіе.

ГЛАВА II.

Цѣломудріе и дѣвство даны Богомъ въ охрану людямъ, чтобы они избавлялись отъ нечистоты пороковъ.

Мнѣ кажется,—я точно дознала, что нѣтъ ничего столь дѣйствительнаго для возвращенія въ рай, для восстановленія въ нетлѣніе и примиренія съ Богомъ, и столь спасительнаго для людей, руководствующаго насъ къ жизни, какъ дѣвство. Постараюсь теперь раскрыть это, какъ понимаю, чтобы вы, ясно услышавъ о силѣ упомянутаго дарованія, узнали, какія оно доставило намъ блага. Въ древности, (послѣ того какъ человѣкъ за преслушаніе былъ изгнанъ изъ рая) и переселенъ, потокъ тлѣнія разлился широко и, несясь съ необычайною стремительностію, не только во внѣ безпорядочно увлекалъ все встрѣчающееся, но и вторгаясь внутрь потоплялъ души. Однѣ изъ нихъ, часто подвергаясь этимъ нападеніямъ, увлекались слѣпо и безчувственно, оставивъ управленіе своими ладьями, потому что не имѣли, за чтобы ухватиться твердое. Ибо душевныя чувства, какъ утверждаютъ свѣдущіе въ этомъ, бывъ поражаемы нападающими отъ страстей и подвергаясь потоку вторгающейся внутрь волны безумія, тотчасъ сбиваются съ прямого пути, не имѣя возможности отъ помраченія благополучно проходить все его естественное теченіе. Посему Богъ, сжалившись надъ нами, находившимися въ такомъ положеніи и не имѣвшими силъ возстать и оправиться, послалъ съ небесъ превосходнѣйшую и славнѣйшую помощь—дѣвство, чтобы, прикрѣпивъ къ ней наши тѣла, подобно кораблямъ, мы наслаждались тишиною и безвредно вошли въ пристань, какъ свидѣтельствуется и Св. Духъ. Это содержится въ тридцать шестомъ псалмѣ, гдѣ души, переселившіяся и взятыя отсюда и уже шествующія со Христомъ на небѣ, радостно воспѣваютъ благодарственную пѣснь Богу, что онѣ не были увлечены земными и тѣлесными волненіями. Потому и Фараонъ Египетскій, говорятъ, сталъ образомъ діа-

вола, когда повелѣлъ безпощадно бросать въ рѣку младенцевъ мужскаго пола, а женскій полъ оставлять въ живыхъ (Исх. I, 16): ибо и діаволъ, царствовавшій отъ Адама до Моисея надъ великимъ Египтомъ, т. е. надъ міромъ, старался ввергать въ потоки страстей и убивать мужескія и разумныя порожденія души; а плотскія и безумныя старается онъ умножать и увеличивать.

ГЛАВА III.

Объясняется псаломъ Давида: На рѣкахъ Вавилонскихъ и пр. Что означаютъ арфы, повѣшенныя на вербахъ? Верба—символъ дѣвства. Вербы, напоенныя водами.

Но, чтобы намъ не отступить отъ предмета, возьмемъ въ руки и объяснимъ тотъ псаломъ, который воспѣвають Богу чистыя непорочныя души. *При рѣкахъ Вавилона, говорятъ онѣ, тамъ сидѣли мы и плакали, когда вспоминали о Сіонѣ; на вербахъ посреди его повѣсили мы наши арфы* (Псал. CXXXVI, 1. 2). Арфами онѣ ясно называютъ свои (тѣлесныя) хижины, которыя связавъ вервями дѣвства, онѣ повѣсили на деревѣ, чтобы онѣ не могли быть отторгнуты и опять увлечены потокомъ неводержанія. Ибо Вавилонъ, означающій *смятеніе* или *смѣшеніе* (Быт. XI, 9), ¹⁾ указываетъ на здѣшнюю, окруженную водами жизнь, среди которой мы, пока находимся въ мірѣ, утопаемъ въ рѣкахъ, постоянно устремляющихся на насъ. Посему мы и страшимся и взываемъ къ Богу съ плачемъ и рыданіемъ, чтобы арфы наши (т. е. тѣла) не погибли, бывъ отторгнуты волнами сластолюбія отъ дерева дѣвства. Ибо верба въ священныхъ Писаніяхъ вездѣ принимается за образъ дѣвства (Лев. XXIII, 40. Исаія. XLIV, 4); потому что цвѣтъ ея, истертый въ водѣ и выпитый, погашаетъ все, что возбуждаетъ похоть и сладострастіе, а иногда дѣлаетъ совершенно безплоднымъ и непроизводительнымъ всякое дѣтородное пожеланіе, какъ замѣтилъ и Гомеръ, по этому назвавшій вербы *убящими плоды* ²⁾. И у Исаи гово-

¹⁾ Съ Еврейскаго: Balal, смѣшивать.

²⁾ Ὀλεσθήριον. Одисс. X, 510.

рится, что *праведники будутъ расти, какъ ивы при потокахъ водъ* (XLIV, 4). Подлинно, вѣтвь дѣвства вырастаетъ крѣпко и пышно тогда, когда праведникъ и тотъ, кому поручено соблюдать и воздѣлывать ее, напаяется тихими потоками Христовыми, орошаясь премудростію. Какъ это дерево обыкновенно зеленѣетъ и растетъ отъ воды, такъ и дѣвство обыкновенно цвѣтетъ и возрастаетъ, укрѣпляясь (священными) реченіями, такъ что всякій можетъ повѣсить на немъ свою арфу.

ГЛАВА IV.

Писатель продолжаетъ объясненія того же мѣста.

Итакъ, если рѣки Вавилонскія, какъ утверждаютъ мудрые, суть потоки сладострастія, возмущающіе и разстроивающіе душу, то вербы должны означать цѣломудріе, посредствомъ котораго привѣсивая мы возвышаемъ орудія похоти, тяготѣющія внизъ и погружающія умъ, чтобы они, нисходя по протокамъ неводержанія, подобно червямъ, не смѣшались съ нечистотами и гниlostію. Богъ даровалъ дѣвство, какъ полезнѣйшее и дѣйствительное средство къ достиженію нетлѣнія, пославъ въ немъ союзника тѣмъ, которые желаютъ и стремятся къ нему; ихъ Псалмопѣвецъ разумѣетъ подъ именемъ Сіона, который означаетъ блистательную любовь и заповѣдь о ней; такъ какъ слово *Сіонъ* значитъ: *заповѣдь наблюденія* (ἐντολή σκοπῆς) ¹⁾. Такъ будемъ разсуждать и о дальнѣйшемъ. О чемъ же говорятъ души, утверждая, что плѣннвшіе требовали отъ нихъ *пѣть пѣснь Господню на землѣ чужой?* Безъ сомнѣнія онѣ учатъ, что евангеліе есть священная и таинственная пѣснь, которую только грѣшники и прелюбодѣи воспѣваютъ предъ лукавымъ. Ибо они преступаютъ заповѣди, исполняя волю духовъ злобы, и бросаютъ святыню псамъ и жемчугъ предъ свиньями (Мѣ. VII, 6), подобно тѣмъ, о которыхъ съ негодованіемъ говоритъ пророкъ: *и вѣтъ читали законъ* (Амос. IV, 5) ²⁾. Не

¹⁾ Съ Еврейскаго: Zivah, заповѣдь, и Zijun, знакъ, памятникъ.

²⁾ По переводу 70-ти толковниковъ.

за то пророкъ сильно укоряетъ ихъ и провозглашаетъ виновными въ преступленіи, что они выходили читать законъ за ворота Іерусалима, или (за двери) домовъ, но за то, что нарушая заповѣди и совершая нечестіе предъ Богомъ, они лицемѣрно, какъ будто благочестивые, читали заповѣди, а въ душѣ не принимали ихъ, не содержали съ вѣрою, на противъ презирали, отвергая ихъ своими дѣлами. Посему они и поютъ пѣснь Господню на землѣ чужой, низкимъ образомъ извращая и толкуя законъ, ожидая чувственного царства и возлагая свои надежды на эту чуждую землю, о которой Слово (Божіе) говоритъ, что она пройдетъ (1 Петр. II, 10), и въ которой плѣнившіе увлекаютъ ихъ пріятностями, коварно доводя до обольщенія.

ГЛАВА V.

Свойства дѣвственницъ, которыми украсившись онѣ усвоятся одному мужу — Христу.

Возвѣщающіе евангеліе безумнымъ подобны поющимъ пѣснь Господню на землѣ чужой, которой воздѣльватель не Христосъ; а облекшіяся и сіяющія чистѣйшею, свѣтлою, непорочною, благочестивою и благовидною красотою дѣвства, оставшіяся безплодными и непроизводительными въ отношеніи къ приходящимъ и прискорбнымъ страстямъ, не поютъ пѣсни на землѣ чужой, потому что не туда онѣ стремятся надеждами, не предаются пагубнымъ наслажденіямъ смертныхъ тѣлъ и не низко понимаютъ смыслъ заповѣдей, но прекрасно и благородно, съ высокимъ разумніемъ внимаютъ горнимъ обѣтованіямъ, жаждая небеснаго и сроднаго имъ жилища. Посему и Богъ, радуясь такимъ помысламъ ихъ съ клятвою обѣщаетъ даровать имъ превосходныя почести, поставить впереди и посадить ихъ во главѣ веселія. Онъ такъ говоритъ: *если я забуду тебя, Іерусалимъ, забуду меня десница моя; прильпни языкъ мой къ гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Іерусалима во главѣ веселія моего* (Псал. CXXXVI, 5. 6). Іерусалимомъ называетъ Онъ, какъ я сказала, эти самыя чистыя и непорочныя души, которыя, воздержно вкушая питіе дѣвства неоскверненными

устами, обручаются *единому мужу*, чтобы предстать на небѣ Христу *чистою дѣвою* (2 Кор. XI. 3), одержавъ побѣду *непорочными подвигами* (Прем. IV, 2). Такъ и пророкъ Исаія возглашаетъ: *возстанъ, свѣтись, Іерусалимъ; ибо пришелъ свѣтъ твой, и слава Господня возшла надъ тобою* (LX, 1). А что эти обѣтованія исполнятся по воскресеніи (Филип. III, 11), это ясно для всякаго; ибо Духъ Святый пророчествуетъ не объ іудейскомъ извѣстномъ городѣ, но о томъ небесномъ и по истинѣ блаженномъ городѣ Іерусалимѣ, который есть собраніе душъ, которыя Богъ, по Его словамъ, ясно обѣщаетъ поставить впереди, первыми, во главѣ веселія новыхъ вѣнковъ, поселивъ ихъ, облеченныхъ блистательнѣйшею красотою дѣвства, и въ чистомъ жилищѣ незаходимаго свѣта, за то, что онѣ не думали совлекать съ себя украшеніе невѣствъ, т. е. омрачать умъ гнусными помыслами.

ГЛАВА VI.

Дѣвство вездѣ и всегда должно быть соблюдаемо и восхваляемо.

Подлинно, слова Іереміи: *забываетъ ли дѣвица украшеніе свое и невѣста нарядъ* (σῦδοςσῦδος) свой (II, 32) означаютъ то, чтобы не распускать и не ослаблять узъ цѣломудрія предъ соблазнами и обольщеніями. Ибо подъ словомъ σῦδος (грудь), конечно, разумѣются мысли и умъ нашъ; а σῦδοςσῦδος (грудная повязка) — этотъ поясъ, связывающій и укрѣпляющій расположеніе души дѣвству,—есть любовь къ Богу, который (поясъ) предводитель нашъ и пастырь, Владыка и Женихъ Іисусъ да поможетъ мнѣ и вамъ, прекрасныя дѣвы, сохранить до конца неослабнымъ и запечатлѣннымъ; потому что не легко найти другую помощь людямъ лучше этого сокровища, угоднаго и пріятнаго Богу. Посему я утверждаю, что всѣ должны почитать дѣвство, и всегда соблюдать и восхвалять его. Этихъ начатковъ рѣчей отъ насъ да будетъ достаточно для тебя, Арета, какъ для шутки, такъ и не для шутки.—Принимаю этотъ даръ, сказала Арета,—говорила она, —но предлагаю говорить послѣ тебя Фаллусъ; потому что мнѣ нужно отъ каждой изъ васъ выслушать по

рѣчи. Итакъ, — говорила она, — Фаллуса, помедливъ немного и какъ бы углубившись въ себя, сказала.

РѢЧЬ V.

ФАЛЛУСА.

ГЛАВА I.

Обѣтъ дѣвства есть великое приношеніе.

Прошу тебя, Арета, быть мнѣ и теперь помощницею, чтобы рѣчь моя оказалась достойною во первыхъ тебя, а потомъ и (прочихъ) присутствующихъ. Я убѣждена, достаточно научившись изъ священныхъ Писаній, что подвигъ дѣвства есть величайшая и превосходнѣйшая жертва и даръ, достойнѣе котораго люди не могутъ ничего другаго принести Богу. Подлинно, многіе во время закона совершили много прекрасныхъ дѣлъ по обѣтамъ, но совершившими великій обѣтъ назывались только тѣ, которые по свободной волѣ пожелали посвятить (Богу) самихъ себя. Такъ говорится въ одномъ мѣстѣ: *и сказалъ Господь Моисею, говоря: объяви сынамъ Израилевымъ, и скажи имъ: мужчина или женщина, который дастъ великій обѣтъ, соблюдать чистоту предъ Господомъ...* (Числ. VI, 1) ¹⁾. Иной обѣщаетъ принести и посвятить въ храмъ золотые и серебряные сосуды, другой — посвятить десятину отъ плодовъ, иной (десятину) отъ имѣній, другой самое лучшее изъ стадъ, иной все имущество; но никто изъ нихъ еще не можетъ назваться давшимъ великій обѣтъ Господу, а только тотъ, кто всецѣло посвятилъ Богу самого себя.

ГЛАВА II.

Что значитъ принесеніе Авраамомъ въ жертву трилѣтней телицы, трилѣтней козы и трилѣтняго овна? Всякій возрастъ долженъ быть посвящаемъ Богу.

Трикатная сѣна стражи и нашъ возрастъ.

Надобно постараться предъ вами, дѣвы, надлежащимъ образомъ объяснить смыслъ Писанія касательно предложеннаго предмета. Кто отчасти соблюдаетъ себя и внима-

¹⁾ По переводу 70 толковниковъ.

теленъ къ себѣ, а отчасти развлекается и согрѣшаетъ, тотъ не всецѣло посвящаетъ себя Богу. Ибо надобно совершенно всего себя посвятить (Богу), какъ по душѣ, такъ и по тѣлу, чтобы быть вполнѣ благоустроеннымъ и не имѣть недостатка. Посему и Аврааму Богъ повелѣваетъ: *возьми, говоритъ, Мнѣ трилѣтнюю телицу, трилѣтнюю козу, трилѣтняго овна, горлицу и молодаго голубя* (Быт. XV, 9). Прекрасно. Смотри, какъ Онъ и здѣсь внушаетъ тоже: „принеси Мнѣ и соблюди то, что небыло подъ ярмомъ и плугомъ, именно душу свою, какъ телицу, также и плоть и умъ: первую какъ бы козу, ибо она ходитъ по стремнинамъ и утесамъ; а послѣдній, какъ бы овна, чтобы онъ прыгая не палъ и не уклонился отъ истины; такимъ образомъ ты, Авраамъ, будешь совершеннымъ и непорочнымъ, посвятивъ Мнѣ и душу, и чувство, и умъ“, — которые символически Онъ называлъ трилѣтними телицею, козою и овномъ, какъ бы указывая на правильное понятіе о Троицѣ. А можетъ быть, Онъ намекаетъ на первый, средній и послѣдній путь нашей жизни и нашего возраста, желая, какъ и вполнѣ слѣдуетъ, чтобы мы посвящали Ему и дѣтскій, и мужескій, и старческій возрасты, провождая цѣломудренную жизнь, какъ и Господь нашъ, Іисусъ Христосъ говоритъ въ евангеліяхъ, заповѣдая такъ: *да будутъ чресла ваши препоясаны и свѣтильники горящи; и вы будете подобны людямъ, ожидающимъ возвращенія господина своего съ брака, дабы, когда прійдетъ и постучитъ, тотчасъ отворить ему. Блаженны вы; ибо онъ посадитъ васъ, и подходя станетъ служить. И если во вторую и въ третью стражу (найдетъ такъ), то блаженны вы* (Лук. XII, 35—38). Смотрите, дѣвы, какъ Онъ, представляя три ночныхъ стражи, вечернюю, вторую и третью, и три прибытія свои, указалъ на три смѣны нашего возраста, дѣтскую, мужескую и старческую, чтобы придти и взять насъ отъ міра, хотя бы мы были въ первомъ возрастѣ, т. е. дѣтьми, если Онъ найдетъ насъ готовыми и чистыми и не преданными ничему порочному, также хотя бы во второмъ, хотя бы въ третьемъ. Ибо вечерняя стража есть время цвѣтущаго возраста человѣка и юности, когда умъ начинаетъ смущаться, увлекаясь развлечениями жизни, а плоть его созрѣваетъ и пре-

дается страсти; вторая, когда онъ дѣлается совершеннымъ мужемъ, и умъ начинаетъ достигать устойчивости и твердости противъ смятеній и тщеславія; а третья, когда пожеланія большею частію прекращаются, и плоть уже увядаетъ и склоняется къ старости.

ГЛАВА III.

Самое лучшее — съ дѣтства упражняться въ добродѣтели.

Посему, зажегши въ сердцѣ неугасимый свѣтильникъ вѣры и препоясавши чресла цѣломудріемъ, должно бодрствовать и постоянно ожидать Господа, чтобы Онъ, захочетъ ли взять кого-либо изъ насъ въ первомъ возрастѣ, или во второмъ, или въ третьемъ, пришедши и нашедши насъ готовыми и исполнившими заповѣданное, упокоилъ въ нѣдрахъ Авраама, Исаака и Іакова. *Благо человеку, говоритъ Іеремія, когда онъ несетъ иго въ юности своей* (Плач. Іерем. III, 27), *и отъ Господа не удаляется душа его* (Іерем. XVII, 5). По истинѣ благо тому, кто, съ дѣтства подклонивъ выю подъ ученіе божественное, до старости не сбрасываетъ этого всадника, сидящаго надъ чистыми мыслями: потому что лукавый постоянно увлекаетъ умъ къ худшему. Напротивъ, кто, не перенося цѣломудрія, этого возницы, обуздывающаго и укрощающаго коня нечестія, не предается удовольствіямъ и наслажденіямъ посредствомъ зрѣнія, или слуха, вкуса, обонянія и осязанія? Иной, имѣя въ виду что-нибудь другое, будетъ думать иначе, а мы утверждаемъ, что совершенно посвящаетъ самого себя Богу тотъ, кто съ дѣтства старается хранить и плоть свою чистою, соблюдая дѣвство. Ибо оно скоро доставляетъ посвятившимъ себя ему возжелѣнные великіе дары надеждъ, ослабляя пагубныя страсти и раздраженія души. Объяснимъ же, какимъ образомъ мы можемъ посвящать себя Господу.

ГЛАВА IV.

Какой же обѣтъ и посвященіе Богу — совершенны?

Итакъ, заключающаяся въ книгѣ Числъ заповѣдь о великомъ обѣтѣ (Числ. VI, 1) указываетъ на то, на что ука-

зываютъ я въ болѣе обстоятельномъ объясненіи, утверждая, что величайшій изъ всѣхъ обѣтовъ есть обѣтъ дѣвства. Ибо очевидно тогда я всю себя посвящаю Господу, когда стараюсь сохранить плоть не только непричастною совокупленію, но незапятнанною и другими нечистотами. *Незамужняя*, говоритъ Апостолъ, *заботится о Господнемъ, какъ угодно Господу* (1 Кор. VII, 34), не только такъ, чтобы получить славу храмлющей на одну сторону добродѣтели, но чтобы съ обѣихъ сторонъ, по словамъ Апостола, и тѣломъ и духомъ быть святою, посвящая члены свои Господу. А что значить совершенно посвятить себя Господу, объ этомъ надобно сказать. Если я буду раскрывать уста свои для чего-нибудь одного и закрывать для другаго, напр. если буду раскрывать для объясненія Писаній, чтобы по возможности православно и великолѣпно прославлять Бога, и закрывать, прилагая къ нимъ *дверь и огражденіе* (Псал. CXL, 3), чтобы не говорить пустаго, — то уста мои дѣвствуютъ и посвящены Богу; *языкъ мой сталъ тростію* (Псал. XLIV, 2), орудіемъ мудрости; ибо чрезъ него явственными письменами пишетъ духовное Слово, просвѣщающее умъ глубиною и силою Писаній, Господь, *вѣчный книжникъ скорописецъ*; такъ какъ Онъ одинъ скоро и быстро пишетъ и исполняетъ волю Отца, слыша слова: *спѣшитъ грабежъ, ускоряетъ добыча* (Ис. VIII, 1). Этого книжника тростію и становится языкъ мой. Ему онъ дѣвственно преданъ и посвященъ, какъ прекрасная трость, пишущая прекраснѣе поэтовъ и ораторовъ, раскрывающихъ ученія человѣческія. Также если я приучу глаза не устремляться съ вожделѣніемъ на красоту тѣлесную и не услаждаться непристойными зрѣлищами, но созерцать горнее, — то и глаза мои дѣвствуютъ и посвящены Господу. Если я, заградивъ уши отъ злословія и пустословія, буду открывать ихъ для Слова Божія, посящая мудрыхъ (Сир. VI, 36), то и слухъ свой я посвятила Господу. Если я буду удерживать руки отъ ростовщичества, отъ перепродажи, отъ любостыжанія, отъ нанесенія ударовъ, то и руки мои дѣвствуютъ для Бога. Если я удержу ноги отъ хожденія по путямъ разврата, то и ноги я посвятила (Богу),

ходя не на судилища и пиршества, гдѣ бываютъ люди нечестивые, но употребляя ихъ на исполненіе какой-либо заповѣди. Что мнѣ за тѣмъ остается, если я дѣвствую и по сердцу, посвятивъ Господу всѣ помышленія его, если не думаю ни о чемъ дурномъ, если нѣтъ во мнѣ ни гордости, ни гнѣва, и днемъ и ночью занимаюсь закономъ Господнимъ? Это и значить *быть чистымъ великою чистотою, объ- щаться великимъ обътомъ* (Числ. VI, 1).

ГЛАВА V.

Обѣтъ дѣвства и постановленіе о немъ въ законѢ. Виноградныя лозы — Христосъ и діаволъ.

Я постараюсь объяснить вамъ, дѣвы, и слѣдующія за тѣмъ предписанія, такъ какъ и они касаются вашихъ обязанностей, составляя законоположенія о дѣвствѣ и требованія, научающія, отъ чего дѣва должна воздерживаться и удаляться. Тамъ написано такъ: *и сказалъ Господь Моисею, говоря: объяви сынамъ Израилевымъ, и скажи имъ: если мужчина или женищина дастъ великій обѣтъ соблюдать чистоту предъ Господомъ, то онъ долженъ воздержаться отъ вина, и крѣпкаго напитка (сіхера), и не долженъ употреблять ни уксусу изъ вина, ни уксусу изъ напитка, и ничего приготовленнаго изъ винограда не долженъ пить, и не долженъ ѣсть ни сырыхъ, ни сушеныхъ виноградныхъ ягодъ во все дни объта своего* (Числ. VI, 1—4)¹⁾. Это значить: кто обрекъ и посвятилъ себя Господу, тотъ не долженъ срывать плодовъ съ дерева нечестія, потому что они всегда производятъ опьяненіе и изступленіе. Ибо мы знаемъ изъ Писаній, что есть два рода винограда, которые растутъ отдѣльно другъ отъ друга и различны между собою. Одинъ доставляетъ безсмертіе и правду, а другой бываетъ причиною неистовства и безумія. Виноградъ, отрезвляющій и веселящій (Зах. IX, 1. 7; Псал. CIII, 15), радостно производящій изъ глаголовъ своихъ, какъ бы изъ вѣтвей, грозды дарованій, источающіе любовь, есть Господь нашъ,

¹⁾ По переводу 70 толковниковъ.

Иисусъ Христосъ, который ясно говоритъ Апостоламъ: *я есть истинная виноградная лоза, вы вътви, а Отецъ Мой виноградарь* (Іоан. XV, 1. 5). Дикій же и смертоносный виноградъ, источающій неистовство, ядъ и гнѣвъ, есть діаволъ, какъ говоритъ Моисей, описывая его такъ: *виноградъ ихъ отъ виноградной лозы Содомской и съ полей Гоморскихъ; ягоды ихъ ягоды ядовитыя, грозды ихъ горькіе; вино ихъ ядъ драконовъ и тибельная отравя аспидовъ* (Второзак. XXXII, 32. 33). Имъ насыщаясь, жители Содома дошли до такого неистовства, что предались противоестественному бесплодному мужеложеству (Быт. XVIII, 20; XIX, 4). Имъ упиваясь, современники Ноя впали въ невѣріе, и погибли подъ водами потопа (Быт. VI, 7). Отсюда почерпая, Каинъ обагрилъ братоубійственныя руки и осквернилъ землю родственною кровію (Быт. IV, 8). Имъ упиваясь, народы возбуждаютъ ярость свою къ убійственнымъ войнамъ другъ противъ друга. Не въ такое приходитъ человѣкъ изступленіе и умопомѣшательство отъ вина, какъ отъ зависти и гнѣва; не столько пьянѣютъ и неистовствуютъ отъ вина, сколько отъ скуки, отъ любовной страсти, отъ невоздержности. Отъ этого винограда запрещено вкушать дѣвѣ, чтобы она, оставаясь трезвенною и неусыпляемою отъ житейскихъ заботъ, возжигала Слову свѣтильникъ, сіяющій свѣтомъ правды. *Смотрите же за собою, говоритъ Господь, чтобы сердца ваши не отягчались обзяденіемъ и пьянствомъ и заботами житейскими, и чтобы день тотъ не постигъ васъ, какъ сътъ* (Лук. XXI, 34).

ГЛАВА VI.

Сикеръ-вино искусственное и поддѣльное, и также опьяняющее. Дѣвѣ нужно остерегаться и отъ того, что близко ко грѣху. Дѣвы—жертвенникъ еиміама.

Дѣвѣ запрещено касаться какимъ-либо образомъ не только того, что готовится изъ этого винограда, но и того, что сходно и сродно съ нимъ; такъ крѣпкимъ напиткомъ (σίκερα) называется всякое искусственное и поддѣльное вино, будетъ ли оно приготовлено изъ финиковъ, или

изъ другихъ древесныхъ плодовъ. И эти напитки столь же сильно омрачаютъ разумъ, какъ и употребленіе вина. И если сказать вамъ правду, то мудрые называютъ сикеромъ все, что подобно виноградному вину производитъ опьяненіе и изступленіе души. Посему, чтобы дѣва, охраняя себя только отъ существенныхъ грѣховъ нечестія, не осквернялась подобнымъ и сроднымъ съ ними, отъ одного воздерживаясь, а другому предаваясь, напр. украшаясь тканями отличныхъ одеждъ, или камнями и золотомъ и другими тѣлесными украшеніями, которыя также опьяняютъ душу,—для этого предписывается, чтобы она не предавалась чрезмѣрно женскому легкомыслію, смѣху, притворству и пустословію, которыя кружатъ и смущаютъ умъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ внушаетъ (Писаніе), когда говоритъ: *не пьйте ѱены (bāṣṣā) и тому подобныхъ, и крота и тому подобныхъ* (Лев. XI, 27—29). Ибо—тотъ самый прямой и краткій путь къ небу, чтобы не только не брать съ собою ничего, препятствующаго и вреднаго для человѣка, склоннаго къ сладострастію и наслажденіямъ, но и подобнаго тому. Подлинно, сонмъ дѣвственницъ есть безкровный жертвенникъ, какъ говоритъ преданіе; такимъ великимъ и славнымъ стяжаніемъ является дѣвство. Посему всячески должно соблюдать его незапятнаннымъ и чистымъ, непричастнымъ плотскихъ нечистотъ, и ставить его предъ (ковчегомъ) откровенія внутри Святаго Святыхъ позлащеннымъ премудростію и воскуряющимъ еиміамъ любви Господу. *Сдѣлай Мнѣ*, говоритъ Онъ, кромѣ жертвенника, обложеннаго мѣдью, для всесожженій, на которомъ приносились жертвы, другой жертвенникъ изъ деревъ неиміющихъ, обложи его золотомъ, и поставь его предъ заѣзсою, которая предъ ковчегомъ откровенія, противъ крышки, которая на ковчегѣ откровенія; *идѣ Я буду открываться тебѣ. На немъ Ааронъ будетъ курить благовоннымъ куреніемъ, каждое утро, когда онъ приготовляетъ лампады, будетъ курить на немъ всегдашнее куреніе предъ Господомъ въ роды ваши. Не будетъ приноситься на немъ никакого инаго куренія, ни всесожженія, ни приношенія хлѣбнаго, и возліанія не будетъ возливаться на немъ* (Исх. XXVII, 2. 3. XXX, 1—9).

ГЛАВА VII.

Церновъ находится въ срединѣ между тѣнями закона и небесными истинами.

Если законъ, по словамъ Апостола, духовенъ и заключаетъ въ себѣ образы *будущихъ благъ* (Евр. X, 1), то снявъ съ него покрывало письмени, мы можемъ открыто видѣть непокровенную истину. Евреямъ было заповѣдано украсить скинію, подобіе Церкви, чтобы они могли посредствомъ чувственныхъ предметовъ предвозвѣщать образъ божественныхъ. Ибо образецъ, показанный на горѣ, на который взирая Моисей устроилъ скинію (Исх. XXX, 40), былъ точнымъ отраженіемъ небеснаго селенія, предъ которымъ мы теперь служимъ яснѣе прообразовъ (τύπων), но темнѣе самой истины. Самая истина, какова она есть сама по себѣ, еще не пришла къ намъ—людямъ, которые здѣсь не можемъ переносить созерцанія чистаго нетлѣнія, какъ не можемъ смотрѣть на лучи солнечные. Евреи возвѣщали тѣнь образа, третью отъ истины; мы же свѣтло величаемъ образъ (εἰκόνα) небеснаго селенія. А самая истина въ точности откроется по воскресеніи, когда мы не гадательно и отчасти, а лицомъ къ лицу (1 Кор. XIII, 12) будемъ созерцать святую скинію, тотъ небесный городъ, котораго художникъ и строитель Богъ (Евр. XI, 10).

ГЛАВА VIII.

Два жертвенника — вдовы и дѣвы. Золото — символъ дѣвства.

Иудеи предвозвѣщали о нашемъ, а мы возвѣщаемъ о небесномъ, такъ какъ скинія была символомъ Церкви, а Церковь—небесъ. Если это такъ, если скинія, какъ я сказала, принимается за образъ Церкви, то необходимо, чтобы и жертвенники служили какими-нибудь знаками принадлежности Церкви. Жертвенникъ, обложенный мѣдью, можно уподобить старческому отдѣлу вдовъ; ибо онъ суть одушевленный жертвенникъ Божій, на который приносили тельцовъ и десятины и другіе добровольные дары, посвящаемые въ жертву Господу; а жертвенникъ, обложенный золотомъ,

который находился внутри Святаго Святыхъ предъ ковчегомъ откровенія, и на который запрещено было приносить жертву и возліянія, надобно сравнить съ дѣвственницами, укрѣпившими нерастлѣнныя совокупленіемъ тѣла свои не-тлѣннымъ золотомъ. Въ похвалу золота указываютъ на два свойства его, на то, что оно не подвергается ржавчинѣ, и на то, что по цвѣту своему оно нѣсколько уподобляется солнечнымъ лучамъ; оно справедливо и служитъ символомъ дѣвства, которое не допускаетъ пятна и порока (Ефес. V, 27) и постоянно сіяетъ свѣтомъ Слова. Посему оно и стоитъ внутри Святаго Святыхъ, весьма близко и предъ самою завѣсою, вознося чистыми руками, какъ бы еиміамъ, молитву Господу въ пріятное благоуханіе, какъ внушаетъ и Іоаннъ, говоря, что еиміамы въ чашахъ двадцати четырехъ старцевъ суть молитвы святыхъ (Апок. V, 8). — Вотъ чтó тебѣ, Арета, и я безъ приготовленія посильно приношу въ разсужденіе о дѣвствѣ.

Когда Өаллуса сказала это,—говорила Өеопатра, — то Арета коснулась жезломъ Агаөы, которая, почувствовавъ, тотчасъ встала и отвѣчала.

Р Ъ Ч Ъ VI.

А Г А Ө А.

ГЛАВА I.

Превосходство дѣвы, соблюдающей свою красоту. Душа создана по подобію образа Божія, т. е. Сына. Діаволь-обольститель души.

Такъ какъ ты, Арета, сама возбуждаешь великое дерзновеніе и увѣренность и желаніе сказать что-нибудь хорошее, то и я постараюсь привнести что-нибудь къ разсужденію объ этомъ предметѣ по моимъ силамъ, а не со-отвѣтственно тому, чтó уже сказано. Ибо я не могу разсуждать наравнѣ съ тѣмъ, чтó такъ прекрасно и блистательно отдѣлано. Кажется, я навлекла бы на себя обличеніе въ неразуміи, если бы рѣшилась равняться съ превосходнѣйшими въ мудрости. Итакъ, если вы будете сни-

сходительны и къ тѣмъ, которые говорятъ какъ случится, то я приступлю къ рѣчи, впрочемъ со всею тщательностію. Начну отсюда.—Дѣвы! мы всѣ приходимъ въ сей міръ одаренными красотою несравненною, сродною и близкою съ Премудростію. Души въ точности соотвѣтствуютъ родившему и образовавшему ихъ въ особенности тогда, когда онѣ, сіяя чистою красотою подобія (съ Нимъ) и чертами того первообраза, созерцая который Богъ образовалъ ихъ имѣющими безсмертный и нетлѣнный видъ, остаются такими. Ибо Онъ,—эта красота нерожденная и безплотная, не имѣющая начала и непричастная разрушенію, неизмѣнная, нестарѣющая и ни въ чемъ не нуждающаяся, самъ въ Себѣ и по Себѣ Свѣтъ, обитающій въ неизреченномъ и непреступномъ жилищѣ (1 Тимое. VI, 16), преизбыткомъ могущества содержащій и творящій и образующій все, создалъ душу по подобію своего образа. Потому она и разумна и безсмертна; ибо она, бывъ создана, по образу Единороднаго, какъ я сказала, имѣетъ несравненную красоту. Потому и духи злобы (Ефес. VI, 12), по нечистой любви къ ней, строятъ козни, стараясь осквернить этотъ богоподобный и вожделѣнный видъ ея, какъ изображаетъ и пророкъ Іеремія въ обличеніе Іерусалима: *у тебя былъ лобъ блудницы, ты отбросила стыдъ съ любовниками твоими* (Іерем. III, 1—3), говоря о той, которая отдаетъ сама себя на оскверненіе враждебнымъ силамъ. Эти любовники суть діаволъ и ангелы его, которые своимъ вмѣшательствомъ стараются запятнать и осквернить словесную и разумную красоту нашего ума и желаютъ прелюбодѣйствовать со всякою душею, обрученною Господу.

ГЛАВА II.

Притча о десяти дѣвахъ.

Итакъ, если кто сохранить это красоту незапятнанною, неповрежденною и такою, какою отпечатлѣлъ ее самъ создавшій и украсившій ее по подобію вѣчнаго и разумнаго Существа, котораго человекъ есть образъ и подобіе, явив-

шисъ какъ бы прекраснѣйшимъ и священнымъ Его изображеніемъ, то онъ, переселившись отсюда въ городъ блаженныхъ, т. е. на небеса, поселится какъ бы во храмѣ. Красота же наша всего лучше и надежнѣе сохраняется чистотою тогда, когда она, ограждаясь дѣвствомъ, не чернится отвѣтъ огнемъ растлѣнія, но оставаясь одинаковою сама въ себѣ, украшается правдою, обручившись Сыну Божію, какъ и самъ Онъ говоритъ, когда заповѣдуетъ, чтобы въ нашихъ тѣлахъ, какъ бы въ свѣтильникахъ, горѣлъ свѣтъ дѣвства (Матѣ. XXV). Десять дѣвъ означаютъ души, вѣрующія въ Іисуса Христа; а числомъ десять изображается прямой единственный путь на небеса. Но пять изъ нихъ были благоразумныя и мудрыя, другія же пять глупыя и неразумныя; ибо онѣ не позаботились наполнить свои сосуды елемъ, не исполнившись правды. Подъ послѣдними разумѣются тѣ, которыя стремятся достигнуть цѣли дѣвства и пристойно и трезвенно исполняютъ все, ведущее къ достиженію этой вождельной цѣли, но разглашая и тщеславясь этимъ намѣреніемъ ослабѣваютъ и побѣждаются преходящею суетою міра и оказываются болѣе начертывающими тѣнь добродѣтели, нежели исполняющими самую одушевленную истину.

ГЛАВА III.

Стремленіе и предначинанія къ дѣвству бываютъ одинаковы, а послѣдствія различны.

Слова: *подобно царство небесное десяти дѣвамъ, которыя, взявъ свѣтильники свои, вышли на встрѣчу жениху* (Матѣ. XXV, 1), выраженіемъ десятиричнаго числа указываютъ на то, что ими избранъ былъ одинъ и тотъ же путь жизни. Ибо онѣ отправились, согласившись между собою на одно и тоже дѣло, и потому полагаются въ числѣ десяти, что имѣли, какъ я сказала, одно и тоже намѣреніе; но не одинаково онѣ вышли на встрѣчу жениху. Однѣ изъ нихъ въ изобиліи и на будущее время запасли пищу для свѣтильниковъ, питающихся елеемъ; а другія, заботясь только о настоящемъ, были безпечны. Раздѣленіе ихъ на равныя числа по пяти

означаетъ пять чувствъ, которыя многія называютъ вратами мудрости, и которыя однѣ изъ нихъ сохранили чистыми и дѣвственными отъ грѣховъ, а другія напротивъ исказили множествомъ неправдъ, предавшись нечестію. Онѣ, при своемъ дѣвствѣ, воздерживаясь отъ дѣлъ правды, принесли болѣе грѣховныхъ плодовъ, отъ чего и произошло то, что онѣ были отвергнуты и остались внѣ божественныхъ чертоговъ. Ибо, дѣлаемъ ли мы что-нибудь доброе, или грѣшимъ, чрезъ эти (чувства) исполняются и добрыя и злыя дѣла. И какъ Фаллуса сказала, что есть дѣвственность глазъ, ушей, языка и прочихъ чувствъ, такъ и здѣсь пятью дѣвами называется всякая, сохранившая неповрежденною вѣрность пяти проводниковъ добродѣтели — зрѣнія, вкуса, обонянія, осязанія и слуха, когда она воспріятія пяти чувствъ представляетъ чистыми Христу, свѣтло сіяя, подобно свѣтильнику, святостію каждаго изъ нихъ. По истинѣ наше тѣло есть пятисвѣщный свѣтильникъ, который душа неся, подобно факелу, представитъ въ день воскресенія Жениху-Христу, выразивъ проявляющуюся чрезъ всѣ чувства свѣтлую вѣру, какъ Онъ самъ научилъ, сказавъ: *огонь пришелъ Я низвести на землю, и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возгорѣлся* (Лук. XII, 49), называя землею наши (тѣлесныя) хижины, въ которыхъ Онъ желалъ скорѣе возжечь животворное и пламенное дѣйствіе своего ученія. А елей надобно уподобить мудрости и правдѣ. Ибо, когда душа изобилуетъ ими и проводитъ ихъ въ тѣло, то неугасимое пламя добродѣтели поднимается вверхъ, озаряя людей добрыми дѣлами такъ, что прославляется Отецъ небесный (Матѣ. V, 16).

ГЛАВА IV.

Что значить елей въ свѣтильникахъ?

Такой же елей приносили и тѣ (ветхозавѣтные), по книгѣ Левитъ, *елей чистый, выбитый, для освѣщенія, чтобы горѣлъ свѣтильникъ внѣ завѣсы предъ Господомъ* (XXIV, 2). Но имъ повелѣно было поддерживать самый слабый свѣтъ отъ вечера до утра. Ибо ихъ свѣтильникъ, питаемый дѣлами и

вѣрою народа, кажется, соотвѣтствовали пророческому слову, прямо указывающему на цѣломудріе, а храмъ (соотвѣтствовалъ) *удѣлу наслѣдія* (Псал. CIV, 11), такъ какъ свѣтильникъ можетъ свѣтить только въ одномъ домѣ. Посему этому свѣтильнику надлежало горѣть до наступленія дня: *пусть возжигаютъ его*, сказано тамъ, *до утра* (Лев. XXIV, 3), т. е. до пришествія Христа; потому что когда возсіяло солнце дѣвства и правды, то нѣтъ нужды въ свѣтильникѣ. Итакъ доколѣ этотъ народъ приносилъ необходимое для питанія свѣтильника, доставляя елей (добрыми) дѣлами, дотолѣ у нихъ не угасалъ свѣтильникъ цѣломудрія, но всегда блисталъ и свѣтилъ *въ удѣлъ наслѣдія*. Когда же этотъ елей оскудѣлъ отъ того, что они уклонились отъ вѣры въ невожденіе, то свѣтильникъ совершенно погасъ, дабы дѣвы преемственно, какъ бы свыше озаряя міръ нетлѣніемъ, опять засвѣтили эти свѣтильники. Посему и нынѣ должно приносить въ изобиліи чистый елей добрыхъ дѣлъ и мудрости, очищенный отъ всякаго влекущаго долу тлѣнія, дабы, въ ожиданіи замедлившаго Жениха, и наши свѣтильники также не погасли. Это замедленіе есть время до пришествія Христова; дремота и сонъ дѣвъ — отшествіе отъ жизни; полночь — царство антихриста, когда ангель-истребитель пройдетъ по (нашимъ) жилищамъ; а раздавшійся крикъ: *вотъ Женихъ идетъ, выходите Ему на встрѣчу* (Матѣ. XXV, 6) — голосъ съ небесъ и трубный звукъ, когда святые, по воскресеніи всѣхъ ихъ, будутъ восхищены на облакахъ и пойдутъ въ срѣтеніе Господу (I Сол. IV, 16. 17). Ибо надобно замѣтить, послѣ этого крика *встали всѣ дѣвы*, какъ говоритъ Слово (Божіе), т. е. послѣ голоса съ небесъ мертвые воскреснутъ, какъ учить и Павелъ, когда говоритъ: *самъ Господь при воззвѣщеніи, при гласѣ Архангела и трубъ Божіей сойдетъ съ неба, и мертвые во Христѣ воскреснутъ прежде* (I Сол. IV, 16), т. е. (тѣлесныя) хижины, которыя умерли, разлучившись съ душами. *Потомъ мы, оставшіеся въ живыхъ, вмѣстѣ съ ними восхищены будемъ* (ст. 17); это онъ говоритъ о душахъ. Ибо мы, живущіе, собственно суть наши души, которыя вмѣстѣ съ тѣлами, опять воспринятыми, на об-

лакахъ пойдутъ на встрѣчу (Господу), неся свѣтильники, украшенные не чуждымъ и мірскимъ украшеніемъ, но свѣтомъ мудрости и цѣломудрія, исполненнымъ ээирнаго сіянія подобно сіяющимъ звѣздамъ.

ГЛАВА V.

Награда дѣвства.

Таково торжество нашего таинства, прекрасныя дѣвы; таковы священнодѣйствія посвященныхъ въ таинство дѣвства; таковы награды чистыхъ подвиговъ цѣломудрія (Прем. IV, 2). Я дѣлаюсь невѣстою Слова, и получаю въ приданое вѣчный вѣнецъ нетлѣнія и богатство отъ Отца; и вѣчно торжествую, увѣнчанная блестящими и неувядающими цвѣтами мудрости; ликую на небѣ съ Мздовоздаятелемъ Христомъ, близъ безначальнаго и безконечнаго Царя. Я стала свѣщеносицею незаходимаго свѣта и воспѣваю новую пѣснь въ обществѣ Архангеловъ, прославляя новую благодать Церкви; ибо сонмъ дѣвъ всегда слѣдуетъ за Господомъ и торжествуетъ вмѣстѣ съ Нимъ, гдѣ бы Онъ ни былъ. Это выражаетъ и Іоаннъ, упоминая о ста-сорока четырехъ тысячахъ (Апок. VII, 4). Итакъ, шествуйте, юныя дщери новыхъ вѣковъ! Шествуйте, наполняйте ваши сосуды правдою! Ибо уже время встать и идти на встрѣчу Жениху. Шествуйте, смѣло проходя мимо забавъ и прелестей житейскихъ, смущающихъ и очаровывающихъ душу; ибо вы получите обѣщанное. „Клянусь Тѣмъ, Кто указалъ намъ путь жизни ¹⁾“.

Этотъ вѣнокъ, сплетенный изъ пророчествъ, и я собрала съ пророческихъ луговъ, и приношу тебѣ, Арета.

Когда Агаѳа такъ прекрасно окончила свою рѣчь, — говорила она, — и удостоилась похвалы отъ тѣхъ, предъ которыми произносила ее, тогда Арета еще предложила говорить Прокиллѣ. Она же, вставши и занявши мѣсто предъ палаткою, сказала слѣдующее:

¹⁾ Экзаметръ, составленный примѣнительно къ ст. 47 такъ называемыхъ Золотыхъ стиховъ Пиеагора.

Р Ѣ Ч Ъ VII.

ПРОКЛЛА.

ГЛАВА I.

Какой истинно-достойный способъ хваленія? Отецъ больше Сына по силѣ начала, но не по существу. Дѣвство-лилія. Души вѣрныхъ и дѣвы; единая невѣста единого Христа.

Отставать мнѣ, Арета, не слѣдуетъ даже и послѣ такихъ рѣчей, мнѣ, несомнѣнно вѣрующей въ многообразную премудрость Божию, которая можетъ богато и различно одарять тѣхъ, кого хочетъ. Мореплаватели говорятъ, что иногда для плавающихъ на корабляхъ дуетъ одинъ и тотъ же вѣтеръ; а между тѣмъ разные, управляя своимъ плаваніемъ различно, направляются не въ одну и ту же сторону. Для однихъ этотъ вѣтеръ, дуя прямо въ корму, дѣлается попутнымъ, а для другихъ онъ дуетъ съ боку; и однако и тѣхъ и другихъ плаваніе совершается весьма удобно. Такъ и *разумный, святыи и единородный Духъ премудрости* (Прем. VII, 22), тихо вѣя свѣше изъ отческихъ сокровищъ и навѣвая на всѣхъ насъ пріятное дыханіе вѣдѣнія, да поможетъ безопасно совершить теченіе слова. Однако мнѣ пора уже начать рѣчь.

Истинный и основательный способъ хвалы, дѣвы, одинъ тотъ, когда хвалящій представляетъ свидѣтеля, высшаго хвалы и всего хвалимаго. Ибо такимъ образомъ можно ясно убѣдиться, что словесная похвала дѣлается не изъ угожденія, не по необходимости, не по мнѣнію, а по истинѣ и нелицепріятному суду. Такъ и пророки и апостолы, полнѣе разсуждая о Сынѣ Божіемъ и богословствуя, что Онъ выше всѣхъ людей, не ангельскими словами подтверждали хвалы Ему, но Тѣмъ самимъ, отъ Котораго зависитъ сила и власть всего. Ибо надлежало, чтобы большій всѣхъ прочихъ послѣ Отца, получилъ свидѣтельство отъ одного Отца, Который *болѣе Ею* (Іоан. XIV, 28)¹⁾. Посему и я буду под-

¹⁾ Выраженія этого мѣста о лицѣ I. Христа подавали нѣкоторымъ поводъ думать, что здѣсь содержатся Аріанскія мысли, вставленныя еретиками

тверждать похвалы дѣвству не человѣческимъ мнѣніемъ, а Тѣмъ, Который печется (о насъ) и Который выше всего, объяснивъ, что Онъ есть воздѣлыватель его и любитель красоты его и достовѣрный свидѣтель. Это можетъ ясно видѣть всякій желающій въ Пѣсни Пѣсней, гдѣ самъ Христосъ, восхваляя твердо пребывающихъ въ дѣвствѣ, говорить: *что лилія между тернами, то возлюбленная моя между дѣвицами* (II, 2), сравнивая даръ дѣвства съ лиліей по чистотѣ, благоуханію, пріятности и красотѣ. Подлинно дѣвство есть весенній цвѣтокъ, нѣжно произрастающій на своихъ всегда бѣлыхъ листьяхъ цвѣтъ нетлѣнны. Посему Онъ и не стыдится открыто выражать свою любовь къ цвѣтущей красотѣ его. *Плѣнила сердце мое ты, сестра моя, невеста*, говоритъ Онъ далѣе, *плѣнила сердце мое ты однимъ взлядомъ очей твоихъ, однимъ ожерельемъ на шею твою. О, какъ прекрасна грудь твою, и благоуханіе одежды твоихъ лучше всѣхъ ароматовъ* ²⁾! *Сотовый медъ каплетъ изъ устъ твоихъ, невеста, медъ и молоко подъ языкомъ твоимъ, и благоуханіе одежды твоей подобно благоуханію Ливана! Запертый садъ — сестра моя, невеста заключенный колодезь, запечатанный источникъ.* (Пѣснь пѣсн. IV, 9—12). Такія похвалы воспѣваетъ Христосъ тѣмъ, которыя вступили на поприще дѣвства, изображая всѣхъ ихъ подъ однимъ именемъ невесты, такъ какъ невеста должна соответствовать жениху и по названію приспособляться къ нему; равно какъ должна быть чистою и непорочною подобно запечатанному саду, въ которомъ растутъ всякіе ароматы небеснаго благоуханія, чтобы одинъ Христосъ, пришедши срывалъ ихъ, произрасшихъ отъ безтѣлесныхъ сѣмянъ. Ибо ничто плотское не удостоивается любви Слова, такъ какъ Оно по существу своему не услаждается ничѣмъ тлѣннымъ, напр. руками, или лицомъ, или ногами, но взираетъ на

впослѣдствіи времени (см. Migne, p. 124 и 231); но, при правильномъ разумѣніи какъ этихъ выраженій, такъ и приведеннаго текста Св. Писанія, здѣсь можетъ и не заключаться ничего противнаго православному ученію, хотя надобно прибавить, что св. Меөдій, писавшій прежде Аріанской ереси и 1-го Вселенскаго Собора, не могъ быть слишкомъ точенъ въ выраженіяхъ догматическихъ.

¹⁾ По переводу 70-ти толковниковъ.

невещественное и духовное и имъ утѣшается, не прикасаясь къ красотѣ тѣлесной.

ГЛАВА II.

Объясненіе мѣста изъ Пѣсни Пѣсней: IV, 9—12.

Замѣтьте, дѣвы, что слова Его къ невѣстѣ: *ты плѣнила сердце мое однимъ взглядомъ очей твоихъ*, относятся къ зрительному оку разума, когда внутренній человѣкъ, очистивъ его, ясно созерцаетъ истину. Ибо всякому извѣстно, что есть два чувства зрѣнія: одно-душевное, а другое тѣлесное, но не о любви своей къ тѣлесному свидѣтельствуется Слово, а только къ духовному, когда говоритъ: *ты плѣнила сердце мое однимъ взглядомъ очей твоихъ, однимъ ожерельемъ на шею твоею*. Это значитъ: ты возжелѣннымъ взоромъ мудрости твоей возбудила любовь въ сердцѣ Моемъ, сіяя внутри свѣтлою красотою цѣломудрія. Шейными ожерельями называются надѣваемые на шею цѣпи, составленныя изъ разнообразныхъ и драгоценныхъ камней. Души, заботящіяся о тѣлѣ, надѣваютъ это чувственное украшеніе на внѣшнюю шею тѣла для обольщенія зрителей, а дѣвственныя души придаютъ себѣ внутри украшеніе, состоящее по истинѣ изъ драгоценныхъ и разнообразныхъ камней: свободы, великодушія, мудрости, любви, мало заботясь о такихъ временныхъ украшеніяхъ, которыя, подобно листьямъ, нѣсколько времени цвѣтутъ и вмѣстѣ съ измѣненіемъ тѣла увядаютъ. Такимъ образомъ, у человѣка оказываются два украшенія, изъ которыхъ къ внутреннему нетлѣнному благоволитъ Господь, свидѣтельствуя, что *сердце Его плѣнилось однимъ ожерельемъ на шею невѣсты*, какъ-бы выражая то, что Онъ возлюбилъ сіяющее свѣтомъ одѣяніе внутренняго человѣка, какъ свидѣтельствуется и Псалмопѣвецъ, говоря: *вся слава дочери царя внутри* (Псал. XLIV, 14).

ГЛАВА III.

Дѣвы, какъ мученицы, занимаютъ первое мѣсто между близкими ко Христу.

Впрочемъ, да не подумаетъ кто-нибудь, что прочее общество вѣрующихъ отвергается, вообразивъ, будто мы только—однѣ дѣвы—будемъ введены въ наслѣдіе обѣтованія, и не сообразивъ, что тамъ будутъ разныя сонмы и обители и разряды, сообразно съ вѣрою каждаго. Это и Павелъ изображаетъ такъ: *иная слава солнца, иная слава луны, иная звѣздъ, и звѣзда отъ звѣзды разнится во славу: такъ и при воскресеніи мертвыхъ* (I Кор. XV, 41—42). И Господь свидѣтельствуется, что не всѣмъ будутъ даны однѣ и тѣже почести, но однимъ Онъ присвоитъ царство небесное, другимъ обѣщаетъ наслѣдіе земли, инымъ созерцаніе Отца (Матѣ. V). Такъ и здѣсь Онъ предвозвѣщаетъ, что святой сонмъ дѣвъ, какъ первый разрядъ; войдетъ вмѣстѣ съ Нимъ въ покой новыхъ вѣковъ, какъ-бы въ брачный чертогъ. Ибо онѣ принадлежатъ къ мученикамъ, перенося тѣлесныя тягости не какое-нибудь краткое время, но страдая во всю жизнь, и не убоявшись подвизаться поистинѣ олимпійскимъ подвигомъ дѣвства; посему онѣ, какъ сопротивляющіяся жестокимъ пыткамъ удовольствій, и опасеніямъ и скорбямъ и другимъ бѣдствіямъ человѣческаго нечестія, прежде всѣхъ получаютъ почести, занимая лучшее мѣсто обѣтованія. При томъ эти только души Слово называетъ своею избранною и истинною невѣстою, а прочія—сожительницами и дѣвками и дочерьми, въ слѣдующихъ словахъ: *есть шестьдесятъ царицъ и восемьдесятъ наложницъ и двѣцѣ безъ числа! но единственная она, голубка моя, чистая моя, единственная она у матери своей, отличенная у родительницы своей. Увидѣли ее дочери¹⁾, и превознесли ее, царицы и наложницы и восхваляли ее* (Пѣснь Пѣсн. VI, 7—8). Т. е. хотя много есть дочерей Церкви, но только одна есть избранная и возлюбленнѣйшая въ очахъ Ея больше всѣхъ; это — сонмъ дѣвственницъ.

¹⁾ Θυγατέρας по переводу 70-ти толковниковъ.

ГЛАВА IV.

Объясненіе мѣста изъ книги Пѣснь Пѣсней, IV, 7—8. Царицы-души святыхъ, жившихъ до потопа.—Сожительницы—души пророковъ.—Божественное сѣмя для рожденія духовныхъ плодовъ въ книгахъ пророковъ.—Какъ-бы тайный бракъ Слова съ пророческими душами.

Если же кто недоумѣваетъ, находя эти слова (Писанія) еще недостаточно объясненными, и желаетъ, чтобы они были полнѣе раскрыты въ духовномъ ихъ смыслѣ, что такое царицы и дѣвицы, то мы скажемъ, что они могутъ относиться къ тѣмъ, которыя отъ начала въ теченіи вѣковъ отличались праведностію, какъ-то: жившія прежде потопа, жившіе послѣ потопа и жившія со времени Христа. Такъ не вѣста есть Церковь, а царицы—тѣ царственныя, угодившія Богу души, которыя жили прежде потопа, т. е. временъ Авеля и Сиеа и Эноха; сожительницы же—души жившихъ послѣ потопа пророковъ, съ которыми Господь, вступая въ общеніе какъ съ сожительницами, прежде нежели Церковь соединилась съ Нимъ, сѣялъ въ нихъ истинные глаголы нетлѣннаго и чистаго Любомудрія, чтобы онѣ, зачавши вѣру, родили *духъ спасенія* (Исаи XXVI, 18)¹⁾. Ибо такіе плоды, приносящіе приснопамятную славу, раждаютъ тѣ души, съ которыми входитъ въ общеніе Христосъ. Если вы, дѣвы, захотите взглянуть въ писанія Моисея, или Давида, или Соломона, или Исаи, или послѣдующихъ пророковъ, то вы увидите, какіе спасительные для жизни плоды свои оставили они вслѣдствіе общенія съ Сыномъ Божиимъ. Посему Слово (Божіе) мудро назвало души пророковъ сожительницами, потому что Онъ имѣлъ общеніе съ ними не такъ явно, какъ съ Церковію, за которую совершено закланіе упитаннаго тельца (Лук. XV, 23).

¹⁾ По переводу 70-ти толковниковъ.

ГЛАВА V.

Шестьдесятъ царицъ: почему исчислено шестьдесятъ, и почему онѣ названы царицами? Превосходство святыхъ перваго вѣка.

Кромѣ того, чтобы ничто изъ необходимаго не ускользнуло отъ нашего вниманія, нужно объяснить, почему исчислено царицъ шестьдесятъ, сожительницъ восемьдесятъ, дѣвицъ столько, что и сосчитать нельзя, а невѣста одна. И во первыхъ надобно сказать о шестидесяти. Здѣсь шестьюдесятью царицами, я думаю, называются тѣ, которыя отъ первозданнаго до Ноя преемственно угождали Богу, потому что они не имѣли нужды въ предписаніяхъ и законахъ для спасенія, такъ какъ для нихъ было еще недавнимъ устройство міра въ шесть дней. Они помнили какъ Богъ сотворилъ міръ въ шесть дней и что произошло въ раю, какъ человѣкъ, получивши заповѣдь не касаться древа познанія, палъ, бывъ увлеченъ виновникомъ зла (Быт. III, 3). Посему (Писаніе) символически и назвало шестьюдесятью (ἑξήκοντα) царицами эти души, которыя вскорѣ по сотвореніи міра преемственно питали любовь къ Богу и были, если можно такъ выразиться, почти порожденіями перваго вѣка и близкими къ шестидневному творенію, потому что онѣ жили, какъ я сказала, непосредственно послѣ шести дней (ἑξήμερον) творенія. Ибо онѣ пользовались великою честію, бесѣдуя съ ангелами и часто созерцая Бога на яву, а не во снѣ. Посмотрите, какое дерзновеніе имѣлъ предъ Богомъ Сиѡъ, какое Авель, какое Еносъ, какое Энохъ, какое Маѡусаль, какое Ной — первые любители правды и первые изъ *первенцовъ, написанныхъ на небесахъ* (Евр. XII, 23), наслѣдовавшіе царство, какъ нѣкоторый начатокъ растений во спасеніе, какъ произрасшій ранній плодъ Богу. Впрочемъ объ нихъ довольно.

ГЛАВА VI.

Кто такія восемьдесятъ сожительницъ? Преподанное пророками ученіе о воплощеніи.

Еще надобно сказать о сожительницахъ. У тѣхъ, которыя жили послѣ потопа, познаніе Бога было болѣе отда-

ленное, и онѣ имѣли нужду въ другомъ ученіи, которое послужило бы имъ врачевствомъ и помощію при распространявшемся идолопоклонствѣ. Поэтому, чтобы родъ человѣческій не былъ омраченъ забвеніемъ добра, Богъ поручилъ Сыну Своему внушить пророкамъ будущее пришествіе Свое въ жизнь во плоти, во время котораго возвѣстится радость духовнаго восьмага дня (*ὁγδοάδης*) и вѣдѣніе, доставляющее отпущеніе грѣховъ и воскресеніе; ибо чрезъ него отсѣкаются человѣческія страсти и тлѣніе ¹⁾. Поэтому рядъ пророковъ со временъ Авраама, по важности обрѣзанія, въ которомъ заключается восьмеричное число и отъ котораго зависитъ и законъ, названъ восьмидесятью (*ὁγδοήκοντα*) сожительницами, такъ какъ прежде обрученія Церкви съ Словомъ, онѣ первыя, воспріявши божественныя сѣмена, предвозвѣстили духовное обрѣзаніе въ восьмой день.

ГЛАВА VII.

Дѣвицы — древніе праведники. Церковь — единственная невѣста, превосходяще всѣхъ прочихъ.

Затѣмъ дѣвицами, которымъ нѣтъ числа, называется множество тѣхъ, которые жили праведно подъ руководствомъ высшихъ и юношески и усердно боролись со грѣхомъ. Но изъ нихъ ни царицы, ни сожительницы, ни дѣвицы не сравниваются съ Церковію. Ибо она, совершенная и избранная преимущественно предъ всѣми ими, состоящая и соединенная изъ всѣхъ Апостоловъ, есть невѣста, превосходящая всѣхъ красотою цвѣтущей юности и дѣвства. Посему она и ублажается и восхваляется другими, такъ какъ она обильно и видѣла и слышала то, чего тѣ желали хотя бы на короткое время видѣть, но не видѣли, и слышать, но не слышали. *Блаженны, сказалъ Господь ученикамъ, очи ваши, что видятъ, и уши ваши, что слышатъ, ибо истинно говорю вамъ, что многіе пророки и праведники желали видѣть, что*

¹⁾ Здѣсь разумѣется христіанское крещеніе, которое соотвѣтствуетъ ветхозавѣтному обрѣзанію, совершавшемуся въ восьмой день послѣ рожденія младенца.

вы видите, и не видѣли, и слышать, что вы слышите, и не слышали (Матѣ. XIII, 16—17). Потому пророки и ублажаютъ Церковь и удивляются ей, что, чего они сами не сподобились слышать и видѣть, того она удостоилась и сдѣлалась причастницею. *Ибо шестьдесятъ царицъ, и восемьдесятъ наложницъ, и двѣицъ безъ числа: но единственная она, голубка моя, чистая моя* (Пѣснь Пѣсн. VI, 7).

ГЛАВА VIII.

Человѣческая природа Христа — единственная голубка Его.

Иначе можно разумѣть подъ невѣстою пречистую плоть Господа, для (воспріятія) которой Онъ оставилъ Отца, снизошелъ сюда, соединился съ нею и вмѣстился въ ней во-человѣчившись. Образно она названа голубкою потому, что это животное ручное, домашнее, и охотно живущее вмѣстѣ съ людьми. Ибо она одна, такъ сказать, оказалась чистою и непорочною и превосходящею всѣхъ добротою и красотою праведности, такъ что никто даже изъ высоко угодившихъ Богу не можетъ стать подлѣ нея по сравнительному достоинству добродѣтели. Посему она и удостоилась быть соучастницею царства Единороднаго, сочетавшись съ Нимъ. И описанная въ сорокъ четвертомъ псалмѣ царица, изъ многихъ ставшая одесную Бога, облеченная въ золотое украшеніе добродѣтели, которой красоты возжелалъ Царь, есть, какъ я сказала, та пречистая и блаженная плоть, которую само Слово вознесши на небеса посадило одесную Отца, облеченную въ золотую одежду, т. е. въ нетлѣнныя свойства, которыя символически названы *золотыми украшеніями* (Псал. XIV, 14) ¹⁾; ибо эта одежда составляется и сплетается изъ различныхъ совершенствъ (какъ то: дѣвства, мудрости, вѣры, любви, терпѣнія и прочихъ добродѣтелей), которыя, прикрывая неблаговидность плоти, украшаютъ человѣка золотымъ украшеніемъ.

¹⁾ По переводу 70-ти толковниковъ.

ГЛАВА IX.

ДѢВЫ СЛѢДУЮТЪ НЕПОСРЕДСТВЕННО ЗА ЦАРИЦЕЮ И НЕВѢСТОЮ.

А что вѣщаетъ Духъ въ дальнѣйшихъ словахъ псалма послѣ посаженія на престолѣ одесную Отца того чело-вѣка, котораго восприняло Слово, на это надобно обратить вниманіе. *За нею, говоритъ онъ, ведутся къ Царю дѣвы подружки ея, приводятся съ веселіемъ и ликованіемъ, входятъ въ чертогъ Царя* (Псал. XLIV, 15—16). Здѣсь, кажется, весьма ясно Духъ восхваляетъ дѣвство и обѣщаетъ, что за невѣстою Господа, какъ мы изложили, вторыми приступятъ къ Всемогущему съ радостію и веселіемъ дѣвы, окруженные и сопровождаемые ангелами. Такъ по истинѣ достолюбезна и вождельна красота дѣвства, что вслѣдъ за Царицею, которую Господь вознесъ и представилъ безгрѣшною Отцу, приводится сонмъ ликующихъ дѣвъ, удостоенный втораго мѣста послѣ невѣсты. — Эти упражненія въ словѣ о дѣвствѣ и отъ насъ, Арета, приносятся тебѣ на усмотрѣніе.

Когда Прокилла высказала это, то Ѳекла сказала: теперь, послѣ нея, моя очередь говорить, и я радуюсь, что мнѣ присуще словесное искусство и что я чувствую себя внутри, подобно цитрѣ, настроенною и приготовленною сказать стройно и благоприлично.

Арета: Прекрасно, Ѳекла, съ удовольствіемъ взираю на твое усердіе, которое внушаетъ мнѣ увѣренность, что ты подаришь мнѣ рѣчь, по силѣ своей соотвѣтствующую предмету; у тебя нѣтъ недостатка въ знаніи круга философскихъ наукъ и всякой учености, а что касается до евангельскаго и Божественнаго ученія, то что и говорить о тебѣ, обогащенной премудростію Павла?

РѢЧЬ VIII.

Θ Ε Κ Λ Α.

ГЛАВА I.

Производство снова *παρθενία* (дѣвство) въ смыслѣ почти обожествленія.
Добродѣтель (*ἀρετή*) почему такъ называется?

Итакъ начнемъ рѣчь прежде всего съ самаго названія, почему этотъ высшій и блаженный образъ жизни названъ дѣвствомъ; затѣмъ, каковъ онъ, и какую имѣетъ силу, и наконецъ—какіе приносить плоды. Ибо почти всѣ едва ли знаютъ о немъ, хотя онъ превосходнѣе множества другихъ свойствъ добродѣтели, какими мы стараемся очищать и украшать душу. Дѣвство (*παρθενία*) чрезъ перемѣну одной буквы получаетъ названіе почти обожествленія (*παρθεῖα*), такъ какъ оно одно уподобляетъ Богу владѣющаго имъ и посвященнаго въ его нетлѣнныя тайны, выше чего невозможно найти другаго блага, столь чуждаго (мірской) радости и печали, которымъ оживляясь крылья души поистинѣ возрастаютъ и дѣлаются легкими, привыкая ежедневно возлетать выше человѣческихъ заботъ. — Если наша жизнь, какъ говорятъ мудрецы, есть публичное состязаніе, а мы выходимъ какъ бы на театрѣ представлять драму истины, т. е. правду, между тѣмъ какъ противъ насъ дѣйствуютъ и строятъ козни діаволъ и демоны, то намъ необходимо устремлять взоръ горѣ и возлетая возвышаться и избѣгать очарованій обольстительнаго голоса ихъ и дѣйствій, прикрытыхъ извнѣ видомъ цѣломудрія, избѣгать болѣе, нежели гомеровскихъ Сиренъ. Между тѣмъ многіе, увлекаясь обманчивыми удовольствіями, теряютъ крылья и тяготятся вести нашу жизнь, вслѣдствіе ослабленія и недѣятельности у нихъ тѣхъ силъ, которыми укрѣпляются въ существѣ своемъ крылья цѣломудрія, поднимающія вверхъ то, что клонится внизъ къ тѣлесному растлѣнію. Поэтому и ты, Арета ¹⁾, по-

¹⁾ Отъ *ἀρετή* — добродѣтель.

лучила такое имя, какъ всегда шествующая съ чистѣйшими мыслями, или потому, что ты сама по себѣ αἰρέτη (избранная) ¹⁾, или потому, что другихъ поднимаешь (αἵρεσις) ²⁾ и возносишь на небо; будь же ты мнѣ руководительницею въ рѣчи, которую говорить ты сама приказала.

ГЛАВА II.

Высокій образъ мыслей и твердость святыхъ дѣвъ. Вступленіе дѣвъ въ блаженныя обители прежде другихъ.

Тѣ, которыя потеряли крылья и предались удовольствіямъ, не отстаютъ отъ здѣшнихъ скорбей и заботъ, пока онѣ, подчинившись страстной похоти невоздержанія, не будутъ отвергнуты и удалены отъ области истины, какъ предавшіяся вмѣсто стыдливаго и цѣломудреннаго дѣторожденія дикимъ удовольствіямъ любви. Напротивъ тѣ, которыя обладаютъ хорошими крыльями и легко поднимались изъ сей жизни въ мѣста вышесмірныя и видѣли издали то, чего никто изъ людей не видалъ, т. е. самые луга нетлѣнія, въ изобиліи произрастающіе цвѣты несравненной красоты, постоянно стремятся къ нимъ, вспоминая тамошнія зрѣлища, и поэтому считаютъ маловажными здѣшнія воображаемая блага: богатство, славу, знаменитость рода, замужество, и ничего такого не считаютъ важнымъ. Но хотя бы кому-нибудь изъ нихъ предстояло отдать тѣло свое звѣрямъ, или огню на истязаніе, онѣ съ готовностію и безъ унынія переносятъ страданія, по любви и стремленію къ тѣмъ благамъ; такъ что имъ кажется, что онѣ, обращаясь въ мірѣ, не находятся въ мірѣ, но мыслію и желаніемъ уже находятся въ обществѣ жителей небесныхъ. Подлинно, крыльямъ дѣвства, по ихъ природѣ, свойственно не склоняться къ землѣ, а возноситься на небо, въ чистый эфиръ, въ жизнь равноангельскую. Посему сохранившія точно и вѣрно свое дѣвство для Христа, по призваніи и переселеніи отсюда, первыя удостоиваются побѣдныхъ наградъ, получая отъ Него

1) Отъ ἄρῶ — избираю.

²⁾ Отъ *áíron* — поднимаю.

увѣнчаніе цвѣтами нетлѣнія. Ибо говорятъ, что какъ скоро такія души оставляютъ міръ, то встрѣчающіе двѣ ангелы съ великимъ славословіемъ сопровождаютъ ихъ на упомянутые луга, къ которымъ онѣ стремились и прежде, изда-лека созерцая ихъ тогда, когда, еще находясь въ тѣлахъ, воображали предметы божественные.

Г л а в а III.

Жребій и наслѣдіе дѣвства.

Пришедши туда (говорятъ), онѣ созерцаютъ нѣкоторыя дивныя и блистательныя и блаженныя красоты, какія трудно выразить на языкѣ человѣческомъ. Ибо тамъ существуетъ самая правда и мудрость, самая любовь и истина и цѣломудріе, и прочіе столь же прекрасные цвѣты и произрастенія мудрости, которыхъ однѣ только воображаемыя тѣни мы здѣсь видимъ какъ бы во снѣ, и думаемъ, что они состоятъ изъ дѣлъ человѣческихъ; потому что здѣсь нѣтъ никакого яснаго образа ихъ, но одни только неясныя очертанія, которыя мы и чувствуемъ, часто смутно воображая ихъ. Здѣсь никто никогда не созерцалъ глазами величія, или вида, или красоты самой правды, или мудрости, или мира: а тамъ они созерцаются въ самой сущности, какъ они существуютъ, всецѣло и ясно. Ибо тамъ есть древо самага цѣломудрія, древо любви, древо мудрости, и какъ плоды здѣшнихъ растений, напимѣръ винограда, гранатоваго и яблочнаго деревъ, такъ точно плоды и тѣхъ растеній срываются и вкушаются, только срывающіе не старѣютъ и не умираютъ, но возрастаютъ въ безсмертіи и божественности, подобно тому какъ и первозданный, отъ котораго мы всѣ происходимъ, прежде паденія и ослѣпленія очей его, находясь въ раю, наслаждался плодами, такъ какъ по Божію опредѣленію, человѣкъ былъ поставленъ воздѣлывателемъ и хранителемъ растений мудрости. Ибо такіе же плоды воздѣлывать поручено было и первому Адаму. И пророкъ Іеремія признаетъ, что они существуютъ особо въ какомъ-то мѣстѣ, удаленномъ на великое разстояніе отъ

нашей вселенной, когда, оплакивая отпадшихъ отъ вѣчныхъ благъ, говоритъ: *познай, гдѣ находится мудрость, гдѣ сила, гдѣ знаніе, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ узнать, гдѣ находятся доподенство и жизнь, гдѣ находится свѣтъ очей и миръ; кто найдетъ мѣсто ея, или кто возшелъ въ сокровищницы ея?* (Вар. III, 14, 15).—Итакъ въ сокровищницы этихъ добродѣтелей,—говорятъ,—дѣвы вступаютъ и наслаждаются плодами ихъ, орошаясь обильнымъ и благопріятнымъ свѣтомъ, который подобно источнику изливаетъ на нихъ Богъ, освѣщающій ту жизнь незаходимымъ свѣтомъ; а онѣ ликуютъ, благозвучно прославляя Бога. Ибо ихъ объемлетъ воздухъ чистый и такой, въ которомъ никогда не заходитъ солнце.

ГЛАВА IV.

Увѣщаніе къ соблюденію дѣвства. — Предлагается объясненіе мѣста изъ Апокал. XII, 1—6.

Итакъ, дѣвы, дочери чистаго цѣломудрія, мы стремимся къ жизни блаженной и царству небесному. Ревнуйте и вы усердно о той же славѣ дѣвства, какъ и предшественницы ваши, не много заботясь о здѣшней жизни. Ибо не мало способствуютъ блаженству нерастлѣніе и дѣвство, возвышая самую плоть на горную высоту, и осушая влажность и брѣнную тяжесть ея, высшею силою. Пусть же не заглушаетъ вашего слуха нечистота, пресмыкающаяся по землѣ; пусть печаль не нарушаетъ радости, ослабляя надежды на лучшее. Но безъ унынія отгоняйте отъ себя случающіяся съ вами несчастія, не смущая разума воплями. Пусть всегда побѣждаетъ вѣра, и свѣтъ ея пусть разсѣваетъ призраки, наводимые лукавымъ на сердце. Какъ иногда луна, сіяя, наполняетъ небо блескомъ, и воздухъ весь становится прозрачнымъ; и вдругъ черныя облака, набѣжавъ откуда-нибудь съ запада, немного затемняютъ свѣтъ ея, однако не уничтожаютъ его, потому что тотчасъ разсѣваются силою вѣтра, такъ точно и вы, дѣвы, сіяющія въ мірѣ дѣвствомъ, подвергаясь скорбямъ и затрудненіямъ, не теряйте надеждъ. Ибо Духомъ будутъ разсѣяны навѣваемые лука-

вымъ облака, если и вы, какъ ваша Мать, родившая Дѣвственнаго Младенца мужескаго пола на небѣ (Апок. XII, 4), не убоитесь подстерегающаго и преслѣдующаго змія. О ней я скажу вамъ нѣсколько подробнѣе; ибо теперь благопріятный къ тому случай. *И явилось на небѣ великое знаменіе, говоритъ Іоаннъ въ Апокалипсисѣ, жена облеченная въ солнце, подъ ногами ея луна, и на главѣ ея вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ. Она имѣла во чревѣ и кричала отъ болей и мукъ рожденія. И другое знаменіе явилось на небѣ. Вотъ большой красный драконъ съ семью головами и десятью рогами, и на головахъ его семь діадимъ. Хвостъ его увлекъ съ неба третью часть звѣздъ и повергъ ихъ на землю. Драконъ сей сталъ предъ женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родитъ, пожрать ея младенца. И родила она младенца мужескаго пола, которому надлежитъ пасти всѣ народы жезломъ жельзнымъ; и восхищено было дитя ея къ Богу и престолу Его. А жена убѣжала въ пустыню, гдѣ приготовлено было для ней мѣсто отъ Бога, чтобы питали ее тамъ тысячу двести шестьдесятъ дней (Апок. XII, 1—6).* Повѣствуемое о женѣ и драконѣ, кратко сказать, этимъ оканчивается; но найти объясненіе этого и высказать словами—превыше нашихъ силъ; впрочемъ надобно рѣшиться, вѣруя въ Повелѣвшаго изслѣдовать писанія (Іоан. V, 39). Итакъ, если и вы согласны на это, то нѣтъ препятствій приступить къ дѣлу. Во всякомъ случаѣ простите, если я не въ состояніи буду въ точности выразить смыслъ Писанія.

ГЛАВА V.

Жена, раждающая при враждебномъ драконѣ, есть Церковь; ея священнослуженіе и благодать.

Явившаяся на небѣ жена, облеченная въ солнце и увѣнчанная двѣнадцатью звѣздами, которой подножіемъ служила луна, и имѣвшая во чревѣ и кричавшая отъ болей и мукъ рожденія,—это въ собственномъ и точномъ смыслѣ есть Мать наша, дѣвы, нѣкоторая сила сама по себѣ отличная отъ дѣтей своихъ, которую пророки, въ виду приписываемыхъ ей свойствъ, называли то Іерусалимомъ, то Невѣстою,

то горою Сіонскою, то Храмомъ и скиніею Божіею. Ибо сила, стремящаяся къ просвѣщенію, по словамъ пророка: *святись Іерусалимъ*, — какъ взывалъ къ ней Духъ, — *ибо пришелъ свѣтъ твой, и слава Господня возила надъ тобою; ибо вотъ тѣма покроетъ землю и мракъ — народы, а надъ тобою возсіяетъ Господь, и слово его явится надъ тобою и прійдутъ народы къ свѣту твоему и цари къ восходящему надъ тобою сіянію; возведи очи твои и посмотри вокругъ; всѣ они собираются и идутъ къ тебѣ; сыновья твои издалека идутъ и дочерей твоихъ на рукахъ несутъ* (Исаи LX, 1—4), — есть Церковь, дѣти которой всѣ вмѣстѣ придутъ къ ней по воскресеніи, стекшись къ ней отовсюду; а она, достигнувъ невечерняго свѣта и облекшись сіяніемъ Слова, какъ бы одеждою, будетъ радоваться. Ибо какимъ другимъ драгоцѣннѣйшимъ, или достойнѣйшимъ украшеніемъ надлежало бы украшаться царицѣ, которая облачается въ свѣтъ, какъ въ одежду, чтобы сдѣлаться невѣстою Господа, для чего она и призвана Отцомъ? Приступите же, возвысившись умомъ, посмотрите, подобно какъ (смотрите) на брачныхъ дѣвъ, на эту великую жену, которая сіяетъ чистою и непорочною, всецѣлою и неувядающею красотою, ни въ чемъ не уступающею сіянію свѣта, вмѣсто одежды облеченную въ самый свѣтъ, вмѣсто драгоцѣнныхъ камней украшенную на головѣ сіяющими звѣздами. Ибо, что для насъ одежда, то для ней свѣтъ; что для насъ золото, или блестящіе камни, то для ней звѣзды не такія, какія находятся на видимомъ своемъ мѣстѣ, но лучшія и блистательнѣйшія, такъ что здѣшнія могутъ считаться не болѣе, какъ ихъ образами и подобіями.

ГЛАВА VI.

Дѣло Церкви — рожденіе дѣтей въ крещеніи. Она какъ бы свѣтъ луны при крещеніи. — Полнолуніе страданія Христова.

То выраженіе, что она вступила на луну, по моему мнѣнію, въ переносномъ смыслѣ указываетъ на вѣру очищающихъ отъ (грѣховнаго) тлѣнія посредствомъ крещенія; потому что свѣтъ луны много походитъ на теплую воду, и

она имѣетъ вліяніе на всю стихію. Такимъ образомъ при вѣрѣ и обращеніи нашемъ, какъ бы въ образѣ луны, предстоитъ Церковь, испытывая муки рожденія и возражая душевныхъ въ духовныхъ, пока не достигнется полнота народовъ; почему она и есть мать наша. Ибо какъ жена, принявъ безвидное сѣмя мужа, въ извѣстный періодъ времени раждаетъ цѣлаго человѣка; такъ точно и Церковь, можно сказать, постоянно зачиная прибѣгающихъ ко Христу и образуя ихъ по образу и подобію Христа, въ извѣстный періодъ времени содѣлываетъ ихъ гражданами той блаженной жизни. Посему она необходимо должна предстоять при крещеніи, какъ раждающая очищаемыхъ имъ. Поэтому дѣйствіе ея при крещеніи и называется луною (σελήνη) ¹⁾, потому что возраждаемые, обновляясь, сіяютъ новымъ блескомъ (σελας), который есть новый свѣтъ; потому они и называются *новопросвѣщенными*, чѣмъ въ переносномъ смыслѣ она указываетъ имъ на духовное полнолуніе, періодъ страданія (Христова) и всегда новое воспоминаніе о немъ, пока не явится сіяніе и совершенный свѣтъ великаго дня.

ГЛАВА VII.

Рожденіе отъ жены въ Апокалипсисѣ есть рожденіе не Христа, а вѣрующихъ — въ крещеніи.

Если же кто (нисколько не трудно сказать еще яснѣе), не удовлетворившись сказаннымъ, возразитъ: почему вамъ, дѣвы, предлагается объясненіе вопреки смыслу Писанія, тогда какъ въ Апокалипсисѣ опредѣленно говорится, что Церковь раждаетъ младенца мужескаго пола, а вы допускаете, что плодovitое рожденіе ея совершается омовеніемъ крещаемыхъ? На это мы скажемъ: но, любитель словопренія, и тебѣ нельзя доказать, что раждаемый есть самъ Христосъ. Ибо таинство вочеловѣченія Слова исполнилось задолго до Апокалипсиса; Іоаннъ же повѣствуетъ о настоя-

¹⁾ Т. е. какъ бы *блескомъ луны*, которой названіе (σελήνη) производится отъ σελας — блескъ, сіяніе.

щемъ и будущемъ. Притомъ Христось за долго рожденный не былъ восхищенъ по рожденіи къ престолу Божію изъ опасенія, чтобы змій не причинилъ ему вреда (Апок. XII, 5), но для того Онъ и родился и сошелъ съ престола отчаго, чтобы укротить дракона, выдержавъ нападенія его на плоть. Такимъ образомъ и тебѣ необходимо признать, что Церковь имѣетъ во чревѣ крещаемыхъ, какъ и у Исаи въ одномъ мѣстѣ Духъ говоритъ: *еще не мучилась родами, а родила; прежде нежели наступили боли ея, избѣгла* ¹⁾ *и разрѣшилась сыномъ. Кто слышалъ таковое? Кто видалъ подобное этому? Возникла ли страна въ одинъ день? Рождался ли народъ въ одинъ разъ, какъ Сіонъ, едва началъ родами мучиться, родилъ сына?* (ѳрѣѣа. Исаи LXVI, 7—8) ²⁾. Кого же избѣгла? Конечно дракона, чтобы этотъ духовный Сіонъ родилъ народъ, мужа, который бы, не имѣя женскихъ слабостей и изнѣженности, вступилъ въ единеніе съ Господомъ и укрѣплялся въ ревности.

ГЛАВА VIII.

Мужи суть вѣрующіе, въ крещеніи уподобляющіеся Христу. — Святые сами — помазанники.

Однако возвратимся къ началу и станемъ объяснять сказанное, пока по порядку дойдемъ до конца. Итакъ, посмотри, не найдешь ли и ты вѣроятнымъ то, какъ исполняется Слово (Божіе). По моему мнѣнію, о Церкви сказано, что она раждаетъ младенца мужескаго пола; потому что просвѣщаемые получаютъ черты, изображеніе и мужественный видъ Христа, тогда какъ въ нихъ отпечатлѣвается образъ Слова и раждается въ нихъ чрезъ истинное вѣдѣніе и вѣру такъ, что въ каждомъ духовно раждается Христось. Для того Церковь и носить во чревѣ и испытываетъ муки рожденія, доколѣ не изобразился въ насъ родившійся Христось (Гал. IV, 19), чтобы каждый изъ святыхъ, чрезъ причастіе Христу, родился помазанникомъ (χρησμός). Въ этомъ смыслѣ и говорится въ одномъ мѣстѣ

¹⁾ Слово: *избѣгла* прибавлено по переводу 70-ти толковниковъ.

²⁾ Въ Библии: *сыновъ своихъ*.

Писанія: *не прикасайтесь къ помазанныкамъ моимъ и пророкамъ моимъ не дѣлайте зла* (Псал. CIV, 15), такъ какъ крещенные во Христа съ причастіемъ Духа дѣлаются помазанныками а Церковь здѣсь содѣйствуетъ изображенію въ нихъ Слова и преображенію ихъ. Это подтверждаетъ и Павелъ, который ясно учитъ такъ: *для сего преклоняю колѣна мои предъ (Богомъ и) Отцомъ, отъ Котораго именуется всякое отечество на небесахъ и на землѣ, да дастъ вамъ, по богатству благодати (χρηστότης) ¹⁾ своей крѣпко утвердиться Духомъ Его во внутреннемъ человѣкѣ, вторю вселиться Христу въ сердца ваши* (Еф. III, 14—17). Ибо необходимо въ душахъ возрождаемыхъ отпечатлѣвается и изображается Слово истины.

ГЛАВА IX.

Сынъ Божій, Который самъ всегда существуетъ, нынѣ раждается въ душахъ и чувствахъ вѣрующихъ.

Съ вышесказаннымъ, кажется, весьма сходно и согласено то, что изречено свыше отъ самого Отца Христу, пришедшему на Іорданъ для крещенія водою: *Ты сынъ мой, я нынѣ родилъ Тебя* (Псал. II, 7; Матѣ. III, 17; Марк. I, II). Ибо, надобно замѣтить, — о томъ, что Онъ есть Сынъ Его, (Отецъ) сказалъ неограниченно и безъ времени: Ты еси (ἐγώ), говоритъ Ему; а не: ты *сталъ* (γέγονας), выражая, что Онъ, не недавно произшедши, получилъ усыновленіе, и не существовавши прежде потомъ получилъ довершеніе, но что Онъ, бывъ рожденъ издревле, есть и будетъ однимъ и тѣмъ же. А слова: *Я нынѣ родилъ Тебя*, значать: Я восхотѣлъ существовавшаго на небесахъ прежде вѣковъ родить и въ мірѣ, т. е. прежде невѣдомаго сдѣлать вѣдомымъ. Подлинно для тѣхъ людей, которые еще не чувствуютъ многообразной премудрости Божіей, Христосъ еще не родился, т. е. еще не познанъ, еще не открылся, еще не явился. Если же и они возчувствуютъ таинство благодати, то и для нихъ, когда они обратятся и увѣруютъ, Онъ раж-

¹⁾ Въ Библіи: *Славы* (δόξης).

дается чрезъ вѣдѣніе и разумѣніе. Посему о Церкви справедливо говорится, что она всегда образуетъ и раждаетъ въ крещаемыхъ младенца мужескаго пола — Слово. Итакъ о рожденіи ея посильно сказано. Теперь слѣдуетъ перейти къ сказанному о драконѣ и о прочемъ. Попытаемся же еще, дѣвы, какъ-нибудь объяснить и это, нисколько не страшась величія притчей Писанія. Если же что встрѣтится затруднительное въ этихъ словахъ, то я опять постараюсь какъ бы перевести васъ чрезъ рѣку.

ГЛАВА X.

Драконъ—діаволъ.—Звѣзды, увлеченныя съ неба хвостомъ дракона,—еретики.—Числа Троицы, т. е. исчисленіе лицъ Ея.—Заблужденіе касательно ихъ.

Драконъ великій, красный, многообразный, многовидный, седмглавый, рогоносный, увлекающій третью часть звѣздъ, подстерегающій, чтобы пожрать младенца раждающей жены, есть діаволъ, строящій козни, подстерегающій, чтобы извратить преданный Христу умъ просвѣщенныхъ и возродившійся въ нихъ образъ и подобіе Слова. Но онъ не достигаетъ цѣли и не уловляетъ добычи, такъ какъ возрожденные восхищаются на высоту къ престолу Божію; т. е. вверхъ къ божественному сѣдалищу и непоколебимому основанію истины возвышается умъ обновленныхъ, научившихся созерцать тамошнее и представлять тамошнее, дабы онъ не былъ обольщенъ дракономъ, пресмыкающимся долу. Ибо ему не позволяется губить тѣхъ, которые стремятся и взираютъ горѣ. Звѣзды же, которыя онъ, касаясь ихъ вершины концемъ хвоста, совлекаетъ на землю, суть еретическія секты. Ибо собранія иновѣрныхъ надобно назвать темными, мрачными и низко вращающимися звѣздами; потому что и они присвояютъ себѣ знаніе небеснаго и вѣру во Христа, пребываніе души на небесахъ и близость къ звѣздамъ, какъ бы чада свѣта; но они низлагаются, будучи увлекаемы кознями дракона; потому что не остаются внутри тройственного образа благочестія, уклоняясь отъ православнаго его богочтенія. Посему они и названы

третьею частью звѣздъ, какъ заблуждающіеся касательно одного изъ числъ Троицы, то касательно (лица) Отца, какъ Савелій, говорившій, что пострадалъ самъ Вседержитель, то касательно (лица) Сына, какъ Артема и тѣ, которые утверждали, что Онъ родился призрачно, то касательно (лица) Духа, какъ Евіонеи, доказывающіе, что пророки говорили по собственному побужденію. О Маркіонѣ же и Валентинѣ и послѣдователяхъ Елкесея и другихъ лучше и не упоминать.

ГЛАВА XI.

Жена, родившая сына и живущая въ пустынѣ, есть Церковь. — Пустыня дѣвъ и святыхъ. — Совершенство чиселъ и тайнъ. — Равенство и совершенство числа шести. — Приложение числа шести ко Христу. — Изъ этого же числа созданіе міра и вся стройность его.

Раждающая и родившая въ сердцахъ вѣрующихъ младенца мужескаго пола — Слово, и удалившаяся непорочною и неврежденною отъ ярости звѣря въ пустыню, есть, какъ мы сказали, мать наша — Церковь. Пустыня, въ которую она пришла и питается тамъ тысячу двѣсти шестьдесятъ дней (Апок. XII, 6), по истинѣ свободная отъ золь, непродуваемая и бесплодная для тлѣнія, неудободоступная и неудобопроходимая для многихъ, но плодоносная и питательная и цвѣтущая и удободоступная для святыхъ, исполненная мудрости и произрастающая жизнь, — это есть прекрасная и богатая растеніями и благовонная обитель добродѣтели, гдѣ *люются ароматы, когда поднимается вѣтеръ съ сѣвера и приносится вѣтеръ съ юга* (Пѣсн. Пѣсн. IV, 16), и все исполнено божественной росы, бывъ увѣнчано неувядающими растеніями безсмертной жизни, гдѣ и мы теперь собираемъ цвѣты и чистыми перстами плетемъ для царицы пурпуровый и блистательный вѣнокъ дѣвства. Ибо невѣста Слова украшается плодами добродѣтели. А тысяча двѣсти шестьдесятъ дней, въ теченіе которыхъ мы, дѣвы, находимся здѣсь, есть такое точное и превосходное вѣдѣніе объ Отцѣ и Сынѣ и Духѣ, которымъ радуется и веселится мать наша, возрастая въ это время до явленія новыхъ вѣковъ, когда

она въ небесномъ собраніи будетъ не посредствомъ знанія прозирать, но ясно созерцать „сущее“, пребывая вмѣстѣ со Христомъ. Ибо тысяча, слагающаяся изъ десяти сотенъ, составляетъ совершенное и полное число, и поэтому служитъ символомъ Отца, который самъ собою сотворилъ и въ себѣ самомъ содержитъ все. Двѣсти, слагающіяся изъ двухъ совершенныхъ чиселъ, служатъ символомъ Святаго Духа, такъ какъ Онъ сообщаетъ вѣдѣніе о Сынѣ и Отцѣ. А шестьдесятъ, заключающая въ себѣ число шесть, взятое десять разъ, служитъ символомъ Христа; потому что число шесть, начиная съ единицы, слагается изъ собственныхъ дѣлителей, такъ что въ немъ нѣтъ ни недостатка, ни излишка; раздѣляясь на своихъ дѣлителей, оно вполне слагается изъ нихъ. Такъ, если число шесть раздѣлить на одинаковыя части одинаковыми дѣлителями, то изъ раздѣленныхъ частей опять вполне составляется тоже количество. И во первыхъ оно, по раздѣленіи на два, даетъ три, потомъ, по раздѣленіи на три, даетъ два, наконецъ, по раздѣленіи на шесть, даетъ единицу, и изъ нихъ опять вполне слагается въ самого себя. Ибо, давая по раздѣленіи на два — три, и по раздѣленіи на три — два и по раздѣленіи на шесть — единицу, оно при сложеніи трехъ, двухъ и единицы опять дѣлается вполне шестью¹⁾. А все то, что не нуждается для своей полноты въ другомъ и никогда не дѣлается больше самого себя, необходимо есть совершенное. Изъ прочихъ же чиселъ одни болѣе чѣмъ совершенны, какъ напр. двѣнадцать, ибо по раздѣленіи на два, оно даетъ шесть, на три — четыре, на четыре — три, на шесть — два, и на двѣнадцать — единицу, а эти числа, на которыя оно можетъ дѣлиться, бывъ сложены, превышаютъ двѣнадцать, которое такимъ образомъ не остается равнымъ своимъ дѣлителямъ, какъ число шесть; а другія менѣе, чѣмъ совершенны, какъ напр. восемь; ибо по раздѣленіи на два, оно даетъ четыре, на четыре — два, и на восемь — единицу; числа

¹⁾ Число 6 называется совершеннымъ потому, что и сумма и произведение простыхъ дѣлителей его равны ему самому и между собою, т. е. $6=1+2+3=1\times 2\times 3$.—

же, на которыя оно дѣлится, бывъ сложены, составляютъ семь, и потому оно нуждается еще въ единицѣ для своего восполненія, — не такъ, какъ шесть, которое во всякомъ случаѣ остается равнымъ самому себѣ. Посему это послѣднее и прилагается къ Сыну Божію, который изъ полноты Божества низшелъ въ здѣшнюю жизнь. *Уничживъ же себя и принявъ образъ раба* (Фил. II, 7), Онъ опять вошелъ въ полноту Своего совершенства и достоинства. Ибо, умалившись въ Самомъ Себѣ и, такъ сказать, разрѣшившись на Свой части, Онъ опять изъ Своего умаленія и этихъ частей Своихъ вошелъ въ Свою полноту и величіе, никогда и при умаленіи не переставая быть совершеннымъ. — Кромѣ того и во всемъ созданіи міра и стройности его оказывается содержащимся это число, такъ какъ въ шесть дней Богъ создалъ небо и землю и все, что въ нихъ, творческою силою Слова, объемлющаго число шесть, по которому существуетъ тройственной видъ, составляющій тѣла. Ибо долгота, широта и глубина составляютъ тѣло, а число шесть и составляется изъ этихъ трехъ сторонъ. Впрочемъ теперь не благовременно раскрывать это подробно, чтобы, оставивъ настоящий предметъ, намъ не разсуждать о постороннемъ.

ГЛАВА XII.

Дѣвы приглашаются къ подражанію Церкви, живущей въ пустынѣ и побѣждающей дракона.

Итакъ, пришедши въ эту бесплодную для золь пустыню, Церковь питается здѣсь, возносясь до небесъ на крыльяхъ дѣвства, которыя Слово (Божіе) назвало *крыльями большаго орла* (Апок. XII, 14; Езек. XVII, 3), побѣдивъ змія и отгнавъ отъ своего полнолунія неблагопріятныя облака. Для того между прочимъ и предложены всѣ эти рѣчи, чтобы научить васъ, прекрасныя дѣвы, усиленно подражать матери и не смущаться скорбями, превратностями и бѣдствіями жизни, дабы вамъ вмѣстѣ съ нею смѣло войти въ брачный чертогъ съ горящими свѣтильниками. И такъ не страшитесь

козней и клеветъ этого звѣря, но бодро приготовляйтесь къ борьбѣ, вооружившись спасительнымъ шлемомъ и броней и препоясаніемъ (Еф. VI, 14 — 17). Ибо вы нанесете ему великое пораженіе, устремившись на него съ великою отвагою и благодушіемъ; и конечно онъ не устоитъ, видя противницъ, выступившихъ съ высшею помощію; но тотчасъ предоставитъ вамъ трофей семи родовъ борьбы ¹⁾. Этотъ многоглавый и многоличный звѣрь, —

„Левъ головою, задомъ драконъ и коза (серединой)

„Страшно дыхалъ онъ пожирающимъ пламенемъ бурнымъ ²⁾;

„Но того поразилъ Беллерофонтъ; а этого Царь Христосъ;

„Многихъ сгубилъ онъ, и никто не могъ бы снести

„Изрыгаемой изъ устъ его гибельной пѣны“ ³⁾,

если бы напередъ Христосъ не нанесъ ему пораженія и не сдѣлалъ его совершенно безсильнымъ и презрѣннымъ для насъ.

ГЛАВА XIII.

Седьмъ діадимъ звѣря низлагается побѣдоноснымъ дѣвствомъ. Десять роговъ дракона—противоположные десяти заповѣдямъ пороки. Мысль о судьбѣ—величайшее зло.

Посему, имѣя мужественный и бодрый духъ, вооружитесь противъ гордаго звѣря; отнюдь не отступайте, смущаясь его дерзостію; за то вы получите великую славу, если, одержавъ побѣду, отнимете находящіеся на немъ семь вѣнцовъ, за которые намъ и предстоитъ состязаніе и борьба по ученію Павла (Еф. VI, 12). Ибо та, которая напередъ преодолѣетъ діавола и умертвитъ семь головъ, сдѣлается обладательницею семи вѣнцовъ добродѣтели, совершивъ

¹⁾ Седьмъ родовъ борьбы, составляющихъ упражненія на общественныхъ греческихъ играхъ, упоминаются здѣсь примѣнительно къ семи головамъ Дракона.

²⁾ Т. е. Химера, описанная въ Иліадѣ VI, 181. 182.

³⁾ Дополненіе нѣсколькихъ экзаметровъ къ стихамъ Гомера принадлежитъ, вѣроятно, самому автору.

великіе подвиги дѣвства. Такъ голова дракона есть невоздержаніе и роскошь; сокрушившій ее украсится вѣнцомъ цѣломудрія. Его же голова — страхъ и уныніе; поправшій ее получить вѣнецъ мученичества. Его же голова — невѣріе и безуміе и прочіе подобныя виды нечестія; поразившій и умертвившій ихъ удостоится за это почестей, многообразно сокрушивъ силу дракона. А десять роговъ и рожновъ, которые онъ носитъ на головахъ, какъ сказано (Апок. XII, 3), суть десять сопротивленій десятословію, прекрасныя дѣвы, которыми онъ обыкновенно поражаетъ и низвергаетъ души многихъ, замышляя и изобрѣтая противное заповѣди: *люби Господа твоего* (Втор. VI, 5) и прочимъ заповѣдямъ. Вотъ его рогъ пламенный и исполненный горечи — блудъ, которымъ онъ низвергаетъ невоздержныхъ; вотъ прелюбодѣяніе, вотъ ложь, вотъ сребролюбіе, вотъ воровство, и другіе близкіе и сродные имъ пороки, которые свирѣпствуютъ, выросши на человѣкоубійственныхъ головахъ его; вы же, исторгнувъ ихъ при помощи Христовой, возлѣжете на ваши божественныя головы цвѣтушіе вѣнцы въ награду за побѣду надъ дракономъ. Ибо наша обязанность предпочитать высшее и ставить его выше земнаго, сохраняя умъ самостоятельнымъ и самовластнымъ, внѣ всякой необходимости, при свободномъ избраніи благоугоднаго, не раболѣпствуя судьбѣ и случаямъ. Такъ, человѣкъ не можетъ быть господиномъ самого себя и добродѣтельнымъ, если онъ не будетъ соображаться съ человѣческимъ примѣромъ Христа и жить, изображая себя по Его первообразу и подражая Ему. Подлинно, величайшее изъ всѣхъ золъ, усвоенное многими, состоитъ въ томъ, что относятъ причины грѣховъ къ движеніямъ звѣздъ и говорятъ, что жизнь наша управляется необходимостію судьбы, какъ дѣлаютъ весьма надменные наблюдатели звѣздъ; ибо они, вѣруя больше по догадкамъ, нежели по благоразумному разсужденію, тому, что находится въ срединѣ между истиною и ложью, — много уклонились отъ созерцанія дѣйствительно существующаго. Посему, если ты позволишь, Арета, при окончаніи моей рѣчи, которую ты сама, госпожа, приказала произ-

нести, то я постараюсь при твоёмъ содѣйствіи и сочувствіи противъ недовольныхъ и сомнѣвающихся въ истинѣ нашихъ словъ, что человекъ властно свободенъ, разъяснить, что люди „по своему безразсудству безъ судьбы терпятъ бѣдствія“ ¹⁾, предпочитая пріятное полезному.

Арета: я позволяю и буду содѣйствовать; ибо съ соединеніемъ и этого рѣчь будетъ совершенно прекрасною.

ГЛАВА XIV.

Ученіе математиковъ, поколику оно относится къ познанію звѣздъ, не совѣмъ достойно отверженія. — Двѣнадцать знаковъ Зодіака — названія баснословныя.

Θекла. И такъ еще скажемъ посильно объ этомъ, и прежде всего обнаружимъ обольщеніе хвалящихся тѣмъ, будто они одни знаютъ, какимъ образомъ устроенъ міръ, по предположеніямъ Египтянъ и Халдеевъ. Они утверждаютъ, что окружность міра подобна выпуклостямъ какъ бы обдѣланнаго шара, въ которомъ земля занимаетъ мѣсто центра и средоточія. Такъ какъ эта окружность, говорятъ они, шарообразна, то при равныхъ разстояніяхъ одинаковыхъ частей, въ срединѣ вселенной необходимо должна находится земля, около которой, какъ происшедшей прежде всего, вращается небо. Ибо, если окружность составила изъ средоточія и центра (безъ центра невозможно описать круга и самый кругъ невозможенъ безъ центра); то не слѣдуетъ ли, говорятъ они, что прежде всего образовалась земля и ея хаосъ и бездна? Подлинно въ бездну и хаосъ низверглись эти несчастные! *Они, познавъ Бога, не прославили Его, какъ Бога, и не возблагодарили, но осуетились въ умствованияхъ своихъ, и омрачилось несмысленное ихъ сердце* (Римл. I, 21), и притомъ тогда, какъ ихъ же мудрецы говорили, что нѣтъ ничего изъ земнороднаго почтеннѣе и старше Олимпійскихъ (боговъ). По истинѣ познавшіе Христа не остаются всегда дѣтьми, какъ Элліны ²⁾, которые затмивъ истину

¹⁾ Одисс. I, 34, ср. I, 7, и Иліада IV, 409.

²⁾ При этомъ имѣется въ виду отзывъ объ Эллинахъ, сказанный мудрому Солону однимъ Египетскимъ жрецомъ, что „Елліны всегда остаются дѣтьми“. Plat. Tim: Климентъ Ал. Strom. I, 21. 128.

болѣе миеами и вымыслами, нежели словеснымъ искусствомъ, и поставивъ человѣческія бѣдствія въ связь съ небесными предметами, не стыдятся изображать окружность вселенной геометрическими знаками и фигурами и учить, что небо украшено подобіями птицъ и рыбъ и земныхъ животныхъ, и что качества звѣздъ произошли отъ приключеній съ древними людьми, такъ что у нихъ движенія планетъ зависятъ отъ этихъ тѣлесныхъ существъ; ибо, говорятъ они, звѣзды вращаются около двѣнадцати животныхъ, будучи увлекаемы движеніемъ зодіакальнаго круга, такъ что изъ ихъ сочетанія можно усматривать имѣющее случиться со многими, судя по ихъ сближенію другъ съ другомъ и отклоненію, равно какъ по восхожденію и захожденію. По ихъ мнѣнію, небо шаровидное и имѣющее въ землѣ свой центръ и средоточіе,—потому что всѣ прямыя линіи, падающія отъ окружности на землю, равны между собою,—оказываетъ вліяніе посредствомъ объемлющихъ его круговъ, изъ которыхъ большій называется меридіаномъ, второй, разсѣкающій его на равныя части,—горизонтомъ, третій, пересѣкающій ихъ,—экваторомъ, по сторонамъ котораго находятся два тропика, лѣтній и зимній, одинъ въ сѣверной части, а другой въ южной, кромѣ того такъ называемая ось, около которой находятся медвѣдицы, какъ напр. сѣверная внѣ тропика. Медвѣдицы, вращаясь около самихъ себя и, посредствомъ полюсовъ производя давленіе на ось, производятъ движеніе всего міра, имѣя головы свои обращенными къ бедрамъ другъ друга и не соприкасаясь съ нашимъ горизонтомъ. Зодіакъ же, говорятъ они, касается всѣхъ круговъ, совершая косвенное движеніе; въ немъ находятся двѣнадцать животныхъ, которые называются двѣнадцатью знаками, начиная съ Овна до Рыбъ и, по сказанію ихъ, поступили въ число созвѣздій по баснословнымъ причинамъ. Такъ говорятъ, Овенъ есть тотъ, который перевезъ (чрезъ Элеспонтъ) Эллу, дочь Аеаманта, съ Фриксомъ къ Скиѣамъ; Телецъ — въ честь Зевса, который въ видѣ вола переправилъ Европу въ Критъ; такъ называемый млечный путь, начинающійся при соединеніи Рыбъ съ Овномъ, говорятъ,

проистекъ изъ сосцевъ Иры для Иракла, по повелѣнію Зевса. Такимъ образомъ, по ихъ мнѣнію, до Европы, Фрикса и Діоскуровъ (близнецовъ) и другихъ знаковъ Зодіака, помѣщенныхъ въ число созвѣздій изъ людей и животныхъ, не было рока (γένεσις)¹⁾, но безъ рока жили наши предки. Попытаемся же, не будемъ ли мы въ состояніи уничтожить ложь, подобно врачамъ, употребивъ противъ нее цѣлительныя врачества рѣчи, имѣя въ виду истину, слѣдующимъ образомъ.

ГЛАВА XV.

Доказательства отъ новизны судьбы и рока. — Древніе люди — золотой родъ. — Сильныя доказательства противъ (вѣровавшихъ въ рокъ) математиковъ.

О жалкіе, еслибы для людей лучше было подлежать року, нежели не подлежать, то почему рока не было съ самаго начала, какъ произошелъ родъ человѣческій? Если же онъ былъ, то какая была нужда помѣщать между созвѣздіями: Льва, Рака, Близнецовъ, Дѣву, Тельца, Вѣсы, Скорпіона, Овна, Стрѣльца, Рыбъ, Козерога, Водолея, Персея, Кассіопію, Кифея, Пегаса, Гидру, Вѣрона, Чашу, Лиру, Дракона и другихъ, которыхъ наблюденію научившись, по вашимъ словамъ, многіе постигли это математическое, или лучше сказать, противонаучное (καταθεματικόν) предвѣдѣніе? И такъ, или дѣйствительно издавна былъ рокъ, то напрасна постановка этихъ существъ (въ числѣ созвѣздій); или его не было, и потомъ Богъ привелъ жизнь въ лучшее состояніе и направленіе, между тѣмъ какъ прежніе люди переживали худшее время; но древнѣйшіе лучше нынѣшнихъ; посему они и названы *золотымъ родомъ*²⁾. Слѣдовательно

¹⁾ Подъ словомъ γένεσις здѣсь очевидно разумѣется вліяніе знаковъ Зодіака на рожденіе и жизнь людей, т. е. рокъ, судьба. Такъ какъ св. Меѳодій составилъ свое сочиненіе „Пиръ дѣвъ“ по внѣшней формѣ сходно съ „Пиромъ“ философа Платона (при содержаніи противоположномъ ему), гдѣ приводятся слова Парменида о γένεσις, какъ матери древнѣйшаго Бога Эроса, или вообще какъ плодотворной силѣ природы, то можно думать, что св. Меѳодій имѣлъ въ виду и это сказаніе греческихъ философовъ. См. сочин. Платона, перев. Карпова. 1863. Т. IV, стр. 157.

²⁾ Hesiod. Op. et D. ст. 103.

нѣтъ рока. — Если солнце, объѣзжая эти круги и проходя въ извѣстныя времена года знаки Зодіака, производитъ измѣненія и перемѣны временъ, то какимъ образомъ тѣ, которые жили до помѣщенія между созвѣздіями этихъ животныхъ и до украшенія ими неба, могли благополучно существовать, когда еще не были отдѣлены лѣто, осень, зима и весна, вліяніемъ которыхъ тѣлесная природа растетъ и укрѣпляется? Между тѣмъ они благополучно существовали и были долговѣчнѣе и крѣпче нынѣшнихъ, такъ какъ Богъ и въ то время одинаково устроялъ времена. Слѣдовательно небо получило разнообразіе не отъ этихъ знаковъ. — Если солнце и луна и прочія звѣзды, существующія для опредѣленія и соблюденія чиселъ времени (Быт. I, 17), для украшенія неба и измѣненія временъ года, божественны и превосходнѣе людей, то они сами необходимо должны проводить жизнь превосходнѣйшую, блаженную, мирную и гораздо лучшую нашей жизни по правдѣ и добродѣтели, совершая стройное и благополучное движеніе. Если же они причиняютъ несчастія и худыя настроенія смертнымъ и служатъ виновниками непотребствъ, превратностей и приключеній жизни, то они несчастнѣе людей, взирая на землю и на жалкія и незаконныя дѣйствія (смертныхъ), и проводятъ жизнь нисколько не лучше людей, если наша жизнь зависитъ отъ ихъ отклоненія и движенія.

ГЛАВА XVI.

Другія многочисленныя доказательства, направленныя противъ тѣхъ же математиковъ.

Если никакое дѣйствіе не бываетъ безъ желанія, и желаніе безъ нужды, Божество же ни въ чемъ не имѣетъ нужды, и слѣдовательно не помышляетъ о причиненіи зла, и если звѣзды по своей природѣ ближе къ Богу и по добродѣтели превосходнѣе самыхъ лучшихъ людей, то слѣдуетъ, что звѣзды не замышляютъ зла (людямъ) и ни въ чемъ не нуждаются. — Кромѣ того, всякій, кто убѣжденъ, что солнце,

луна и звѣзды божественны, согласится съ нами, что они весьма далеки отъ зла и земныхъ дѣйствій, какъ недоступныя для страстей, удовольствія и скорби; ибо такія постыдныя ощущенія не свойственны небеснымъ существамъ. Если же они по природѣ своей чужды этому и ни въ чемъ не имѣютъ нужды, то какъ они могутъ причинять людямъ то, чего сами не желаютъ и чему сами не причастны? — Утверждающіе, что человѣкъ не свободенъ, а управляется неизбѣжною необходимостію и неписанными повелѣніями судьбы, нечестиво относятся къ самому Богу, считая Его виновникомъ и устройтелемъ человѣческихъ золъ. Ибо если Онъ неизреченною и непостижимою премудростію стройно управляетъ всѣмъ круговымъ движеніемъ звѣздъ, держа бразды правленія вселенной, а звѣзды производятъ свойства добра и зла въ жизни, привлекая къ нимъ людей узами необходимости: то, по ихъ мнѣнію, Богъ есть виновникъ и податель золъ. Между тѣмъ, по убѣжденію всѣхъ, Богъ не есть виновникъ никакого зла; слѣдовательно нѣтъ рока.

— Всякій хотя нѣсколько разсудительный согласится, что Богъ благъ, праведенъ, премудръ, истиненъ, благодѣтеленъ, не причиняетъ золъ, не причастенъ страсти, и все тому подобное: если же справедливые лучше несправедливыхъ и несправедливость отвратительна для нихъ; Богъ же какъ праведный радуется справедливости и несправедливость отвратительна для Него, какъ противоположная и враждебная справедливости, то слѣдовательно Богъ не есть виновникъ несправедливости. — Если полезное несомнѣнно есть добро, а цѣломудріе полезно и для дома, и для жизни, и для друзей, то, значить, цѣломудріе есть добро. И если цѣломудріе по свойству своему есть добро, а воздержаніе противоположно цѣломудрію, противоположное же добру есть зло, то значить, воздержаніе есть зло. И если воздержаніе по свойству своему есть зло, отъ воздержанія же происходятъ прелюбодѣянія, кражи, ссоры и убійства, то, значить, преступная жизнь по свойству своему есть зло. А Божество по природѣ своей непричастно злу. Слѣдовательно не рокъ (есть причина добра и зла). — Если

цѣломудренныя лучше невоздержныхъ и невоздержаніе отвратительно для нихъ; Богъ же, какъ непричастный страстямъ, радуется цѣломудрію, то значитъ, невоздержаніе отвратительно и для Бога.

А что цѣломудренное дѣйствіе, какъ добродѣтель, лучше невоздержнаго дѣйствія, какъ порока, это можно видѣть на царяхъ, правителяхъ, военачальникахъ, женахъ, дѣтяхъ, гражданахъ, господахъ, рабахъ, пѣстунахъ, учителейхъ, потому, что каждый изъ нихъ при своемъ цѣломудріи бываетъ полезенъ и самому себѣ и обществу, а при невоздержаніи вреденъ и самому себѣ и обществу. И такъ какъ есть нѣкоторое различіе между порочными и добродѣтельными, невоздержными и цѣломудренными, и жизнь добродѣтельныхъ и цѣломудренныхъ лучше, а жизнь противоположныхъ хуже; и живущіе лучше—близки и любезны Богу, а живущіе хуже—далеки и противны для Него; то утверждающіе, будто по роковой необходимости справедливость и несправедливость есть одно и тоже, не различаютъ порока и добродѣтели, невоздержанія и цѣломудрія, что невозможно. Ибо если добро и зло противоположны, а несправедливость есть зло и противоположна справедливости, справедливость же есть добро; а добро враждебно злу, и зло не одинаково съ добромъ, то значитъ справедливость есть нѣчто иное, нежели несправедливость. Слѣдовательно Богъ не есть виновникъ золь и не радуется (людямъ) злымъ, не содѣйствуетъ имъ Слово, какъ благое. Если же существуютъ порочныя, то они порочны по недостатку разума, а не по вліянію рока, „по своему безразсудству безъ судьбы претерпѣвая бѣдствія“ ¹⁾.—Если рокъ заставляетъ убивать кого-либо и обагрять руки кровію убійства, а законъ запрещаетъ это, опредѣляя наказанія злодѣямъ и угрозами отмѣняя внушенія рока, какъ то: причинять несправедливость, прелюбодѣйствовать, воровать, отравлять, то, значитъ, законъ противоположенъ року. Ибо что рокъ опредѣляетъ, то законъ запрещаетъ; а что законъ запрещаетъ, то дѣлать рокъ принуждаетъ; слѣ-

¹⁾ Одисс. I, 34.

довательно законъ враждебенъ року. А если они враждебны, то, значить, законодатели (существуютъ и дѣйствуютъ) не по року, потому что, опредѣляя противное року, они разрушаютъ рокъ. И такъ или существуетъ рокъ и тогда не слѣдовало бы существовать законамъ, или существуютъ законы, и слѣдовательно, они существуютъ не по року. Но, говорятъ, безъ рока невозможно ни родиться кому-либо, ни совершиться чему-либо; потому что никто не можетъ и пальцемъ двинуть безъ судьбы; слѣдовательно по року являлись законодатели: Миносъ, Драконтъ, Ликургъ, Солонъ и Залевкъ, и постановляли законы, запрещая прелюбодѣнія, убійства, насилія, грабежи, кражи, какъ дѣйствія не существующія и не бывающія по року. Если же и эти дѣйствія бывають по року, то законы постановлялись не по року; потому что рокъ не сталъ бы разрушать самого себя, отмѣняя самъ себя и возставая самъ на себя, то постановляя законы, запрещающіе прелюбодѣнія и убійства, и обвиняя и наказывая злодѣевъ, то производя убійства и прелюбодѣнія. Но это невозможно; потому что нѣтъ ничего противнаго самому себѣ, враждебнаго съ самимъ собою, разрушительнаго для самаго себя и несогласнаго съ самимъ собою. Слѣдовательно, нѣтъ рока. — Если все, что происходитъ, происходитъ по року, и безъ рока ничто не бываетъ, то неизбѣжно (допустить), что и законъ произошелъ отъ рока. Но законъ уничтожаетъ рокъ, научая, что добродѣтель пріобрѣтается и исполняется тщательностію, а порокъ можетъ быть избѣгаемъ и происходитъ отъ недостатка воспитанія. Слѣдовательно, нѣтъ рока. — Если рокъ производитъ то, что (люди) обижаютъ другъ друга и бывають обижаемы другъ другомъ, то какая нужда въ законахъ? Если они (существуютъ) для того, чтобы наказывать виновныхъ, такъ какъ Богъ печется объ обижаемыхъ, то лучше было бы, чтобы злые не поступали по судьбѣ, нежели послѣ преступленій были исправляемы законами. Но Богъ благъ и премудръ и устрояетъ все лучшее. Слѣдовательно, нѣтъ рока. — Причинами грѣховъ бывають или воспитаніе и нравы, или страсти душевныя и похоти тѣлес-

ныя. Что изъ этого ни было бы причиною того, чего оно бываетъ причиною, Богъ не есть тому причина.—Если лучше быть справедливымъ, нежели несправедливымъ, то почему человекъ не бываетъ такимъ самъ по себѣ съ самаго рожденія? Если же онъ въ послѣдствіи вразумляется ученіемъ и законами, чтобы сдѣлаться лучшимъ, то значить, онъ вразумляется какъ свободный, а не какъ злой по природѣ.—Если порочные рождаются порочными по року, опредѣленіемъ Провидѣнія, то они не подлежатъ осужденію и наказанію по законамъ, какъ живущіе по своей собственной природѣ, потому что они не могутъ измѣниться.—И еще: если добрые, живя по своей природѣ, заслуживаютъ похвалы, хотя рокъ причиною того, что они добры; то и злые, живя по своей природѣ, также не должны быть обвиняемы справедливымъ судьей. И если нужно сказать прямо, то всякій, живущій по присущей ему природѣ, нисколько не грѣшитъ. Ибо не самъ онъ сдѣлалъ себя такимъ, но судьба, и живетъ онъ по ея побужденію, влекомый неизбѣжною необходимостію; посему нѣтъ ни одного злого. Однако злые существуютъ, и зло достойно порицанія и противно Богу, какъ доказано въ рѣчи; а добродѣтель достолюбезна и похвальна, когда Богъ постановилъ законъ для наказанія злыхъ. Слѣдовательно нѣтъ судьбы.

ГЛАВА XVII.

Желанія плоти и духа: порокъ и добродѣтель.

Впрочемъ, для чего мнѣ распространять рѣчи, истрачивая время на такія обличенія, когда я уже изложила болѣе необходимое для убѣжденія и склоненія къ полезному, и когда сдѣлала, хотя и въ немногихъ словахъ, яснымъ для всѣхъ разногласіе ихъ выдумки съ самой собою, такъ что даже ребенокъ можетъ видѣть ихъ заблужденіе и понять, что отъ насъ зависитъ дѣлать добро или зло, а не отъ звѣздъ? Въ насъ есть два движенія, два естественныхъ желанія: *плоти и духа* (Галат. V, 17), различныя между

собою, и потому получившія два названія: добродѣтели и порока. Слѣдовать же намъ должно лучшему и полезнѣйшему водительство добродѣтели, избирая прекрасное вмѣсто худого. Однако объ этомъ уже довольно; удержу рѣчь; потому что стыжусь и сожалью, что послѣ рѣчей о дѣвствѣ принуждена была излагать мнѣнія метеорологовъ, или тщенаблюдателей, которые съ надменностію тратятъ время жизни, употребляя его только на баснословныя выдумки. — Вотъ тебѣ, госпожа Арета, и отъ насъ принесены дары, составленные изъ божественныхъ изреченій.

Еввуль. Какъ, Григора, поразительно и прекрасно говорила Ѳекла!

Григора. А что, если бы ты слышалъ саму ее, когда рѣчь ея текла обильнымъ и быстрымъ потокомъ съ великою пріятностію и отрадою? Каждый слушавшій восхищался цвѣтистымъ образомъ рѣчи; такъ одушевленно и поистинѣ живописно излагала она то, о чемъ говорила, между тѣмъ какъ лицо ея румянилось отъ стыдливости; а вся она отличалась бѣлизною и по тѣлу и по душѣ.

Еввуль. Справедливо, Григора, ты сказала это, и нѣтъ въ этомъ ничего ложнаго. Ибо я узналъ мудрость ея и изъ другихъ ея доблестей, изъ рѣчей, какія она говорила, и дѣлъ, какія совершила, доказывая чрезвычайную любовь свою ко Христу; и какъ достославно она часто претерпѣвала великіе и первостепенные подвиги мученическіе, оказывая великодушіе равное усердію и силу тѣлесную равную твердости намѣреній!

Григора. Весьма справедливо говоришь и ты; но не будемъ терять времени. Объ этомъ намъ можно будетъ и въ другое время часто бесѣдовать. А теперь мнѣ надобно пересказать тебѣ рѣчи и прочихъ дѣвъ, какъ я общала, именно Тисіаны и Домнины, которыя еще остались. Итакъ, когда и Ѳекла, сказавъ это, окончила рѣчь, то, — говорила Ѳеопатра, — Арета приказала говорить Тисіанѣ, а эта, улыбнувшись и вышедши предъ нее, сказала:

РѢЧЬ IX. ТИСИАНА.

ГЛАВА I.

Дѣвство — главное украшеніе истинной кущи. — Что означаетъ семь дней, предписанныхъ Іудеямъ для празднованія кущей? — Неизвѣстность предѣла этого седмичнаго числа, и никому не открыто, когда совершится будущее окончаніе міра. — Устройство міра еще продолжается.

Арета, возлюбленная краса любителей дѣвства! И я прошу тебя оказать мнѣ твою помощь, чтобы у меня не было недостатка въ словѣ, послѣ столь многихъ и разнообразныхъ рѣчей. Посему я оставляю вступительныя и предварительныя слова рѣчей, чтобы, потративъ время на составленіе ихъ надлежащимъ образомъ, мнѣ не отступить отъ самаго предмета рѣчи, отъ того, какъ славно и почетно и величественно дѣвство. — Богъ, желая научить истинныхъ Израилѣтянъ, какъ должно праздновать и чтить истинный праздникъ кущей, изображаетъ это въ книгѣ Левитъ, объясняя, что каждый долженъ больше всего украшать чистотою свою собственную кушу. Приведу самыя слова Писанія, изъ которыхъ несомнѣнно будетъ ясно для всѣхъ, какъ и для Бога благоугоденъ и пріятенъ этотъ подвигъ дѣвственной чистоты. *А въ пятнадцатый день седмаго мѣсяца, когда вы собираете произведенія земли, празднуйте праздникъ Господень семь дней; а въ осмой день покой. Въ первый день возьмите себѣ вѣтви красивыхъ деревьевъ, вѣтви пальмовыя и вѣтви деревьевъ широколиственныхъ и вербъ и вѣтви агноса рѣчнаго ¹⁾, и веселитесь предъ Господомъ Богомъ вашимъ семь дней въ году. Это постановленіе вѣчное въ роды ваши. Въ седьмой мѣсяцъ празднуйте его. Въ кущахъ живите семь дней. Всякій туземецъ Израилѣтянинъ долженъ жить въ кущахъ, чтобы знали роды ваши, что въ кущахъ поселилъ Я сыновъ Израилевыхъ, когда*

¹⁾ По переводу 70-ти толковниковъ, въ которомъ отдѣльно отъ другихъ исчисленныхъ вѣтвей названы вѣтви агноса (ἄγνη κλάδης), того самаго дерева, подъ тѣнію котораго происходилъ пиръ дѣвъ. См. выше стран. 28. Примѣчаніе.

вывелъ васъ ¹⁾ изъ земли Египетской. Я Господь Богъ вашъ (Лев. XXIII, 39 — 43). Конечно Іудеи, (витая около одного писмени Писанія, какъ шмели около листьевъ овощей, а не около цвѣтовъ и плодовъ, какъ пчела), будутъ утверждать, что эти слова и предписанія относятся къ той кущѣ, которую они сами устрояютъ, какъ будто Богъ утѣшается тѣми тлѣнными украшеніями, которыя они разнообразно устрояютъ изъ древесныхъ вѣтвей; но они не понимаютъ богатства будущихъ благъ, какъ все это есть не что иное, какъ дуновение и образныя тѣни, предвозвѣщающія воскресеніе нашей павшей на землѣ (тѣлесной) скиніи, которую обратно получивъ безсмертною въ седьмое тысячелѣтіе ²⁾, мы будемъ праздновать великій праздникъ истинныхъ кущей въ новомъ и непреходящемъ мірѣ, когда будутъ собраны земные плоды и люди уже не будутъ рождать и рождаться, и когда Богъ успокоится отъ дѣлъ мірозданія. Ибо какъ въ шесть дней Богъ создалъ небо и землю, и совершилъ весь міръ; а въ седьмой день почилъ отъ дѣлъ своихъ, которыя творилъ, и благословилъ день седьмой и освятилъ его (Быт. II, 1. 2), и какъ прообразовательно въ седьмой мѣсяцъ, когда уже собраны земные плоды, намъ повелѣно праздновать Господу, такъ когда этотъ міръ достигнетъ до седьмаго тысячелѣтія, тогда Богъ, по истинѣ совершивъ вселенную *возвеселится* о насъ (Пс. CIII, 31). Теперь еще все устрояется мѣщественною волею и непостижимою силою Его, земля еще произращаетъ плоды, и воды собираются въ свои вмѣстилища; свѣтъ еще отдѣляется (отъ тьмы), и число людей еще увеличивается, солнце восходитъ для управленія днемъ, и луна для управленія ночью (Быт. 1, 16); четвероногіе, звѣри и пресмыкающіеся происходятъ изъ земли, а птицы и рыбы изъ влажной стихіи. А тогда, когда исполнятся времена, и Богъ перестанетъ совершать эти

¹⁾ Въ Библии: *ихъ*.

²⁾ Выраженное здѣсь мнѣніе о близкой кончинѣ настоящаго міра, именно при наступленіи седьмой тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра, бывшее между христіанами первыхъ вѣковъ, объясняется тяжкими для нихъ обстоятельствами тогдашняго времени.

творенія, въ седьмый мѣсяцъ — въ великій день воскресенія — будетъ праздноваться въ честь Господу нашъ праздникъ кущей, котораго символы и образы представлены въ книгѣ Левитъ, которыя и нужно объяснить, чтобы уразумѣть открытую истину. Этого *послушаетъ мудрый, говорится въ Писаніи, и умножитъ познанія и уразумѣетъ притчу и замысловатую рѣчь, слова мудрецовъ и загадки ихъ* (Притч. I, 5. 6). Посему да устыдятся Іудеи, не постигающіе глубины Писаній и думающіе, что законъ и пророки говорили все о плотскомъ, между тѣмъ сами стремясь къ мірскому и внѣшнее богатство предпочитая душевному. Тогда какъ Писанія содержатъ образы предметовъ двоякаго рода, прошедшихъ и будущихъ, они несчастные, уклонившись отъ этого, принимаютъ прообразы будущаго, какъ бы уже прошедшаго; такъ о закланіи агнца они думаютъ, что таинство агнца есть только воспоминаніе спасенія отцевъ ихъ въ Египтѣ, когда при избіеніи первенцевъ Египетскихъ они спаслись, окропивъ кровію косяки домовъ своихъ, но не поняли, что оно было еще предвѣщательнымъ прообразомъ закланія Христа, котораго кровію огражденные и запечатлѣнные души, при сожженіи вселенной и гибели первородныхъ чадъ сатаны, спасутся отъ гнѣва (Божія), потому что наказующіе Ангелы будутъ отступать отъ начертанной на нихъ печати этой крови.

ГЛАВА II.

Прообразъ, образъ, истина, — законъ, благодать, слава. Человѣкъ созданъ безсмертнымъ. — Смерть введена для истребленія грѣха.

Это сказано мною для примѣра въ доказательство того, что Іудеи, считая данное имъ образомъ уже прошедшаго, лишились надежды будущихъ благъ, не хотѣвши признать ни предвѣщательныхъ прообразовъ образовъ, ни самихъ образовъ истины. Между тѣмъ законъ есть прообразъ и тѣнь образа т. е. Евангелія, а Евангеліе — образъ самой истины. Ибо древніе и законъ пророчески предвозвѣстили намъ свойства Церкви, а Церковь свойства новыхъ вѣковъ.

Посему мы, принявъ Христа, который сказалъ: *Я есмь истина* (Іоан. XIV, 6), убѣждены, что тѣни и прообразы уже прекратились, и спѣшимъ къ истинѣ, возвѣщая дѣйствительные образы ея. Ибо мы еще *знаемъ отчасти и какъ бы сквозь тусклое стекло*, потому что еще не настало для насъ совершенное (т. е. царство небесное и воскресеніе), *когда то, что отчасти, прекратится* (I Кор. XIII, 10. 12). Тогда крѣпко поставятся skinii всѣхъ насъ, когда, по соединеніи и сращеніи костей съ плотію, тѣло воскреснетъ. Тогда по истинѣ мы будемъ праздновать день радости предъ Господомъ, когда получимъ новыя skinii, которыя уже не умрутъ или не разрушатся *въ прахъ земли* (Даніил. XII, 2). Наша skinii и прежде была неразрушающеюся, но отъ преступленія поколебалась и пала, а Богъ разрушаетъ грѣхъ смертію, чтобы грѣшный человѣкъ, будучи безсмертнымъ съ живущимъ въ немъ грѣхомъ, не остался вѣчно осужденнымъ. Посему онъ и подвергся смерти, не будучи смертнымъ или тлѣннымъ, и душа отдѣляется отъ плоти, чтобы чрезъ смерть умерщвлялся грѣхъ, который уже не можетъ жить въ умершемъ. Итакъ, по смерти и истребленіи грѣха, я опять возстаю безсмертною и воспѣваю Бога, спасающаго чрезъ смерть дѣтей (своихъ) отъ смерти, и законно праздную въ честь Его, украсивъ свою skinii — плоть — добрыми дѣлами, какъ (Евангельскія) дѣвы — пятью горящими свѣтильниками (Матѳ. XXV, 7).

ГЛАВА III.

Какимъ образомъ каждый долженъ приготавляться къ будущему воскресенію?

На испытаніе въ первый день воскресенія приношу ли я заповѣданное, украшена ли я плодами добродѣтели, осѣнѣна ли вѣтвями дѣвства? Представь, что воскресеніе есть устроеніе кущи. Представь, что принимаемое на устройство этой кущи суть дѣла правды. Итакъ разбираю требующее въ первый день, т. е. въ тотъ день, въ который я предстаю на судъ, украсила ли я свою кущу тѣмъ, что заповѣдано, находится ли въ ней то, что намъ повелѣвается

въ здѣшнемъ мірѣ пріобрѣсти, а тамъ принести Богу? Займемся же разсмотрѣніемъ того, что слѣдуетъ далѣе. *Въ первый день, говорится, возьмите себѣ красивый древесный плодъ, и вътви палмовыя, и вътви деревь широколиственныхъ, и вербъ, и вътви агноса рѣчнаго, и веселитесь предъ Господомъ Богомъ вашимъ* (Лев. XXIII, 40). Подъ красивѣйшимъ плодомъ древеснымъ необрѣзанные сердцемъ Іудеи разумѣютъ лимонное дерево по его величинѣ, и не стыдятся утверждать, что Богъ, Которому недостаточны для всесоженія всѣ животныя земныя и ливанъ для куренія, чтится лимоннымъ деревомъ. И притомъ, о упорные, если красиво лимонное дерево, то развѣ не болѣе красива виноградная лоза? — развѣ не красиво гранатовое дерево? — развѣ не красива яблоня и другія плодовые деревья, которыя гораздо лучше лимоннаго? Такъ и Соломонъ, упоминая въ Пѣсни Пѣсней (IV, 13) обо всѣхъ этихъ прекрасныхъ деревьяхъ, умолчалъ только о лимонномъ. Но они неразумные впади въ заблужденіе, не понявъ (что здѣсь говорится) о древѣ жизни, которое прежде произрастало въ раю, а теперь для всѣхъ произрастила Церковь, которое приноситъ прекрасный и красивый плодъ вѣры. Этотъ-то плодъ мы и должны принести, пришедши въ первый день праздника на судъ Христовъ, и если мы не будемъ имѣть такого плода, то не будемъ праздновать вмѣстѣ съ Богомъ и, по словамъ Іоанна, не будемъ имѣть участія въ воскресеніи первомъ (Апок. XX, 6). Ибо древо жизни есть первородная изъ всѣхъ Премудрость. Она, говоритъ пророкъ, *древо жизни для тѣхъ, которые пріобрѣтаютъ ее, и твердыня для тѣхъ, которые опираются на нее, какъ на Господа* (Притч. III, 18) ¹⁾; *древо, посаженное при потокахъ водъ, которое приноситъ плодъ свой во время свое* (Псал. 1, 3): т. е. ученіе и мудрость, доставляемая въ надлежащее время приходящимъ къ водамъ искупленія. А тотъ, кто не увѣровалъ во Христа, кто не позналъ, что Онъ есть начало и древо жизни, кто не можетъ показать Богу кущу свою украшенною прекраснѣйшимъ изъ прекрасныхъ плодовъ, какъ бу-

¹⁾ По переводу 70-ти толковниковъ.

детъ праздновать? — какъ будетъ веселиться? Хочешь ли узнать прекрасный плодъ этого дерева? Посмотри на слова Господа нашего Иисуса Христа, какъ они *прекраснѣе* (словъ) *сыновъ человѣческихъ* (Псал. XLIV, 3). Прекрасный плодъ произросъ чрезъ Моисея — законъ; но онъ не былъ такъ прекрасенъ, какъ Евангеліе; ибо тотъ былъ только прообразомъ и тѣню будущихъ вещей, а это — истина и благодать жизни. Прекрасенъ былъ плодъ пророковъ, но не такъ прекрасенъ, какъ воздѣлываемый изъ этого (Евангелія) плодъ нетлѣнія.

ГЛАВА IV.

Умъ, очистившись отъ пороковъ, становится проницательнѣе. Украшеніе души и порядокъ добродѣтелей. Любовь — вѣтвиста и плодовита. — Дѣвство — крайнее изъ всѣхъ украшеній. — Самое пользованіе бракомъ должно быть цѣломудренно.

Въ первый день возьмите себѣ красивый древесный плодъ и вѣтви пальмовыя (Лев. XXIII, 40), — говорится объ упражненіи въ божественномъ ученіи, которымъ душа очищается и украшается, побѣждая страсти, между тѣмъ какъ грѣхи изъ нея выметаются подобно сору и выбрасываются. Ибо на этотъ праздникъ должны приходить чистые и украшенные, тщательно снабдившіе себя трудами и подвигами добродѣтели, какъ бы прикрасами; потому что умъ, очищенный прилежными трудами и подвигами отъ различныхъ, потемняющихъ его помысловъ, становится проницательнѣе къ истинѣ. Такъ и въ Евангеліи вдова нашла кодрантъ, когда вымела домъ и выбросила соръ (Лук. XV, 9. Марк. XII, 42), т. е. страсти, помрачающія и потемняющія душу и умножающіяся отъ нашей изнѣженности и безпечности. И такъ кто хочетъ быть на праздникъ тѣхъ кущей и находиться вмѣстѣ со святыми, тотъ прежде всего пусть приобрѣтетъ прекрасный плодъ — вѣру, потомъ пальмовыя вѣтви — упражненіе и занятіе Писаніями, затѣмъ цвѣтушія и широколиственныя вѣтви любви, которая (Писаніе) повелѣваетъ взять послѣ пальмовыхъ вѣтвей, весьма мѣтко назвавъ любовь широколиственными вѣтвями, потому что она есть

какъ бы вѣтвистое, всецѣло плодовитое и тучное растеніе, не имѣющее голыхъ или пустыхъ мѣстъ, но вездѣ полное и на сучьяхъ и на стволѣ. Такова и любовь; она никогда не бываетъ пустою или безплодною. Ибо, *если я продамъ имѣніе мое и раздамъ нищимъ, если отдамъ тѣло мое на сожженіе, и если приобрету такую вѣру, что и горы могу переставлять, а любви не имѣю, то я ничто* (1 Кор. XIII, 2. 3). И такъ любовь есть плодовитое дерево и широколиственнѣйшее изъ всѣхъ, какъ изобилующая и исполненная благодатныхъ даровъ. Потомъ что еще предлагаетъ оно взять? Вѣтви вербовья, говоритъ, называя вербовыми вѣтвями правду, потому что праведники, по словамъ пророка, *растутъ, какъ трава посреди воды, и какъ ивы при потокахъ водъ* (Исх. XLIV, 4), процвѣтая мудростію. Кромѣ всего этого заповѣдуется приносить для украшенія кущи вѣтви агноса, такъ какъ это дерево по самому названію ¹⁾ означаетъ дѣвство, которымъ украшается все вышесказанное. Пусть же отойдутъ прочь невоздержные и по своему сладострастію отвергающіе дѣвство! Какъ могутъ войти на праздникъ со Христомъ не украсившіе своей кущи вѣтвями дѣвства, этимъ богонасажденнымъ блаженнымъ растеніемъ, которымъ должны облекаться и осѣнять свои чресла поспѣшающіе на этотъ праздникъ и бракъ? Вникните же, прекрасныя дѣвы, въ самое Писаніе и заповѣди, какъ Слово (Божіе) поставило дѣвство въ заключеніе всѣхъ вышесказанныхъ добродѣтелей, научая, сколь оно прекрасно и вожделѣнно при воскресеніи и какъ безъ него никто не получитъ обѣтованныхъ благъ; его мы, дѣвствующія, преимущественно и воздѣлываемъ и приносимъ Господу. Впрочемъ его имѣютъ и тѣ, которые дѣвственно живутъ съ своими супругами; они приносятъ какъ бы отрасли отъ ствола его, произращающія цѣломудріе, не достигая и не касаясь верхнихъ и великихъ его вѣтвей; однако тѣмъ не менѣе и они приносятъ хотя малыя отрасли дѣвственности. А похотливые, хотя и не предающіеся прелюбодѣянiю, но съ одною и законною женою обращающіеся не-

¹⁾ Названіе этого растенія объяснено выше, въ прим. на стран. 28.

воздержно, какъ будутъ праздновать, какъ будутъ веселиться, когда они не украсили своей кущи, т. е. плоти, вѣтвями агноса и не внимали сказанному: *и имѣющіе женъ должны быть какъ не имѣющіе?* (1 Кор. VII, 29).

ГЛАВА V.

Тайна кущей.

Посему я утверждаю, что тѣ, которые стремятся къ подвигамъ и отличаются великимъ благоразуміемъ, должны больше всѣхъ ревностно чтить дѣвство, какъ полезнѣйшее и славнѣйшее (всего); ибо въ новомъ и непреходящемъ мірѣ, если кто окажется не украшеннымъ вѣтвями дѣвства, тотъ не получитъ покоя, какъ не исполнившій заповѣди Божіей по закону, и не войдетъ въ землю обѣтованія, не праздновавъ напередъ праздника кущей. Одни только праздновавшіе въ куцахъ вступаютъ въ святую землю, отправившись отъ такъ называемыхъ кущей, пока не достигнутъ храма и города Божія, т. е. перейдутъ къ высшей и славнѣйшей радости, какъ показываютъ и прообразы, бывшіе у Іудеевъ. Ибо какъ они, вышедши изъ предѣловъ Египта и начавъ странствованіе, пришли въ кущи¹⁾, и оттуда опять отправившись пришли въ землю обѣтованную, такъ и мы. Такъ и я, отправившись отсюда и вышедши изъ Египта — сей жизни, сначала достигаю воскресенія, этого истиннаго праздника кущей, и тамъ поставивъ мою кущу, украшенную плодами добродѣтели, въ первый день праздника воскресенія, во время суда, празднуя вмѣстѣ со Христомъ тысящелѣтіе покоя, называемое семью днями, эту истинную субботу. Потомъ, слѣдуя за Іисусомъ, *прошедшимъ небеса* (Евр. IV, 14), прихожу, какъ и они, послѣ покоя праздника кущей въ землю обѣтованную, на небеса, не оставаясь въ куцахъ, т. е. (тѣлесная) моя скинія не остается такою же, но послѣ тысящелѣтія измѣняется изъ вида человѣческаго

¹⁾ Здѣсь указывается на селеніе *Сокхоѳъ*, въ которомъ между прочимъ Израильтяне располагались станомъ во время странствованія по пустынѣ (Исх. XII, 37. Числ. XXXIII, 5) и котораго названіе (отъ Евр. *Sacad*) значитъ: *куща*, скинія, палатка.

и тлѣннаго въ ангельское величіе и красоту, а тамъ наконецъ изъ *дивнаго мѣста селенія* (αἰθέρας, Пс. XLI. 5) ¹⁾, по окончаніи праздника воскресенія, мы, дѣвы, перейдемъ къ большому и лучшему, взойдемъ въ самый *домъ Божій*, находящійся выше небесъ, *со гласомъ радости и славословія празднующаго сонма*, какъ говоритъ Псалмопѣвецъ (Псал. XVI, 5).— Это праздничное украшеніе и я, по мѣрѣ силъ моихъ, приношу въ даръ тебѣ, госпожа Арета.

Еввуль. Весьма тревожусь я, Григора, представляя себѣ, въ какомъ смущеніи была теперь Домнина, какъ волновалось ея сердце и какъ она боялась, что у нея не достанетъ словъ и что она скажетъ хуже прочихъ дѣвъ, когда уже было сказано о предметѣ такъ много и такъ разнообразно. Если она дѣйствительно обнаруживала смущеніе, то въ заключеніе скажи и объ этомъ. Я удивляюсь, если она могла сказать что-нибудь, когда досталось ей говорить послѣдней.

Григора. Что она была очень смущена, Еввуль, объ этомъ мнѣ говорила Θεοпатра; но у нея не недостало словъ. Когда окончила Тисіана, Арета обратила взоръ къ ней и сказала: выйди и ты, дочь моя, и скажи рѣчь, чтобы нашъ пиръ былъ вполнѣ совершеннымъ. Домнина, сильно покраснѣвъ, едва переведши духъ и вставши, стала молиться и просила Премудрость (Божію) быть ей помощницей. По окончаніи молитвы, — говорила она, — тотчасъ явилась у нея смѣлость и какая-то божественная увѣренность объяла ее, и она сказала:

РѢЧЬ Х.

ДОМНИНА.

ГЛАВА I.

Одно дѣвство производитъ и совершаетъ то, что душа управляется наилучшимъ образомъ.

И я, Арета, оставивъ длинныя вступленія, постараюсь по силамъ своимъ приступить къ самому предмету, чтобы, распространяясь о постороннемъ, не употребить на рѣчь

¹⁾ По переводу 70-ти толковниковъ.

объ этомъ слишкомъ много времени; ибо, я думаю, гораздо благоразумнѣе не заводить издалека прежде разсужденія о предметѣ длинныхъ рѣчей, услаждающихъ слухъ, но тотчасъ же отвѣчать на данный вопросъ. Съ этого я и начну, потому что уже время.—Ничто не можетъ, прекрасныя дѣвы, приносить столько добра человѣку, какъ дѣвство. Одно дѣвство производитъ и совершаетъ то, что душа управляется наилучшимъ и успѣшнѣйшимъ образомъ и избавляется отъ золъ и заразы міра. Ибо, какъ скоро Христосъ научилъ насъ соблюдать его и показалъ намъ чрезвычайную красоту его, разрушено царство діавола, прежде постоянно плѣнявшаго и порабоцавшаго всѣхъ, такъ что никто изъ древнихъ не былъ благоугоднымъ Богу ¹⁾, но всѣ подвергались грѣхопаденіямъ, такъ какъ законъ не былъ въ состояніи освободить людей отъ растлѣнія, пока дѣвство, преемствовавъ закону, стало управлять людьми по заповѣдямъ Христа. Подлинно, древніе не склонялись бы такъ часто къ ссорамъ и убійствамъ, разврату и идолопоклонству, если бы законная праведность была достаточна имъ для спасенія. Между тѣмъ они тогда часто подвергались великимъ и многимъ паденіямъ, а съ тѣхъ поръ, какъ Христосъ вочеловѣчился, украсилъ и вооружилъ плоть дѣвствомъ, жестокій тиранъ, руководитель невоздержанія, низложенъ, и господствуютъ миръ и вѣра, отъ того что люди уже не такъ склонны къ идолопоклонству, какъ прежде.

ГЛАВА II.

Изъясненіе мѣста Судей IX, 8—15. Аллегорическое сказаніе о деревьяхъ, искавшихъ себѣ царя.

Но чтобы кому-нибудь не показалось, что я неправо мудрствую, предлагаю только вѣроятную догадку и говорю неосновательно, приведу и я вамъ, дѣвы, изъ Вѣтхаго Завѣта письменное пророчество въ доказательство того, что я говорю истину, именно изъ книги Судей, гдѣ уже ясно

¹⁾ Т. е. столько, сколько христіанскіе дѣвственники, при другихъ христіанскихъ добродѣтеляхъ.

предвозвѣщено царство дѣвства. Тамъ говорится: *пошли нѣкогда дерева помазать надѣ собою царя и сказали маслинѣ: царствуй надѣ нами. Маслина сказала имъ: оставляю ли я туку мой, который прославили Богъ и люди ¹⁾ и пойду ли скитаться по деревьямъ? И сказали деревья смоковницѣ: иди ты, царствуй надѣ нами. Смоковница сказала имъ: оставляю ли я сладость мою и хорошій плодъ мой и пойду ли скитаться по деревьямъ? И сказали деревья виноградной лозѣ: иди ты, царствуй надѣ нами. Виноградная лоза сказала имъ: оставляю ли я сокъ мой, который веселитъ Бога и людей ²⁾, и пойду ли скитаться по деревьямъ? Наконецъ сказали всѣ деревья терновнику: иди ты, царствуй надѣ нами. Терновникъ сказалъ деревьямъ: если вы по истинѣ поставяете меня царемъ надѣ собою, то идите, покойтесь подѣ тѣнью моею: если же нѣтъ, то выйдетъ огонь изъ терновника и пожжетъ кедры Ливанскіе (Суд. IX, 8—15). Очевидно, что это сказано не о деревьяхъ, растущихъ изъ земли. Деревья бездушныя и корнями прикрѣпленныя къ землѣ не могли сами собою собираться для избранія царя, но конечно это говорится о душахъ, которыя прежде вочеловѣченія Христова, изобилуя грѣхопаденіями, съ мольбою приступали къ Богу, чтобы склонить Его на снисхожденіе къ нимъ и царствовать (надѣ ними) съ милостію (ἐλεος) и кротостію, которую Писаніе представило подѣ образомъ маслины (ἐλαία); потому что масло полезно для тѣла, облегчаетъ страданія и болѣзни и служитъ для освѣщенія. Всякій свѣтъ въ свѣтильникахъ увеличивается отъ подливаемаго масла; такъ и милосердіе Божіе избавляетъ отъ смерти и помогаетъ человѣчеству и питаетъ свѣтъ сердца. Разсудите же, не обозначаетъ ли этимъ Писаніе заповѣди, которыя были даны со времени первозданнаго до Христа, и въ подражаніе которымъ коварный діаволъ своими вымыслами обольщалъ родъ человѣческій: смоковницѣ оно уподобило заповѣдь, данную человѣку въ раю, такъ какъ послѣ обольщенія онъ тотчасъ прикрылъ свою наготу листьями смоковницы (Быт. III, 7); а виноградной лозѣ — заповѣдь, данную Нюю*

¹⁾ По переводу 70-ти толковниковъ.

²⁾ По переводу 70-ти толковниковъ.

при потопѣ, такъ какъ онъ былъ осмѣянъ (Быт. IX, 22), уснувъ отъ вина; маслинѣ же — заповѣди, данныя Моисею въ пустынь, такъ какъ пророческій даръ, этотъ святой елей, оскудѣвалъ въ наслѣдіи (Божіемъ — Іудеяхъ), когда они предавались беззаконіямъ; а терновнику — заповѣди, данныя Апостоламъ для спасенія міра, такъ какъ чрезъ нихъ мы научились дѣвству, которому одному діаволъ не могъ противопоставить какое-либо обольстительное подобіе. Поэтому и Евангелій дано четыре, такъ какъ Богъ четыре раза благовѣстилъ человѣчеству и руководилъ его четырьмя законодательствами, которыхъ времена ясно означаются различіемъ плодовъ. Такъ смоковница по своей сладости и красотѣ представляетъ бывшую *сладость рая* до преступленія человѣка (Быт. III, 23); ибо случается и очень часто, что Духъ Святой принимаетъ плодъ смоковницы въ лучшемъ смыслѣ, какъ мы покажемъ послѣ (Іер. VIII, 13). Виноградъ же, по причинѣ веселія, происходящаго отъ вина и радости спасшихся отъ гнѣва (Божія) и потопа, выражаетъ избавленіе ихъ отъ страха и заботы и перемѣну на радость; а маслина, по свойству плода своего — елей, означаетъ милосердіе Бога, Который опять послѣ потопа, когда люди обратились къ безбожію, оказалъ долготерпѣніе, такъ что далъ законъ и являлся нѣкоторымъ и какъ бы елеемъ возгрѣвалъ уже погасавшій свѣтъ добродѣтели.

ГЛАВА III.

Терновникъ и агносъ—символь дѣвства.—Четыре Евангелія, т. е. провозвѣстія или правила, руководящія ко спасенію.

Терновникъ есть тоже, что агносъ; одни называютъ его терновникомъ, а другіе агносомъ; и можетъ быть по сродству этого растенія съ дѣвствомъ, оно такъ названо—терновникомъ и агносомъ, терновникомъ (*ράμνος*) по терпкости (*στερέρμιον*) и непригодности къ удовольствіямъ, а агносомъ (*ἄγνος*) по всегдашней дѣвственности (*ἀγνέειν*). Посему и объ Іліи, убѣжавшемъ отъ женщины Іезавели, Слово (Божіе) говоритъ, что онъ сначала скрылся подъ терновникомъ

(3 Цар. XIX, 4), и бывъ услышанъ укрѣпился и принялъ пищи; потому что для избѣгающихъ похоти и женщины, т. е. удовольствія, прибѣжищемъ и покровомъ возрасло древо дѣвства, со времени пришествія Перводѣвственника Христа воцарившееся надъ людьми. Ибо, такъ какъ первая законодательства, данныя при Адамѣ, Ноѣ и Моисеѣ, не могли спасти человѣка, то одно Евангельское законодательство спасло всѣхъ. Поэтому смоковница, какъ сказано, и не приняла царства надъ деревьями, подъ которыми разумѣются люди, а подъ смоковницей заповѣдь; т. е. хотя человѣкъ послѣ паденія и желалъ опять быть подъ господствомъ добродѣтели и не лишаться нетлѣннаго сладостнаго рая, но, за преступленіе былъ отринутъ и изгнанъ далеко, какъ еще не имѣвшій возможности и неспособный быть подъ господствомъ нетлѣннаго. И вотъ послѣ паденія ему сначала посылается проповѣдь чрезъ Ноя, дабы онъ могъ, если бы былъ внимателенъ, спастись отъ грѣха хотя чрезъ эту заповѣдь, обѣщавшую отдохновеніе отъ бѣдствій и радость (Быт. V, 20), если бы онъ соблюдалъ ее всѣми силами, подобно какъ и виноградная лоза обѣщаетъ произвести вино для трудящихся и воздѣлывающихъ ее. Но это законодательство не воцарилось надъ человѣчествомъ, потому что его не послушались, хотя Ной ревностно проповѣдывалъ его. Впрочемъ, когда стали уже потопляться и задыхаться отъ воды, то начали раскаяваться и обѣщать, что они будутъ подчиняться заповѣдямъ; но не смотря на это были лишены воцаренія, т. е. лишены помощи отъ проповѣданной заповѣди потому, что пренебрегли тѣми людьми, которымъ Богъ повелѣлъ помогать и спасать и утѣшать ихъ, какъ то Ноемъ и бывшими съ нимъ, почему Духъ съ укоризною и отвѣчалъ имъ: упорные, какъ приду я къ вамъ, которые безплодны мудростію и ничѣмъ не отличаетесь отъ сухихъ деревьевъ, прежде не вѣровавъ мнѣ, проповѣдывавшему удаленіе отъ настоящихъ (благъ)?

ГЛАВА IV.

Законъ недѣйствителенъ для спасенія. — Послѣдній законъ дѣвства подѣломъ терновника.

Когда, такимъ образомъ, и эти люди оказались недостойными Божественнаго попеченія, и когда родъ человѣческій снова впалъ въ заблужденіе, Богъ опять послалъ при Моисеѣ законъ, который бы царствовалъ надъ ними и напоминалъ о правдѣ. Но они, далеко уклонившись и отъ него, впали въ идолопоклонство. Посему Богъ предалъ и ихъ междоусобіямъ, изгнаніямъ и плѣненіямъ, между тѣмъ какъ законъ отказался спасти ихъ. Подвергшись бѣдствіямъ, они опять съ горестью обѣщали повиноваться заповѣдямъ, пока наконецъ Богъ въ четвертый разъ, сжалившись надъ человѣкомъ, послалъ для царствованія дѣвство, которое въ Писаніи послѣдовательно названо терновникомъ. Оно, истребляя удовольствія, вмѣстѣ съ тѣмъ угрожаетъ, что, если всѣ не будутъ повиноваться ему безпрекословно и по истинѣ, то оно всѣхъ истребитъ огнемъ; потому что послѣ него уже не будетъ другаго закона или ученія, но судъ и огонь. Съ того времени наконецъ человѣкъ и началъ поступать праведно и твердо вѣровать въ Бога и удаляться отъ діавола. Такимъ образомъ дѣвство послано людямъ какъ полезнѣйшее и надежнѣйшее средство. Только ему одному діаволъ не могъ противопоставить подобнаго способа обольщенія, какъ (онъ дѣлалъ) съ прочими законодательствами.

ГЛАВА V.

Подражательная во всемъ злоба діавола. — Два рода смоковницъ и виноградныхъ лозъ.

Такъ какъ смоковница по сладости плода и красотѣ своей, какъ я сказала, принимается за образъ райской сладости, то діаволъ, обольстивъ человѣка подобіями ея, уловилъ его въ свои сѣти, внушивъ прикрыть наготу тѣла.

листьями смоковницы, т. е. сладострастнымъ раздраженіемъ, вслѣдствіе раздражающаго свойства ихъ. А затѣмъ спасшихся отъ потопа, напоивъ до опьянѣнія питьемъ подобнымъ винограду духовнаго веселія, онъ также подвергъ осмѣянію, обнаживъ чловѣка отъ добродѣтели. Сказанное мною еще яснѣе будетъ изъ слѣдующаго. Вражеская сила всегда подражаетъ внѣшнему виду добродѣтели и правды, не для исполненія ихъ по истинѣ, а для обольщенія и притворства. Дабы увлечь къ смерти избѣгающихъ смерти, она украшается внѣшнимъ видомъ безсмертія. Такъ, она хочетъ казаться и смоковницею и виноградомъ, производить и сладость и веселіе, принимая видъ Ангела свѣта (2 Кор. XI, 14) и подобіемъ богочтенія обольщая многихъ. Въ Писаніяхъ мы находимъ, что есть два различныхъ рода смоковницъ и виноградныхъ лозъ. *Смоквы хорошія весьма хороши, и: смоквы горькія, весьма горьки* (пѣхрѣ, — Іер. XXIV, 3) ¹⁾. *Вино, которое веселитъ сердце чловѣка* (Пс. CIII, 15), и: *вино ядъ драконовъ и гибельная отравъ аспидовъ* (Второз. XXXII, 33). Но какъ скоро наконецъ воцарилось надъ людьми дѣвство, то обольщеніе обличено и препобѣждено, такъ какъ Перводѣвственникъ Христосъ низпровергъ его; и истинная смоковница и истинная виноградная лоза стали приносить плоды послѣ того, какъ надъ всѣми приняло власть дѣвство, какъ возвѣщаетъ и пророкъ Іоиль: *не бойся земля, говоритъ онъ, радуйся и веселись; ибо Господь великъ, чтобы совершить это. Не бойтесь животныя, ибо пастбища пустыни произрастали траву, дерево принесло плодъ свой, смоковница и виноградная лоза оказали свою силу. И вы, чада Сіона, радуйтесь и веселитесь о Господь Богъ вашъ; ибо Онъ далъ пищу въ правду* (Іоил. II, 21—23) ²⁾. Деревями винограднымъ и смоковничнымъ, произрастившими для чадъ духовнаго Сіона плоды въ правду, онъ называетъ прежнія законодательства, которыя стали приносить плоды по вочловѣченіи Слова, когда воцарилось надъ нами дѣвство, между тѣмъ какъ прежде, по причинѣ грѣха и великаго заблужденія, они были безсильны и не

¹⁾ Въ Библии: худыя — весьма худы (пѣхрѣ).

²⁾ По переводу 70-ти толковниковъ.

произращали отраслей. Ибо истинная виноградная лоза и истинная смоковница не могли доставлять намъ пищу, способствующую къ жизни, пока процвѣтала смоковница не истинная и разнообразно украшенная для обольщенія; когда же Господь изсушилъ ложныя и подражавшія истиннымъ дерева, сказавши горько-плодной смоковницѣ: *да не будетъ впредь отъ тебя плода во вѣкъ* (Мѣ. XXI, 19), тогда истинно плодоносныя расцвѣли и произрастили пищу въ правду. Случается и многократно, что виноградная лоза прилагается къ Самому Господу (Іоан. XV, 1), а смоковница къ Духу Святому, такъ какъ Господь веселитъ, а Духъ врачуетъ сердца людей. Посему и Езекии повелѣно было сначала приложить себѣ пласть смоквъ (4 Цар. XX, 70. Ис. XXXVIII, 21), чтобы исцѣлиться, что означаетъ плодъ Духа, т. е. любовь, по словамъ Апостола, который говоритъ: *плодъ же Духа — любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, вѣра, кротость, воздержаніе* (Галат. V, 22 — 23), которыя, по причинѣ сладости ихъ, пророкъ назвалъ смоквами. И Михей говоритъ: *каждый будетъ сидѣть подъ своею виноградною лозою и подъ своею смоковницею, и никто не будетъ устрашать ихъ* (Мих. IV, 4). Очевидно, что прибѣгшіе и успокоившіеся подъ покровомъ Духа и Слова не будутъ страшиться и бояться возмутителя сердцеъ.

ГЛАВА VI.

Тайна видѣнія пророка Захаріи.

Что маслина означаетъ законодательство, данное при Моисеѣ, это объясняетъ пр. Захарія, говоря такъ: *и возвратился тотъ Ангелъ, который говорилъ со мною и пробудилъ меня, какъ пробуждаютъ человека отъ сна его, и сказалъ онъ мнѣ: что ты видишь? и отвѣчалъ я: вижу, вотъ свѣтильникъ, весь изъ золота, и чашечка для елея на верху его, и двѣ маслины, — одна съ правой стороны чашечки, другая съ лѣвой стороны ея* (Зах. IV, 1—3). И спустя немного: когда пророкъ спросилъ, что значать двѣ маслины съ правой и съ лѣвой стороны свѣтиль-

ника и двѣ масличныя вѣтви близъ двухъ трубочекъ, то Ангелъ сказалъ въ отвѣтъ: *это два помазанные елеемъ, предстоящіе Господу всей земли* (Зах. IV, 4), называя такъ двѣ первородныя силы, предстоящія Богу ⁽¹⁾, которыя въ этомъ домѣ (ст. 9—10) посредствомъ вѣтвей мѣрно проводятъ духовный елей Божій, чтобы онъ имѣлъ свѣтъ Божественнаго вѣдѣнія. Ибо двѣ вѣтви двухъ маслинъ суть законъ и пророки, которыхъ призваніе состояло въ мѣрномъ устроеніи наслѣдія и которыхъ произрастилъ Христосъ и Духъ Святой, потому что мы еще не могли вмѣстить всего плода и величія этихъ растений прежде, нежели дѣвство стало властвовать и царствовать надъ міромъ, а только вѣтви ихъ, т. е. законъ и пророчества мы предварительно воздѣлывали, и притомъ умѣренно, часто подвергаясь паденіямъ. Подлинно, кто могъ когда-либо совершенно вмѣстить Христа или Духа, не сдѣлавшись напередъ чистымъ? А подвигъ, приготовляющій душу съ дѣтства къ вождѣльному и достолюбезному прославленію, съ легкостію дѣлающій для нея этотъ міръ немучительнымъ здѣсь и доставляющій за маловременныя труды великія награды тамъ, это есть доставляющее тѣламъ нашимъ безсмертіе дѣвство, которое всѣ люди должны охотно предпочитать и прославлять, одни потому, что совершившіе подвигъ дѣвства дѣлаются чрезъ него невѣстами Слова; другіе потому, что имъ освобождаются отъ осужденія: *прахъ ты, и въ прахъ возвратишься* (Быт. III, 19). — Такова тебѣ, Арета, и отъ меня посильная рѣчь о дѣвствѣ, которую, хотя она и умѣренна и невелика, прошу тебя, госпожа, благосклонно принять отъ меня, избранной говорить послѣднему.

¹⁾ Въ подлинникѣ употреблено выраженіе: *δορυφορούσας τὸν Θεόν*, т. е. предстоящія Богу какъ бы въ качествѣ оруженосцевъ или слугъ; но такого унизительнаго или еретическаго смысла оно не можетъ имѣть по отношенію къ Сыну Божію и Св. Духу, о которыхъ здѣсь говорится, какъ думали нѣкоторые (Migne, p. 203), а употреблено здѣсь прииѣнительно къ описанному видѣнію свѣтильника съ двумя маслинами около вершины его, и здѣсь же получаетъ надлежащій смыслъ названіемъ этихъ Божественныхъ силъ *первородными* (*ἀρχηγόνας*).

РѢЧЬ XI.

АРЕТА.

ГЛАВА I.

Истинныхъ и непорочныхъ дѣвственницъ—немного.—Дѣвство—подвигъ.—
Фекла — главнѣйшая изъ дѣвъ.

Принимаю, сказала Арета, — говорила Феопатра, — и исполнѣ хвалю тебя. Весьма хорошо, хотя и не совсѣмъ ясно, но тщательно воспользовавшись сказаннымъ, ты изложила предметъ, составивъ не пустословную рѣчь для услажденія слушателей, а напоминаніе объ исправленіи и бодрствованіи. Ибо кто говоритъ, что должно ставить дѣвство выше (другихъ) моихъ упражненій и любить его прежде всего прочаго, тотъ говоритъ справедливо. Многіе думаютъ, что они почитаютъ и соблюдаютъ его, но на самомъ дѣлѣ почитаютъ его, такъ сказать, немногіе. Подлинно, не тогда человѣкъ почитаетъ его, когда старается соблюдать свою плоть непричастною удовольствію совокупленія, а между тѣмъ не воздерживается отъ всего другаго; напротивъ, еще болѣе безчеститъ его тотъ, кто предается низкимъ пожеланіямъ, перемѣняя одни удовольствія на другія. Когда кто-нибудь старается преодолѣвать внѣшнія пожеланія, а между тѣмъ надмевается гордостію, то потому самому, что онъ можетъ обуздывать плотскія похоти, а между тѣмъ всѣхъ считаетъ за ничто, онъ еще не признается почитающимъ дѣвство; напротивъ, онъ безчеститъ его, оскорбляя высокомеріемъ, тѣмъ, что очищаетъ внѣшность *чаши и блюда* (Мѣ. XXXIII, 25), плоть, тѣло, а сердце свое оскверняетъ гордостію и честолюбіемъ. И тотъ, кто предается страсти къ богатству, не есть ревностный почитатель дѣвства; напротивъ, онъ больше всего безчеститъ его, предпочитая малую выгоду тому, съ чѣмъ не можетъ сравняться ничто изъ житейскихъ драгоценностей. Ибо всякое богатство и *золото* предъ нимъ какъ *ничтожный песокъ* (Прем. Солом. VII, 9). И тотъ, кто чрезмѣрно любитъ самого себя и старается

наблюдать полезное только для одного себя, а не заботится о ближнихъ, не почитаетъ дѣвства; напротивъ и онъ безчеститъ его; ибо, нарушая свойственную дѣвству любовь и человѣколюбіе, онъ далеко отстоитъ отъ достойныхъ причастниковъ его. Подлинно, не слѣдуетъ дѣвственникамъ съ одной стороны соблюдать дѣвство, а съ другой осквернять себя дурными дѣлами и непотребными пожеланіями; съ одной стороны обѣщаться сохранять чистоту и цѣломудріе, а съ другой быть нечистымъ и грѣшить; также съ одной стороны исповѣдывать удаленіе отъ заботъ о мірскихъ благахъ, а съ другой пріобрѣтать и заниматься ими; но (должно) соблюдать всѣ члены неприкосновенными и непричастными растлѣнію, не только служащіе къ раздраженію и совокупленію, но и болѣе ихъ дѣятельные. Ибо смѣшно было бы дѣтородные члены соблюдать дѣвственными, а языкъ не соблюдать; или языкъ соблюдать дѣвственнымъ, а зрѣніе, или слухъ, или руки не соблюдать такими; или всѣ эти члены имѣть и соблюдать дѣвственными, а сердце не соблюдать, но блудодѣйствовать гордостію и гнѣвливістію. Посему, кто намѣревается не погрѣшать въ подвигъ дѣвства, тому должно соблюдать всѣ члены и чувства свои чистыми и огражденными, подобно тому, какъ кормчіе ограждаютъ связи кораблей, чтобы вторгающійся грѣхъ не могъ имѣть доступа внутрь. Съ великими занятіями непременно случаются и великія паденія; и истинному добру зло болѣе враждебно, нежели недобру. Такъ многіе думавшіе, что дѣвство состоитъ (только) въ обузданіи похотливыхъ пожеланій, а обо всемъ прочемъ не радѣвшіе, потерпѣли паденіе и въ отношеніи къ нему и навлекли укоризны на тѣхъ, которые правильно стремятся къ нему, какъ доказали вы,—образецъ во всемъ, сами соблюдающія дѣвство и дѣломъ и словомъ. И такъ свойства дѣвственницы, какова она должна быть, теперь изображены; васъ же, прекрасно состязавшихся рѣчами, я, слушавшая самолично, объявляю всѣхъ побѣдительницами и увѣнчиваю, но Ѳеклу—вѣнкомъ большимъ и густѣйшимъ, какъ первую изъ васъ и наиболѣе отличившуюся.

ГЛАВА II.

Θεκλα стройно поетъ пѣснь, а прочія дѣвы подпѣвають ей. Ιοαννѣ Креститель — исповѣдникъ дѣвства. Церковь — невѣста Божія, непорочная дѣва.

Сказавъ это, Арета приказала всѣмъ встать, — говорила Θεопатра, — и вмѣстѣ подъ агносомъ благоговѣйно воспѣть Господу благодарственную пѣснь, а начинать и предшествовать—Θεκλѣ. И такъ, когда всѣ встали, — говорила она,—то Θεκλα, ставши посреди дѣвъ и по правую сторону Ареты, начала стройно пѣть; а прочія, ставши кругомъ, какъ бы въ видѣ хора, подпѣвали ей.

Πριπῶν (Ἰπακχή) ¹⁾.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую, и держа горящіе свѣтильники, Тебя встрѣчаю я (Με. XXV, 7).

Πῆσνῃ (Γαλνός).

Свыше, дѣвы, раздался звукъ голоса, воскрешающій мертвыхъ, призывающій всѣхъ встрѣчать Жениха въ бѣлыхъ одеждахъ и со свѣтильниками на востокъ.—Встаньте, пока Царь не вошелъ внутрь за двери.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Удалившись отъ многоплачевнаго счастія смертныхъ, удовольствій пріятной жизни и любви, я желаю укрыться

¹⁾ Предлагаемая пѣснь, состоящая изъ 24 строфъ съ отдѣльнымъ припѣвомъ, имѣетъ алфавитный акростихъ изъ 24 буквъ Греческаго алфавита. По мнѣнію новѣйшихъ изслѣдователей древнихъ церковныхъ пѣснопѣній (Anthologia graeca carminum christ. IV Christ et M. Paranikas, Lips. 1871. p. XVI и 33. Method. oper. ed. Jabnii, 1865 p. 49—51 и д.), она была назначена для домашняго употребленія, хотя и носитъ названія, употреблявшіяся для церковныхъ пѣснопѣній (*инакои* и *исаломѣ*), и составлена ямбическимъ риемомъ, впрочемъ не вездѣ метрически правильнымъ, съ раздѣленіемъ каждой строфы на четыре стиха, изъ которыхъ три болѣе длинныя (большею частью семи-стопныя ямбы), и одинъ болѣе короткій (большею частью четырехстопный ямбъ), по образцу припѣва, состоящаго изъ двухъ стиховъ, длиннаго и короткаго:

Ἀγνέω σοι, καὶ λαμπάδας φασφόρους κρατοῦσα,
Νυμῆε, ὑπαντάω σοι.

въ Твоихъ живоносныхъ объятіяхъ и непрестанно созерцать Твою красоту, Блаженный.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Оставивъ смертное брачное ложе и дорогой домъ, къ Тебѣ, Царь, я пришла въ чистыхъ одеждахъ, чтобы и мнѣ вмѣстѣ съ Тобою войти внутрь всеблаженнаго чертога.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Избѣжавъ безчисленныхъ обольстительныхъ козней змія, также пламени огня и смертоносныхъ нападеній дикихъ звѣрей, Тебя, Блаженный, я ожидаю съ небесъ.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Забыла я отечество (Псал. XLIV, 11), ища Твоей благодати, забыла хоры сверстницъ—дѣвъ, и гордость матери и родныхъ: ибо Ты Самъ, Христе, все для меня.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Ты—Податель жизни, Христе; радуйся, свѣтъ незаходимый; пріими сей возгласъ: хоръ дѣвъ взываетъ къ Тебѣ, совершенный Цвѣтъ, Любовь, Радость, Разумъ, Премудрость, Слово.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Отверстыми дверями пріими и меня въ чертогъ, свѣтоносная Царица, непорочная, прекрасная, Невѣста, дышущая красотою; и мы предстанемъ Христу, прославляя бракъ твой, всеблаженная Отроковица.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Горько плачутъ теперь жалкія дѣвы внѣ дверей, и горестно взываютъ, что, погасивъ свѣтъ свѣтильниковъ, не успѣли войти въ сокровищницу радостей (Мѡ. XXV, 11).

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Уклонившись отъ священнаго пути, онѣ несчастныя не позаботились пріобрѣсти больше елея для путей жизни, но, неся негорѣвшіе свѣтлымъ пламенемъ свѣтильники, стенаютъ во глубинѣ души.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Чаши, наполненные сладкимъ нектаромъ, предложены; будемъ пить, дѣвы; это — небесное питіе, которое Женихъ предложилъ достойно призваннымъ на бракъ.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Авель, ясно прообразуя смерть Твою, Блаженный (Быт. IV, 10), окровавленный сказалъ, взирая на небо: умоляю, безжалостно убитого рукою брата прими меня Ты, Слово.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Величайшую награду за дѣвственность получилъ мужественный отрокъ Твой, Слово, Іосифъ (Быт. XXXIX, 12); ибо жена, пламенѣвшая похотію, насильно влекла его на преступное ложе; а онъ, нисколько не смутившись, убѣждалъ нагимъ, вызывая:

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Новую жертву Богу принеси Іефеай — не познавшую мужа дочь (Суд. XI, 38), подобно агницѣ; она же мужественно представляя образъ плоти Твоей, Блаженный, громко зывала:

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Смѣлая Іудея удачною хитростію обезглавила иноземнаго вождя народовъ, прельстивъ его красивымъ видомъ и не потерпѣвъ оскверненія въ членахъ своего тѣла (Іуд. XIII, 8), и побѣдоносно воззвала:

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Увидѣвъ благовидную красоту Сусанны, два судьи воспламенились къ ней страстною любовію (Дан. XIII, 19) и сказали: любезная жена, мы пришли, желая тайно раздѣлить съ тобою брачное ложе; она же дрожащимъ голосомъ сказала:

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Гораздо лучше мнѣ умереть, нежели, предавъ ложе вамъ, развратники, терпѣть вѣчное осужденіе Божіе на огненные мученія (Дан. XIII, 23). Спаси меня, Христе, отъ этого и нынѣ.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Предтеча Твой, омывавшій очистительными потоками людей, злымъ человѣкомъ беззаконно былъ отведенъ на смерть за дѣвственность; оросивъ же землю пролитой своею кровію, восклицалъ къ Тебѣ, Блаженный:

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

И Твоя Родительница, благодатная, непорочная, не-

тлѣнная Дѣва, нося въ чистомъ чревѣ Тебя, безсѣменно зачатого, подверглась подозрѣнію, какъ бы предавшая ложе (Мѡ. I, 18); но имѣя внутри плодъ, восклицала (къ Тебѣ), Блаженный:

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Желающіе видѣть брачный день Твой, Блаженный (Мѡ. II, 1), приходятъ, сколько Ты самъ свѣше призывалъ ихъ, Царь Ангеловъ, принося величайшіе дары Тебѣ, Слово, въ чистыхъ одеждахъ.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Пѣснями нынѣ мы, служительницы чертога Твоего, величаемъ Тебя, блаженная Богоневѣста, чистая Дѣва — Церковь, бѣлая, какъ снѣгъ, темноволосая, цѣломудренная, непорочная, возлюбленная.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Миновалось тлѣніе и трудныя плачевныя болѣзни; разрушена смерть; погибло всякое безуміе; умерла душепагубная скорбь, и внезапно опять возсіяла смертнымъ радость Христа Бога.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Рай уже не остается пустымъ безъ смертныхъ; ибо опять по Божественному повелѣнію, какъ прежде, обитаетъ въ немъ человекъ, избѣгшій разныхъ козней змія, нетлѣннымъ, безстрашнымъ, Блаженный.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Воспѣвая нынѣ новую пѣснь, хоръ дѣвъ превозноситъ до небесъ Тебя, Царица, весь свѣтло увѣнчанный бѣлыми цвѣтами лилій и держащій въ рукахъ горящіе свѣтильники.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

О Блаженный, живущій въ пречистыхъ обителяхъ небесныхъ, содержащій все вѣчною властію (Своею)! Пріими и насъ предстоящихъ, Отче, вмѣстѣ съ Сыномъ Твоимъ, внутрь за двери жизни.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую, и держа горящіе свѣтильники, Тебя встрѣчаю я (Мѡ. XXV, 7).

ГЛАВА III.

Кто лучше: воздержные ли, или обладающіе невозмутимостію души? Опасность борьбы у дѣвственниковъ.—Счастье невозмутимости.—Чистыя и спокойныя души — божественны и узрятъ Бога. — Добродѣтель, испытанная искушеніями, заслуживаетъ предпочтеніе.

Еввул. Достойно, Григора, Ѳекла получила первую награду.

Григора. Дѣйствительно достойно.

Еввул. А что, скажи мнѣ, Телмисская гостья ⁽¹⁾? Удивляюсь, если она осталась спокойною, узнавъ объ этомъ пиршествѣ, и не прилетѣла тотчасъ, какъ птица на кормъ, послушать разговаривающихъ.

Григора. Говорятъ, что она находилась при Мееодіѣ, когда онъ разспрашивалъ объ этомъ самомъ у Ареты. Прекрасное и блаженное дѣло имѣть такого учителя и руководителя, какъ Арета.

Еввул. Впрочемъ, Григора, какихъ людей мы назовемъ лучшими, тѣхъ ли, которые не чувствуютъ похоти и воздерживаются отъ похоти, или тѣхъ, которые чувствуютъ похоть, но соблюдаютъ дѣвство?

Григора. Конечно тѣхъ, которые не чувствуютъ похоти; потому что они имѣютъ и умъ и чувство неоскверненные, и совершенно нерастлѣнны, не согрѣшая ни въ чемъ.

Еввул. Прекрасно и разумно, Григора; клянусь цѣломудріемъ ⁽²⁾. Впрочемъ, позволь мнѣ сказать нѣсколько словъ противъ этого, чтобы мнѣ крѣпче удостовѣриться и чтобы никто уже не разубѣдилъ меня.

¹⁾ Городъ Телмиссъ, находившійся въ Ликии, недалеко отъ Патаръ, славился языческими прорицателями, по свидѣтельству древнихъ, Герод. 1, 182. Цицер. De div. 1, 41, 91. Plin. H. N. 1, 2. Здѣсь подъ именемъ Телмисской гостьи разумѣется или вообще языческая мудрость, любознательная, но не достигшая до высоты чистыхъ христіанскихъ истинъ, или та личность, которая сообщила Еввулу о пирѣ дѣвъ прежде Григоры, но не могла рассказать подробностей, какъ сказано въ началѣ этого сочиненія.

²⁾ Σοφροσύνη — цѣломудріе, или здравомысліе, здѣсь олицетворяется какъ совокупность всѣхъ нравственныхъ и умственныхъ совершенствъ, примѣнительно къ понятію греческихъ философовъ, и приводится во свидѣтели справедливости словъ Григоры о дѣвственной чистотѣ.

Григора. Говори противъ этого, сколько хочешь. Я могу, Еввулъ, вполне убѣдить тебя, что не чувствующій похоти лучше чувствующаго похоть, и уже никто не разубѣдитъ тебя.

Еввул. Прекрасно; я радуюсь, что ты такъ великодушно отвѣчаешь мнѣ, и этимъ доказываешь, какъ ты обогатилась мудростію.

Григора. Кажется, ты шутишь, Еввулъ.

Еввул. Почему же?

Григора. Потому, что этими словами ты скорѣе насмѣхаешься надо мною, нежели говоришь правду.

Еввул. Не говори этого, блаженная; я дѣйствительно весьма уважаю твою мудрость и благоразуміе. Я сказалъ это потому, что по словамъ твоимъ ты не только знаешь, но и берешься научить другого касательно того, о чемъ многіе мудрецы часто разногласятъ между собою.

Григора. Скажи мнѣ, на самомъ ли дѣлѣ ты не согласенъ съ тѣмъ, что не чувствующіе похоти рѣшительно превосходятъ чувствующихъ похоть и воздерживающихся? Или только забавляешься теперь надо мною?

Еввул. Какъ забавляюсь, когда я признаюсь, что не знаю этого? Впрочемъ, скажи мнѣ, мудрейшая, чѣмъ отличаются нечувствующіе похоти и соблюдающіе себя чистыми отъ чувствующихъ похоть и соблюдающихъ дѣвство?

Григора. Прежде всего тѣмъ, что у нихъ самая душа чиста и въ ней постоянно обитаетъ Духъ Святой, такъ какъ она не развлекается и не помрачается мечтами и помыслами невоздержанія, и потому не терпитъ вреда отъ похоти; но они во всѣхъ отношеніяхъ и по тѣлу и по сердцу бываютъ недоступны для похоти, наслаждаясь миромъ безъ страстей. А тѣ, посредствомъ зрѣнія обольщаясь извнѣ призраками и допуская похоти притекать къ сердцу, подобно потоку, тѣмъ самымъ часто оскверняются и думаютъ, что они борются и противятся удовольствіямъ, между тѣмъ какъ въ умѣ бываютъ поражаемы.

Еввул. И такъ людей, наслаждающихся миромъ и несмущаемыхъ похотію, мы должны называть чистыми?

Григора. И очень. О такихъ людяхъ Богъ, представляющій въ блаженствахъ несомнѣнно вѣрующихъ въ Него какъ бы богами, говоритъ, что они съ дерзновеніемъ *узрятъ Бога* (Мѣ. V, 8); потому что они, не имѣя ничего помрачающаго или смущающаго око души, чтобы устремляться къ божественному созерцанію, и находясь внѣ всѣхъ мірскихъ желаній, не только, какъ я сказала, сохраняютъ плоть свою чистою отъ смѣшенія, но и сердце недоступнымъ для помысловъ неводержанія; а въ такомъ сердцѣ, какъ въ храмѣ, особенно обитаетъ и покоится Духъ Святой.

Еввул. Послушай же. Я думаю, что мы вѣрнѣе дойдемъ до рѣшенія того, кто лучше, такимъ образомъ: скажи мнѣ: называешь ли ты кого-нибудь хорошимъ кормчимъ?

Григора. Да.

Еввул. Кого же, того ли, который спасалъ корабль во время большихъ и опасныхъ бурь, или того, который управлялъ имъ въ тихую, безвѣтренную погоду?

Григора. Бывшаго среди большихъ и опасныхъ бурь.

Еввул. Такъ и душу, обуреваемую тревоженіями страстей и не ослабѣвающую и не утомляющуюся, но мужественно направляющую корабль, т. е. плоть, къ пристани цѣломудрія, мы должны назвать лучшею и отличнѣйшею той, которая плаваетъ при тихой погодѣ.

Григора. Должны назвать.

Еввул. Ибо подвергаться нападеніямъ дуновеній злаго духа и не быть ниспровергаемымъ и побѣждаемымъ, но всецѣло стремиться ко Христу и сильно бороться съ сладострастными пожеланіями, — это заслуживаетъ бѣльшей похвалы, нежели соблюденіе дѣвства съ легкостью, безъ волненій.

Григора. Кажется.

Еввул. А что и Господь? Развѣ неизвѣстно, что Онъ отдаетъ преимущество чувствующему похоть и воздерживающемуся, предъ нечувствующимъ похоти и соблюдающимъ дѣвство?

Григора. Гдѣ же?

Еввул. Тамъ, гдѣ Онъ, сравнивая благоразумнаго чело-вѣка съ хорошо основаннымъ (на камнѣ) домомъ, предста-

вляеть его непоколебимымъ, не могущимъ упасть отъ дождя и рѣкъ и вѣтровъ (Мѡ. VII, 24), кажется, уподобляя бурямъ — похоти, а камню — постоянную и непоколебимую твердость души въ дѣвственной чистотѣ.

Григора. Кажется, ты говоришь правду.

Еввул. И изъ врачей, не того ли ты называешь лучшимъ, который отличился при важныхъ болѣзняхъ и исцѣлилъ многихъ?

Григора. Да.

Еввул. А того, который еще ничего не сдѣлалъ, и вовсе не имѣлъ на своихъ рукахъ больныхъ, не называешь ли ты всегда неопытнѣйшимъ?

Григора. Да.

Еввул. Такъ и душу, которая владѣеть болѣе разслабленнымъ тѣломъ и, болѣзненные наклонности его къ удовольствіямъ, удерживаетъ врачевствами цѣломудрія, не слѣдуетъ ли назвать болѣе способною къ врачеванію, нежели ту, которой досталось управлять тѣломъ здоровымъ и безстрастнымъ?

Григора. Слѣдуетъ назвать.

Еввул. И въ борьбѣ, тотъ ли борецъ лучше, который имѣетъ великихъ и сильныхъ противниковъ, и въ постоянной борьбѣ съ ними не бываетъ преодолеваемъ, или тотъ, который не имѣетъ противниковъ?

Григора. Очевидно, что имѣющій.

Еввул. Слѣдовательно и въ борьбѣ тотъ борецъ есть отличнѣйшій, который имѣетъ противниковъ?

Григора. Необходимо.

Еввул. Также совершенно необходимо допустить, что и душа, которая борется съ движеніями похоти, не увлекается ими, а напротивъ устраняетъ себя и противится имъ, оказывается болѣе сильною, нежели не чувствующая похоти.

Григора. Справедливо.

Еввул. Что же? Какъ тебѣ кажется, Григора, сильно бороться съ движеніями дурныхъ пожеланій не значитъ ли имѣть болѣе мужества?

Григора. И очень.

Еввул. А это мужество не есть ли сила добродѣтели?

Григора. Очевидно.

Еввул. Если же сила добродѣтели есть терпѣніе, то душа возмущаемая, но сильно противящаяся пожеланіямъ, не оказывается ли сильнѣе невозмущаемой?

Григора. Такъ.

Еввул. Если же она сильнѣе, то и превосходнѣе?

Григора. Такъ.

Еввул. И такъ изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что душа, чувствующая похоть и воздерживающаяся, превосходнѣе не чувствующей этого и воздерживающейся.

Григора. Ты говоришь правду; впрочемъ я желала бы еще обстоятельнѣе поговорить съ тобою объ этомъ. Если тебѣ угодно, то завтра я опять приду послушать тебя. А теперь, какъ видишь, намъ уже пора обратиться къ заботамъ и о внѣшнемъ человѣкѣ.

II.

СЛОВО О СИМЕОНѢ И АННѢ.

Въ день Срътенія Господня ¹⁾.

1. Нѣкогда, по возможности въ краткихъ словахъ, мы изложили мысли о дѣвствѣ въ твореніи: „Пиръ“ (или) „о дѣвствѣ“; а нынѣ, слѣдую теченію времени, представляемъ славу дѣвства въ самомъ полномъ основаніи и неувядающемъ вѣнцѣ его на радость питомцамъ Церкви. Ибо нынѣ открывается совѣтъ божественныхъ опредѣленій и священными проповѣдниками объясняются церковному собранію прообразы и послѣдствія настоящаго славнаго дня. Нынѣ самыми дѣлами преславно открывается міру исполненіе древняго и истиннаго совѣта (Божія). Нынѣ мы безъ покрывала, *открытымъ лицомъ, какъ въ зеркаль, взираемъ на славу Господа* и Его божественнаго кивота (2 Кор. 3, 18). Нашъ святѣйшій праздникъ на раменахъ своихъ приноситъ и подаетъ роду человѣческому небесную радость, которой ожидали изъ рода въ родъ. *Древнее прошло, и процвѣло новое и нестарѣющее* (2 Кор. 5, 17, Ис. 43, 19). Уже не господствуетъ болѣе суровое ученіе закона, но царствуетъ благодать Господня, обращая къ себѣ всѣхъ спасительнымъ долготерпѣніемъ. Не поражается опять невидимымъ образомъ какой-либо Оза, дерзнувшій прикоснуться къ неприкосновенному

¹⁾ Въ рукописяхъ, съ которыхъ издано это слово, полное заглавіе его такое: „Меѳодія, Епископа Патарскаго и мученика, на Симеона и Анну, въ день Срътенія; и на святую Богородицу“, Migne, Patrol. Curs. Comp. T. XVIII, p. 347.

(2 Цар. 6, 6—7). Ибо самъ Богъ призываетъ, и кто будетъ бояться? *Приидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные*, взываетъ Онъ: и кто не поспѣшитъ? (Матѣ. 11, 28). Пусть никто изъ Іудеевъ не противится истинѣ, взирая на прообразъ (этого) въ домѣ Аведара (2 Цар. 6, 10). Господь *пришелъ къ своимъ* явно (Псал. 49, 3. Іоан. 1, 11) и, какъ бы на очистилищѣ, въ одушевленномъ кивотѣ (плоти) шествуетъ по землѣ. Мытарь, прикоснувшійся этого кивота, объявляется праведнымъ. Блудница, приблизившаяся къ нему, дѣлается цѣломудренною. Прокаженный, подошедшій къ нему, снова становится здоровымъ. Никого онъ не отвергаетъ; никого не отвращаетъ. Сообщаетъ здоровье, не принимая вреда отъ больныхъ; ибо Господь человеколюбія пребываетъ въ немъ. Таковы дары новой благодати! Это *новое* совершилось *подъ солнцемъ* (Еккл. 1, 10), не бывшее прежде, и не имѣющее быть послѣ. Онъ предопредѣлилъ это по милосердію къ намъ, и пришелъ, и исполнилъ по человеколюбію, Ему свойственному. Посему достойно возглашала священная труба: *древнее прошло, теперь все новое* (2 Кор. 5, 17). Что же я помыслию, или что скажу достойное этого дня, въ виду предметовъ недоступныхъ? Ибо память святой Дѣвы всегда превосходитъ всякое слово. Посему, если величіе достоинствъ превышаетъ немощь нашу, прибѣгнемъ къ посильной хвалебной пѣсни, и, прославляя непобѣдимую побѣду, съ восторгомъ будетъ ликовать вмѣстѣ съ паствою, любящею празднества Христовы. Ты же, божественнѣйшее и священнѣйшее собраніе слушателей, пребывай въ молчаніи, чтобы спокойно при посредствѣ слуха ввести въ пристань ума сокровища истины. Мы совершаемъ праздникъ, не представляющій смѣшного и шумнаго пиршества боговъ эллинскаго баснословія, а воспоминающій нисшествіе (къ намъ) неприступной славы Того, который есть Богъ сушій надъ всѣмъ (Римл. 9, 5).

2. Итакъ, ты, торжественнѣйшій изъ проповѣдниковъ и величайшій изъ пророковъ, Исаія, повѣдай Церкви тайну этого славнаго торжества, и предложи доблестнымъ собратіямъ обильно насладиться неотъемлемыми благами, чтобы

и ты, сравнивъ съ твоимъ зеркаломъ открытую намъ истину, могъ, какъ неложный прорицатель, рукоплескать исполненію пророчествъ. Было, говоритъ онъ, въ годъ, въ который умеръ царь Озія, видѣлъ я Господа, сѣдѣщаго на престолѣ высокомъ и превознесенномъ, и исполнился домъ славы Его. И Серафимы стояли вокругъ Его: шесть крыльевъ у одного, и шесть крыльевъ у другого. И зывали другъ ко другу, и говорили: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ! вся земля полна славы Его. И поколебались верхи вратъ отъ гласа восклицавшихъ, и домъ наполнился куреніями. И сказалъ я: горе мнѣ! погибъ я! Ибо я чловѣкъ съ нечистыми устами, и живу среди народа, также съ нечистыми устами, и царя Господа Саваоѣ видѣлъ я глазами моими. И посланъ былъ ко мнѣ одинъ изъ Серафимовъ, и въ рукѣ у него былъ горящій уголь, который онъ взялъ клещами съ жертвенника, и коснулся онъ устъ моихъ, и сказалъ: вотъ это коснулось устъ твоихъ, и отгыметъ беззаконіе твое, и грѣхи твои очиститъ. И услышалъ я голосъ Господа, говорящаго: кого Я пошлю? и кто пойдетъ къ народу сему? И я сказалъ: вотъ я, пошли меня. И сказалъ онъ: иди и скажи народу сему: слухомъ услышите, и не уразумѣете, и (очами), смотрѣть будете, и не увидите (Ис. 6, 1—9). Таковы предвѣщанія пророка, по внушенію Духа. Ты же, возлюбленный, вникни въ силу сказаннаго, чтобы понять исполненіе тайнъ и узнать, каково и для чего здѣшнее собраніе наше. При словахъ пророка, предвѣщающаго чудо, ты поди и перенесись мысленнымъ взоромъ съ пламеннымъ чувствомъ, съ радостію и усердіемъ, къ славному Виѣлеему, и напечатлѣй въ себѣ ясный образъ, сравнивъ пророчество съ исполненіемъ событій; ибо кто пристально посмотритъ на тамошнія событія, для того не нужны будутъ длинныя рѣчи, чтобы достигнуть познанія. Все ясно для разумныхъ и справедливо для пріобрѣтшихъ знаніе (Притч. 8, 9). Ибо вотъ здѣсь открыто предстоитъ Дѣва-Матерь, какъ престолъ для Царя Господа Саваоѣа, высокій и превознесенный славою Создавшаго его. На немъ представъ Господа, нынѣ пришедшаго къ тебѣ во плоти. На этомъ, говорю, дѣвственномъ престолѣ преклонились предъ Тѣмъ, который предпринялъ для тебя такой новый и преславный

путь. Посмотри вокругъ очами вѣры, и ты найдешь около Него и царское священство Серафимовъ. Ибо и они обыкновенно сопровождаютъ шествіе Царя. Посему тамъ и говорится, что они восхваляли не только хвалами тріипостасное существо единого Божества, но и почитаемую всѣми славу, явившуюся нынѣ на землѣ Богоявленіемъ одного изъ лицъ Святой Троицы, словами: *вся земля полна славы Его*. Ибо мы вѣруемъ, что вочеловѣчившемуся для насъ по благоволенію (Ефес. 1, 5) Сыну присущъ по божеству и нераздѣльный отъ него Отецъ съ единосущнымъ своимъ Духомъ. *Потому что Богъ*, говоритъ священно-проповѣдникъ Павелъ, *былъ во Христѣ, примиряя съ Собою міръ, не вменяя людямъ преступлений ихъ* (2 Кор. 5, 19), указывая на Отца въ Сынѣ по причинѣ одного ихъ благоволенія.

3. Ты же, любитель празднества, представляя столь славныя и для тебя совершаемыя дѣла въ Виѳлеемѣ, присоединись съ радостію къ тѣмъ, которые величественно торжествуютъ на небесахъ твое спасеніе. Ликуй предъ дѣвственнымъ престоломъ, какъ нѣкогда Давидъ предъ кивотомъ (1 Цар. 6, 14). Прославь Господа, всегда и вездѣ сущаго, и *отъ Ѳемана*, какъ говоритъ пророкъ (Авв. 3, 3), благоволившаго явиться во плоти роду челоуѣческому. Скажи вмѣстѣ съ Моисеемъ: *Онъ Богъ мой и прославлю Его, — Богъ Отца моего, и превознесу Его* (Исх. 15, 2). Затѣмъ послѣ благодаренія весьма полезно изслѣдовать, какая была причина явленія Царя славы въ Виѳлеемѣ. Родиться въ Виѳлеемѣ тѣлесно побудило, Непринуждаемаго, милосердіе къ намъ; какая необходимость могла быть для того, чтобы Безвременный, ставши груднымъ младенцемъ во времени, и Невмѣстимый, бывъ обвить пеленами, сдѣлался изгнанникомъ и переселенцемъ? Если ты, божественное и богодухновенное собраніе, хочешь знать и это, то послушай Моисея, который ясно проповѣдуетъ народу, и, приводя къ познанію сверхъестественнаго рожденія, говоритъ: *всякій младенецъ мужескаго пола, разверзающій ложесна посвящается Господу* (Исх. 15, 2. Лук. 2, 23). О чудо! О бездна богатства и премудрости и вѣдѣнія Божія! (Римл. 11, 33). Господу закона и пророковъ надлежало совершить

все по собственному своему закону, и быть не нарушителемъ, но исполнителемъ закона, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ окончаніемъ закона соединить начало благодати своей. Посему и высшая закона, Матерь, подчиняется закону, и пречистая соблюдаетъ, опредѣленный для нечистыхъ, сороковый день; и свободная отъ закона, повинуется закону, и приношеніе дѣлается за Того, Который освятилъ насъ,—пара чистыхъ птицъ, въ знакъ невинности приходящихъ. А что это рожденіе было чистое и не подлежащее очищенію, свидѣтель словъ моихъ объ этомъ Исаія, ясно возвѣщающій вселенной: *еще не мучилась родами, а родила, прежде нежели наступили боли ея, (избыла и)* ¹⁾, *разрѣшилась сыномъ, Кто слышалъ таковое? Кто видалъ подобное этому?* (Ис. 66, 7). Итакъ пресвятая Дѣва-Матерь избѣгла свойственного женщинамъ предъ рожденіемъ, какъ и зачала безъ соитія, потому что Святой Духъ предобручилъ и освятилъ ее. Она родила первородного и единородного Сына Отца, который на небесахъ возсіалъ единородно безъ матери изъ Отчаго естества и сохранилъ нераздѣльною и неразлучною дѣвственность естественнаго единства (съ Нимъ), и на землѣ, въ дѣвственномъ чертогѣ, какъ женихъ, непреложно соединился съ Адамомъ и сохранилъ матернюю чистоту неповрежденною и непорочною, который на небесахъ рожденъ нетлѣнно, и на землѣ родился неизреченно. Впрочемъ обратимся къ предложенному предмету.

4. Итакъ пророкъ отвелъ Дѣву изъ Назарета, чтобы спасительный плодъ родился въ Виѣлеемѣ, и пророкъ же, изведши, явилъ міру надежду жизни. Такимъ образомъ воздвигшись со стогновъ Виѣлеемскихъ, кивотъ Божій (который воздавалъ долгъ закону о сороковомъ днѣ не по долгу, а по благодати), остановился на горахъ Сіонскихъ; и воспріявшая въ чистѣйшія нѣдра, какъ на высокій престолъ, превосходящаго человѣческое естество, Царя всѣхъ, сопредстолянаго Богу-Отцу и неотлучнаго отъ Него Сына, представила тамъ (Его) съ чистѣйшею воспринятою отъ нея

¹⁾ По переводу 70-ти толковниковъ.

плотию. Входитъ во храмъ священная Матерь, чтобы явить чуждое закону чудо, вождельннаго Сына, отверзшаго ложесна дѣвства и не повредившаго ключей дѣвства, стоящаго выше закона и исполняющаго законъ, бывшаго прежде рожденія и явившагося по рожденіи, воплотившагося отъ ней превыше закона природы. Всякое чрево, напередъ разверзаемое и оплодотворяемое отъ соитія, воспринимаетъ зачатокъ рожденія, и при послѣднихъ болѣзняхъ производитъ на свѣтъ, по премудрости Создателя, разумный и соотвѣтственный плодъ природы, по Слову Божію: *плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю* (Быт. 1, 22). А ея чрево, не бывъ напередъ разверзаемо и оплодотворяемо, пребывъ въ одномъ и томъ же состояніи дѣвства, произрастило плодъ сверхъестественный и вмѣстѣ сродный себѣ, по нераздѣльному съ нимъ единству, невреждимо, чудодѣйственно. Итакъ входитъ во храмъ превышая храма, облеченная двойною славою, т. е. славою пречистаго дѣвства и неизреченнаго дѣторожденія, благословеніемъ закона и святостію благодати. Посему и говоритъ тайнозритель: *и исполнился домъ славы Его и Серафимы стояли окрѣзь Его, и зывали другъ ко другу, и говорили: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ! вса земля полна славы Его* (Ис. 6, 3). Тоже самое и блаженный пророкъ Аввакумъ прекрасно воспѣлъ, говоря: *посреди двухъ животныхъ Ты будешь узнанъ; когда приблизятся мѣта, Ты будешь познанъ; когда придетъ время, Ты будешь показанъ* (Авв. 3, 2.)¹⁾. Смотри, съ какою ясною точностію говоритъ Духъ. Знаніе, говоритъ Онъ, познаніе, и показаніе, которыя означаютъ слѣдующее; слова: *посреди двухъ животныхъ ты будешь узнанъ*—означаютъ осѣненіе божественною славою Его, бывшее при законѣ въ недоступномъ (Святомъ святыхъ) надъ очистилищемъ кивота, между изображеніями Херувимовъ, какъ говоритъ Богъ къ Моисею: *тамъ я буду открываться тебѣ* (Исх. 25, 22); равно какъ и упомянутое нынѣ Ангельское собраніе по поводу преславнаго Богоявленія самого Спасителя во плоти, какъ провозвѣстилъ Исаія. А

¹⁾ По переводу 70-ти толковниковъ.

слова: *когда приблизятся лѣта, ты будешь познанъ*, — означаютъ, какъ сказано, преславное познаніе невидимаго Спасителя нашего Бога, какъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ священнотайникъ Павелъ: *когда пришла полнота времени, Богъ послалъ Сына своего, который родился отъ жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконныхъ, дабы намъ получить усыновленіе* (Гал. 4, 4—5). Слѣдующія затѣмъ слова: *когда придетъ время, ты будешь показанъ* — нужно ли объяснять для того, кто внимательнымъ окомъ прикинетъ къ настоящему празднеству? Ты будешь показанъ, говорится здѣсь, въ храмѣ, какъ бы на царскомъ сѣдалищѣ, родившею Тебя пречистою Матерію въ благолѣпій воплощенія Твоего. Выражая это съ большею ясностію, пророкъ взывалъ такъ: *Господь во святомъ храмѣ своемъ; трепещи предъ лицемъ Его вся земля* (Псал. 10, 5. 95, 9).

5. По истинѣ страшно совершившееся съ Тобою таинство, Мать-Дѣва, духовный престолъ, препрославленный и достойный Бога. Ты явила изумительное чудо для небесныхъ и земныхъ. Свидѣтельствомъ и неопровержимымъ доказательствомъ этого служить то, что при новомъ чудѣ сверхъестественнаго Твоего рожденія Ангелы на землѣ воспѣвали: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ челоуткахъ благоволеніе* (Лук. 2, 14), тройственностію пѣсни выражая тройственность святости. Блаженна Ты между женами, боготрожденная; ибо чрезъ Тебя земля исполнилась священной славы Божіей, какъ и въ псалмахъ поется: *благословенъ Господь Богъ Израилевъ* (71, 18), *и наполнится славою Его вся земля; буди, буди* (ст. 19). И поколебались, говоритъ пророкъ, *верхи вратъ отъ гласа восклицающихъ* (Ис. 6, 4), чѣмъ означаетъ завѣса храма, осѣнявшая прообразовавшій Тебя ковчегъ Завѣта, чтобы открылась для меня истина и чтобы чрезъ предшествовавшіе образы и подобія мнѣ научиться со страхомъ и трепетомъ почитать и поклоняться совершающемуся съ Тобою таинству, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы этою тѣнію закона я былъ удержанъ отъ дерзновеннаго и безстыднаго, не благоговѣйнаго созерцанія Того, кто стоитъ выше всего въ своей непостижимости. Ибо если прообразу Твоей святости воздана была такая честь отъ Бога, что никто кромѣ священниковъ

не могъ подходить или имѣть доступъ къ его созерцанію, такъ какъ завѣса отдѣляла и охраняла входъ туда, какъ къ царицѣ; то какое и сколь великое почитаніе отъ насъ уничиженнѣйшихъ должно быть Тебѣ, истинной Царицѣ, истинному одушевленному Кивоту Законодателя Бога, сдѣлавшейся по истинѣ вмѣстительнымъ небомъ для невмѣстимаго Бога? Ибо когда Ты, Пресвятая, явилась міру, какъ свѣтоносный день, и явила Солнце правды, то разсѣялась ужасная тьма, уничтожилась власть тирана, разрушилась смерть, ниспровергнутъ адъ, и всякая вражда исчезла предъ миромъ, и пагубныя болѣзни отступили отъ появившагося спасенія, и вся вселенная наполнилась свѣтомъ чистой истины. На это указывая и Соломонъ, въ книгѣ Пѣснь Пѣсней, говорилъ: *возлюбленный мой принадлежитъ мнѣ, а я ему; онъ пасетъ между лиліями, доколь дышетъ день прохладою и усыпаютъ тѣни* (2, 16. 17). И такъ, когда, по словамъ праведнаго Давида, *явился Богъ боговъ въ Сіонъ* (Пс. 83, 8) ¹⁾ и *великолѣпіе* красоты *Его* явилось во Іерусалимѣ (Пс. 95, 6), и *свѣтъ возсіялъ на Праведника и на правыхъ сердцемъ веселіе* (Пс. 96, 11), то Освятитель и Господь освящаемыхъ призвалъ Духомъ Святымъ учителя и служителя закона на служеніе и свидѣтельство совершающемуся.

6. Посему старецъ Симеонъ, сбросивъ немощъ возраста и облекшись силою надежды, поспѣшилъ встрѣтить предъ лицомъ закона подателя закона, самовластнаго учителя, Бога Авраамова, защитника Исаакова, Святаго Израилева, наставника Моисея, общавшаго открыть ему, какъ бы *сзади* (Исх. 33, 23), Божественное воплощеніе, богатаго въ бѣдности, предвѣчнаго въ младенчествѣ, невидимаго въ видимомъ, непостижимаго въ объемлемомъ, величайшаго въ маломъ видѣ, находящагося въ храмѣ и на небесахъ возсѣдающаго на царскомъ престолѣ и на колесницѣ херувимской, непрестанно пребывающаго долу и горѣ, сущаго въ образѣ раба и въ образѣ Бога Отца, повинующагося и царствующаго надъ всѣмъ. Онъ весь исполнился желанія,

¹⁾ По переводу 70-ти толковниковъ

весь-надежды, весь-радости, и сталъ уже самъ не свой, а Того, кто былъ предметомъ его надежды. Святыи Духъ возвѣстилъ ему, и онъ, еще прежде прибытія въ храмъ, окрыляясь очами ума, восхищался какъ-бы уже обладая желаемымъ. Побуждаемый такими чувствованіями, онъ, быстро восходитъ по ступенямъ и входитъ въ древній священный храмъ, но не заботясь о храмѣ распростираетъ священныя объятія для Владыки храма, говоря и вмѣстѣ воспѣвая такія слова, приличныя вождельнному торжеству: Тебя я желаю, Владыка Боже Отцевъ и Господи милости, сподобившаго собственною славою и силою, промышляющею о всѣхъ, и милостію снисхожденія къ намъ, какъ бы примирительнымъ посредничествомъ, установить дружественное согласіе между небесными и земными; Тебя я ищу, Создателя всѣхъ: на Тебя взираю, объемлющаго все Словомъ Своимъ; Тебя срѣтаю, владычествующаго надъ жизнію и смертію; Тебя ожидаю, законодателя и преемника закона; Тебя алкаю, воскрешающаго мертвыхъ; Тебя жажду, облегчающаго страждущихъ; Тебя желаю, Творца и Искупителя міра; ты — Богъ нашъ, и Тебѣ мы поклоняемся; Ты — святыи храмъ нашъ, и къ Тебѣ мы возносимъ молитвы; Ты — законодатель законовъ, и Тебѣ мы повинуемся; Ты — Богъ первый, и прежде Тебя не было другаго Бога, родившагося отъ Бога Отца (Ис. 43, 10), и послѣ Тебя не будетъ другаго Сына у Отца, Единосущнаго и равночестнаго; *знать Тебя, есть полная праведность, и признавать власть Твою — корень безсмертія* (Прем. 15, 3); Ты для нашего спасенія — *камень краеугольный, драгоценный и избранный* (Ис. 28, 16, 1 Петр. 2, 6), предвозвѣщенный Сіону; Тебѣ подчинено все, какъ виновнику, приведшему все изъ небытія въ бытіе, дающему крѣпкое устройство неустроенному, держащему и сохраняющему сотворенное, Создателю различныхъ тварей, управляющему всѣмъ своею всемогущею и премудрою десницею, приводящему въ порядокъ всякое нестроеніе и соединяющему всѣхъ неразрывными узами согласія и мира. Ибо Тобою мы живемъ и движемся и существуемъ (Дѣян. 17, 28); посему, Господи Боже мой, я превознесу Тебя, восхваляю

имя Твое; ибо Ты совершилъ *дивное, опредѣленія древнія истинныя* (Ис. 25, 1), *облекшись славою и величіемъ* (Пс. 103, 1). Подлинно, что славнѣе для царя блестящей порфиры и свѣтлой діадимы? Или что величественнѣе для милосердаго Бога челоувѣколюбиваго воплощенія, свѣтлыми лучами своими озаряющаго *сѣдѣющихъ во тьмѣ и тѣни смертной?* (Лк. 1, 79). Справедливо временный царь и слуга Твой назвалъ Тебя *Царемъ вѣковъ*, сказавъ: *Ты прекраснѣе сыновъ челоувѣческихъ* (Пс. 44, 2—3), какъ Богъ и челоувѣкъ между людьми; ибо Ты при божественномъ воплощеніи Твоемъ *препоясалъ чресла свои правдою* (Ис. 11, 5), какъ въ самомъ себѣ правда и истина и веселіе всѣхъ. Итакъ веселись сегодня небо вмѣстѣ со мною; ибо сжалился Богъ надъ народомъ своимъ; *кропите облака правдою міру* (Ис. 45, 8), и основанія земли возглашайте миръ находящимся во адѣ; явилось воскресеніе мертвыхъ; пусть и земля провозглашаетъ милость живущимъ на ней, ибо я *исполненъ утѣшеніемъ и преизобилую радостію* (2 Кор. 7, 4); потому что я увидѣлъ Тебя, Спасителя людей.

7. Когда старецъ ликовалъ такимъ образомъ и радовался Божественнымъ веселіемъ, тогда святая Богоматерь явно исполняла то, что образно описано пророкомъ Исаіею (6, 6). Она, принявъ объятіями святыхъ рукъ своихъ, какъ бы клещами, животворящій и неизреченный уголь, принявшій плоть отъ пречистаго и пренепорочнаго ея жертвенника, подала его праведнику, говоря, мнѣ кажется, и вмѣстѣ увѣщевая такъ: пріими, досточимый старецъ и прекраснѣйшій изъ священниковъ, пріими Господа, и насладись своею неоскудѣвающею надеждою; пріими, доблестнѣйшій, сокровище неисчерпаемое и богатство неизсякаемое; пріими, мудрѣйшій въ объятія свои крѣпость неизъяснимую и силу непостижимую, тебя укрѣпляющую; возьми, служитель храма, величіе безпредѣльное и крѣпость несравненную. Соединись объятіями, достоуважаемый, съ самобытною жизнію и живи; обними, праведнѣйшій, нетлѣніе и обновись; это — не дерзновенное дѣло; не сомнѣвайся, священнѣйшій; насладись желаемымъ, достоуважаемый, и восхищайся подаваемымъ

тебѣ, или лучше подающимъ самага Себя; просвѣщайся, благоговѣннѣйшій, Солнцемъ правды, сіяющимъ сквозь чистое зеркало плоти. Не бойся скромности, не страшись кротости Его, блаженнѣйшій; не страшись смиренія и не изумляйся униженію Его, преданнѣйшій; съ готовностію прилѣпись къ Нему и не медли повинovenіемъ. Изрекаемое и предлагаемое не есть дѣло дерзновенное; не сопротивляйся, разумнѣйшій. Не опаляетъ огонь благодати Господа моего, но просвѣщаетъ, праведнѣйшій. Пусть убѣдитъ тебя, законѣдущій, *купина* (Ис. III, 2), прообразовавшая меня въ несожигавшемъ ее пламени. Пусть убѣдитъ тебя, дѣтоводитель, росоносная печь (Дан. III, 21) въ домостроительствѣ этого таинства. Кромѣ того пусть научитъ тебя и мое чрево, въ которомъ вмѣстился Невмѣстимый, изъ котораго и воплотилось безплотное Слово. Уже звуки трубъ не устрашаютъ приступающихъ (Исх. XIX, 16), и гора дымящаяся уже не внушаетъ страха приближающимся, и законъ уже не наказываетъ нещадно прикасающагося дерзновенно (2 Цар. V, 6); ибо нынѣ происходящее есть дѣло челоуѣколюбія, нынѣ являющееся есть дѣло снисхожденія Божія. Съ благодарностію пріими пришедшаго къ тебѣ Бога; ибо Онъ истребитъ беззаконія твои и очиститъ грѣхи твои. На тебѣ пусть будетъ предъизображено очищеніе (всего) міра; въ тебѣ и чрезъ тебя пусть предвозвѣстится народамъ благодатное оправданіе. Ты достоинъ быть животворнымъ начаткомъ. Ты пользовался закономъ? Насладись и благодатію. Ты утомленъ письменемъ? Обновись въ духѣ. Совлеки съ себя ветхое и оденись въ новое. Ты и самъ, я думаю, не знаешь этого.

8. Послѣ всего этого праведникъ возъмѣвъ смѣлость и повинуюсь увѣщанію Богоматери, послужившей Богу для людей, принялъ въ старческія объятія *Ветхаго* днями въ младенчествѣ (Дан. 7, 13), благословилъ Бога и сказалъ: *нынѣ отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, съ миромъ; ибо видѣли очи мои спасеніе Твое, которое Ты уготовалъ предъ лицемъ всѣхъ народовъ, свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ и славу народа Твоего Израиля* (Лук. 2, 29—32). Я принялъ отъ Тебя

безпечальную радость; прими меня, радующагося и прославляющаго милости Твои, Господи. Ты даровалъ мнѣ веселіе; душевно воздаю Тебѣ благодарностію. Я позналъ силу любви Божіей; ибо для меня Богъ, неизъяснимо и нетлѣнно родившійся отъ Тебя, сдѣлался человѣкомъ. Я позналъ неизреченное величіе Твоего о насъ попеченія; ибо Ты послалъ собственнаго Сына своего на помощь намъ. Я позналъ наставленіе Соломона, который говоритъ: *крѣпка какъ смерть любовь* (Пѣс. пѣсн. 8, 6); ибо чрезъ нее сокрушится жало смерти, чрезъ нее умершіе увидятъ жизнь, чрезъ нее смерть познаетъ свою смерть, потерявъ надъ нами свою власть; чрезъ нее и виновникъ зла змій будетъ плѣненъ и низверженъ. Ты явилъ намъ, Господи, спасеніе Твое (Пс. 97, 2), даровавъ намъ произрастеніе мира, и мы уже не будемъ болѣе блуждать. Ты открылъ намъ, Господи, что не окончательно Ты презрѣлъ рабовъ Твоихъ, Благій, и не забылъ твореній рукъ Твоихъ; ибо Ты сжалился надъ бѣдственнымъ состояніемъ нашимъ, обильно изливъ на насъ свойственную Тебѣ и неисчерпаемую милость Твою, совершивъ искупленіе наше чрезъ Единороднаго и Неизмѣняемаго и Единосушнаго Сына Твоего, признавъ недостойнымъ Твоего величія и благодати вѣрить рабу это благодѣяніе и спасеніе рабовъ Твоихъ или предоставить служителю примиреніе съ Тобою преступниковъ; но чрезъ Единосушнѣйшій Свѣтъ ты даровалъ свѣтъ *сѣдѣющимъ во тьмѣ и тѣни смертной* (Ис. 9, 2. 42, 7. Лук. 1, 79), чтобы они во свѣтъ Твоемъ увидѣли свѣтъ вѣдѣнія (Пс. 35, 10), и чрезъ Владыку и Создателя Ты благоволилъ возстановить насъ въ нетлѣніе; и чрезъ изгнавшаго изъ сладостнаго рая даровалъ намъ возвращеніе въ рай; и чрезъ *имѣющаго власть прощать грѣхи* (Марк. 2, 10) Ты *истребилъ рукописаніе на насъ* (Колос. 2, 14); и чрезъ возсѣдающаго вмѣстѣ съ Тобою на престолѣ и неотлучнаго отъ Божественнаго естества Твоего Ты даровалъ намъ примиреніе съ Тобою и дерзновенный доступъ къ Тебѣ, чтобы обѣтованіе столь многихъ и столь великихъ благъ, утвержденное рукописаніемъ верховнаго Владыки и истиннаго и самовластнаго Бога, было несомнѣнно для помилованныхъ и сподобившихся благодати. Объ

этомъ и пророкъ предсказалъ, говоря: *не ходатай, и не ангелъ, но самъ Господь спасъ ихъ: Онъ любитъ ихъ, и щадитъ ихъ, и воспринялъ ихъ, и вознесъ ихъ* (Ис. 63, 9) ¹⁾. И все это не по дѣламъ праведности, которыя бы мы сотворили (Тит. 3, 5), и не потому, чтобы мы возлюбили Тебя (ибо земнородный прародитель нашъ, удостоенный райской сладостной жизни, презрѣвъ божественную и спасительную заповѣдь Твою, признанъ недостойнымъ этого животворнаго жилища и все потомство сдѣлалъ бѣдственнымъ, передавъ ему пагубные плоды грѣха), но Ты Самъ, Господи, по неизреченной любви къ созданію Твоему, умилился надъ нами, и сжалился надъ отверженіемъ нашимъ, и оказалъ состраданіе къ растлѣнію нашему, чтобы помиловать насъ (1 Іоан. 5, 9). Посему у насъ, потомковъ Адама, и составляютъ празднества, что Создатель Адама добровольно сдѣлался новымъ Адамомъ, и *благоволеніе Господа Бога нашего явилось на насъ* (Пс. 89, 17), такъ что мы узрѣли Бога лицомъ къ лицу и спасаемся. Посему, Владыка, я и желаю отпущенія отъ Тебя. Я увидѣлъ спасеніе Твое: да буду избавленъ отъ бремени тяжкаго письмени. Я увидѣлъ вѣчнаго и несмѣняемаго Царя; да буду избавленъ отъ рабскихъ и тягостныхъ узъ. Я увидѣлъ Владыку по естеству и Икупителя; да сподоблюсь свободныхъ узъ Его. Избавь меня отъ ига осужденія и подвергни игу оправданія. Избавь меня отъ ига проклятія и *убивающаго письмени* (2 Кор. 3, 6) и присоедили къ благословенному числу принимаемыхъ въ усыновленіе благодатию сего истиннаго, равночестнаго и равномошнаго Сына Твоего.

9. Такими краткими словами, говоритъ онъ, да ограничится нынѣ благодареніе Богу. Но чтоже скажу я Тебѣ, Матерь-Дѣва и Дѣва-Матерь? Твое дѣло не человѣческое, и хвала Тебѣ выше человѣка. Но печальное недоумѣніе мое облегчается славословіями тебѣ отъ Духа; посему, принося Тебѣ Твое, вѣнцомъ съ безсмертныхъ луговъ я украшу священную и боговѣнчанную главу Твою. Съ отеческими хвалебными пѣснями я обращаюсь къ Тебѣ, дочь Давида и

¹⁾ По переводу 70-ти толковниковъ.

Матерь Господа и Бога Давидова; ибо недостойно и неблаго-
 потребно было бы украшать чуждыми украшеніями Тебя,
 блистающую собственною славою. И такъ, прими, благо-
 склоннѣйшая, дары драгоцѣнные и свойственные Тебѣ одной,
 высшая всѣхъ родовъ и честнѣйшая всѣхъ видимыхъ и неви-
 димыхъ тварей. Блаженъ корень Іессеевъ и трєблаженъ
 домъ Давидовъ, въ которомъ Ты произрасла. *Богъ посреди*
Тебя и не поколеблѣлся: ибо Всевышній освятилъ жилище свое
 (Пс. 45, 3—5). Въ Тебѣ завѣты и клятвы Бога къ отцамъ
 нашимъ получили славное окончаніе; ибо чрезъ Тебя Господь,
 Богъ силъ, явился съ нами. Прообразовавшая Твой бого-
 видный образъ неприступная купина неопально (Исх. 3, 2)
 вмѣщала Бога, явившагося пророку, какъ Онъ благоволилъ
 открыться. Твердый и несѣкомый камень, прообразовавшій
 проистекшую изъ тебя всемірную благодать и отраду, изъ
 сухихъ нѣдръ своихъ обильно произвелъ для жаждущаго въ
 пустынѣ народа (Исх. 17, 6) спасительное врачевство. И
 жезлъ священническій (Числ. 17, 8), произрастившій невоз-
 дѣланный плодъ (Евр. 9, 4)—залогъ непрерывнаго священ-
 ства, показалъ неложное знаменіе Твоего сверхъестествен-
 наго рожденія. Что еще? И великій Моисей, проведши дол-
 гое время на горѣ, не представилъ ли недовѣдомыя таин-
 ства, совершающіяся съ Тобою, чистая, въ таинственныхъ
 о Тебѣ прообразахъ? Получивъ повелѣніе устроить ковчегъ
 по образу и подобию, Онъ тщательно исполнилъ повелѣніе,
 хотя и случилось нѣчто печальное предъ его нисшествіемъ
 (Исх. 32, 1), устроилъ его въ размѣрахъ пяти съ полови-
 ною локтей ¹⁾, и прикрывъ Херувимами сдѣлалъ его вмѣ-
 стилищемъ закона, весьма ясно предзнаменующимъ Тебя,
 Богородица, непорочно зачавшую и неизреченно родившую
 нетлѣнный плодъ въ концѣ пяти съ половиной оборотовъ
 міра ²⁾. Ради Тебя и непорочнаго принятія отъ Тебя Богомъ
 Словомъ плоти, пребывающей съ Нимъ навсегда неизмѣнно
 и нераздѣльно, и стамна златая (Евр. 9, 4), какъ неложный

¹⁾ Ковчегъ завѣта былъ въ длину два локтя съ половиною, въ ши-
 рину — полтора локтя и въ высоту полтора локтя. Исход. 25, 10.

²⁾ Т. е. около 5500 лѣтъ послѣ сотворенія міра.

прообразъ Твой, хранила внутри себя неизмѣнною и постоянною манну, которая иначе измѣнялась и портилась въ одинъ день. И пророкъ Ілія, какъ провидецъ и соревнователь Твоей чистоты дѣйствіемъ Духа, украсился вѣнцомъ огненоснаго вида (4 Цар. 2, 11), бывъ поставленъ божественнымъ изволеніемъ выше смерти. И преемникъ его Елисей, наученный мудрымъ учителемъ, предъизображая Тебя, еще не бывшую, какъ бы уже присущую, сверхъестественно знаменіями (будущихъ) истинъ оказывалъ помощь нуждающимся, то посредствомъ чаши новой и содержащей цѣлительную соль, исправляя нездоровую воду, въ знакъ возстановленія міра чрезъ совершающееся на Тебѣ таинство, то незаквашенною мукою, прообразомъ безсѣменнаго рожденія (Твоего), истребляя въ пищу смертную горечь, то сверхъестественными дѣйствіями въ Іорданѣ, превышая дѣйствія естественныя, и тѣмъ предвозвѣщая низшествіе Господа нашего во адъ и чудесное избавленіе находящихся въ тлѣніи (4 Царст. 4, 20—41.8, 10). Ибо все уступало и покорялось, бывъ побѣждаемо Твоимъ Божественнымъ образомъ.

10. Впрочемъ, для чего мнѣ слишкомъ распространять свою рѣчь, задерживая ея теченіе различными прообразованіями, когда предъ нашими глазами предстоитъ совершившаяся на Тебѣ истина, которою всего лучше и полезнѣе можно наслаждаться? И такъ, оставивъ духовныя повѣствованія и чудеса святыхъ во всѣхъ поколѣніяхъ, къ Тебѣ, приснопамятная, обращаюсь при настоящемъ торжествѣ. Благословенна ты, всеблагословенная и всевождемъ. Благословеніями Господа преисполнено богоблагодатнѣйшее имя Твое, Богородительница и просвѣтительница вѣрныхъ. Ты объемлешь, такъ сказать, необъемлемаго; Ты—корень прекраснѣйшаго цвѣта (Ис. XI, 1), мать Создателя, питательница питающаго, содержащая Вседержителя, носящая *державнаго все словомъ* (Евр. I, 3). Ты—врата грядущаго Бога во плоти, клещи очистительнаго угля (Ис. VI, 6), малое вмѣстилище вмѣщающаго въ нѣдрахъ своихъ *все*, рунó непостижимой росы (Суд. VI, 37), жизнедательный колодезь Виѣлеемскій, желанный Давидомъ (2 Цар. XXIII, 15),

изъ котораго проистекло питіе безсмертія, — очистилище (Исх. XXV, 17), изъ котораго Богъ явился людямъ въ человѣческомъ образѣ, — чистое одѣяніе *одѣвающейся святомъ, какъ ризою* (Пс. CIII, 2); Ты дала не нуждающемуся ни въ чемъ плоть, которой Онъ не имѣлъ, чтобы Онъ, Всемогущій, сдѣлался тѣмъ, чѣмъ благоволилъ сдѣлаться. Что славнѣе этого? Что выше этого? Тотъ, Кто наполняетъ и небо и землю (Іер. XXIII, 24), которому принадлежитъ все, сдѣлался нуждающимся въ Тебѣ; ибо Ты сообщила Богу плоть, которой Онъ не имѣлъ. Ты облекла Всемогущаго въ благолѣпное всеоружіе плоти, чрезъ которую и Онъ сдѣлался видимымъ и доступнымъ для меня, и я могу приступить къ Нему и взирать на Него, и чрезъ которую *всѣ раскаленные стрѣлы лукаваго будутъ угажены* (Ефес. VI, 16). Дивно и прекрасно, мать и раба Божія! Дивно и прекрасно, имѣющая заимодавца всѣхъ должникомъ своимъ! Всѣ мы должники предъ Богомъ, а Онъ дѣлается Твоимъ должникомъ. Сказавшій: *почитай отца твоего и мать* (Исх. XX, 12), самъ благоволивъ принять на себя это, тѣмъ болѣе соблюдетъ благорасположеніе и собственную заповѣдь къ послужившей добровольному Его рожденію, и боголѣпно прославить Ту, которую наименовалъ матерію безъ мужа, самъ родившись безъ отца. Такъ будетъ это, будетъ. Приносимая нами хвалы Тебѣ, святѣйшее и дивное жилище Божіе, не суть слова безплоднаго краснорѣчія, и не плодъ мірской лести и угодливости это славословіе Тебѣ, Богохвальная и млекопитающая Бога, который даетъ смертнымъ начало бытія посредствомъ рожденія, но свидѣтельство дѣйствительной истины. Впрочемъ, и намъ и будущимъ поколѣніямъ не достанетъ времени, чтобы по достоинству ублажить Тебя, мать *Царя вѣковъ* (1 Тит. I, 17), какъ говорить въ одномъ мѣстѣ священный пророкъ, внушая намъ непостижимость Твою: *какъ великъ домъ Божій, и какъ пространно мѣсто владычества Его! Великъ Онъ и не имѣетъ конца, высокъ и неизмѣримъ* (Варух. III, 24—25). По истинѣ пророческое и по истинѣ неложно это слово о Твоемъ величій; ибо Ты одна удостоилась уподобиться Богу въ дѣлахъ Бо-

жіихъ, Ты одна родила по плоти Бога, единократно и со-
вѣчно рожденнаго отъ Бога Отца. Такъ по истинѣ исповѣ-
дуютъ содержащіе правую вѣру.

11. Обратимся наконецъ, любомудрые, къ старцу Бого-
пріимцу и благочестивому учителю, спасительно переплыв-
шему море (достоинствъ) Дѣвы, и отпустимъ Его, получив-
шаго Божественное отпущеніе и доставившаго намъ вожде-
лѣнное ученіе о Богѣ; сами же продолжимъ слово, не-
уклонно направляя путь къ предположенной цѣли при выш-
немъ руководствѣ, чтобы намъ не остаться совершенно без-
плодными и бесполезными для должнаго. И такъ, когда къ
этому священному событію были призваны священство и
пророчество и предстали къ этому славному и дѣвствен-
ному престолу два богоименитые праведника, т. е. Симеонъ
и Анна, представлявшіе дѣйствительные образы двухъ на-
родовъ (старецъ — израиля и обветшавшаго закона, а вдо-
вица — вдовствовавшей тогда церкви язычниковъ); то ста-
рецъ, олицетворявшій законъ, просилъ отпущенія, а вдо-
вица, олицетворявшая Церковь, представила исповѣданіе и
говорила о Немъ всѣмъ, ожидавшимъ избавленія во Іеру-
салимѣ (Лук. II, 38), какъ все это весьма благовременно и
сверхъестественно сказанное ими обоими и соотвѣтствующее
священнодѣйствію, изложено въ Писаніи. Ибо надлежало,
по истинѣ надлежало старцу, знавшему сказанное въ за-
конѣ: *его послушайте, и всякій, кто не послушаетъ Его, будетъ
истребленъ изъ народа своего* (Втор. XVIII, 15, 19), желать мир-
наго отпущенія отъ руководства закона. Ибо оскорбленіемъ
и дерзостію было бы, если бы въ присутствіи и при бесѣдѣ
царя оруженосецъ сталъ говорить противное и слушатели
ему стали внимать. Надлежало и вдовицѣ, получившей дары,
превышающіе разумъ, торжественно воздать благодареніе
Богу, такъ чтобы совершавшееся здѣсь было согласно и
съ закономъ. Наконецъ необходимо объяснить, почему между
пророческими прообразованіями, которыя имѣютъ, какъ по-
казано, близкое отношеніе къ этимъ необыкновеннымъ тор-
жествамъ, сказано, что домъ наполнился *куреньями* (дыма);
и это было не случайно, а знаменательно вслѣдствіе три-

святаго гласа, какъ говорить пророкъ, который зывали небожители (Ис. VI, 4). Если ты, любомудрый, обратишь вниманіе на повѣствуемое, то найдешь причину этого. *Слухомъ*, продолжаетъ пророкъ, *услышите, и не уразумѣте; и очами смотрѣть будете, и не увидите* (Ис. VI, 9, Дѣян. XXVIII, 26). Такъ неблагодарные Іудеи, видѣвъ славныя чудеса, которыя совершилъ Богъ на землѣ, по словамъ пѣснопѣвца Давида (Пс. XLV, 9) ¹⁾, видѣвъ непрерывныя и непрестанныя знаменія и *въ глубинѣ и на высотѣ* (Ис. VII, 11), какъ предрекъ Исаія (а что именно? Матерь выше естества и рожденіе выше разума, матерь земную, а Сына небеснаго, необыкновенное Боговочеловѣченіе и безбрачное дѣторожденіе, которыхъ что могло быть славнѣе и удивительнѣе между тварями?), видѣвъ все это, относились какъ-бы не видѣвшіе, смежая глаза свои и не обращаясь къ славословію; посему и наполнился домъ тщеславія ихъ дымомъ.

12. При этомъ видѣніи они еще и слышали, стоявшаго выше всего видимаго, старца праведнѣйшаго, мужа достойнаго, мужа достойнаго подражанія, мужа вдохновеннаго, законоучителя, почтеннаго священствомъ, украшеннаго даромъ пророчества, продлившаго жизнь свою надеждой на Христа и (доселѣ) отложившаго долгъ смерти, ликующаго, славословящаго, преобразившагося отъ радости, всецѣло прекраснымъ вдохновеніемъ вышедшаго изъ себя для Бога (2 Кор. V, 13), измѣнившагося въ Ангела прекраснымъ измѣненіемъ, возносящаго отъ избытка радости благодаренія и возвѣщающаго *свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ и славу народа Твоего Израиля* (Лук. II, 32), и однако не захотѣли внять слышанному и дивному для самихъ небожителей; посему домъ тщеславія ихъ и наполнился дымомъ. А дымъ есть знаменіе и свидѣтельство гнѣва, какъ написано: *поднялся дымъ отъ гнѣва Его и изъ устъ Его огонь поядающій* (Псал. XVII, 9); и въ другомъ мѣстѣ: *и въ народѣ непокорномъ возгорался (огонь) гнѣва* (Сир. XVI, 7). Указывая на это, Господь въ св. Евангеліи говоритъ Іудеямъ: *се оставляется домъ*

¹⁾ По переводу 70-ти толковниковъ.

вашъ пустъ (Мѡ. XXIII, 28), и еще: *пославъ войска свои, царь истребилъ убійцъ оныхъ и сжегъ городъ ихъ огнемъ* (Мѡ. XXII, 7). Таковы дѣйствія Іудейскаго невѣрія, вопреки троичному славословію. Между тѣмъ какъ предѣлы всей вселенной освящались и величайшій домъ Церкви наполнился, какъ-бы разлившеюся въ обилии водою моря, славою Господнею отъ трисвятаго славословія (Ис. VI, 3, 4), надъ ними сбылось возвѣщенное; и съ ихъ концемъ соединилось начало пророчества, означавшаго, какъ сказано Духомъ, провозвѣстникомъ истины, будущую бѣдственную переменъ съ ними въ примѣрѣ, въ слѣдующихъ словахъ: (и было) *въ годъ, въ который умеръ царь Озіа, видѣлъ я Господа* (Ис. 6, 1), гдѣ отступникъ Озіа взятъ въ образецъ всѣхъ отступниковъ, которыхъ онъ есть какъ-бы глава, который за свое безразсудство и получилъ наказаніе, по божественному опредѣленію напечатлѣнное на челѣ, какъ бы на мѣдной статуѣ, показывая всѣмъ это воздаяніе за отвратительное нечестіе. Посему богомудро провидецъ (нынѣ) совершающагося, въ противоположность отверженію неблагодарной синагоги, указалъ на благодарную Анну, которой самое имя означаетъ Церковь, оправданную благодатію Христа Бога въ крещеніи; ибо *Анна* значитъ „*благодать*“ ¹⁾.

13. Впрочемъ, остановимъ здѣсь, какъ бы въ пристани, крестоносный корабль слова, по надлежащему собравъ паруса и сдѣлавъ нѣсколько привѣтствій *городу великаго Царя* (Пс. XLVII, 3. Мѡ. V, 35), вмѣстѣ съ народомъ Церкви, какъ бы пребывая духомъ и празднуя вмѣстѣ съ бывшими тамъ достопочтимыми отцами и братьями. Радуйся, градъ великаго Царя, въ которомъ совершились таинства нашего спасенія. Радуйся, земное небо, *вѣрный* наконецъ Господу городъ *Сіонъ* (Ис. I, 26). Радуйся и *святись, Іерусалимъ, ибо пришелъ свѣтъ твой* (Ис. LX, 1): Свѣтъ присносущій, Свѣтъ вѣчный, Свѣтъ высочайшій, Свѣтъ невещественный, Свѣтъ единосущный Богу Отцу, Свѣтъ сущій въ Духѣ и въ которомъ (пребываетъ) Отецъ. Свѣтъ просвѣтившій вѣка, Свѣтъ

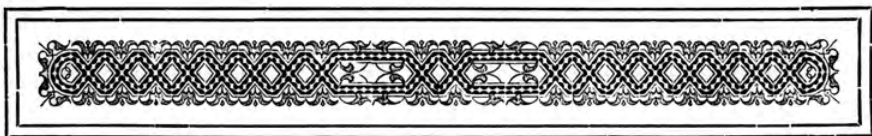
¹⁾ Съ Еврейскаго: *Нанна*.

просвѣтившій вышесмірное и находящееся въ мірѣ, Христосъ истинный Богъ нашъ. Радуйся, городъ святой и избранный Господомъ, торжествуй съ веселіемъ праздники свои, которые уже не подвергнутся обветшанію. Радуйся, городъ счастливѣйшій; ибо *славное возвыщено о тебѣ* (Ис. LXXXVI, 3); *священники твои облечутся въ спасеніе и святыя твои радостію возрадуются* (Пс. CXXXI, 16), и нищія твои насытятся хлѣбомъ. Радуйся и веселись Іерусалимъ, ибо воцарился Господь *посреди тебя* (Ис. XII, 6), Господь, чистымъ и невещественнымъ Божествомъ вошедшій въ наше естество и неизреченно воплотившійся отъ дѣвственнаго чрева, Господь, не соединявшійся ни съ чѣмъ другимъ кромѣ состава Адама, прельщеннаго змѣемъ; ибо не *Ангельскіи воспринявъ* (Евр. II, 16), отпадшихъ отъ дарованнаго имъ въ началѣ славнаго чина и состоянія, Господь явилъ снисхожденіе, будучи Словомъ Божиимъ, всегда пребывающимъ съ Отцемъ. И не для призванія или возстановленія отпавшихъ отъ Свѣта преступныхъ демоновъ, какъ думаютъ нечестивѣйшіе сообщники лукаваго, Онъ пришелъ въ міръ, но, какъ говоритъ божественный Павелъ, принявъ *снѣма Авраамово* и чрезъ него весь родъ человѣческій, Творецъ и Создатель всѣхъ непреложно сдѣлался человѣкомъ, чтобы чрезъ общеніе Его съ нами и соединеніе насъ съ Нимъ прекратился доступъ къ намъ грѣха, мало по малу теряющаго силу и исчезающаго, какъ воскъ отъ божественнаго огня, который Спаситель пришедши *низвелъ на нашу землю* (Лук. XII, 49). Радуйся же и ты, Церковь каѳолическая, находящаяся во всей вселенной, и торжествуй вмѣстѣ съ нами. *Не бойся малое стадо* треволненій врага: ибо *Отецъ благоволилъ дать Тебѣ царство* (Лук. XII, 32) и (силу) поправить враговъ твоихъ. Радуйся и веселись, нѣкогда бездѣтная и для благочестія безплодная, а теперь имѣющая многихъ чадъ *вѣры* (Ис. LIV, 1). Радуйся и ты, народъ Божій, *родъ избранный, царственное священство, народъ святой, люди, взятые въ удѣлъ; возвышай совершенства призвавшаго тебя изъ тмы въ чудный свой свѣтъ* (1 Петръ II, 9), прославляя Его за милость Его.

14. Радуйся вѣчно, нескончаемая радость наша (пре-
святая Дѣва); къ тебѣ опять я обращаюсь. Ты — начало,
середина и конецъ нашего торжества; Ты — драгоценный
перлъ царства, истинный тукъ всякой священной жертвы,
одушевленный жертвенникъ хлѣба жизни. Радуйся, сокро-
вище любви Божіей; радуйся, источникъ челоуѣколюбія
Сына; радуйся, *остъенная гора* Святаго Духа (Авв. III, 3) ¹⁾.
Ты возсіяла, вождельная родительница Свѣта (духовнаго)
Солнца, неприступными лучами пламенной любви, родивъ
въ концѣ (время) рожденнаго отъ начала, явивъ сокро-
венное и неизреченное таинство, Сына невидимаго Отца,
подателя мира, дивно уничижившагося болѣе всякаго уни-
чиженія. Посему молимъ Тебя, превосходнѣйшую всѣхъ и
удостоившуюся матернихъ почестей и дерзновенія, непре-
станно памятуй, всевятая Богородица, о насъ, хвалящихся
Тобою и боголѣпными славословіями почитающихъ присно-
живущую и неизгладимую память твою. И ты, досточтимый
старецъ Симеонъ, первопріемникъ благочестиваго исповѣ-
данія нашего и проповѣдникъ воскресенія вѣрныхъ, также
будь ходатаемъ за родъ нашъ предъ Спасителемъ Богомъ,
котораго ты удостоился принять въ свои объятія. Ибо и
мы вмѣстѣ съ тобою воспѣваемъ Христа, властвующаго
надъ жизнію и смертію, говоря: Ты — Свѣтъ истинный отъ
Свѣта истиннаго, Богъ истинный отъ Бога истиннаго,
единый Господь прежде воплощенія и послѣ преславнаго
воплощенія, Богъ Самъ по себѣ, а не по благодати, для
насъ же (сдѣлавшійся) и совершеннымъ челоуѣкомъ, Царь
по существу своему, не имѣющій надъ собою царя, для
насъ же и нашего спасенія непорочно и пречисто явив-
шійся въ образѣ раба. Будучи нетлѣннымъ, Ты пришелъ
разрушить тлѣніе, чтобы сдѣлать все нетлѣннымъ. Тебѣ
принадлежитъ слава и держава, величіе и великолѣпіе съ
Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ, Аминь.

¹⁾ По переводу 70-ти толковниковъ.

III.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ ВАІЙ ¹⁾.

1. Благословенъ Богъ! Поспѣшимъ, братія, отъ чудесъ къ чудесамъ Господа, и *пойдемъ какъ бы отъ силы въ силу* (Псал. LXXXIII, 8). Какъ въ золотой цѣпи, составленной изъ колецъ, взаимно соединенныхъ, каждое изъ нихъ держится другаго изъ соприкосновенныхъ съ нимъ, одно прикрѣплено къ другому и одно слѣдуетъ за другимъ, такъ и въ ряду чудесъ, о которыхъ повѣствуютъ святыя Евангелія, одно ведетъ къ другому чтительницу празднествъ, Церковь Божию, и всѣ вмѣстѣ услаждаютъ ее *не пищею тѣльною, но пребывающею въ жизнь вѣчную* (Іоан. VI, 27). Посему, возлюбленные, и мы съ *готовностію сердца* (Псал. IX, 38), и *внимательнымъ ухомъ* (Прит. XXV, 12) *послушаемъ, что скажетъ намъ Господь Богъ*, чрезъ пророковъ и Евангеліе, о настоящемъ святѣйшемъ празднествѣ. По истинѣ Онъ *скажетъ миръ народу своему и избраннымъ своимъ и обращающимъ сердца къ Нему* (Псал. LXXXIV, 9) ²⁾. Нынѣ вѣщанія пророковъ, подобно трубнымъ звукамъ, привели въ движеніе вселенную, преисполнили радостію и восторгомъ всѣ церкви Божіи и, отвлекши вѣрныхъ съ поприща святаго поста, отъ подвиговъ борьбы со страстями, возбудили ихъ пѣть гимнъ побѣды и новую пѣснь мира въ честь Побѣдителя Христа. И такъ *приидите всѣ, воспоемъ Господу!* (Пс. ICIV, 1). Приидите *всѣ народы, воспоемъ руками, воскликнемъ Богу Спасителю нашему гласомъ*

¹⁾ Въ рукописяхъ это слово озаглавляется такъ: „Святаго отца нашего Меѳодія слово на Ваи“. Migne, Patr. Curs. Compl. T. XVIII, p. 384.

²⁾ По переводу 70-ти толковниковъ.

радости (Пс. XLVI, 2. ICIV, 1). Никто не оставайся непричастнымъ благодати, никто не уклоняйся отъ призванія: *ибо племя непокоряющихся бываетъ въ пагубу* (Ис. XXXIII, 2) ¹⁾. Никто не пренебрегай срътеніемъ Царя, чтобы не остаться внѣ брачнаго чертога (Мат. XXV, 10). Никто не будь между нами съ мрачнымъ лицомъ, когда нужно принять Его, чтобы не подвергнуться осужденію вмѣстѣ съ лукавыми гражданами, и именно съ тѣми, которые не хотѣли принять Господа своего Царемъ надъ собою (Лук. XIX, 27). Всѣ стечемъ съ радостію; всѣ примемъ Его съ усердіемъ и будемъ торжествовать съ благолѣпіемъ. Вмѣсто распростертія одеждъ *изліемъ предъ Нимъ сердца* наши (Пс. LXI, 9), воздадимъ Ему благодареніе съ псалмами и пѣснопѣніями, и непрестанно будемъ взывать: *благословенъ ирядущій во имя Господне!* (Марк. XI, 9). Ибо *благословляющіе* Его *благословенны*, а *проклинаящіе* Его *прокляты* (Быт. XXVII, 29). И снова скажу, не преставай побуждать къ святому дѣлу: *прійдите, возлюбленные, благословить Благословеннаго, дабы и Онъ благословилъ насъ!* Слово Божіе равно приглашаетъ принести хвалу Господу всѣ возрасты и званія, — *царей земныхъ и всѣ народы, князей и всѣхъ судей земныхъ, юношей и дѣвицъ* (Пс. CXLVIII, 11. 12), и что ново и удивительно, юному и незлобивому возрасту младенцевъ и грудныхъ дѣтей предоставляетъ честь, чтобы они, какъ въ древности Моисей предъ ишедшимъ изъ Египта народомъ, прежде всѣхъ начали славословить Господа богодухновенною пѣснію: *благословенъ ирядущій во имя Господне!*

2. Нынѣ блаженный Давидъ, видя псалтирь свою въ рукахъ младенцевъ, радуется радостію, ликуеть духомъ и торжествуетъ съ ними, какъ нѣкогда предъ ковчегомъ Божіимъ, сливаетъ стройныя пѣсни свои съ ихъ пѣснями и радостно взываетъ: *благословенъ ирядущій во имя Господне!* Спросимъ же его; скажи намъ, пророкъ: кто этотъ *ирядущій во имя Господне?* „Нынѣ, отвѣчаетъ онъ, не мое дѣло научать; младенцамъ предоставлено отъ Того, Кто *изъ устъ младен-*

¹⁾ По переводу 70-ти толковниковъ.

цевъ и трудныхъ дѣтей устроилъ хвалу, сдѣлать безмолвнымъ врага и мстителя (Пс. VIII, 3), дабы и чрезъ это чудо *возвратить сердца отцовъ дѣтямъ и непокоривымъ образъ мыслей праведниковъ* (Лук. I, 17).— Скажите же намъ, дѣти, откуда у васъ это прекрасное усердіе и радостная пѣснь? Кто внушилъ, кто составилъ (ее)? Кто собралъ (васъ)? Изъ какихъ книгъ, отъ какихъ наставниковъ вы заимствовали (ее)? „Примите, отвѣчаютъ они, участіе въ нашемъ торжествѣ и пѣснопѣніи, и вы узнаете то, что желалъ знать Моисей и прочіе пророки (Лук. X, 24).— „И такъ, когда приглашеніе намъ сдѣлано и дѣти подали намъ руки въ знакъ общенія, приидите, возлюбленные, съ усердіемъ примемъ и мы участіе въ священномъ ликованіи, и вмѣстѣ съ Апостолами *будемъ сопутствовать возшедшему на небо небесъ на востокъ* (Пс. LXVII, 5. 34) ¹⁾, и на землѣ благоволившему *возсѣсть на сына подъяремной* (Мат. XXI, 5). Возмемъ вѣтви вмѣстѣ съ отроками и восплещемъ масличными отраслями, чтобы и насъ осѣнилъ Духъ Святой, и намъ стройно воспѣть Богодухновенную пѣснь: *благословенъ грядущій во имя Господне! осанна въ вышнихъ!* (Мат. XXI, 9). Нынѣ и Патріархъ Іаковъ, видя совершившимся свое пророчество, торжествуетъ духомъ, и съ вѣрными поклоняется Отцу: ибо *привязавшій къ виноградной лозѣ осленка своего* (Быт. XLIX, 11) *возсѣлъ на молодаго осла*. Нынѣ готовится осленокъ, безсловесный образъ бессмысленныхъ нѣкогда язычниковъ, въ знакъ покорности народа изъ язычниковъ, и младенцы изображаютъ младенчество ихъ въ богопознаніи и послѣдующее за тѣмъ совершенство въ боговѣдѣніи. Нынѣ, согласно съ пророчествомъ, Царь славы прославляется на землѣ, и земнородныхъ дѣлаетъ участниками торжества небеснаго, дабы показать, что Онъ есть Господь тѣхъ и другихъ, какъ тамъ и здѣсь согласно воспѣваемый. Посему горніе, возвѣщая о спасеніи, совершающемся на землѣ, пѣли: *святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ: вся земля полна славы Его!* (Псал. VI, 3). А дольніе, принимая радостное участіе въ небесномъ торже-

¹⁾ По переводу 70-ти толковниковъ.

ствѣ, взывали: *осанна въ вышнихъ! осанна сыну Давидову!* (Мат. XXI, 9). Горьніе славословили: *благословенна слава Господня отъ мѣста своего!* (Іез. III, 12). А дольніе восклицали: *благословенъ грядущій во имя Господне!*

3. Но между тѣмъ, какъ это совершалось и ученики радовались о всѣхъ чудесахъ, ими видѣнныхъ, и говорили: *благословенъ царь грядущій во имя Господне! миръ на небесахъ и слава въ вышнихъ!* (Лук. XIX, 37. 38), *городъ пришелъ въ движеніе и говорилъ: кто это?* (Мат. XXI, 10), стараясь этимъ возбудить слѣпую зависть противъ Господа славы (а подъ городомъ разумѣй древнее безпорядочное скопище Синагоги). Неблагодарные спрашиваютъ: *кто это?* какъ будто они еще не видѣли въ Немъ благодѣтеля, славнаго Божественными чудесами. Но *тьма не объяла незаходимый свѣтъ*, возсіявшій въ ней (Іоан. I, 5). Посему прямо о нихъ пророкъ Исаія взывалъ: *глухіе слушайте и слѣпые смотрите, чтобы видѣть. И кто такъ слѣпъ, какъ рабы мои, и глухъ, какъ владычущіе ими? и ослѣпли рабы Божіи. Видѣли многое и не замѣчали, уши были открыты и не слышали* (Ис. XLII, 18—20) ¹⁾. Замѣтьте, возлюбленные, вѣрность пророчества, какъ провидящій Божественный Духъ, чрезъ святыхъ, возвѣщалъ будущее, какъ настоящее. Подлинно, неблагодарные видѣли и осязали въ чудесахъ, что чудодѣйствуетъ Богъ, и остались въ невѣріи. Видѣли, что бывший слѣпымъ отъ рожденія исповѣдуетъ Богомъ возвратившаго ему свѣтъ. Видѣли, какъ разслабленный, котораго недугъ жилъ и возрасталъ вмѣстѣ съ нимъ, освобожденъ былъ однимъ словомъ отъ болѣзни. Смотрѣли на Лазаря, избѣгшаго смерти. Слышали, какъ Спаситель ходилъ по морю, приготовлялъ вино, не воздѣлывая винограда, безъ усилий доставлялъ хлѣбъ для насыщенія, прогонялъ демоновъ, возвращалъ здоровье больнымъ. Улицы ихъ проповѣдывали о чудесахъ, пути ихъ возвѣщали ходящимъ о Его исцѣленіяхъ. Вся Іудея преисполнена была благодѣянiami. А они, услышавъ хвалебную пѣснь Богу, спрашиваютъ: *кто это?* О безумные, лжеимен-

¹⁾ По переводу 70-ти толковниковъ.

ные учителя! о невѣрующіе отцы, о безсмысленные старцы! *племя безстыднаго Ханаана, а не Иуды благочестиваго!* (Дан. XIII, 56). Дѣти узнали Творца, а невѣрующіе отцы говорили: *кто это?* Юный и неопытный возрастъ прославлялъ Бога, а *состарѣвшіеся въ змѣхъ дняхъ* (Дан. XIII, 52) спрашивали: *кто это?* Грудные младенцы богословствуютъ, а старцы богохульствуютъ. Дѣти благоговѣнно возносятъ хвалебную пѣснь, а неосвященные священники безчинно *негодуютъ!* (Мат. XXI, 15).

4. Вы, *противящіеся образу мыслей праведниковъ* (Лук. I, 17), обратите сердца ваши на дѣтей вашихъ; познайте тайны Божіи. Настоящее событіе свидѣлствуетъ, что такъ воспѣваемый ненаученными устами есть Богъ. *Изсмѣдуйте писанія*; вы слышали отъ Господа, что *они свидѣлствуютъ о немъ* (Іоан. V, 39), и не оставайтесь въ невѣдѣніи касательно этого чуда. Послушайте, неблагодарнѣйшіе и чуждые благодати, что благовѣствуетъ вамъ пророкъ Захарія. *Ликуй о тѣ радости*, говоритъ онъ, *дщерь Сіона! се Царь твой придетъ къ тебѣ праведный и спасающій, кроткій и сѣдящій на молодомъ ослѣ* (Зах. IX, 9). Для чего же вы отвергаете эту радость? Для чего, и при солнечномъ, свѣтѣ, любите тьму? Для чего, противъ ненарушаемаго мира замышляете войну? Если вы сыны Сіона, то ликуйте вмѣстѣ съ дѣтьми своими. Благочестіе дѣтей вашихъ пусть будетъ для васъ побужденіемъ къ радости. Узнайте отъ нихъ, кто научилъ ихъ? кто собралъ? откуда у нихъ такія мысли? откуда это новое богословіе при древнемъ пророчествѣ? Если никто изъ людей не могъ научить ихъ этому, если они отъ себя воспѣваютъ хвалебную пѣснь, то познайте, что это дѣло Божіе, какъ и въ законѣ написано: *изъ устъ младенцевъ и грудныхъ дѣтей Ты устроилъ хвалу* (Пс. VIII, 3). Сугубо радуйтесь, что вы удостоились быть отцами такихъ дѣтей, которыя по внушенію Божію, провозгласили то, чего не знали даже старцы. Обратите сердца ваши къ дѣтямъ своимъ, и не закрывайте очей вашихъ отъ истины. Если же вы все тѣ же, слыша не слышите, видя не видите, и безразсудно отступаете отъ младенцевъ, то *они будутъ вамъ судьями* (Мат. XII, 27), по

слову Спасителя. Посему хорошо предрекъ о васъ между прочимъ и это пророкъ Исаія: *не нынѣ постыдится Иаковъ, и не нынѣ измѣнитъ лице свое. Но когда увидятъ дѣти ихъ дѣла Мои, то для Меня будутъ святить имя Мое, святаго Иаковлева, и бояться Бога Израилева. И блуждающіе духомъ познаютъ мудрость и непокорные научатся послушанію, и языки нѣмотствующіе научатся говорить миръ* (Ис. XXIX, 22—24) ¹⁾. Видишь ли, неразумный Іудей, какъ съ первыхъ словъ пророкъ предвозвѣщаетъ вамъ стыдъ за невѣріе ваше? Научитесь хотя отъ него, что пѣснь дѣтей вашихъ внушена имъ отъ Бога, какъ предрекъ и блаженный Давидъ, говоря: *изъ устъ младенцевъ и грудныхъ дѣтей Ты устроилъ хвалу*. И такъ, или сами приобрѣтите должную святость дѣтей, или уступите намъ дѣтей вмѣстѣ съ благочестіемъ (ихъ). Мы будемъ ликовать вмѣстѣ съ ними и пѣть Богодухновенную пѣснь новой славы.

5. Нѣкогда старецъ Симеонъ срѣтилъ Спасителя, принялъ въ объятія Творца вѣковъ въ видѣ младенца, и исповѣдалъ Его Господомъ и Богомъ; а нынѣ, вмѣсто нечестивыхъ старцевъ, дѣти срѣтили Спасителя, подобно Симеону; вмѣсто объятій распростерли вѣтви, и благословили Господа Бога, сѣдящаго на осленкѣ, какъ бы на Херувимахъ: *осанна сыну Давидову! благословенъ грядущій во имя Господне!* Вмѣстѣ съ ними воскликнемъ и мы: благословенъ пришедшій Богъ, Царь славы, который, по естеству своему, будучи непричастенъ нищетѣ, обнищалъ для насъ, дабы обогатить насъ своею благостію! (2 Кор. VIII, 9). Благословенъ пришедшій въ смиреніи, и опять имѣющій придти во славу; являющійся теперь кроткимъ на осленкѣ и прославляемый восклицаніями младенцевъ, дабы исполнилось написанное: *видѣли шествіе Твое, Боже, шествіе Бога моего, Царя во святыхъ* (Пс. LXVII, 25), а въ другой разъ имѣющій придти на облакахъ грознымъ, окруженнымъ Ангелами и силами! О медоточныя уста дѣтей! о чистое ученіе Боголюбезныхъ отроковъ! Давидъ пророчески сокрылъ мысль подъ буквою; дѣти, отверзши сокровищницу, языкомъ изгла-

¹⁾ По переводу 70-ти толковниковъ.

голали богатство и благодатными словами внятно призвали всѣхъ къ наслажденію. Воспользуемся же и мы, вмѣстѣ съ ними, неотъемлемымъ богатствомъ. Станемъ хранить въ пространнхъ нѣдрахъ и сокровищницахъ (сердца) Божественные дары. Будемъ, не умолкая, восклицать: *благословенъ грядущій во имя Господне*, — Богъ истинный во имя Бога истиннаго, Вседержавный отъ Вседержавнаго, Сынъ во имя Отца, Царь истинный отъ Царя истиннаго, имѣющій царство, совѣчное и предвѣчное, какъ и Родившій Его! Ибо дѣйствительно царство у нихъ общее; и Слово Божіе усвояетъ Сыну царственную честь не такъ, какъ бы она дана была Ему отънѣ, или имѣла начало, или могла получить приращеніе, — нѣтъ — какъ естественную и по истинѣ свойственную Ему. Ибо одно царство Отца и Сына и Духа Святаго, какъ одно существо и одно господство; посему мы и почитаемъ однимъ поклоненіемъ одно Трѣипостасное Божество, безначальное, несозданное, безконечное и вѣчное. Ибо, ни Отецъ никогда не престанетъ быть Отцемъ, ни Сынъ — быть Сыномъ и Царемъ, ни Духъ Святой быть тѣмъ, что Онъ есть по вѣности; ни одно лице Троицы не уменьшится ни по вѣчности, ни по общности, ни по царству. Такъ, Сынъ Божій не потому сталъ царемъ, что сдѣлался для насъ человѣкомъ, и во плоти низложилъ нашего мучителя, одержавъ чрезъ нее побѣду надъ злымъ нашимъ врагомъ; но и нынѣ, и по принятіи плоти, и всегда потому Онъ Царь, подобно родившему Его, что Онъ вѣчно Господь и Богъ. Итакъ, еретикъ, не порицай Царства Христова, дабы не нанести оскорбленія родившему Его. А кто вѣренъ, съ вѣрою приступи ко Христу, истинному Богу нашему, *а не какъ употребляющіе свободу для прикрытія зла* (1 Пет. II, 16). Если ты рабъ, съ трепетомъ покорись Владыкѣ. Кто враждуетъ противъ Слова, тотъ уже не добрый рабъ, но явный врагъ, какъ написано: *кто не чтитъ Сына, тотъ не чтитъ Отца, пославшаго Его* (Іоан. V, 23).

6. Но возвратимся, возлюбленные, къ тѣмъ словамъ, на которыхъ мы остановились, и воскликнемъ: *благословенъ грядущій во имя Господне!* Это добрый и благій пастырь грядетъ

положить добровольно душу свою за овецъ своихъ. Какъ звѣроловы посредствомъ овцы улавливаютъ волковъ, пожирающихъ овецъ, такъ и Пастыреначальникъ, предавъ себя въ образъ человѣка духовнымъ и душегубительнымъ волкамъ, уловляетъ этихъ хищниковъ для Адама, нѣкогда уловленнаго ими. *Благословенъ грядущій во имя Господне!*—Богъ (грядущій) противъ діавола, не съ открытымъ могуществомъ, котораго и зрѣніе снести не можетъ, но въ немощной плоти, дабы связать сильнаго, встающаго на насъ. *Благословенъ грядущій во имя Господне!*—Царь (грядущій) противъ мучителя, не съ вседержительною силою и премудростію, но съ мнимымъ безуміемъ креста, дабы исторгнуть добычу у змія, мудраго на зло. *Благословенъ грядущій во имя Господне!*—это (грядетъ) истинный противъ лжеца, Спаситель противъ губителя, Князь мира противъ виновника браней, Человѣколюбецъ—противъ человѣконенавистника. *Благословенъ грядущій во имя Господне!*—это (грядетъ) Господь помиловать свое твореніе. *Благословенъ грядущій во имя Господне!*—это (грядетъ) Господь спасти заблуждшаго человѣка, разсѣять обольщеніе, просвѣтитъ сѣдящихъ во тьмѣ, уничтожить заблужденіе идолопоклонства, ввести спасительное Богопознаніе, освятить міръ, прекратить нечестіе и горе отъ служенія мнимымъ богамъ. *Благословенъ грядущій во имя Господне!*—единъ (грядетъ предать себя) за многихъ, дабы бѣдный родъ человѣческій *избавитъ отъ рукъ сильнѣйшихъ, бѣднаго и нищаго отъ рабителей его* (Псал. XXXIV, 10). *Благословенъ грядущій во имя Господне!*—(Онъ грядетъ) возлитъ вино и елей на *попавшагося разбойникамъ* и пренебреженнаго (Лук. X, 30—32). *Благословенъ грядущій во имя Господне!*—(Онъ грядетъ) спасти насъ Самимъ Собою, какъ говоритъ пророкъ: *не ходатай и не атель, но Самъ Господь спасъ насъ* (Псал. LXIII, 9) ¹⁾. Посему мы и благословляемъ Тебя, Господи, благословеннаго со Отцемъ и Святымъ Духомъ прежде вѣковъ и во вѣки вѣковъ, существовавшаго безплотно прежде вѣковъ и доселѣ, а нынѣ и на вѣки съ обоготворенною и неизмѣнною и нераздѣльною Твоею плотію.

¹⁾ По переводу 70-ти толковниковъ.

7. Посмотримъ и далѣе, что говорить Божественный Евангелистъ. Когда Господь вошелъ въ храмъ, *приступили къ нему хромые и слѣпые и Онъ исцѣлилъ ихъ. Видѣвъ же первосвященники и фарисеи чудеса, которыя Онъ сотворилъ, и дѣтей восклицающихъ и говорящихъ: осанна Сыну Давидову!* (Матѣ. XXI, 14, 15), *благословенъ грядущій во имя Господне!* (ст. 9), не вынесли чести, оказанной Ему; посему, приступивъ къ Нему, сказали: „*слышишь ли, что они говорятъ?*“ (ст. 16). Какъ бы такъ они говорили: и Ты не огорчаешься тѣмъ, что Тебя прославляютъ, какъ Бога? Тебѣ не прискорбно слышать отъ невинныхъ (младенцевъ) хвалы, приличныя единому Богу? Развѣ Богъ не открылъ въ древности чрезъ пророка: *славы Моей никому не дамъ?* (Псал. XLII, 8). И какъ Ты, будучи человекомъ, дѣлаешь себя Богомъ?“ (Іоан. X, 33). Что же отвѣчалъ на это Долготерпѣливый, Многомилостивый и Медленный на гнѣвъ? (Іак. I, 19). Онъ останавливаетъ безумныхъ, своимъ отвѣтомъ укрощаетъ ярость ихъ, напоминаетъ и самъ о словахъ Писанія, приводитъ изъ него свидѣтельства о настоящемъ событіи, и не отказывается спрашивать ихъ самихъ. „Развѣ вы, говоритъ Онъ, никогда не слышали того, что сказалъ Я чрезъ пророка: *въ тотъ день узнаете, что Я тотъ же, который сказалъ: вотъ Я?*“ (Ис. LII, 6), — и еще: *изъ устъ младенцевъ и грудныхъ дѣтей Ты устроишь хвалу, ради враговъ Твоихъ, дабы сдѣлать безмолвнымъ врага и мстителя?* (Пс. VIII, 3). Враги эти—вы, которые слушаете законъ и читаете пророковъ, а Меня, закономъ и пророками возвѣщеннаго, отвергаете. Подъ видомъ благочестія, вы думаете, что защищаете славу Божію; и не разумѣете, что *ненавидящій Меня ненавидитъ и Отца Моего* (Іоан. XV, 23)! *Я изшелъ отъ Отца и пришелъ въ міръ* (Іоан. XVI, 28). Моя слава есть слава Отца Моего. Такимъ образомъ эти безсмысленные, бывъ изобличены Спасителемъ нашимъ Богомъ, перестали прекословить, такъ какъ истина заградила уста ихъ; но они предприняли другой безумный умыселъ, составили противъ него заговоръ.

Мы же будемъ воспѣвать: *великъ Господь нашъ, и велика крѣпость Его и разумъ его неизмѣримъ!* (Псал. CXLVI, 5). Ибо

все это совершилось для того, чтобы *Агнецъ* и *Сынъ Божій*, который *взялъ на себя грѣхъ міра* (Іоан. I, 29), добровольно пострадалъ для нашего спасенія, чтобы Онъ обращенъ былъ какъ бы въ предметъ купли, и покупатели положили тридцать сребренниковъ за Того, Кто животворящею Своею кровію искупилъ міръ, и чтобы *Пасха наша Христосъ былъ закланъ за насъ* (1 Кор. V, 7), дабы тѣ, которые окропляются драгоцѣнною Его кровію, и которыхъ уста, какъ верхи дверей, запечатлѣваются ею, могли избѣгать стрѣлъ губителя, и дабы пострадавшій плотію Христосъ, по тридневномъ воскресеніи, принялъ отъ всѣхъ тварей, вмѣстѣ съ Отцемъ и Святымъ Духомъ, равночестное и равномѣрное поклоненіе. Ибо предъ Нимъ *преклонится всякое колено небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ* (Филип. II, 10), воздавая Ему славу во вѣки вѣковъ. Аминь.

IV.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ.

а) О свободѣ воли ¹⁾.

(Противъ Валентиніанъ).

Православный. По сказанію Эллиновъ, Итакійскій правитель (т. е. Одиссей), по неудержимой страсти къ пѣнію, желая послушать пѣсни Сиренъ, связаннымъ плылъ въ Сицилію и товарищамъ своимъ заткнулъ уши, не потому, чтобы завистливо хотѣлъ слушать безъ нихъ, или дѣйствительно желалъ связать себя узами, а потому, что послѣдствіемъ ихъ пѣнія была для слушателей смерть (ибо таковы Эллинскія удовольствія отъ Сиренъ); я же не буду слушателемъ такого пѣнія и не желаю слушать Сиренъ, которыя поютъ надгробную пѣснь людямъ и которыхъ молчаніе бываетъ для людей полезнѣе пѣнія; но желаю наслаждаться нѣкоторымъ Божественнымъ пѣніемъ, которое, какъ бы часто я ни слушалъ, снова желаю слушать, не покоряясь неудержимой страсти къ пѣнію, а научаясь Божественнымъ тайнамъ и въ концѣ ожидая не смерти, но вѣчнаго спасенія. Ибо эту пѣснь поютъ не смертоносныя Сирены Эллиновъ, а Божественный хоръ Пророковъ, отъ

¹⁾ Переводъ сдѣланъ съ греческаго текста, изданнаго въ *Patrol. Curs. Compl. par Migne* (указ. изд.) и дополненнаго въ изданіи Яна S. *Method. Oper.* стр. 54—64. А самый текстъ извлеченій взятъ изъ твореній Св. Іоанна Дамаскина, *Edit. Combef. p. 373* и д. Патріарха Фотія *Bibl. cod. 236. Ed. Bekk.* Леонтія Визант. *Rerum. Sacr. Lib. II. Tit. III. Edit. Migne T. LXXXVI, II. p. 2055* и другихъ.

которыхъ не слѣдуетъ ни затыкать ушей товарищей, ни самого себя связывать какими-либо узами, боясь наказанія за слушаніе; потому что, послѣ пѣнія тѣхъ, слушатель лишается жизни, а чѣмъ болѣе слушаетъ онъ этихъ, тѣмъ лучше будетъ наслаждаться жизнію, предавшись руководству Божественнаго Духа. И такъ пусть всякій приходитъ и слушаетъ Божественную пѣснь, не боясь ничего; у насъ нѣтъ Сицилійскихъ Сиренъ, нѣтъ узъ Одиссея, нѣтъ растопленнаго воска, влагаемаго въ уши людей, но полное ослабленіе узъ и свобода слушанія для каждого изъ приходящихъ. Подлинно, слѣдуетъ послушать такой пѣсни и, мнѣ кажется, надобно желать—имѣть при себѣ такихъ пѣвцовъ. Если же кто желалъ бы послушать и хора Апостоловъ, тотъ найдетъ (и у нихъ) такую же стройность пѣнія; ибо тѣ таинственно предвоспѣвали Божественное домостроительство нашего спасенія, а эти воспѣваютъ, объясняя таинственно возвѣщенное тѣми. Какая согласная гармонія, составленная Божественнымъ Духомъ! Какая прелесть поющихъ эти тайны! Вмѣстѣ съ ними и я желаю пѣть. И такъ воспоемъ и мы такую же пѣснь и вознесемъ гимнъ святому Отцу, Духомъ прославляя Іисуса, сущаго въ нѣдрѣ Его (Іоан. I, 18). Не убѣгай, человѣкъ, отъ духовнаго гимна, и не относись враждебно къ этому слушанію; оно не причиняетъ смерти; наша пѣснь есть повѣствованіе о спасеніи. Мнѣ кажется, что, бесѣдуя объ этомъ, я уже наслаждаюсь высшими благами, особенно когда предомною находится такой цвѣтистый лугъ, т. е. наше собраніе какъ слушающихъ, такъ и поющихъ вмѣстѣ Божественныя тайны. Потому я и осмѣливаюсь говорить предъ вами, что вы представляете мнѣ слухъ чистый отъ всякой зависти, не подражая зависти Каина (Быт. IV, 5), не преслѣдуя брата, подобно Исаву (Быт. XXVII, 41), не соревнуя братьямъ Іосифа, ненавидѣвшимъ его за то, что онъ говорилъ имъ (Быт. XXXVII, 4), но отстоя далеко отъ всего этого; потому каждый изъ васъ думаетъ говорить тоже, что ближній; потому и зависти нѣтъ въ васъ, старающихся восполнять недостающее у брата. О, прекрасное собраніе!

о, пиръ, достопочтенный и исполненный духовныхъ яствъ! Съ такими по истинѣ я желалъ бы всегда быть вмѣстѣ.

Валентиніанинъ. Другъ, вчера вечеромъ гуляя по морскому берегу и устремивъ пристальный взоръ на море, я увидѣлъ превосходное зрѣлище Божественной силы и искусство мудраго вѣдѣнія, если только можно назвать это искусствомъ. Подлинно, какъ говорится въ стихахъ Гомера:

„Словно два быстрые вѣтра, волнуютъ понтъ много-рыбный,

„Шумный Борей и Зефиръ, кои изъ Эракии дую

„Вдругъ налетаютъ свирѣпые, вдругъ почернѣвшія зыби

„Грозно холмятся и множество пороста хлещутъ изъ моря“ (1), такъ, кажется, и со мною было вчера. Ибо я видѣлъ волны, подобныя вершинамъ горъ и достигавшія, такъ сказать, до самаго неба, отъ которыхъ я не ожидалъ ничего другаго, какъ потопленія всей земли, такъ что мнѣ пришло на умъ мѣсто убѣжища и представлялся ковчегъ Ноя. Но того, чего я ожидалъ, не случилось. Напротивъ море тотчасъ послѣ того, какъ вздувалось, снова ниспадало въ самого себя и не переступало собственного предѣла, страшась, такъ сказать, какого-то Божественнаго повелѣнія (Иов. XXXVIII, 11). И какъ иногда какой-либо рабъ, принуждаемый господиномъ дѣлать что-нибудь противъ воли, по страху повинуется приказанію, а что испытываетъ самъ въ себѣ при нежеланіи дѣлать, о томъ не смѣетъ ничего говорить, но ворчитъ про себя, предаваясь гнѣву; такъ и море казалось мнѣ какъ бы гнѣвающимся и удерживающимъ гнѣвъ въ самомъ себѣ, обуздывающимъ самого себя и не желающимъ обнаружить своего гнѣва предъ Владыкою. Я молча началъ всматриваться во все окружающее, и хотѣлъ измѣрить умомъ и небо и окружность его; изслѣдовалъ, откуда оно начинается и гдѣ оканчивается, и какое имѣетъ движеніе,—поступательное ли, т. е. съ одного мѣста на другое, или круговое; и отъ чего оно имѣетъ постоянное движеніе. И о солнцѣ мнѣ хотѣлось знать, какимъ образомъ

1) Иліад. IX, 4—7.

оно поставлено на небѣ, каковъ кругъ его теченія, и куда оно спустя немного времени удаляется, и однако и оно не переступаетъ предѣла своего теченія, но также соблюдаетъ, такъ сказать, какую-то заповѣдь высшаго (Существа): является у насъ, когда ему позволяется, и потомъ уходитъ, какъ бы отзываемое. Изслѣдуя это, я увидѣлъ, что солнечное сіяніе прекращается и дневной свѣтъ уменьшается, и тотчасъ наступаетъ тьма и луна смѣняетъ солнце; притомъ сначала она является въ меньшемъ видѣ, а потомъ, подвигаясь впередъ въ своемъ теченіи, представляется въ большемъ видѣ. Я не переставалъ дѣлать изслѣдованія и о ней, и отыскивалъ причину ея уменьшенія и увеличенія и того, что и она соблюдаетъ извѣстный кругъ дней; отсюда, казалось мнѣ, слѣдуетъ, что есть нѣкоторое Божественное управленіе и сила высшихъ (существъ), содержащая все, которую мы справедливо могли бы назвать Богомъ. Затѣмъ я началъ прославлять Создателя, видя утвержденную землю, различныхъ животныхъ и разнообразныя виды растеній. Однако умъ мой не остановился на одномъ только этомъ, но я началъ изслѣдовать далѣе, откуда все это получаетъ бытіе, отъ тако голи чего-нибудь, что всегда существуетъ вмѣстѣ съ Богомъ, или отъ Него одного безъ существованія чего-нибудь вмѣстѣ съ Нимъ; ибо мнѣ казалось, что не совершенно неосновательно положеніе, что изъ ничего ничего не бываетъ; ибо происходящее обыкновенно происходитъ изъ существующаго. А съ другой стороны также мнѣ казалось истиннымъ положеніе, что нѣтъ ничего всегда существующаго вмѣстѣ съ Богомъ, кромѣ Его самого, а все произошло изъ Него; въ этомъ нѣкоторымъ образомъ убѣждалъ меня стройный порядокъ стихій и благоустройство природы. Думая, что такое рѣшеніе мое хорошо, я возвратился въ свой домъ. Но на слѣдующій день, т. е. сегодня, вышедши, я увидѣлъ двухъ однородныхъ существъ (т. е. людей), ссорившихся между собою и поносившихъ другъ друга; потомъ еще другаго, который хотѣлъ снять одежду съ ближняго; а нѣкоторые осмѣливались дѣлать нѣчто еще худшее; такъ одинъ ограбилъ мертвеца, и тѣло, уже скры-

тое въ землѣ, снова выставилъ на солнечный свѣтъ, и такимъ образомъ подвергъ поношенію подобный себѣ образъ, оставивъ мертваго на сѣдненіе псамъ. Другой обнажилъ мечъ и устремился на подобнаго себѣ человѣка; тотъ хотѣлъ найти спасеніе въ бѣгствѣ, а преслѣдующій не отставалъ и не хотѣлъ укротить своего гнѣва. Впрочемъ для чего много говорить? Бросившись на того, онъ тотчасъ поразилъ его мечемъ. Тотъ умолялъ ближняго и простиралъ къ нему съ мольбою руки, и готовъ былъ отдать одежду, прося только пощадить жизнь; но этотъ не укротилъ своего гнѣва, не сжалился надъ однороднымъ, не хотѣлъ видѣть въ немъ собственнаго образа, а какъ дикій звѣрь началъ терзать его мечемъ, даже и уста свои приблизилъ къ подобному себѣ тѣлу; въ такой онъ былъ ярости. И можно было видѣть, какъ одинъ терпѣлъ насиліе, а другой грабилъ и даже не покрылъ землею тѣло, съ котораго онъ снялъ одежду. Затѣмъ появился другой, который хотѣлъ обезчестить жену ближняго, окрадая чужой бракъ, и домогался войти на противозаконное ложе, намѣреваясь сдѣлать супруга не истиннымъ отцомъ. Послѣ этого я сталъ вѣрить трагедіямъ, и ужинъ *Θіеста* казался мнѣ дѣйствительно бывшимъ ¹⁾, также вѣроятными стали для меня и незаконное желаніе *Эномая* ²⁾, и нападеніе братьевъ другъ на друга съ мечами. И такъ, бывъ зрителемъ столь многихъ и такихъ дѣлъ, я сталъ изслѣдовать, отъ чего все это, какая начальная причина ихъ стремленія и кто такъ злобно вліяетъ на людей, откуда такіе у нихъ умыслы и кто учитель ихъ. Осмѣлится назвать Бога виновникомъ этого невозможно; напротивъ отъ Него это не имѣетъ ни происхожденія, ни начала бытія. Ибо какъ можно подумать это о Богѣ? Онъ благъ и виновникъ всего лучшаго, а дурного въ Немъ ничего нѣтъ; Онъ по существу своему не радуется ничему

¹⁾ *Θіесту*, сыну *Пелопса*, былъ предложенъ братомъ его *Атреемъ* ужинъ, состоявшій изъ приготовленныхъ частей тѣла собственнаго его сына, по сказанію греческихъ трагиковъ.

²⁾ *Эномай*, владѣтель *Илиды*, хотѣлъ подъ предлогомъ состязанія убить всѣхъ жениховъ своей дочери, опасаясь самъ быть убитымъ отъ своего зятя на основаніи предсказанія оракула, по сказанію греческихъ писателей.

такому и запрещаетъ быть этому; и тѣхъ, которые радуются этому, Онъ отвергаетъ, а избѣгающихъ этого одобряетъ. Не нелѣпо ли было бы называть Бога виновникомъ того, чего Онъ отвращается? Онъ не пожелалъ бы, чтобы это было, если бы Онъ Самъ былъ первымъ виновникомъ этого. Ибо Онъ хочетъ, чтобы принадлежащія Ему были подражателями Его. Посему мнѣ показалось неразумнымъ приписывать это Богу, или считать какъ бы происшедшимъ отъ Него (иначе нужно допустить, что изъ ничего можетъ произойти нѣчто), такъ чтобы Онъ же произвелъ и зло; и приведши Его изъ небытія въ бытіе, Онъ не обращалъ бы его изъ бытія въ небытіе. И еще необходимо было бы сказать, что было нѣкогда время, когда Богъ радовался злу; между тѣмъ этого нѣтъ. Посему, мнѣ кажется, невозможно сказать этого о Богѣ, потому что приписывать Ему это не свойственно существу Его. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, вмѣстѣ съ Нимъ существуетъ нѣчто такое, что называется веществомъ (ὕλη), изъ котораго Онъ создалъ все существующее, распредѣливъ и прекрасно устроивъ все съ мудрымъ искусствомъ; изъ него же мнѣ кажется происходитъ и зло. Ибо, когда оно было безкачественно и безвидно и притомъ носилось безпорядочно, нуждаясь въ искусствѣ Бога, Онъ не отвратился отъ него, не оставилъ его навсегда носиться такимъ образомъ, а сталъ устраивать и восхотѣлъ отдѣлать лучшія его части отъ худшихъ, и такимъ образомъ создалъ то, что изъ него благопотребно было создать Богу, а то, что въ немъ составляло, такъ сказать, подонки, Онъ оставилъ такъ, какъ было, какъ непотребное къ созданію и ни къ чему непригодное для Него. Изъ этого-то, мнѣ кажется, теперь и происходитъ зло у людей. Такъ думать, по моему мнѣнію, хорошо. Если же тебѣ, другъ мой, кажется, что мною сказано что-нибудь не хорошо, ты скажи, а я весьма желаю послушать объ этомъ.

Правосл. Усердіе твое, другъ, я одобряю и ревность твою къ ученію хвалю; а что ты рѣшилъ такъ относительно существующаго, какъ будто Богъ создалъ все изъ какого-то

готоваго вещества, и этого я нисколько не осуждаю. Ибо дѣйствительно существованіе зла располагало многихъ думать такимъ же образомъ. Многіе способные люди прежде насъ съ тобою весьма ревностно занимались этимъ предметомъ; и одни изъ нихъ пришли къ такимъ же мыслямъ, какъ и ты; другіе признали виновникомъ зла Бога, боясь допустить совѣчное Ему вещество; а тѣ, изъ боязни—признать Бога Творцемъ зла, рѣшились допустить совѣчное ему вещество. Но случилось, что и тѣ и другіе говорили не хорошо, такъ какъ боялись Бога несогласно съ истиннымъ знаніемъ. Иные же въ самомъ началѣ отказались отъ изслѣдованія объ этомъ предметѣ, такъ какъ подробное изслѣдованіе будто бы не имѣетъ конца. Но мнѣ дружеское отношеніе къ тебѣ не позволяетъ отказаться отъ этого изслѣдованія, особенно когда ты показываешь такое свое расположеніе не подъ вліяніемъ предубѣжденія (хотя по твоимъ разсужденіямъ кажется, что ты такъ относишься къ этому предмету), но изъ желанія, какъ ты говоришь, достигнуть познанія истины. Посему и я охотно приступаю къ изслѣдованію. Я желаю, чтобы и этотъ товарищъ былъ слушателемъ нашихъ рѣчей; кажется и онъ думаетъ объ этомъ одинаково съ тобою; посему я хочу обратить рѣчь къ вамъ обоимъ вмѣстѣ; ибо что я сказалъ бы тебѣ при такомъ твоемъ настроеніи, тоже сказалъ бы и ему одинаковымъ образомъ. Итакъ, если тебѣ покажется, что я дѣйствительно говорю благоразумно о высшемъ (Существѣ), то ты отвѣчай мнѣ на каждый вопросъ, который я предложу; ибо отсюда произойдетъ то, что и ты будешь поучаться истинѣ и я не напрасно буду говорить тебѣ.

Вал. Я охотно буду дѣлать то, что ты сказалъ; спрашивай меня, сколько угодно, обо всемъ, чѣмъ ты можешь, по твоему мнѣнію, научить меня познанію о высшемъ; ибо мнѣ желательно не одержать дурную побѣду, а узнать истину. Итакъ начинай рѣчь.

Правосл. Что невозможно существовать двумъ несо-твореннымъ вмѣстѣ, это, я думаю, не безъизвѣстно и тебѣ, хотя ты, кажется, предварительно предположилъ это въ

своей рѣчи. При этомъ необходимо должно сказать одно изъ двухъ, или то, что Богъ отдѣленъ отъ вещества, или наоборотъ, что Онъ не отдѣленъ отъ него. Если же кто захочетъ утверждать, что они соединены, то онъ признаетъ одно несотворенное (ибо каждое изъ нихъ будетъ частию другаго); а будучи частями другъ друга, они уже не будутъ двумя, но однимъ, состоящимъ изъ различныхъ (частей). Человѣкъ, состоящаго изъ различныхъ членовъ, мы не раздѣляемъ на нѣсколько сотворенныхъ, но, какъ требуетъ разумъ, говоримъ, что Богъ создалъ человѣка, какъ нѣчто одно сотворенное, состоящее изъ многихъ частей. Такъ необходимо сказать и то, что, если Богъ не отдѣленъ отъ вещества, то они суть одно несотворенное. Если же кто-нибудь скажетъ, что Онъ отдѣленъ, то необходимо, чтобы существовало нѣчто среднее между ними обоими, что доказывало бы ихъ раздѣленіе. Ибо невозможно представлять что-нибудь отдѣленнымъ отъ чего-нибудь безъ существованія еще иного, отъ котораго происходитъ раздѣленіе того и другаго. Сказанное относится не къ одному только этому, но и къ весьма многому другому. Доказательство, которое мы высказали касательно двухъ несотворенныхъ, необходимо простираетъ такимъ же образомъ, если бы предложено было три несотворенныхъ; и о нихъ я могъ бы спросить, отдѣлены ли они другъ отъ друга, или наоборотъ, каждое соединено съ другимъ. И если кто захочетъ сказать, что они соединены, то услышитъ доказательство, одинаковое съ прежнимъ; а если наоборотъ (скажетъ), что они раздѣлены, то не избѣгнетъ необходимаго существованія чего-нибудь раздѣляющаго. Если же кто предложитъ еще третье мнѣніе, будто бы приложимое къ несотвореннымъ, т. е. что Богъ ни отдѣленъ отъ вещества, ни соединены они какъ части, но Богъ пребываетъ въ веществѣ, какъ въ какомъ-либо мѣстѣ, а вещество пребываетъ въ Богѣ, тотъ пусть знаетъ, что если мы назовемъ вещество мѣстомъ Бога, то по необходимости должно признать Его вмѣстимымъ и ограниченнымъ отъ вещества. Также необходимо допустить, что Онъ не имѣетъ постояннаго пребыванія и самостоятельности, такъ какъ вещество,

въ которомъ Онъ существуетъ, носится туда и сюда. Кромѣ того необходимо было бы сказать, что Богъ находился въ худшемъ состояніи. Ибо, если вещество было нѣкогда не устроено, а Богъ устроилъ его, рѣшившись привести его въ лучшее состояніе, то было нѣкогда время, когда Богъ существовалъ въ неустроенномъ. Справедливо также я могъ бы спросить, наполнялъ ли Богъ вещество, или находился въ нѣкоторой части вещества? И если бы кто захотѣлъ сказать, что Богъ находился въ нѣкоторой части вещества, то призналъ бы, что Онъ гораздо меньше вещества, такъ какъ часть его вмѣщала въ себѣ цѣлаго Бога; а если бы сказалъ, что Онъ былъ во всемъ и простирался въ цѣломъ веществѣ, то пусть объяснитъ, какимъ образомъ Богъ устроилъ его. Необходимо допустить нѣкоторое отступленіе Бога для того, чтобы Онъ устроилъ то, отъ чего отступилъ; иначе Онъ вмѣстѣ съ веществомъ устроилъ бы и самого себя, не имѣя мѣста для отступленія. Если наоборотъ кто-нибудь скажетъ, что вещество пребываетъ въ Богѣ, то надобно подобнымъ же образомъ спросить: такъ ли, что при этомъ Онъ раздѣляется самъ въ себѣ, какъ разные роды существъ находятся въ воздухѣ, который раздѣляется и раздробляется для принятія заключающагося въ немъ, или какъ бы въ опредѣленномъ мѣстѣ, т. е. какъ вода въ землѣ? Если мы скажемъ: какъ въ воздухѣ, то необходимо признать Бога дѣлимымъ; если же (скажемъ): какъ вода въ землѣ,—а вещество было безпорядочно и не устроено и притомъ заключало въ себѣ и зло, — то необходимо признать Бога вмѣстилищемъ неустроеннаго и злаго. А это, мнѣ кажется, не только не основательно, но и опасно. Ибо ты хочешь допустить существованіе вещества для того, чтобы не признать Бога виновникомъ зла, и между тѣмъ, намѣреваясь избѣжать этого, говоришь, что Онъ есть вмѣстилище зла. Итакъ, если ты, предполагая вещество внѣ созданныхъ существъ, говорилъ, что оно не сотворено, то и я могъ бы сказать о немъ многое въ доказательство того, что оно не можетъ быть несозданнымъ; но такъ какъ по твоимъ словамъ причиною такого предположенія слу-

жить происхожденіе зла, то, мнѣ кажется, къ изслѣдованію этого и надобно приступить. Ибо, когда объяснится, какимъ образомъ произошло зло, и что не слѣдуетъ признавать Бога виновникомъ зла, то такое предположеніе, внушаемое допущеніемъ при Немъ вещества, кажется, уничтожится; потому что, если Богъ создалъ несуществовавшія качества, то также (могъ создать) и предметы. Итакъ ты говоришь, что вмѣстѣ съ Богомъ существовало безкачественное вещество, изъ котораго Онъ сотворилъ міръ?

Вал. Мнѣ кажется, такъ.

Правосл. Если же вещество было безкачественно, и міръ сотворенъ Богомъ, а въ мірѣ есть качества, то Богъ сталъ Творцемъ этихъ качествъ?

Вал. Да.

Правосл. Такъ какъ я слышалъ, что ты прежде говорилъ, будто изъ ничего не можетъ произойти что-нибудь, то отвѣтъ мнѣ на мой вопросъ: какъ тебѣ кажется, эти качества міра произошли не изъ прежде существовавшихъ качествъ?

Вал. Кажется.

Правосл. Они суть нѣчто другое, нежели самые предметы?

Вал. Да.

Правосл. Итакъ, если Богъ сотворилъ качества не изъ преждесуществовавшихъ качествъ, и если они получили бытіе не изъ предметовъ, потому что они не суть самые предметы, то необходимо признать, что они сотворены Богомъ изъ ничего. Посему, мнѣ кажется, ты напрасно утверждаешь, будто невозможно думать, что Богъ сотворилъ нѣчто изъ ничего. Таково и пусть будетъ рѣшеніе касательно этого. И между нами мы видимъ людей, которые дѣлаютъ нѣчто изъ ничего, хотя и кажется, что они дѣлаютъ изъ чего-нибудь. Такъ возьмемъ въ примѣръ строителей: они строятъ города не изъ городовъ и храмы не изъ храмовъ. Если ты думаешь, что они дѣлаютъ это не изъ ничего, такъ какъ основаніемъ для нихъ служатъ предметы, то ты ошибаешься. Ибо не предметъ строить городъ, или храмы, а искусство, прилагаемое къ предмету, которое не происходитъ отъ ка-

кого-нибудь готоваго искусства въ самыхъ предметахъ, а происходитъ отъ искусства, котораго нѣтъ въ нихъ. Но ты, кажется, можешь возразить на мое доказательство такъ, что художникъ создаетъ посредствомъ искусства, которое заключается въ предметѣ; а я лучше отвѣчу на это, что оно является въ человѣкѣ не изъ какого-нибудь готоваго искусства; ибо невозможно, чтобы предметъ самъ по себѣ давалъ искусство; такъ какъ оно есть одно изъ свойствъ и притомъ такихъ, которыя получаютъ бытіе тогда, когда они являются въ какомъ-нибудь предметѣ. Человѣкъ можетъ быть и безъ строительнаго искусства, а оно не можетъ быть, если прежде не будетъ человѣка. Посему необходимо признать, что искусства по природѣ своей таковы, что они являются у людей изъ ничего. Если же мы доказали, что такъ бываетъ у людей, то почему не свойственно Богу имѣть силу создавать изъ ничего не только качества, но и предметы? Если оказалось возможнымъ происходить чему-нибудь изъ ничего, то ясно, что и съ предметами бываетъ также. Впрочемъ, если ты желаешь знать о происхожденіи зла, то я обращаю рѣчь къ этому, и кратко хочу спросить тебя: какъ тебѣ кажется, зло есть ли предметъ, или качество предмета?

Вал. Мнѣ кажется, хорошо будетъ сказать, что качество.

Правосл. А вещество было безкачественнымъ и безвиднымъ?

Вал. Такъ я прежде говорилъ въ своей рѣчи.

Правосл. Итакъ, если зло есть качество предмета, а вещество было безкачественно, качества же Творецъ по твоимъ словамъ есть Богъ, то Богъ будетъ Творцемъ и зла. Если же и такимъ образомъ невозможно не признать Бога виновникомъ зла, то, мнѣ кажется, напрасно и присоединять къ Нему вещество. Впрочемъ, если ты имѣешь что сказать на это, то скажи; если бы наше изслѣдованіе было по страсти къ словопренію, то я не просилъ бы тебя во второй разъ сдѣлать опредѣленіе зла; но такъ какъ мы болѣе по дружбѣ и желанію пользы ближнему ведемъ сло-

весное изслѣдованіе, то прошу сдѣлать одолженіе снова опредѣлить это.

Валент. Кажется, тебѣ весьма извѣстно мое намѣреніе и стараніе; я хочу не побѣдить, утверждая ложь, но показать истину послѣ тщательнаго изслѣдованія, и о тебѣ я точно знаю, что ты такого же расположенія; посему какимъ способомъ ты надѣешься отыскать истину, такой и употреби, нисколько не стѣсняясь; ибо, употребивъ наилучшій, ты принесешь пользу не только себѣ самому, но конечно и мнѣ касательно того, чего я не знаю.

Прав. Ты, кажется мнѣ, ясно выражаешь, что и зло есть нѣкоторый предметъ; ибо я не вижу его существующимъ внѣ предметовъ; итакъ, другъ, если по твоимъ словамъ и зло есть предметъ, то необходимо изслѣдовать понятіе о самомъ предметѣ (ὄντις). Какъ тебѣ кажется, не есть ли предметъ какой-нибудь тѣлесный составъ?

Вал. Кажется.

Прав. А самый тѣлесный составъ отъ себя ли самого существуетъ, не нуждаясь въ чемъ-либо, отъ чего онъ получаетъ бытіе?

Вал. Да.

Прав. А какъ тебѣ кажется, не есть ли зло дѣйствіе чего-нибудь?

Вал. Такъ мнѣ кажется.

Прав. А дѣйствія не тогда ли получаютъ бытіе, когда есть дѣйствующій?

Вал. Да.

Прав. А когда нѣтъ дѣйствующаго, то не будетъ и того, что онъ дѣлаетъ?

Вал. Не будетъ.

Прав. Итакъ, если предметъ есть нѣкоторый тѣлесный составъ, а этотъ не нуждается въ чемъ-либо, въ чемъ онъ находясь получалъ бы свое бытіе, зло же есть дѣйствіе чего-нибудь, а дѣйствія нуждаются въ чемъ-либо, въ чемъ они находясь получаютъ свое бытіе, то зло не будетъ предметомъ; такъ, если зло есть предметъ, а убійство есть зло, то убійство будетъ предметомъ; между тѣмъ убійство

есть дѣйствіе кого-нибудь, слѣдов. убійство не есть предметъ; если ты захочешь сказать, что дѣйствующее есть предметъ, то я согласенъ съ тобою; напр. челоуѣкоубійца, поколику онъ есть челоуѣкъ, есть предметъ, а убійство, которое онъ дѣлаетъ, не есть предметъ, а дѣйствіе предмета; и челоуѣка мы называемъ то злымъ за убійство, то напротивъ добрымъ за благодѣянія. Слѣдовательно эти названія приписываются предмету отъ случайныхъ принадлежностей его, которыя не есть онъ самъ; ибо предметъ не есть ни убійство, ни прелюбодѣяніе, ни какое-нибудь изъ подобныхъ золъ; но какъ грамматикъ называется такъ, отъ грамматики и риторъ отъ риторики и врачъ отъ врачеванія, тогда какъ самый этотъ предметъ не есть ни врачеваніе, ни риторика, ни грамматика, но отъ случайныхъ принадлежностей своихъ получаетъ названіе, по которымъ онъ такъ называется, не будучи ни которымъ изъ нихъ, такъ и отъ зла, мнѣ кажется, предметъ получаетъ названіе, не будучи самъ зломъ. Подобнымъ образомъ разсуждай, представляя въ умѣ и другаго кого-нибудь, служащаго причиною золъ для людей, что и онъ, поколику дѣйствуетъ и содѣйствуетъ имъ дѣлать зло, и самъ становится злымъ отъ дѣлъ своихъ; ибо потому и онъ называется злымъ, что онъ есть совершитель золъ; а то, что онъ совершаетъ, не есть онъ самъ, но это — дѣйствія его, отъ которыхъ онъ получаетъ названіе злаго. Ибо, если бы мы сказали, что самъ онъ есть то, что онъ совершаетъ, а онъ совершаетъ убійства и прелюбодѣянія и тому подобное, то онъ самъ и былъ бы этимъ. Если же онъ самъ есть это, а это имѣетъ бытіе тогда, когда совершается, когда же не совершается, то перестаетъ быть; между тѣмъ это происходитъ отъ людей; слѣдовательно люди суть совершители этого и виновники бытія и небытія всего этого. Это, какъ ты сказалъ, суть дѣйствія челоуѣка, по которымъ онъ дѣлается злымъ, а не по которымъ онъ становится предметомъ; и злымъ, какъ мы сказали, называется предметъ отъ принадлежностей своихъ, которыя не суть самый предметъ, какъ врачъ не отъ врачеванія; если же каждый бываетъ злымъ вслѣд-

ствіе того, что онъ совершаетъ, а совершаемое имъ получаетъ начало бытія, то и онъ началъ быть злымъ, и самое зло получило начало бытія. Если же такъ, то ни злой не существуетъ такимъ безначально, ни зло не есть что-нибудь несотворенное, потому что, какъ сказано, оно отъ него произошло.

Вален. другой ¹⁾. Мнѣ кажется, другъ, что ты достаточно разсуждалъ съ другимъ. Изъ того, что онъ предварительно допустилъ въ рѣчи, кажется, ты хорошо вывелъ заключенія. Дѣйствительно, если вещество было безкачественно, а Богъ есть Творецъ качествъ, качества же суть зло, то Богъ будетъ Творцемъ зла. Объ этомъ сказано хорошо. Но мнѣ кажется ложнымъ называть вещество безкачественнымъ; ибо ни о какомъ предметѣ нельзя сказать, что онъ безкачественъ. Напротивъ, тѣмъ самымъ, что называешь его безкачественнымъ, ты утверждаешь, что у него есть качественность, опредѣляя, каково это вещество, что и составляетъ видъ качества. Посему, если тебѣ угодно, начни свою рѣчь снова; ибо мнѣ кажется, что вещество безначально имѣетъ качества. Такимъ образомъ и зло, по моему мнѣнію, изъ него проистекаетъ, такъ что Богъ не есть виновникъ золъ, но всѣхъ ихъ виновникъ — вещество.

Прав. Усердіе твое, другъ, я одобряю и тщательность твою въ словахъ хвалю; ибо каждому изъ желающихъ научиться по истинѣ слѣдуетъ не просто и какъ случится относиться къ словамъ, но тщательно обдумывать рѣчь. Иначе, если изслѣдующій неточнымъ опредѣленіемъ понятій подастъ поводъ собесѣднику выводить заключенія, какія онъ хочетъ, то это не убѣдитъ слушателя, но что ему покажется возможнымъ признать хорошимъ, то онъ и признаетъ; а изъ этого произойдетъ одно изъ двухъ: или слушающій совершенно легкомысленно склонится къ тому, что ему кажется, или будетъ обличать собесѣдника, какъ ска-

¹⁾ Съ этого мѣста разговора до конца въ изданіи Яна поставлено вмѣсто *Валентиніанина* слово *ἑταῖρος* — товарищъ, о которомъ сказано выше, такъ что весь разговоръ представляется происходящимъ между православнымъ и двумя послѣдователями Валентина.

завшаго неправду. Ты, мнѣ кажется, неправильно сказалъ, что вещество безначально имѣло качества; ибо, если бы это было такъ, то чего же Богъ былъ бы Творцемъ? Если скажешь: предмета, то мы уже допустили, что онъ существовалъ прежде; если же качествъ, то теперь говоримъ, что и они существовали. И такъ, если существовали и предметъ и качества, то мнѣ кажется, напрасно называть Бога Творцемъ. Но отвѣтъ мнѣ на слѣдующій вопросъ: въ какомъ смыслѣ ты называешь Бога Творцемъ? — въ томъ ли, что Онъ обратилъ тѣ предметы, которые прежде существовали, въ небытіе, или въ томъ, что предметы Онъ сохранилъ, а измѣнилъ ихъ качества?

Вал. друг. Мнѣ кажется, что съ предметами измѣненія не произошло, а только съ качествами, по отношенію къ которымъ мы и называемъ Бога Творцемъ. Подобно тому, какъ если бы кто сказалъ, что домъ построенъ изъ камней, то отсюда нельзя было бы заключать, что камни, называясь домомъ, по своей сущности не остались камнями; ибо, я думаю, они стали домомъ по качеству ихъ сложенія. Такъ и Богъ, мнѣ кажется, произвелъ въ предметѣ, который между тѣмъ остался предметомъ, нѣкоторое измѣненіе, по которому я и говорю, что міръ получилъ бытіе отъ Бога.

Правосл. Если же, какъ ты говоришь, Богъ произвелъ нѣкоторое измѣненіе качествъ, то я намѣреваюсь кратко спросить тебя, а ты отвѣчай мнѣ о слѣдующемъ: скажи, какъ тебѣ кажется, есть ли зло качество предмета?

Валент. друг. Кажется.

Прав. Всегда ли это качество было въ веществѣ, или оно получило начало бытія?

Валент. друг. Я утверждаю, что это качество безначально было присуще веществу.

Прав. Но не говоришь ли ты, что Богъ произвелъ нѣкоторое измѣненіе качествъ?

Вал. друг. Я говорю это.

Прав. Къ лучшему или къ худшему?

Вал. друг. Мнѣ кажется, нужно сказать, что къ лучшему.

Прав. Итакъ, если зло есть качество вещества, а Богъ измѣнилъ качества его къ лучшему, то необходимо спросить: откуда же зло? Качества не остались такими, какими они были по своей природѣ; если же эти качества прежде не были злыми по своей природѣ, а только отъ измѣненія Богомъ качества, вещества сдѣлались такими, какъ ты говоришь, то Богъ будетъ виновникомъ зла, измѣнивъ качества, небывшія прежде злыми, въ злыя; или ты думаешь, что злыя качества Богъ не измѣнилъ къ лучшему, а только остальные, которыя были безразличными, измѣнены Богомъ для благоустроенія міра?

Вал. друл. Я давно такъ думалъ.

Прав. Почему же ты говоришь, что Онъ оставилъ злыя качества такъ, какъ они были? Могъ ли Онъ уничтожить ихъ, или не могъ, хотя и желалъ? Если скажешь, что могъ, но не желалъ, то Онъ самъ виновникъ ихъ; потому что могъ сдѣлать, чтобы не было зла, и однако допустилъ ему остаться такъ, какъ было, и особенно когда Онъ сталъ устроить вещество. Если бы Онъ совершенно не имѣлъ никакихъ намѣреній относительно вещества, то не былъ бы виновникомъ того, чему допустилъ остаться; но такъ какъ нѣкоторую часть вещества Онъ устрояетъ, а нѣкоторую часть предоставляет самой себѣ, хотя могъ и ее измѣнить къ лучшему, то Онъ, оставивъ часть вещества злѣ, мнѣ кажется, есть виновникъ зла. Такимъ образомъ Онъ устроилъ съ ущербомъ для одной части; или лучше, чрезъ это Онъ, мнѣ кажется, допустилъ несправедливость по отношенію и къ той части вещества, которую Онъ устроилъ, такъ какъ она стала получать вліяніе отъ зла. Ибо, прежде нежели она была устроена, ей не было присуще ощущеніе зла, а теперь каждая изъ частей вещества ощущаетъ зло. Возьмемъ примѣръ съ человѣка: прежде, нежели было сотворено это живое существо, оно не чувствовало зла; но съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ созданъ отъ Бога по подобію (Его), онъ получаетъ и ощущеніе приближающагося зла. Такимъ образомъ и то, что по твоимъ словамъ произошло отъ Бога ко благу вещества, оказывается пришедшимъ

болѣе ко вреду его.—Если же ты скажешь, что Богъ потому не прекратилъ зла, что не могъ уничтожить его, то скажешь, что Богъ немогущъ; а немогущество бываетъ или отъ природной слабости, или отъ того, что порабощенный поражается страхомъ предъ кѣмъ-нибудь высшимъ. Когда же ты осмѣлишься сказать, что Богъ слабъ по природѣ, то ты, мнѣ кажется, подвергаешь опасности самое спасеніе; а если отъ пораженія страхомъ предъ высшимъ, то зло будетъ выше Бога, какъ преодолевающее желанія Его воли, что сказать о Богѣ, кажется мнѣ, нелѣпо; иначе почему лучше не быть Богомъ тому, что по твоимъ словамъ можетъ преодолевать Бога, если мы называемъ Богомъ то, что имѣетъ власть надъ всѣмъ?—Впрочемъ, я хочу спросить тебя кратко и о самомъ веществѣ; скажи мнѣ, простое это вещество или сложное? Ибо разнообразіе существующаго приводитъ меня къ изслѣдованію объ этомъ предметѣ. Если вещество было простое и однообразное, а міръ сложенъ и состоитъ изъ различныхъ сущностей и смѣсей, то нельзя говорить, что онъ произошелъ изъ вещества, потому что сложное не можетъ составиться изъ одного безкачественнаго; сложное указываетъ на смѣшеніе нѣсколькихъ простыхъ. Если же наоборотъ, ты назовешь вещество сложнымъ, то конечно скажешь, что оно сложено изъ нѣсколькихъ простыхъ; а если оно сложено изъ простыхъ, то были нѣкогда простыя сами по себѣ, отъ сложенія которыхъ произошло вещество, изъ чего оно и называется сотвореннымъ. Ибо если вещество сложно, а сложное составляется изъ простыхъ, то было нѣкогда время, когда вещества не было, а между тѣмъ никогда не было времени, когда бы не существовало несотворенное, слѣдов. вещество не есть нѣчто несотворенное; иначе отсюда слѣдовало бы, что есть много несотворенныхъ. Если былъ Богъ несотворенный, и были несотворенныя простыя, изъ которыхъ сложилось вещество, то несотворенныхъ будетъ не два только. Я не буду изслѣдовать, что такое эти простыя, вещество или форма? Ибо и отсюда можно было бы вывести много нелѣпыхъ заключеній. Но какъ тебѣ кажется,

точно ли ничто изъ существующаго не противоположно самому себѣ?

Вал. др. Кажется.

Прав. Но огню противоположна вода?

Вал. др. Мнѣ кажется противоположна.

Прав. Равнымъ образомъ и свѣту—тьма, и холодному—теплое, также и сухому—влажное?

Вал. др. Мнѣ кажется, такъ.

Прав. Итакъ, если ничто изъ существующаго не противоположно самому себѣ, то они не будутъ ни однимъ веществомъ, ни происходить изъ одного вещества. Еще я хочу спросить тебя о подобномъ этому; какъ тебѣ кажется, части (одного цѣлаго) не уничтожаютъ другъ друга?

Вал. др. Кажется.

Прав. А огонь, и вода и прочее суть ли части вещества?

Вал. др. Да.

Прав. А что, какъ тебѣ кажется, вода не уничтожаетъ ли огонь и свѣтъ—тьму, и прочее, тому подобное?

Вал. др. Кажется.

Прав. Итакъ, если части (одного цѣлаго) не уничтожаютъ другъ друга, а части вещества уничтожаютъ другъ друга, то онѣ не будутъ частями другъ друга. Если же онѣ не части другъ друга, то онѣ не будутъ принадлежать одному веществу. Даже онѣ не будутъ веществомъ; потому что ничто изъ существующаго не уничтожаетъ самого себя по понятію о противоположномъ; ибо ничто не противоположно самому себѣ; противоположное же обыкновенно противоплагается другому; напр. бѣлое не противоположно самому себѣ, но оно называется противоположнымъ черному; также и свѣтъ не оказывается противоположнымъ самому себѣ, но относится такъ къ тьмѣ, и многое другое подобное. Итакъ, если бы было какое-нибудь одно вещество, то оно не было бы противоположно самому себѣ; а такъ какъ противоположные предметы существуютъ, то оказывается, что вещества нѣтъ.—Впрочемъ о веществѣ довольно. Нужно приступить къ изслѣдованію о злѣ и необходимо разсмотрѣть его между людьми. Зло между людьми—виды этого

зла или части? Если виды, то кромѣ ихъ не будетъ другаго зла самого въ себѣ, потому что роды являются и существуютъ въ видахъ. Если же такъ, то зло будетъ сотвореннымъ; ибо виды (его) оказываются творимыми, напр. убійство и прелюбодѣяніе и тому подобное. Если же ты захочешь считать ихъ за части какого-то зла, а эти части сотворены, то по необходимости и оно сотворено; ибо то, чего части сотворены, по необходимости также сотворено, такъ какъ цѣлое состоитъ изъ частей. Не будетъ и цѣлаго, если нѣтъ частей; а изъ частей нѣкоторыя могутъ быть, хотя бы цѣлаго и не было. Но нѣтъ ничего изъ существующаго, чего одна часть была бы сотворена, а другая не сотворена. Если бы я допустилъ и это въ своей рѣчи, то значило бы, что было нѣкогда зло, когда оно еще не было цѣлымъ, т. е., прежде нежели Богъ создалъ вещество. Цѣлымъ же оно становится тогда, когда сотворенъ Богомъ человѣкъ; ибо человѣкъ есть виновникъ частей зла. А отсюда Богъ, сотворившій (человѣка), будетъ виновникомъ того, что стало существовать цѣлое зло; а это нечестиво.—Если же ты скажешь, что зло не есть ни то, ни другое, а назовешь такъ совершеніе чего нибудь злаго, то этимъ покажешь, что оно есть нѣчто сотворенное: ибо совершеніе чего-нибудь имѣетъ начало бытія. Притомъ ты не можешь указать никакого другаго зла, кромѣ этого. Какое другое злое дѣйствіе помимо совершающагося между людьми ты можешь указать? А что совершающій (зло) не есть самъ зло по своей сущности, но (бываетъ злымъ) вслѣдствіе самаго совершенія зла, это уже доказано. Ничто не есть зло по природѣ, но злое становится злымъ по употребленію.

Что люди сотворены злыми отъ Бога, этого, мнѣ кажется, сказать нельзя; но я говорю, что первый человѣкъ сотворенъ самовластнымъ, т. е. свободнымъ, отъ чего и преемники рода наслѣдовали такую же свободу. Итакъ, я утверждаю, что человѣкъ сотворенъ свободнымъ, а не хочу (назвать) его рабствующимъ; это, по моему мнѣнію, есть самое лучшее, что даровано ему отъ Бога. Ибо всѣ прочія

(твари) по необходимости повинуются Божественному повелѣнію, и ни которая изъ нихъ не можетъ дѣлать чего-нибудь другаго, кромѣ того, для чего она сотворена; по сему мы и не восхваляемъ ихъ, повинующихся Господу такимъ образомъ, и нѣтъ для нихъ никакой высшей надежды, потому что онѣ невольно исполняютъ повелѣнное; а человѣкъ хочетъ убѣждаться умомъ; ибо человѣкъ получилъ власть, безъ принужденія необходимостію природы и безъ насилія, подчиняться тому, что для него лучше; для этого, по моему мнѣнію, онъ и одаренъ (такою властію), т. е., чтобы онъ могъ получить нѣчто больше того, чѣмъ владѣтъ, что прибавляется ему за послушаніе отъ высшаго (Существа) и что требуется какъ долгъ отъ Создателя. Ибо человѣкъ, говорю я, сотворенъ не для гибели, а для лучшаго. Если бы онъ былъ сотворенъ подобно какой-нибудь изъ стихій, или тварей такимъ же образомъ служащихъ Богу, то онъ не получалъ бы награды достойной хотѣнія, но былъ бы какъ орудіемъ Создателя, и не основательно было бы укорять его за дурныя дѣла его; потому что виновникомъ ихъ былъ бы пользующійся имъ (какъ орудіемъ). Даже человѣкъ и не зналъ бы лучшаго, не зная Виновника, а только то, для чего онъ существовалъ бы по природѣ. Итакъ, по моему мнѣнію, Богъ далъ человѣку способность дѣлать то, что онъ хочетъ, вознамѣрившись почитать его такимъ образомъ и сдѣлать знающимъ лучшее, и склоняетъ его способность къ лучшему, также не отнимая свободы, но желая указать лучшее. Ибо эта возможность остается при немъ, и заповѣдь онъ получаетъ; а Богъ (только) увѣщаетъ обратить свободную способность къ лучшему. Какъ отецъ увѣщаетъ сына, имѣющаго свободную способность учиться наукамъ, еще болѣе заниматься науками, чѣмъ указываетъ на это лучшее, а не отнимаетъ у сына свободной способности, хотя бы онъ неохотно хотѣлъ учиться; такъ, мнѣ кажется, и Богъ, побуждая человѣка повиноваться повелѣніямъ, не отнимаетъ у него власти свободной способности, по которой онъ можетъ и не слушаться этихъ повелѣній. И причина такого побужденія по-

казываетъ, что Онъ не отнимаетъ этой власти. Онъ даетъ повелѣнія для того, чтобы человѣкъ могъ наслаждаться лучшимъ; ибо это слѣдуетъ за повиновеніемъ повелѣнію Божію. Такимъ образомъ Онъ благоволяетъ давать повелѣнія не для того, чтобы отнять власть, которую самъ далъ, но чтобы доставить лучшее (человѣку), какъ достойному получить большее за послушаніе Богу, тогда какъ онъ имѣлъ власть и не послушаться. Я утверждаю, что человѣкъ сотворенъ самовластнымъ, не такъ, какъ будто бы напередъ существовало какое-то зло, которое избирать человѣкъ получилъ власть, если захочетъ, но (получилъ) только одну способность, служащую причиною послушанія Богу или непослушанія. Ибо въ этомъ состояла свобода воли. Между тѣмъ сотворенный человѣкъ получаетъ отъ Бога заповѣдь; и отсюда уже начинается зло; ибо онъ не повинуется Божественному повелѣнію; и только это и есть зло,—преслушаніе, которое тогда получило бытіе. Слѣдовательно никто не можетъ назвать его несотвореннымъ, когда совершившій его сотворенъ. Но конечно ты спросишь: откуда же это преслушаніе? Объ этомъ ясно изложено въ Божественномъ Писаніи. Посему я и не утверждаю, что человѣкъ такимъ сотворенъ отъ Бога, но говорю, что онъ подвергся этому по нѣкоторому наущенію. Ибо человѣкъ не получилъ такой природы; иначе, если бы онъ былъ такимъ, этого не случилось бы съ нимъ по наущенію, потому что такова была бы его природа. А нѣкто Божественнымъ голосомъ говоритъ, что человѣкъ *научился* злу (Іерем. XIII, 23). Итакъ, я говорю, что онъ научился не повиноваться Богу. Только это и есть зло, что бываетъ противъ воли Божіей; а человѣкъ научается злу не самъ по себѣ. Научающій злу есть драконъ...

Итакъ я сказалъ, что начало зла есть зависть; а зависть отъ того, что человѣкъ удостоился отъ Бога высшей чести; зло же есть преслушаніе заповѣди Божіей.

б) О Воскресеніи.

(Противъ Оригена) ¹⁾.

ГЛАВА I.

Основываясь на этомъ ²⁾ болѣе простые изъ увѣровавшихъ думаютъ, (говоритъ Оригенъ), что нечестивые не получаютъ воскресенія, между тѣмъ не высказываютъ ясно, что они разумѣютъ подъ воскресеніемъ и какой воображаютъ судъ. А если повидимому и выражаютъ свои мысли объ этомъ, то изблечить ихъ изслѣдованіе, такъ какъ они не могутъ усвоить этого въ послѣдовательномъ порядкѣ. Если мы спрашиваемъ ихъ, что воскреснетъ; они отвѣчаютъ: тѣла, которыми мы теперь облечены. Потомъ — если мы спросимъ ихъ еще; въ полномъ ли существѣ воскреснутъ, или нѣтъ, — они, не изслѣдовавъ, говорятъ: въ полномъ. А когда мы, примѣняясь къ ихъ простотѣ, выразимъ недоумѣніе: ужели вмѣстѣ съ тѣломъ воскреснетъ и кровь, истекшая при разсѣченіи жилъ, и мясистыя части, и волосы, когда-нибудь бывшіе у насъ, или тѣ одни, которые выпали при кончинѣ, — они ссылаются на то, что Богъ можетъ дѣлать, что хочетъ. А болѣе рѣшительные изъ нихъ, чтобы избѣжать необходимости составлять въ умѣ соображенія о той самой крови, которой много разъ случалось выдѣляться изъ нашихъ тѣлъ, говорятъ, что воскреснетъ наше тѣло такимъ, какимъ было при концѣ жизни. Противъ этого мы высказывали сомнѣніе по той причинѣ, что естество измѣнчиво, что какъ въ наше тѣло поступаютъ снѣди и измѣняютъ свой видъ, такъ и наши тѣла измѣняются, и въ плотоядныхъ птицахъ и звѣряхъ становятся частями ихъ тѣлъ; эти опять измѣ-

¹⁾ Слѣдующія 51 глава сохранились у св. Епифанія Кипрскаго (Haeres. LXIV), который говоритъ, что онъ извлекъ это буквально изъ слова Меодія о воскресеніи.

²⁾ Т. е. на словахъ Псалма 1: „не воскреснутъ нечестивіи на судъ“. Извлеченіе начинается сокращеннымъ изложеніемъ мнѣній Оригеновыхъ.

няются, будучи съѣдаемы людьми, или другими животными, и становятся тѣлами людей или другихъ животныхъ. И такъ какъ это повторяется многократно, то необходимо допустить, что одно и тоже тѣло много разъ бываетъ частію многихъ людей. Чѣмъ же тѣломъ оно будетъ при воскресеніи? Такимъ образомъ намъ придется впасть въ бездну безразсуднаго пустословія.

ГЛАВА II.

И послѣ всѣхъ этихъ недоумѣній, они ¹⁾ обращаются къ тому, что для Бога все возможно, и приводятъ изреченія Священнаго Писанія, которыя, по ближайшему своему смыслу, могутъ подтверждать ихъ мнѣніе. Таково мѣсто изъ пророка Іезекииля: *была на мнѣ рука Господа и Господь вывелъ меня духомъ, и поставилъ меня среди поля, и оно было полно костей (человѣческихъ), и обвелъ меня кругомъ около нихъ, и вотъ весьма много ихъ на поверхности поля, и вотъ онъ весьма сухи. И сказалъ мнѣ: сынъ человѣческій! оживутъ ли кости сіи? Я сказалъ: Господи Боже! Ты знаешь это. И сказалъ мнѣ: изреки пророчество на кости сіи, и скажи имъ: „кости сухія! слушайте слово Господне!“ Такъ говоритъ Господь Богъ костямъ симъ: вотъ Я введу духъ въ васъ и оживете, и обложу васъ жилами, и выращу на васъ плоть; и покрою васъ кожею, и введу въ васъ духъ (мой) и оживете и помѣщу васъ на землѣ вашей, и узнаете, что Я Господь (Іезек. XXXVII, 1). Этимъ изреченіемъ пользуются они, какъ наиболѣе убѣдительнымъ. Приводятъ и другія изреченія, Евангельскія, на примѣръ: *тамъ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ* (Мат. VIII, 12); и еще: *а бойтесь болѣе того, кто можетъ и душу и тѣло погубить въ гееннѣ* (Мат. X, 28); и изъ посланій Павла: *оживитъ и ваши смертныя тѣла Духомъ своимъ, живущимъ въ васъ* (Рим. VIII, 11).*

ГЛАВА III.

Всякій любящій истину долженъ, остановившись на этомъ мыслію, подвизаться за истину воскресенія, сохранить

¹⁾ Т. е. простые изъ увѣровавшихъ, о которыхъ сказано выше.

преданіе древнихъ и предостеречься отъ опасности впасть въ пустоту жалкихъ мыслей, и невозможныхъ и Бога недостойныхъ. По отношенію къ тому мѣсту ¹⁾ должно такъ разсуждать: всякое тѣло, поддерживаемое природою, которая для питанія вводитъ въ него нѣчто отвнѣ и вмѣсто введеннаго выдѣляетъ другое, — какъ вы, напримѣръ, растенія или животныхъ, — никогда не остается одинаковымъ въ матеріальномъ отношеніи. Поэтому тѣло не дурно названо рѣкою: такъ какъ, при тщательномъ разсмотрѣніи, можетъ быть, даже въ продолженіе двухъ дней первоначальное вещество не остается тѣмъ же въ нашемъ тѣлѣ. Однако, напримѣръ, Павелъ или Петръ, всегда остаются одинаковыми не по душѣ только, сущность которой не растекается въ насъ и не получаетъ текучаго, хотя естество тѣла и измѣняемо, но у нихъ остается тотъ же самый видъ, характеризующій тѣло, такъ что однѣми и тѣми же остаются и формы, представляющія тѣлесную качественность Петра и Павла. Вслѣдствіе этихъ качествъ отъ дѣтства остаются на тѣлахъ рубцы и другіе знаки, напр. веснушки и другое тому подобное. Эта форма, по которой отличаются другъ отъ друга Павелъ и Петръ, есть тѣлесная, и она во время воскресенія опять будетъ окружать душу, перемѣнившись въ лучшую и образовавшись совершенно уже не по прежнему. И какъ форма остается отъ младенчества до старости, хотя черты по видимому получаютъ большое измѣненіе: такъ и относительно теперешняго вида тѣла должно думать, что онъ одинаковъ съ будущимъ, хотя и будетъ весьма большое измѣненіе къ лучшему. Душѣ, пребывающей въ мѣстахъ тѣлесныхъ, необходимо имѣть тѣло, соотвѣтствующее мѣстопробыванію. И какъ, если бы намъ нужно было сдѣлаться водяными животными и жить въ морѣ, то намъ нужно было бы имѣть жабры и другое устройство рыбе: такъ и тѣмъ, которые имѣютъ наследовать царство небесное и будутъ въ различныхъ мѣстахъ, необходимо имѣть тѣла духовныя, впрочемъ не такія, чтобы видъ прежняго тѣла уничтожился, но чтобы

¹⁾ Т. е. къ вышеизложенному недоумѣнію Оригена.

послѣдовало измѣненіе его въ болѣе славное, подобно тому, какъ видѣ Іисуса, Моисея и Іліи не сдѣлался, во время преображенія, инаковымъ противъ того, какимъ онъ былъ.

ГЛАВА IV.

Поэтому не смущайся, если кто скажетъ, будто первоначальное вещество тѣла въ то время не будетъ такимъ же, такъ какъ разумъ показываетъ способнымъ разумѣть, что и теперь, даже въ продолженіе двухъ дней, не можетъ оставаться одинаковымъ прежнее вещество тѣла. Слѣдуетъ остановить вниманіе и на томъ, что иное сѣется, а иное встаетъ: *сѣется тѣло душевное, встаетъ тѣло духовное* (1 Кор. XV, 44). Къ этому Апостолъ присовокупляетъ ученіе, что мы имѣемъ, такъ сказать, сложить съ себя земныя качества, тогда какъ видѣ тѣла сохранится во время воскресенія: *но то скажу вамъ, братія, что плоть и кровь не могутъ наследовать царствія Божія, и тлѣніе не наследуетъ нетлѣнія* (ст. 50). Можетъ быть святого человѣка, охраняемаго Богомъ, создавшимъ нѣкогда плоть, будетъ окружать уже не плоть, но что нѣкогда отпечатлѣвалось во плоти, то и будетъ отпечатлѣно въ тѣлѣ духовномъ. И въ чемъ братія наши ссылаются на изреченіи Писанія, о томъ также нужно сказать; и прежде всего о словахъ у Іезекиіля. Такъ какъ на нихъ хотятъ утверждаться простѣйшіе, то, по буквальному ихъ смыслу, не будетъ и воскресенія плоти, а только воскресеніе костей, кожи и жилъ. Вмѣстѣ и то нужно показать имъ, что они увлекаются, не уразумѣвъ написаннаго; ибо не вездѣ, гдѣ говорится о костяхъ, подъ именемъ костей должно разумѣть именно эти кости, какъ на примѣръ въ слѣдующихъ мѣстахъ: *сыплются кости наши въ челюсти преисподней* (Пс. CXL, 7); *всѣ кости мои разсыпались* (Пс. XXI, 15); и еще: *исцѣли меня, Господи, ибо кости мои потрясены* (Псал. VI, 3). Очевидно, что здѣсь говорится о костяхъ не въ общепринятомъ значеніи. Указываютъ на слова пророка: *они говорятъ: изсохли кости наши* (Іезек. XXXVII, 11). Но ужели потому говорятъ они (Іудеи): *изсохли кости наши,*

что желаютъ воскреснуть, когда будутъ собраны вмѣстѣ? Это невозможно. Сказать: *иссохли кости наши* — они могли бы, какъ бывшіе въ плѣну и потерявшіе всякую жизненность. Поэтому они присовокупляютъ: *и погибла надежда наша, мы оторваны отъ корня*. И такъ это есть обѣтованіе возстанія народа отъ паденія и какъ бы смерти, которою умерли они за грѣхи, бывъ преданы врагамъ. И грѣшники отъ Спасителя называются *гробами полными костей мертвыхъ и всякой нечистоты* (Мѡ. XXIII, 27).—Богу подобаетъ отверзть гробъ cadaго и вывести изъ гробовъ насъ оживотворенными, такъ же, какъ Спаситель извѣлъ вонъ Лазаря.

ГЛАВА V.

Что же касается до словъ: *тамъ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ*, — то имъ должно сказать, что, какъ всякій членъ Создатель устроилъ для какого-либо употребленія въ сей жизни, такъ и зубы устроены для раздробленія твердой пищи. Какая же нужда въ зубахъ для подвергаемыхъ мученію? Находящіеся въ гееннѣ не будутъ ѣсть ими. И еще нужно показать, что не все должно принимать буквально. Говорится: *сокрушаешь зубы нечестивыхъ* (Пс. III, 8); и еще: *разбей, Господи, челюсти львовъ* (Пс. LVII, 7). Кто же будетъ такъ безразсуденъ, чтобы предполагать, будто Богъ, не касаясь тѣла грѣшниковъ, сокрушитъ только зубы ихъ? А если желавшій понимать ихъ такъ, необходимо долженъ будетъ склониться къ смыслу аллегорическому; то нужно допустить такое изъясненіе и относительно скрежета зубовъ у подвергаемыхъ мученію. Имѣетъ ли душа способность двигать челюсти, чтобы она во время обличенія за грѣхи, на которые она склонилась мыслію, могла скрежетать зубами, подобно какъ бываетъ при столкновеніи зубовъ? А изреченіе: *бойтесь болѣе того, кто можетъ и душу и тѣло погубить въ гееннѣ* (Матѡ. X, 24), можетъ быть, указываетъ на то, что душа безтѣлесна, а можетъ быть показываетъ и то, что она безъ тѣла не будетъ мучиться, о чѣмъ сказали мы въ фізіологическомъ изслѣдованіи „о видѣ и пер-

вой сущности". И сказанное у Апостола: *оживитъ и ваши смертныя тѣла Духомъ своимъ, живущимъ въ васъ*, можетъ, — такъ какъ тѣло наше смертно и непричастно истинной жизни, — означать то, что тѣлесный видъ, о которомъ мы сказали, по естеству смертенъ, а когда явится Христосъ, *жизнь наша* (Кол. III, 4), то и онъ изъ состоянія смертнаго тѣла перемѣнится въ оживотворенное, такъ что силою Духа животворящаго онъ содѣлается духовнымъ. Равнымъ образомъ слова: *но скажетъ кто-нибудь, какъ воскреснутъ мертвые и въ какомъ тѣлѣ прійдутъ?* (1 Кор. XV, 35) ясно показываютъ, что прежнее существо тѣла не востанетъ. Ибо, если хорошо поняли мы тотъ примѣръ (о сѣмени), то надобно сказать, что сила сѣмени въ зернѣ пшеницы, овладѣвъ окружающимъ веществомъ, проникнувъ его всецѣло, вкоренившись въ самомъ составѣ его, придаетъ силы, какія имѣетъ, тому, что прежде было землею, водою, воздухомъ и огнемъ, и, преодолевъ ихъ качества, измѣняетъ ихъ въ то самое, котораго само бываетъ производителемъ, и такимъ образомъ наполняется колось, который чрезвычайно отличается отъ первоначальнаго зерна величиною, видомъ и разнообразіемъ.

Глава VI ¹⁾.

Вотъ — (сказалъ Прокль), — въ сокращеніи все, что высказалъ Оригенъ, занимаясь разсужденіемъ о воскресеніи и доказывая свои мысли разными умозрѣніями. Ты же внимательно разсмотри и то, что слѣдуетъ за этимъ. Остается къ сказанному присоединить еще свидѣтельства изъ Писаній, дабы рѣчь, подобно статуѣ, имѣя всѣ части въ соразмѣрности, была обработана вся вполнѣ и не имѣла недостатка ни въ чемъ, относящемся до ея формы и красоты. И такъ надобно сказать, насколько согласуются съ

¹⁾ Главы 6 и 7 составляютъ особую „рѣчь Прокла“ въ извлеченіи у Св. Епифанія изъ Мееодія. Объясненіе этого заключается въ томъ, что въ словѣ св. Мееодія о воскресеніи представляются бесѣдующими между собою: Аглафонъ, Прокль, Авксентій и самъ Мееодій; и изъ нихъ Прокль въ вопросѣ о воскресеніи держитъ сторону Оригена.

этимъ Писанія, руководствующія человѣка къ совершенству лучшей жизни. Если кто можетъ, не искажая подлинника строго разсуждать, тотъ узнаетъ, что воскресеніе должно понимать въ отношеніи не къ этому тѣлу, такъ какъ оно не можетъ оставаться неизмѣннымъ въ продолженіе вѣковъ, а въ отношеніи къ тѣлу духовному, въ которомъ будетъ сохраняться тоже отличительное свойство, какое въ немъ выражается и нынѣ, такъ что каждый изъ насъ и по внѣшнему виду будетъ однимъ и тѣмъ же, какъ это сказано и у Оригена. Ибо онъ полагаетъ, что таково будетъ воскресеніе: такъ какъ вещественное тѣло перемѣнчиво, и никогда, даже на короткое время, не остается въ одинаковомъ положеніи, но прибавляется и убавляется во внѣшнемъ видѣ, отличающемъ человѣка, отъ чего зависитъ и самый обликъ его; то по необходимости, говоритъ, должно предполагать, что воскресеніе касается только одного вида человѣка. И дабы ты не сказалъ: не понимаю, — ибо онъ темно это изложилъ, — то я здѣсь яснѣе раскрою тебѣ смыслъ этихъ словъ. Ты, конечно, видалъ кожу животнаго (мѣхъ) или другое, что подобное, наполненное водою; если, выпустивъ изъ него воду, снова по немногу наполнять, то онъ всегда представляетъ одинъ и тотъ-же видъ; потому, что каково содержащее, таковъ видъ необходимо принимается и то, что внутри его. Представь же себѣ теперь: если, когда выливается вода, будетъ кто-нибудь прибавлять столько, сколько выливается, не допуская мѣху совершенно остаться безъ воды, то прибавляемое, хотя и не таково, по необходимости является такимъ, каково все прочее; потому что во время убавленія и прибавленія воды содержащее есть одно и тоже. И такъ кто захочетъ уподобить этому тѣлу, тотъ не постыдится. Ибо такимъ же образомъ и пища, принимаемая въ замѣнъ изверженныхъ веществъ, перемѣняется въ образъ содержащаго вида. Такъ, что разойдется по глазамъ, становится сходнымъ съ глазами, что по лицу, то съ лицомъ, и что по другимъ частямъ, то имъ уподобляется; отъ этого каждый представляется однимъ и тѣмъ же, хотя первоначаль-

ное вещество тѣла не остается въ томъ же положеніи, но только видъ, сообразно съ которымъ формируется привходящее въ тѣло. И такъ, если мы даже въ теченіе немногихъ дней не бываемъ одними и тѣми же относительно тѣла, а только по виду, который имѣетъ тѣло, такъ какъ онъ одинъ остается въ насъ отъ рожденія; то тѣмъ болѣе въ то время мы не будемъ тѣми же по плоти, но только по виду, который и теперь всегда сохраняется въ насъ и пребываетъ неизмѣннымъ. Ибо что тамъ кожа (мѣха), то здѣсь видъ, и что въ приведенномъ сравненіи вода, то здѣсь прибавленіе и убавленіе (вещества). Посему, какъ теперь, хотя тѣло не остается однимъ и тѣмъ же, но внѣшнія черты по виду сохраняются однѣми и тѣми же: такъ и тогда, хотя тѣло будетъ не тоже самое, но видъ, возвышенный въ болѣе славное состояніе, окажется уже не въ тлѣнномъ тѣлѣ, но въ безстрастномъ и духовномъ, каково на примѣръ было тѣло Іисуса во время преображенія, когда Онъ взошелъ на гору съ Петромъ, Моисеемъ и Іліею, явившимися Ему.

ГЛАВА VII.

И объ этомъ довольно разсуждать; потому что таковъ вкратцѣ смыслъ ученія Оригена. Если же кто изъ сомнѣвающихся, указавъ на тѣло Христово,—такъ какъ Христосъ называется *первенецъ изъ умершихъ* (Апок. I, 5. 1 Кор. XV, 20),—скажетъ, что какъ Онъ воскресъ, такъ надобно полагать и о всѣхъ, что они воскреснутъ подобно Ему; *ибо, если Іисусъ воскресъ, то и умершихъ въ Іисусъ Богъ приведетъ съ Нимъ* (Сол. IV, 14); а тѣло Іисуса воскресло съ тою же плотію и костями, какія Онъ имѣлъ, какъ убѣдился въ томъ и Ѳома; то на это мы скажемъ: тѣло Христово было не отъ хотѣнія мужа (Іоан. I, 13), не отъ услажденія, соединеннаго со сномъ (Прем. VII, 2), не въ беззаконіи зачатое и во грѣхѣ рожденное (Псал. L, 7), но отъ Духа Святаго и силы Всевышняго (Лук. I, 34) и отъ Дѣвы; тогда какъ твое тѣло есть сонъ, услажденіе и скверна. Посему и пре-

мудрый Сирахъ говоритъ: *когда же человекъ умретъ, то насладіемъ его становятся пресмыкающіеся, зѣри и черви* (Сир. X, 13); также въ 87-мъ псалмѣ говорится: *развѣ надъ мертвыми Ты сотворишь чудо? Развѣ мертвые встанутъ и будутъ славить Тебя? Или во гробъ будетъ возвѣщаема милость Твоя, и истина Твоя въ мѣстѣ тлѣнія? Развѣ во мракѣ познаютъ чудеса Твои и въ землѣ забвенія правду Твою?* (ст. 11—13). Есть и другія такого рода изреченія, которыя желающій можетъ выбрать изъ Писаній, чтобы намъ, приведши ихъ всѣ во множествѣ, не увеличить слова слишкомъ много.

ГЛАВА VIII ¹⁾.

И такъ, когда Проклъ съ трудомъ окончилъ рѣчь и долго молчали присутствующіе, довольно увлекаемые къ невѣрію; когда я замѣтилъ, что онъ дѣйствительно окончилъ, то, приподнявъ слегка голову и собравшись съ духомъ, какъ бываетъ съ плывущими, когда уже утихаетъ буря, но еще находясь въ страхѣ и смущеніи — (ибо я, такъ сказать вамъ, былъ пораженъ и подавленъ важностію тѣхъ словъ), — я обратился къ Авксентію, и, назвавъ его, сказалъ: Авксентій! я думаю, что не напрасно сказано у поэта: „когда двое идутъ вмѣстѣ“ и пр. ²⁾. Ибо два у насъ противника, поэтому мы должны выдержать силу обоихъ. Я избираю тебя помощникомъ и сотрудникомъ въ спорѣ съ ними, дабы Аглафонъ съ Прокломъ и Оригеномъ, вооружившись противъ насъ разрушительными доказательствами, не ниспровергъ воскресенія. Выступимъ же противъ ихъ софизмовъ, нисколько не страшась ихъ возраженій, которыми они нападаютъ на людей робкихъ. Ибо ничего у нихъ нѣтъ вполне здраваго и основательнаго, но одинъ красивый наборъ словъ, подготовленный для пораженія и убѣжденія слушателей, не ради истины и пользы, но дабы показаться, присутствующимъ, мудрыми въ словѣ. Отъ этого рѣчи, вытекающія изъ вѣроятностей и разукра-

¹⁾ Отсюда опять начинается рѣчь самого Мееодія.

²⁾ Илиад. X, 224.

шенныя для вида и удовольствія, иногда у простыхъ людей считаются гораздо лучшими тѣхъ, которыя направлены къ точному изслѣдованію истины. Сами учителя ревнуютъ уже не о томъ, что лучше и что достойно уваженія, но о томъ, чтобы понравиться и доставить удовольствіе, какъ поступаютъ софисты, которые берутъ плату за рѣчи, дешево продавая похвалы мудрости. Въ прежнія времена, рѣшительно употреблялась краткость въ изъясненіи, потому что старались не о томъ, чтобы доставить удовольствіе, а пользу присутствующимъ. Въ послѣдствіи, когда изъяснять Писанія стало безъ всякаго затрудненія дозволеннымъ для всѣхъ, и всѣ, исполнившись самомнѣнія, сдѣлались тупы къ дѣланію добра, а начали преуспѣвать въ краснорѣчіи, величаясь, будто они способны знать все; когда стали почитать за стыдъ—сознаться, что имъ нужно еще учиться, а болѣе спорили и выступали впередъ, какъ учителя: тогда произошло то, что, возымѣвъ дерзость, уклонились отъ благоговѣнія и кротости и отъ вѣры, что Богъ все можетъ сдѣлать, какъ обѣщалъ, а обратились къ пустымъ спорамъ и богохульствамъ, не помысливъ о томъ, что не дѣла нуждаются въ словахъ, а слова — въ дѣлахъ, какъ бываетъ въ врачебномъ искусствѣ, гдѣ слова, отъ которыхъ больные должны получить исцѣленіе, подтверждаются дѣлами. Нужно, чтобы, при единомысліи между нами, умъ нашъ былъ въ согласіи съ отборными словами, а нравы—съ языкомъ, подобно лирѣ, и не было бы ничего грубаго и нестройнаго. Ибо для того, чтобы намъ приобрести способность подвизаться за истину, а не казаться только такими, должно упражняться въ справедливости, и не идти хромя, по пути мудрости, заботясь болѣе о славѣ, нежели объ истинѣ и прикрываясь предлогами и видами и всякимъ покровомъ лицемѣрія.

ГЛАВА IX.

Ибо есть, подлинно есть люди, наряжающіеся въ пышную одежду украшенныхъ словъ, какъ наряжаются женщины, чтобы прельстить юношей, если кто-нибудь изъ нихъ, не

оградивъ себя вѣрою и цѣломудріемъ, взглянетъ на нихъ. Посему, прежде тщательнаго изслѣдованія, намъ должно съ опасеніемъ принимать къ сердцу такую рѣчь; потому что обольстители часто успѣваютъ привлечь на свою сторону учителей, какъ Сирены, которыя ненависть свою къ людямъ предъ бѣгущими отъ нихъ прикрываютъ пріятнымъ пѣніемъ издали. Какъ ты, Авксентій, сказалъ я, думаешь объ этомъ? Онъ отвѣчалъ: такъ же, какъ и ты. О неправо-мыслящихъ софистахъ мы можемъ конечно сказать, что они поддѣлываются подъ видъ истины, но не знаютъ самой истины, подобно какъ и живописцы; ибо эти послѣдніе стараются подражательно изобразить и кораблестроителей, и корабли, и кормчихъ, но сами не умѣютъ ни строить кораблей, ни управлять ими. И такъ хочешь ли ты, чтобы мы, снявши краски, убѣдили удивляющихся этимъ рисункамъ юношей, что то не корабль, что кажется кораблемъ, и не кормчій, что представляется кормчимъ, а стѣна, раскрашенная снаружи красками и рисунками для удовольствія, и что сдѣлавшіе это изъ красокъ, а не самый корабль, суть копировщики вида корабля и кормчаго? Длинно это предисловіе, любезнѣйшій,—сказалъ я,—однако для желающаго слушать полезно. Ибо если кто отниметъ у нихъ изреченія Богодухновенныхъ Писаній, которыми они пестро украшаютъ свои мнѣнія для обольщенія другихъ, самодовольно называя ихъ справедливыми и истинными, а сами совершенно не зная справедливости: то какъ, по твоему мнѣнію, смѣшны будутъ они, лишившись такихъ названій? „Совершенно такъ“, сказалъ онъ.—Какъ же Авксентій, сказалъ я, ты ли хочешь быть вождемъ на этомъ пути, или я буду предводительствовать?—„Справедливо, сказалъ онъ, тебѣ быть вождемъ, потому что ты первенствуешь въ рѣчи“.

ГЛАВА X.

Теперь изслѣдуемъ мнѣніе Аглаофона послѣдовательно, по частямъ, съ самаго начала. Онъ говорилъ: „душа получила это тѣло, въ которое мы облечены, вслѣдствіе пре-

ступленія, а въ прежнія времена проводила жизнь блаженную, безъ тѣла. Тѣла суть кожаныя одежды, въ которыя суждено быть заключенными душамъ, дабы въ смертномъ тѣлѣ понести наказаніе за свои дѣла“. Не это ли съ самаго начала было сказано тобою, врачъ? Но если тебѣ кажется, что я чего-нибудь не припомнилъ, то ты припомни. „Нѣтъ теперь никакой нужды въ этомъ припоминаніи, сказалъ онъ, потому что мы прежде всего сказали это самое“.—Что же? Неужели и то, что часто говорилъ ты впоследствии, именно: что тѣло служить для насъ препятствіемъ къ уразумѣнію и познанію дѣйствительно сущаго, по причинѣ нашей заботливости объ украшеніи его и уходѣ за нимъ, и по причинѣ другихъ потребностей, относящихся къ прихоти чрева? И кромѣ того, тѣло бываетъ виною злорѣчія и всякихъ прегрѣшеній; потому что душа сама по себѣ—одна безъ тѣла—совершенно не можетъ грѣшить, а посему, чтобы, по отшествіи отсюда, она могла быть свободна отъ грѣха и преслушанія на небѣ, гдѣ и будетъ имѣть пребываніе вмѣстѣ съ Ангелами, она должна остаться свободною и отрѣшенною отъ тѣла, потому что тѣло служить для нея причиною оскверненія грѣхомъ и содѣйствуетъ этому? Ибо безъ тѣла душѣ невозможно грѣшить; поэтому, дабы сохраниться безгрѣшною въ безконечные вѣки, она уже не получитъ тѣла, которое влечетъ ее долу къ тлѣнію и неправдѣ? „Сказано было и это“: Чтожъ? Неужели ты думаешь, что это сказано тобою справедливо и хорошо? сказалъ я. „А почему это тебѣ кажется не такъ? сказалъ онъ. Ты не можешь опровергнуть этихъ словъ“. Нисколько, сказалъ я. Но я хочу изслѣдовать причину, почему ты сказалъ такъ. „Это хорошо и справедливо“, сказалъ онъ. Хорошо ли и справедливо, по твоему мнѣнію, поступаетъ тотъ, кто говоритъ противорѣчащее себѣ и несогласное? „Никакъ“. Не кажется ли тебѣ, что онъ невѣжественно искажаетъ истину? „Совершенно такъ“, отвѣчалъ онъ. Неужели ты одобришь того, кто дѣлаетъ намѣренныя ошибки для ложной стройности рѣчи? „Никакимъ образомъ“. Поэтому ты и самого себя не можешь оправдать въ томъ, что такъ

неосновательно говоришь. Ибо допустивъ, что души согрѣшили безъ тѣла, нарушивши заповѣдь, и сказавъ, что за беззаконіе Богъ далъ имъ наконецъ кожаныя одежды, дабы, нося мертвенность, онѣ подверглись наказанію, назвавъ этими одеждами тѣла, — ты въ продолженіи рѣчи забылъ, что утверждалъ прежде того, и говоришь, что душа сама по себѣ не можетъ согрѣшить, потому что по природѣ она совершенно неспособна на это, но что тѣло содѣлалось для нея виною всякихъ золъ. Поэтому, дабы душа опять не устремилась къ неправдѣ, какъ это случилось съ нею прежде вслѣдствіе соединенія съ тѣломъ, она на вѣки останется безъ тѣла, хотя сначала сказалъ ты, что душа согрѣшила до соединенія съ тѣломъ, когда была еще въ раю блаженною и безпечальною. Ибо послѣ нарушенія заповѣди Божіей, когда уже возобладавъ надъ нею грѣхъ, вслѣдствіе повиновенія змію, будто бы дано ей тѣло въ наказаніе, какъ узы. Посему или первое или послѣднее мнѣніе оказывается несправедливымъ. Ибо или душа еще не имѣя тѣла согрѣшила, и хотя бы не получила тѣла, тѣмъ не менѣе будетъ грѣшить, слѣд. всякое разсужденіе о томъ, что тѣло не воскреснетъ, будетъ напраснымъ и излишнимъ; или она согрѣшила вмѣстѣ съ тѣломъ, и такимъ образомъ кожаныя одежды не могутъ быть приняты за тѣло; потому что чelовѣкъ оказывается преступникомъ заповѣди Божіей прежде ихъ устроенія; а между тѣмъ одежды для того и устроены, чтобы ими прикрыть происшедшую отъ грѣха наготу. Наконецъ убѣждаю ли я тебя, и видишь ли ты, какъ допустилъ ты противорѣчіе себѣ самому? Ясно ли это для тебя? Или ты, Аглафонъ, сказалъ я, еще не понимаешь, что я говорю? „Понимаю“, сказалъ онъ, и не имѣю нужды второй разъ слушать это. Но я и не замѣтилъ, что сказалъ такъ несправедливо. Ибо мнѣ, когда я допустилъ, что кожаныя одежды суть тѣла, нужно было признать и то, что душа согрѣшила прежде нежели вошла въ тѣло, такъ какъ преступленіе совершено было прежде устроенія одеждъ; ибо одежды даны людямъ по причинѣ преступленія, а не преступленіе произошло по причинѣ одеждъ. Когда мы согла-

сились въ этомъ, то должны вмѣстѣ согласиться и въ томъ, что причиною грѣха не тѣло, а душа сама по себѣ, поэтому она будетъ грѣшить, хотя бы и не получила тѣла, такъ какъ согрѣшила и прежде, когда была безъ тѣла. Поэтому безразсудно говорить, будто тѣло не можетъ воскреснуть отъ того, чтобы не содѣлаться причиною грѣха для души; ибо какъ она согрѣшила до соединенія съ тѣломъ, такъ будетъ грѣшить и по отложеніи тѣла, хотя бы опять и не получила тѣла. Поэтому мнѣ нѣтъ нужды вѣрить ни себѣ самому, ни другому, кто говоритъ, что кожаная одежды суть тѣла. Но если я соглашусь въ этомъ, то вмѣстѣ долженъ согласиться и въ томъ, что сказано“.

ГЛАВА XI.

Чтожъ? сказалъ я. Не кажется ли тебѣ, Аглафонъ, и это несправедливымъ? „Что такое?“ Утверждать, сказалъ я, будто тѣло устроено для души, какъ узы и оковы, на томъ основаніи, что и пророкъ назвалъ насъ *узниками* земли (Зах. IX, 11), и Давидъ *окованными*? (Псал. CXLV, 7). Тогда онъ отвѣчалъ: „я не могу тебѣ такъ скоро отвѣтить на это; но почему ты съ другимъ не разсуждаешь?“ Тогда я, замѣтивъ, что онъ краснѣетъ и избѣгаетъ обличенія, сказалъ: ужели ты думаешь, что я стараюсь изобличать тебя по зависти, а не потому, что было намѣреніе сдѣлать разъясненіе въ спорѣ? Нѣтъ, любезный! Не тяготись моими вопросами; ты видишь, что у насъ идетъ рѣчь не о мало-важныхъ предметахъ, но о томъ, какъ должно вѣровать; и я ни въ чемъ не полагаю столько зла для человѣка, сколько происходитъ отъ ложнаго мнѣнія о предметахъ необходимыхъ. И такъ охотно и ясно отвѣчай на вопросы; и если покажется тебѣ, что я говорю неправду, обличи, заботясь болѣе объ истинѣ, нежели обо мнѣ; ибо я считаю лучшимъ благомъ принимать обличенія, нежели самому обличать другихъ, на сколько лучше самому удаляться отъ зла, нежели удалять другихъ. И такъ сличимъ теперь наши рѣчи, и посмотримъ, въ чемъ онѣ между собою расходятся. Ибо пред-

меты, о которыхъ мы споримъ, вовсе не маловажны, а таковы, что знать ихъ прекрасно, а не знать постыдно. И такъ ты не допускаешь воскресенія тѣла, а я допускаю. „Конечно, сказалъ онъ, я уже сказалъ это“. Но ты, сказалъ я, назвалъ тѣло узами, темницею, гробомъ, бременемъ и оковами, а я не называю его такъ. „Правду ты говоришь мнѣ“, сказалъ онъ. Ты сказалъ еще, что тѣло есть причина неводержности, обольщенія, печали, гнѣва и, кратко сказать, всѣхъ другихъ золъ, которыя препятствуютъ намъ въ стремленіи души къ прекрасному и не позволяютъ намъ достигнуть уразумѣнія и познанія истинно сущаго; потому что хотя бы мы старались уловить что-нибудь изъ существующаго, всегда окружающій насъ мракъ помрачаетъ умъ, не допуская насъ ясно разсмотрѣть истину. Ибо, какъ сказалъ ты, познанія, пріобрѣтаемыя нашими ушами, исполнены обмана, равно какъ пріобрѣтаемыя зрѣніемъ обманчивы, обманчиво и то, что пріобрѣтается другими чувствами. „Видишь“, сказалъ онъ, „Еввулій, что я готовъ хвалить тебя, когда ты правильно разъясняешь предметы“.

ГЛАВА XII.

И такъ буду еще говорить, чтобы ты болѣе хвалилъ меня. Если, по вашему мнѣнію, тѣло—узы, то нельзя думать, будто оно причина грѣха и неправды для души, а напротивъ оно—причина цѣломудрія и благовоспитанности. Разсуждай объ этомъ такъ, ибо такъ лучше поймешь: куда мы отводимъ страждущихъ тѣлесными болѣзнями? Не ко врачамъ ли? „Очевидно такъ“, сказалъ онъ. А куда—преступниковъ? Не къ судіямъ ли? „Непремѣнно“. Не для того ли, сказалъ я, чтобы они получили достойное наказаніе за дѣла свои? „Да“. А что справедливо, то и прекрасно? „Согласенъ“. Значить, судящій справедливо, хорошо дѣлаетъ, ибо справедливо судить? „И на это согласенъ“. А что прекрасно, то и полезно? „Кажется такъ“. Потому что подсудимые получаютъ пользу; такъ какъ истязаніями порочность ихъ удерживается, подобно тому, какъ отъ лечеб-

ныхъ операций и лѣкарствъ прекращаются болѣзни, потому что наказать обидѣвшаго значитъ исправить душу и устранить сильную болѣзнь, т. е. неправду. „Согласенъ“. Чтоже? Не по мѣрѣ ли грѣховъ, скажешь ты, опредѣляются и наказанія достойно наказуемымъ, подобно тому, какъ и врачующимъ по мѣрѣ ранъ дѣлаются операции? „Изъявляю согласие“. И такъ сдѣлавшій достойное смерти наказывается смертію, достойное ударовъ—ударами, достойное узъ—узами? „Согласенъ“. И такъ, сказалъ я, виновный наказывается узами, или ударами, или другимъ какимъ-либо подобнымъ наказаніемъ для того, чтобы раскаявшись пересталъ дѣлать неправду и этими наказаніями исправился, какъ исправляется искривленное дерево? „Совершенную правду говоришь ты“, сказалъ онъ. Потому что судія наказываетъ за вину не только ради прошедшаго, но и будущаго, чтобы онъ опять не сдѣлалъ того же? „Это очевидно“, сказалъ онъ. Ибо очевидно, что узы отнимаютъ у него стремленіе къ неправдѣ, не позволяя ему дѣлать того, что хочетъ? „Истинно такъ“. И такъ онъ удерживается отъ грѣха потому, что узы не позволяютъ ему свободно предаваться удовольствіямъ, но стѣсняють его и учатъ уважать справедливость, доколѣ онъ, вразумляемый, не научится быть цѣломудреннымъ? „Кажется такъ“, сказалъ онъ. И такъ узы, какъ видно, не бываютъ виною грѣха, потому что уцѣломудриваютъ людей и дѣлаютъ ихъ болѣе справедливыми, служа лѣкарствомъ для души, хотя горькимъ и ѣдкимъ, но цѣлительнымъ. „Это очевидно“, сказалъ онъ.—Что же? Пересмотримъ еще сказанное прежде. Не допустилъ ли ты, что тѣло есть узы души вслѣдствіе преступленія? „Да, я допускаю это“, сказалъ онъ. Еще: что душа грѣшитъ вмѣстѣ съ тѣломъ, потому что прелюбодѣйствовать, убивать и поступать нечестно тебѣ кажется грѣхомъ, а вѣдь это душа дѣлаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ? „Согласенъ“. Но мы еще признали, что узникъ не можетъ обижать? „Признали“, сказалъ онъ. Отъ того, что боль отъ узъ мѣшаетъ этому? „Да!“ Но вѣдь плоть—узы души? „Подтверждаю это“. Но, находясь во плоти, мы грѣшимъ при согласіи на это плоти? „Такъ“,

сказалъ онъ. А связанный не можетъ грѣшить? „И на это изъясняю согласіе“. Отъ того, что чувствуетъ боль? „Да!“ Отъ того, что узы не дозволяютъ? „Конечно“. Но тѣло содѣйствуетъ грѣху? „Да!“ А узы удерживаютъ? „Согласенъ“. И такъ, сказалъ я, ни по твоему, Аглафонъ, ни по чьему-либо другому мнѣнію, тѣло не есть узы, но въ томъ и въ другомъ, т. е. какъ въ добрѣ, такъ и во злѣ, оно содѣйствуетъ душѣ. „Согласенъ“.

ГЛАВА XIII.

Если это такъ, то ты, Аглафонъ, защищай то, что ты прежде говорилъ. Ибо ты въ прежнихъ бесѣдахъ утверждалъ, что тѣло есть узы, темница и оковы души, и видишь, какъ это не согласуется съ тѣмъ, что ты сказалъ. Если нужно, любезный, плоть признавать узами, а душа пользуется этими узами, какъ пособіемъ и содѣйствіемъ къ неправдѣ, то возможно ли согласить это? Конечно невозможно. Ибо, если наказаніе опредѣлено за грѣхъ, чтобы душа, удрученная скорбію, научилась Богопочитанію: то какимъ образомъ тѣло можетъ служить ей пособіемъ и содѣйствіемъ къ неправдѣ? Узы, темницы, оковы, и, кратко сказать, всѣ такого рода относящіяся къ исправленію карательныя средства имѣютъ силу удерживать наказуемыхъ отъ неправды и грѣха. Ибо не для того, чтобы обидѣвшій еще болѣе дѣлалъ неправды, даются ему узы, какъ пособіе къ неправдѣ, но для того, чтобы томимый узами пересталъ творить неправду. Для этого-то судіи и заключаютъ злодѣевъ въ оковы: узы по неволѣ удерживаютъ ихъ отъ злодѣянія; и дѣлать зло свойственно людямъ, пользующимся свободою и живущимъ безъ надзора, а не связаннымъ. Человѣкъ напередъ совершалъ убійство, какъ напр. Каинъ, укрѣпился въ невѣріи, прилѣпился къ идоламъ, отступилъ отъ Бога; какимъ же образомъ тѣло дано ему вмѣсто узъ? Или какимъ образомъ, когда человѣкъ согрѣшилъ до соединенія съ тѣломъ, Богъ далъ ему тѣло для содѣйствія къ большей неправдѣ? Какимъ, наконецъ, образомъ послѣ

устроения этихъ узъ говорится: *вотъ я предложилъ тебѣ жизнь и добро, смерть и зло, избери жизнь* (Втор. 30, 15); также: *если захотите и послушаетесь* (Исаи 1, 19); это сказано ему, какъ обладающему полною свободою, а не какъ связанному узами и необходимостію. Изъ всего этого слѣдуетъ, что тѣло не должно признавать узами, или темницею или оковами, и *узники земли* поэтому не означаютъ того, что души связаны земными узами вслѣдствіе осужденія ихъ Богомъ; ибо какъ это можетъ быть, когда ничѣмъ доказать нельзя? Очевидно, нелѣпо и то мнѣніе, будто въ вѣчной жизни тѣло не соединится съ душою по той причинѣ, что оно есть узы и оковы, дабы мы не содѣлались навѣки осужденными узниками тлѣнія, когда будемъ находиться въ царствѣ свѣта. Послѣ достаточнаго опроверженія и обличенія того ученія, по которому признавали тѣло узами души, уничтожается и та мысль, будто тѣло не воскреснетъ на томъ основаніи, чтобы мы не были изъ-за него узниками въ царствѣ свѣта, которое получимъ. Какое же наконецъ нужно представить другое доказательство для убѣжденія недовольныхъ? Они не удовлетворяются доказательствомъ и яснѣйшимъ вышеприведенныхъ. Но такое ихъ словопреніе можно изобличить какъ на основаніи этого мѣста, такъ и многихъ другихъ. Въ дальнѣйшемъ продолженіи рѣчи мы естественными доводами, а не предположеніями, докажемъ, что ни Іеремія не называлъ насъ *узниками земли* (Пл. Іер. 3, 34), вслѣдствіе соединенія съ тѣломъ, ни Давидъ по этой же причинѣ—*окованными* (Псал. 145, 7). Слѣдуетъ указать и на то, въ чемъ они наиболѣе оказываются уклонившимися отъ истины. И такъ, господа судьи (я васъ, державный Θεοφιλъ, называю судіями рѣчей), сказавъ надлежащее о кожаныхъ одеждахъ и о томъ, что прежде устроения ихъ прародители жили съ тѣломъ, наслаждаясь безсмертіемъ, и еще — о томъ, что нельзя почитать тѣло узами и темницею, я обращаюсь наконецъ къ слѣдующимъ предметамъ, какъ обѣщалъ, дабы намъ яснѣе увидѣть то, чего желаемъ.

ГЛАВА XIV.

Послѣ того, какъ Создатель всего Богъ прекрасно устроилъ вселенную, подобно великому городу, и украсилъ ее, вѣлѣніемъ своего слова, послѣ того какъ соразмѣрно расположилъ въ ней каждую стихію и наполнилъ все различными животными, дабы міръ достигъ совершенной красоты,— Онъ, сотворивши многоразличные виды природы: звѣзды на небѣ, пернатыхъ въ воздухѣ, четвероногихъ на землѣ и плавающихъ въ водѣ, послѣ всего ввелъ въ міръ человѣка, точное подобіе собственнаго Его образа, приготовивъ для него этотъ міръ, какъ прекраснѣйшее жилище, и своими руками образовавъ его, какъ бы прекрасное изваяніе въ великолѣпномъ храмѣ. Онъ зналъ, что содѣланное Его рукою по необходимости будетъ безсмертно, какъ произведеніе безсмертія; ибо отъ безсмертія безсмертное бываетъ безсмертнымъ, такъ же какъ и отъ злобы злое бываетъ злымъ, отъ неправды несправедное — несправеднымъ. Неправедное не есть произведеніе правды, но неправды: равно какъ содѣлать тлѣннымъ свойственно не нетлѣнію, а тлѣнію, и обезсмертить не есть дѣло тлѣнія, а нетлѣнія,— и кратко сказать: каково производящее, таковымъ (обыкновенно) по необходимости бываетъ и происходящее отъ него. Богъ есть и безсмертіе, и жизнь, и нетлѣніе: а человѣкъ — произведеніе Божіе; и такъ какъ произведенное безсмертіемъ — безсмертно, то человѣкъ безсмертенъ. Поэтому-то Богъ Самъ произвелъ человѣка, а прочіе роды животныхъ повелѣлъ произвести воздуху, землѣ и водѣ. Человѣкомъ въ самомъ истинномъ смыслѣ относительно природы называется не душа безъ тѣла и не тѣло безъ души, но то, что составилось въ одинъ прекрасный образъ изъ соединенія души и тѣла. Отсюда открывается, что человѣкъ созданъ безсмертнымъ и непричастнымъ никакому тлѣнію и болѣзнямъ. Въ этомъ достаточно можно убѣдиться и изъ Писанія; ибо о другихъ тваряхъ, которыя въ продолженіи времени измѣняются, возрастая и состарѣваясь, гово-

рится: *да произведетъ вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетятъ надъ землею, по тверди небесной. И еще: да произведетъ земля душу живую по роду ея, скотовъ, и чадовъ, и змѣй земныхъ по роду ихъ* (Быт. 1, 20—24). О человѣкѣ же не такъ говорится, какъ о тѣхъ: *да произведетъ земля, или да произведетъ вода, или: да будутъ свѣтила; но говорится: сотворимъ человека по образу Нашему (и) по подобію Нашему; и да владычествуютъ они надъ рыбами морскими, и надъ птицами небесными (и надъ змѣями) и надъ скотомъ* (ст. 26). И *создалъ Господь Богъ человека изъ праха земнаго* (Быт. 2, 7).

ГЛАВА XV.

А чтобы вы лучше уразумѣли отличіе человѣка, какъ онъ во всемъ различается отъ другихъ тварей, и, будучи безсмертнымъ, оказывается поставленнымъ на второмъ мѣстѣ послѣ Ангеловъ,—и это мы изложимъ также въ истинномъ и православномъ смыслѣ. Прочимъ животнымъ дано жить посредствомъ воздушнаго одушевленія, а человѣку — отъ самой безсмертной и отличной сущности, и *вдунулъ Богъ въ лице его дыханіе жизни, и сталъ человекъ душою живою* (Быт. 2, 7). Тѣмъ повелѣно служить и быть въ подчиненіи: этому начальствовать и владычествовать; тѣмъ даны различные виды и формы естества, какіе по повелѣнію Божію породила грубая и видимая природа: этому-нѣчто боговидное и богоподобное, во всемъ соотвѣтствующее первообразному и едиnorodному образу Отца: *и сотворилъ Богъ человека по образу Своему, по образу Божію сотворилъ его* (Быт. 1, 27); посему и позаботился объ утвержденіи въ немъ Своего образа, дабы онъ не былъ удободоступенъ для тлѣнія, подобно какъ обыкновенно поступаютъ дѣлатели статуй: они заботятся не только о красотѣ и благолѣпіи своихъ изваяній, чтобы онѣ были прекрасны до великолѣпія, но и стараются,—на сколько это возможно для нихъ, — о безсмертіи своихъ произведеній, чтобы онѣ сохранялись не поврежденными на долгое время, какъ напр. Фидій, сдѣлавши статую Юпитера Олимпійскаго (а была она изъ слоновой кости), приказалъ

налить масла около ногъ впереди статуи, чтобы сохранить ее по возможности безсмертною. Такимъ образомъ, если такъ поступаютъ художники вещей рукотворенныхъ, то не болѣе ли Богъ, высочайшій художникъ, Который все можетъ и изъ несущаго сотворить, несомнѣнно могъ устроить, чтобы Его разумное произведеніе—человѣкъ былъ не гибнущимъ и безсмертнымъ? Ужели бы Онъ попустилъ, чтобы такъ безславно разрушилось и предано было погибели и тлѣнію то, что Онъ нарочито удостоилъ создать Своими руками, образовавъ по образу Своему и по подобію это украшеніе міра, для котораго и міръ созданъ? Этого сказать невозможно. Дерзнувшій такъ мыслить впалъ бы въ безуміе.

ГЛАВА XVI.

Но, можетъ быть, не остановившись внимательно на сказанномъ теперь, вы, Аглаофонъ, скажете: „если, по вашему мнѣнію, это живое существо было безсмертно отъ рожденія, то какимъ образомъ оно содѣлалось смертнымъ, когда безсмертное непремѣнно должно быть тѣмъ, что оно есть, не ниспадая и не переходя въ худшее и смертное естество? Это невозможно, иначе оно не безсмертно“. На это скажу: на свободу въ избраніи добра, данную человѣку и получившую такой законъ, возстала съ злорадствомъ ненавистница добра—зависть. Богъ сотворилъ человѣка для нетлѣнія и сдѣлалъ его образомъ собственной вѣчности: *Богъ не сотворилъ смерти, и не радуется погибели живущихъ; но завистію діавола вошла въ міръ смерть*, какъ свидѣтельствуешь и премудрость Соломона (Прем. 1, 13. 2, 24). „Но опять необходимо спросить: откуда же смерть, если Богъ смерти не сотворилъ? Если отъ зависти: то какимъ образомъ зависть могла быть сильнѣе изволенія Божія? Это мы назовемъ оскорбительнымъ для Бога“. Противникъ спрашиваетъ: откуда зависть? Если отъ діавола; то для чего получилъ бытіе діаволъ? А если получилъ бытіе, значитъ сотворившій его есть виновникъ существованія зла? Но Богъ рѣшительно не есть виновникъ зла ни въ какомъ

отношеніи; слѣдовательно діаволь не получилъ бытія, а если не получилъ, то и не подлежитъ страданіямъ и погибели и не имѣетъ ни въ чѣмъ нужды: это по необходимости должно быть съ неполучившимъ бытія, а между тѣмъ онъ подвергается униженію и мученіямъ. Но то, что подвергается мученіямъ, измѣняется и страждетъ,—ибо нерожденное не подвергается страданію,—слѣдовательно и діаволь, не есть не получившій бытія, а получившій. Если же онъ получилъ бытіе и если то, что получило бытіе, произошло отъ какого-либо начала и существуетъ творецъ его, то, значитъ, есть какой-либо творецъ и діавола. И такъ получилъ ли онъ бытіе, или не получилъ? Должно думать, что имѣющее незаимствованное бытіе есть только одно, именно Богъ: ибо вообще, кромѣ Его, рѣшительно не можетъ быть другого творца. *Я первый, и Я послѣдній*, говоритъ Господь, *и кромѣ Меня нѣтъ Бога* (Исаи 44, 6). Безъ Его воли ничто не можетъ быть передѣлано или сотворено, ибо и Сынъ исповѣдуетъ, что *Онъ не можетъ творить Самъ отъ Себя, если не увидитъ Отца творящаго. Ибо что творитъ Онъ, то и Сынъ творитъ также* (Іоан. 5, 19). Нѣтъ ничего враждебнаго, или непріязненнаго, или сопротивляющагося Богу; потому что если бы что-нибудь воспротивилось Богу, то перестало бы существовать, такъ какъ бытіе его было бы уничтожено могуществомъ и силою Божіею; только одному создавшему возможно уничтожить и безсмертное.

ГЛАВА XVII.

И такъ, вы скажете, что такое діаволь? Духъ обращающійся около вещества, какъ сказано и у Аѣинагора ¹⁾, получившій бытіе отъ Бога, также какъ и прочіе Ангелы получили отъ Него бытіе, и имъ ввѣрено было управленіе веществомъ и видами вещества. Таково было назначеніе Ангеловъ, быть съ Богомъ при Его промышленіи о тваряхъ, Имъ благоустроенныхъ, такъ чтобы всеобщее и главное

¹⁾ Аѣинагоръ—христіанскій писатель II вѣка, оставившій дошедшія до насъ *Апологию* и *Слово о воскресеніи мертвыхъ*.

попеченіе о всемъ имѣлъ Богъ, самъ обладая господствомъ и властію надъ всѣмъ и все, какъ корабль, неуклонно направляя правиломъ мудрости, а отчасти смотрѣли бы за тѣмъ приставленные къ сему Ангелы. Прочіе Ангелы пребыли въ томъ состояніи, въ какомъ Богъ сотворилъ ихъ и распредѣлилъ; а этотъ возгордился и въ управленіи ввѣреннымъ ему сдѣлался лукавымъ, очреватѣвъ завистію противъ насъ, подобно тѣмъ, которые въ послѣдствіи воспламенились плотію и вступили въ любострастное общеніе съ дочерьми человѣческими (Быт. 6, 2). Ибо и имъ, такъ же какъ и людямъ, Богъ опредѣлилъ имѣть свободное желаніе того или другаго, чтобы — или, повинуясь Его слову, пребывали вмѣстѣ съ Нимъ и наслаждались блаженствомъ, — или же, если не будутъ повиноваться, подверглись осужденію. Былъ и діаволь звѣздою утреннею: *какъ упалъ ты съ неба, денница, сынъ зари?* (Исаи 14, 12). Онъ вмѣстѣ съ Ангелами сіялъ свѣтомъ, былъ звѣздою утреннею, но ниспалъ и низверженъ на землю, и направилъ человѣка въ противную сторону. Ибо Богъ гнѣвается на гордыхъ и надменнымъ умышленіямъ поставляетъ преграду. Приходитъ мнѣ на мысль сказать объ этомъ и стихами:

Змѣй! Ты начало всѣхъ золъ для людей и конецъ,
 Ты — обольщеніе слѣпаго, которое ношу тяжелую зла
 пораждаешь,
 Вождь къ безразсудству, — ты радость находишь
 Въ слезахъ житейскихъ, въ стенаніяхъ смертныхъ;
 Единокровныхъ къ обидѣ преступной
 Братоубійственно руки ты поднялъ;
 Каина ты убѣдилъ обагрить кровяными струями
 Землю впервые; и праотца ты обольстилъ,
 Такъ что онъ съ жизни нетлѣнной на землю ниспалъ.

ГЛАВА XVIII.

Таковъ діаволь. Смерть же введена для наказанія, подобно тому, какъ дѣтямъ, начинающимъ учиться грамотѣ, даютъ удары для исправленія. Смерть же есть не что иное,

какъ разлученіе и отдѣленіе души отъ тѣла.—Вы скажете: чтожъ? значить, виновникъ смерти Богъ? — Опять встрѣчаемъ мы ту же рѣчь. Да не будетъ этого, потому что и учителя не главные виновники того, что дѣти испытываютъ боль отъ ударовъ. И такъ хорошее дѣло — смерть, если введена, подобно ударамъ, для наказанія дѣтей, не грѣховная смерть, мужи премудрые, но смерть, состоящая въ разъединеніи и отлученіи души отъ тѣла. Ибо человекъ, будучи свободнымъ и самовластнымъ, и получивъ самовладычествующую волю и свободное произволеніе для избранія добра, какъ сказалъ я, когда услышалъ: *отъ всякаго дерева въ саду ты будешь ѣсть; а отъ дерева познанія добра и зла, не ѣшь отъ него; ибо въ день, въ который ты вкусишь отъ него, смертію умрешь* (Быт. 2, 16. 17), самъ склонившись ко вкушенію, при помощи діавола, убѣждавшаго къ преслушанію разнаго рода обольстительною хитростію, нарушилъ заповѣдь Божию; и это сдѣлалось для него соблазномъ, сѣтію и преткновеніемъ. Ибо Богъ не сотворилъ зла, и вообще никакимъ образомъ не есть виновникъ зла. Но все, что Имъ сотворено свободнымъ для сохраненія и соблюденія закона, Имъ праведно поставленнаго, если не соблюло его, называется зломъ. А самый тяжкій вредъ — преслушать Бога, преступивъ самопроизвольно предѣлы правды. Посему, когда человекъ, отступивъ отъ указанія Божія, запятналъ себя и осквернилъ, и отпечатлѣлъ на себѣ скверны многоразличнаго зла, которыя породилъ князь и отецъ прелести, *зачавъ неправду*, по Писанію (Псал. 7, 15), дабы имѣть возможность постоянно увлекать и побуждать человека къ неправдѣ: тогда Вседержитель Богъ, увидѣвъ, что человекъ, сотворенный безсмертнымъ, до униженія потерпѣлъ озлобленіе отъ коварства діавола, не позволилъ ему вкусить отъ древа жизни, но облекъ его и жену его Еву въ кожанная одежды, и изгналъ ихъ изъ рая, опредѣливъ имъ смерть и сказавъ: *ибо прахъ ты, и въ прахъ возвратишься* (Быт. 3, 19), дабы воскресеніемъ избавить отъ униженія, какъ свойственно наилучшему художнику, и опять возстановить ихъ въ собственномъ ихъ тѣлѣ безъ униженія.

ГЛАВА XIX.

Уже прежде разсмотрѣно было сомнѣніе и доказано, что кожаныя одежды не суть тѣла. Тѣмъ не менѣе и опять будемъ говорить (такъ какъ не разъ надлежитъ сказать объ этомъ). Ибо еще прежде устроенія этихъ одеждъ перво-зданный признаетъ, что имѣетъ кости и плоть, когда увидѣвъ приведенную къ нему жену, восклицаетъ: *вотъ, это кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей; она будетъ называться женою: ибо взята отъ мужа своего. Поэтому оставитъ человекъ отца своего и мать свою, и прильпится къ женѣ своей; и будутъ два одна плоть* (Быт. 2, 23. 24). Я не могу потерпѣть нѣкоторыхъ празднословящихъ и безстыдно насилующихъ Писаніе, которые, чтобы провести мнѣніе, будто нѣтъ воскресенія плоти, предполагаютъ и кости духовныя и плоть духовную, и съ иносказаніями бросаются туда и сюда, вверхъ и внизъ. А что это надобно принимать такъ, какъ написано, подтверждаетъ Писаніе. Христосъ фарисеямъ, спрашивавшимъ объ отпущеніи жены, отвѣчаетъ: *развѣ не знаете, что сотворившій въ началъ мужчину и женщину сотворилъ ихъ? И сказалъ: посему оставитъ человекъ отца и мать и т. д.* (Мат. 19, 45). Далѣе, какъ можно принимать только въ разсужденіи душъ слова: *плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю?* (Быт. 1, 28). И еще: *и создалъ Господь Богъ человека изъ праха земнаго* (2, 7), что очевидно сказано собственно о тѣлѣ; ибо не отъ персти и не изъ тяжелаго вещества душа получила существо. Такимъ образомъ изъ всего этого по всей справедливости слѣдуетъ, что человекъ сотворенъ съ тѣломъ прежде кожанныхъ одеждъ, потому что обо всемъ этомъ сказано прежде его паденія, а о томъ, что касается одеждъ, послѣ паденія. Поэтому приступимъ опять къ разсмотрѣнію того, что предъ нами, достаточно доказавъ, что кожаныя одежды не суть тѣла, но смертная принадлежность, приготовленная для разумаго. Теперь остается разсмотрѣть, отъ чего человекъ выселяется изъ предѣловъ рая. Богъ не по-

тому изгналъ его, будто не хотѣлъ, чтобы онъ срывалъ отъ древа жизни и вкушалъ (ибо опять вкусивши отъ древа жизни онъ могъ бы жить во вѣки), но чтобы, какъ мы предположили, зло не сдѣлалось безсмертнымъ. Въ противномъ случаѣ для чего и Христа Онъ послалъ съ неба на землю, если рѣшительно хотѣлъ, чтобы человѣкъ умеръ окончательно, не вкушая жизни? Если пререкающій скажетъ, будто Богъ сдѣлалъ это вслѣдствіи раскаянія, то разсужденіе это слабо, такъ какъ допускаетъ въ Богѣ измѣненія мысли. Нѣтъ, Богъ не есть невѣдующій будущаго и не есть творецъ зла, но въ высшей степени благъ и знаетъ напередъ будущее. Такимъ образомъ Онъ изгналъ человѣка изъ рая не для того, чтобы онъ не жилъ во вѣки, вкушая отъ древа жизни, но чтобы смертію прежде всего умерщвленъ былъ грѣхъ, дабы такимъ образомъ по истребленіи грѣха, воставъ чистымъ послѣ смерти, человѣкъ вкушалъ жизнь.

Г л а в а XX.

Никто не будетъ такъ безразсуденъ, чтобы отважиться утверждать, будто это сказано въ другомъ смыслѣ. Ибо вообще утверждающій, что эта плоть не способна къ безсмертію, какъ по истинѣ подверженный болѣзни безумія, богохульствуетъ. Для чего же послѣ устроенія кожаныхъ одеждъ Адамъ изгоняется, получивъ запрещеніе вкушать отъ древа жизни и жить, если бы совершенно было невозможно человѣку жить вѣчно съ тѣломъ? Но запрещеніе дѣлается вслѣдствіе того, что онъ могъ бы не умереть, если бы взялъ и вкусилъ отъ древа жизни. Ибо говорится: *и сдѣлалъ Господь Богъ Адаму и женѣ его одежды кожаныя и одѣлъ ихъ. И сказалъ Господь Богъ: вотъ, Адамъ сталъ какъ одинъ изъ насъ, зная добро и зло; и теперь какъ бы не простеръ онъ руки своей, и не взялъ бы также отъ дерева жизни, и не вкусилъ бы, и не сталъ бы жить вѣчно. И выславъ его Господь Богъ изъ сада Едемскаго, чтобы воздѣлывать землю, изъ которой онъ взятъ. И изгналъ Адама* (Быт. 3, 21—24). И такъ тѣло (чело-

вѣка) могло жить во вѣкъ и быть безсмертнымъ, еслибы онъ не получилъ запрещенія вкушать отъ жизни. А запрещеніе получилъ для того, дабы и грѣхъ былъ разрушенъ, умерщвленный вмѣстѣ съ тѣломъ, и тѣло востало по истребленіи грѣха. И такъ, чтобы человекъ не былъ безсмертнымъ, какъ я сказалъ, зломъ, или вѣчно живущимъ, заключая въ себѣ преобладающій, какъ бы прозябшій въ безсмертномъ тѣлѣ и имѣющій безсмертное питаніе, грѣхъ,— для сего Богъ сдѣлалъ его смертнымъ, облекши мертвенностію. Такую цѣль и имѣли кожаная одежда, дабы чрезъ разрушеніе и распаденіе тѣла грѣхъ весь до основанія погибъ, какъ бы вырванный съ корнемъ, дабы не осталось ни малѣйшей части корня, отъ которой опять пошли бы новыя отрасли грѣховъ.

ГЛАВА XXI.

Подобно тому, какъ дикая смоковница, выросши на зданіи прекраснаго храма, разросшаяся въ ширину и въ высоту и распространившаяся своими многовѣтвистыми корнями по всѣмъ связямъ камней, не прежде перестаетъ произрастать, пока совсѣмъ не оторвется вслѣдствіе распаденія камней на мѣстахъ, на которыхъ она росла (ибо по отторженіи смоковницы камни могутъ опять быть сложены на своихъ мѣстахъ, дабы храмъ сохранился, не имѣя уже при себѣ ничего изъ разрушающихъ его неблагоприятныхъ условий, а между тѣмъ смоковница, отвалившаяся вся съ корнемъ, засыхаетъ): такимъ же образомъ и художникъ Богъ разрушилъ храмъ свой—человѣка, произрастившаго грѣхъ, на подобіе дикой смоковницы, умерщвляя временными прираженіями смерти, какъ написано, и оживотворяя, дабы по изсушеніи и умерщвленіи грѣха плоть съ тѣми же членами, подобно возобновленному храму, востала безсмертною и неповрежденною, послѣ совершеннаго и окончательнаго уничтоженія грѣха. Ибо пока еще живетъ тѣло до смерти, необходимо живетъ съ нимъ вмѣстѣ и грѣхъ, который скрываетъ внутри насъ свои корни, хотя бы отвнѣ и под-

вергался ударами со стороны здравыхъ мыслей и внушеній; иначе послѣ крещенія, по совершенномъ отъятіи отъ насъ грѣха, не случилось бы никакой неправды. А теперь и послѣ того, какъ мы увѣровали и пришли къ водѣ крещенія, часто обрѣтаемся во грѣхахъ. Ибо никто не можетъ похвалиться, чтобы до такой степени былъ внѣ грѣха, чтобы даже и не помышлять вовсе о неправдѣ. Изъ сего слѣдуетъ, что теперь грѣхъ сдерживается и усыпляется вѣрою, чтобы не принести пагубныхъ плодовъ, а не истребленъ до корня. Теперь въ этой жизни мы сдерживаемъ его прозябенія, каковы лукавыя вождельнія, дабы не безпокоилъ насъ *какой горькій корень и возникнувъ не причинилъ вреда* (Евр. XII, 15), и не позволяемъ себѣ открывать глаза и раскрывать сжатые уста къ этимъ прозябеніямъ, между тѣмъ какъ разумъ, подобно сѣкирѣ, посѣкаетъ родившіеся внизу горькіе корни. Въ будущемъ же уничтожится и самое помышленіе о злѣ.

ГЛАВА XXII.

Желающіе искренно говорить истину не имѣютъ недостатка и въ свидѣтельствующемъ словѣ Писаній; такъ Апостолъ зналъ, что корень грѣха еще не всецѣло уничтоженъ въ людяхъ, когда говоритъ въ одномъ мѣстѣ: *ибо знаю, что не живетъ во мнѣ, то есть, во плоти моей, доброе: потому что желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Добра, котораго хочу, не дѣлаю, а зло, котораго не хочу, дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу, уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ. И еще: ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствіе въ законъ Божіемъ: но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня (совершеннымъ) плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ* (Римл. VII, 18—20, 22—23). Такимъ образомъ еще не произошло того, чтобы грѣхъ былъ пресѣченъ, бывъ вырванъ съ корнями (ибо не умеръ окончательно), но еще живетъ (ибо какъ это можетъ быть прежде, нежели человѣкъ подвергнется

смерти?), дабы вмѣстѣ съ человѣкомъ увядши и исчахнувъ, подобно растенію, совершенно погибнуть и разрушиться вслѣдствіе уничтоженія того, на чемъ, какъ я сказалъ, скрытно держался онъ корнями; а человѣкъ воскреснетъ, уже не имѣя вновь проникающаго въ него горькаго корня. Посему-то для искорененія и уничтоженія грѣха истинный Заступникъ и Врачъ нашъ Богъ подобно противоядію пустилъ смерть, дабы зло, возникнувъ въ насъ, какъ безсмертныхъ, не было вѣчно безсмертнымъ, а сами мы изувѣченные и, подобно больнымъ, лишенные собственной силы, не остались надолго въ такомъ состояніи, питая въ постоянно пребывающихъ и безсмертныхъ тѣлахъ великую болѣзнь грѣха. Посему прекрасно то, что для спасенія того и другаго, и души и тѣла, Богъ изобрѣлъ смерть, какъ бы врачебное очищеніе, дабы мы сдѣлались по истинѣ непорочными и невредимыми.

ГЛАВА XXIII.

И такъ какъ для этого нужны многіе примѣры, то мы здѣсь въ особенности изложимъ ихъ, не прекращая рѣчи до тѣхъ поръ, пока достигнемъ до яснѣйшаго истолкованія и доказательства. Представимъ въ примѣръ какого-нибудь искуснаго художника, который прекрасную статую, устроенную изъ золота или изъ другаго вещества, соразмѣрно во всѣхъ частяхъ украшенную до изящества, опять бы расплавилъ, внезапно усмотрѣвъ, что она повреждена какимъ-нибудь злѣйшимъ человѣкомъ, который изъ зависти не стерпѣвъ, что статуя была благолѣпна, испортилъ ее, наслаждаясь суетнымъ удовольствіемъ зависти. Замѣтъ, премудрый Аглаофонъ, что, если художникъ желаетъ, чтобы статуя, надъ которою онъ трудился съ такимъ стараніемъ и заботою, не была совершенно испорчена и обезображена, то онъ опять постарается, расплавивши ее, сдѣлать такую же самую, какою она была и прежде. А если не расплавить и не возобновить ея, а оставить такъ, починавая ее и поправляя, то статуя отъ закаливанія въ огнѣ и отъ

ковки по необходимости не можетъ уже остаться такою же, но окажется измѣненной и искаженной. Посему, если онъ хочетъ, чтобы это была работа прекрасная и безукоризненная, то долженъ расплавить её и вновь слить, такъ чтобы посредствомъ передѣлки и переливки уничтожились безобразія и всѣ измѣненія, случившіяся съ нею отъ коварства и зависти, и чтобы статуя опять приведена была въ свой неповрежденный и чистый видъ, наиболѣе сходный съ прежнимъ ея видомъ. Со статуею это дѣлается не для того, чтобы она погибла для самого художника, хотя бы она опять обратилась въ первоначальное вещество, но чтобы была восстановлена. Нужно, чтобы уничтожились безобразія и поврежденія (ибо вмѣстѣ съ перелитіемъ они пропадаютъ), а не то, чтобы они опять появились; потому что превосходный художникъ во всякомъ искусствѣ имѣетъ въ виду не безобразіе или неправильность, но соразмѣрность и правильность произведенія. Такимъ же представляется мнѣ и домостроительство Божіе относительно насъ. Увидѣвъ, что человѣкъ прекраснѣйшее произведеніе Божіе, поврежденъ злыми навѣтами зависти, Богъ по человѣколюбію не восхотѣлъ оставить его такимъ, чтобы онъ, нося въ себѣ неизгладимое смертію пятно, не подвергся вѣчному позору, но разрѣшилъ его снова въ первоначальное вещество, чтобы чрезъ возсозданіе истребилось и уничтожилось въ немъ все позорное. Ибо что тамъ расплавленіе статуи, то здѣсь смерть и разрѣшеніе тѣла; что тамъ новая форма или передѣлка вещества, то здѣсь воскресеніе послѣ смерти, какъ говоритъ и пророкъ Іеремія; ибо онъ согласно съ этимъ возвѣщаетъ, когда говоритъ: *и сосудъ, который горшечникъ дѣлалъ изъ глины, развалился въ рукъ его; и онъ снова сдѣлалъ изъ него другой сосудъ, какой горшечнику вздумалось сдѣлать. И было слово Господне ко мнѣ: не могу ли Я поступить съ вами, домъ Израилевъ, подобно горшечнику сему? говоритъ Господь. Вотъ, что глина въ рукъ горшечника, то вы въ Моей рукъ, домъ Израилевъ* (Іерем. XVIII, 4—7).

ГЛАВА XXIV.

Замѣть, какъ послѣ преступленія человѣка, великая рука, какъ сказалъ я, не восхотѣла оставить твореніе свое въ униженіи, какъ недоброкачественное, когда лукавый незаконно повредилъ его по зависти, но растворивъ опять обратила его въ персть, подобно горшечнику, вновь выдѣлывающему сосудъ, такъ чтобы отъ передѣлки уничтожились въ немъ всѣ безобразія и язвы, и все стало по прежнему безукоризненно прекраснымъ. *Не властенъ ли горшечникъ надъ глиною, чтобы изъ той же смѣси сдѣлать одинъ сосудъ для почетнаго употребленія, а другой для низкаго?* (Рим. 9, 21). Это значитъ (ибо, мнѣ кажется, Апостоль точно указываетъ на это): развѣ не имѣетъ Богъ власти изъ того же самого вещества, воссоздавъ и возобновивъ cadaго по своему, одного воскресить въ честь и славу нашу, другаго въ безчестіе и осужденіе? Въ безчестіе — тѣхъ, которые дурно провели жизнь въ грѣхахъ, а въ честь — тѣхъ, которые прожили въ правдѣ, какъ показано и у Даніила, который говоритъ, что *многіе изъ спящихъ въ прахъ земли пробудятся, одни для жизни вѣчной, другіе на вѣчное поруганіе и посрамленіе. И разумные будутъ сѣять, какъ сѣтила на тверди* (Дан. 12, 2—3). Ибо въ нашей власти не то, чтобы совершенно уничтожить корень зла, но чтобы не попускать ему вырасти больше и приносить плоды. Ибо всецѣлое и совершенное истребленіе и уничтоженіе зла до самыхъ корней совершается Богомъ, какъ сказано, по разрушеніи тѣла, а нами — по частямъ, чтобы оно не давало отростковъ. Посему кто воспиталъ зло для размноженія его и увеличенія, а не сдѣлалъ, сколько могъ, бесплоднымъ и не подавилъ его, тотъ необходимо подлежить суду, потому что, будучи въ состояніи и имѣя власть на это, рѣшился предпочесть вредное полезному.

ГЛАВА XXV.

И такъ никто, самъ будучи виновенъ, да не порицаетъ необузданнымъ языкомъ Существо Божіе, будто бы Оно

несправедливо распредѣлило каждому воздаяніе за зло, или за добродѣтель. *А ты кто, человѣкъ, что споришь съ Богомъ? Издѣліе скажетъ ли сдѣлавшему его: зачѣмъ ты меня такъ сдѣлалъ?* (Рим. IX, 20). И какъ это возможно, когда человѣкъ самовластною волею избралъ зло? Посему онъ и не можетъ сказать Богу, судящему по неизмѣннымъ законамъ правды: для чего Ты сотворилъ меня такъ, чтобъ я осужденъ былъ на скорби? Замѣть, какъ Апостолъ, подобно искусному стрѣлку, выпустивъ (изъ устъ) эти нечестивыя слова, обращаетъ однако же неясное и сокрытое въ глубинѣ буквы заключеніе въ самое истинное и православное и не имѣющее въ себѣ ничего неосторожнаго или хульнаго. Для тѣхъ, которые не съ усердіемъ, а съ низкими цѣлями внимаютъ словамъ, иногда кажется, что онъ говоритъ странное и несообразное, а которые—съ усердіемъ и съ трезвымъ помысломъ, для тѣхъ какого порядка и истины исполнены слова его! Впрочемъ, тщательное изслѣдованіе объ этомъ одно само по себѣ было бы на этотъ разъ достаточнымъ. Но смѣшно было бы, оставивъ въ сторонѣ твое недоумѣніе, вслѣдствіе котораго мы пустились въ изслѣдованіе, перейти къ другому. Это сказано нами въ наказаніе и осужденіе тѣхъ, которые намѣренно дѣлаютъ худое. И такъ когда яснѣйшимъ образомъ указано, что смерть устроена не на какое-либо зло человѣку, то не съ дурною цѣлію внимающій словамъ долженъ наконецъ уразумѣть то, что касается воскресенія тѣла. Ибо какимъ образомъ смерть бываетъ не на пользу, когда она разрушаетъ то, что окрадываетъ нашу природу, хотя въ то время, когда приходитъ, она и представляется непріятною, какъ самое кислое лѣкарство для больнаго? Но чтобы много разъ не говорить одного и того же объ одномъ и томъ же, мы, подкрѣпивъ сказанное еще словами изъ пѣсни Второзаконія, перейдемъ къ дальнѣйшему изслѣдованію.

ГЛАВА XXVI.

Ибо сказанное Богомъ: *Я умерщвляю и оживляю, Я поражаю и Я исцѣляю; и никто не избавитъ отъ руки Моей* (Втор.

32, 39), чему другому имѣтъ цѣлю научить, какъ не тому, что тѣло прежде подвергается смерти и умираетъ, для того, чтобы послѣ воскреснуть и ожить?—поражается прежде и разрушается для того, чтобы послѣ образовалось изъ него цѣлое и здоровое? И вообще ничто не въ силахъ исхитить (насъ) изъ великой и державной руки Его для уничтоженія и гибели, ни огонь, ни смерть, ни тьма, ни хаосъ, ни тлѣніе. *Кто отлучитъ насъ, говоритъ Апостолъ, отъ любви Господа (который называется рукою Отца и Словомъ), скорбь, или тѣснота, или гоненіе, или голодъ, или нагота, или опасность, или мечъ, какъ написано (Пс. 43, 23): за Тебя умерщвляютъ насъ всякій день; считаютъ насъ за овецъ, обреченныхъ на закланіе: но все сіе преодолеваемъ силою Возлюбившаго насъ?* (Рим. 8, 35—37). И это вполнѣ истинно, дабы исполнились, какъ сказалъ я, тѣ слова: *я умерщвляю и оживляю, Я поражаю и Я исцѣляю; и: никто не отлучитъ насъ отъ любви Божіей о Христѣ, для нашей гибели.* Посему мы и сдѣлались какъ бы овцами, обреченными на закланіе, чтобы, умерши для грѣха, мы стали жить для Бога. Но объ этомъ довольно; надобно еще разсмотрѣть то, что находится въ связи съ этимъ.

ГЛАВА XXVII.

„Все рожденное подвержено болѣзнямъ (такъ возражаетъ противникъ) и въ рожденіи и въ питаніи растеть, говоритъ, отъ привходящаго, и умалется отъ убывающаго. Напротивъ, что не раждается, то здорово, потому что не подвергается болѣзни, ни въ чемъ не нуждается, и не имѣтъ желаній. А раждающееся желаетъ и сообщества и пищи. Желать значитъ болѣть, а не нуждаться и не желать значитъ быть здоровымъ. Раждающееся болить, потому что желаетъ, а не раждающееся не болитъ. Болящее страждетъ или отъ изобилія или отъ недостатка веществъ привходящихъ и убывающихъ. Страждущее же и погибаетъ и уничтожается, потому что раждается. А человѣкъ раждается, слѣдовательно человѣкъ не можетъ быть безстрастнымъ и безсмертнымъ“. Но на этомъ самомъ и падаетъ

умозаключение. Ибо если все происходящее или рождающееся погибаетъ (ничто не мѣшаетъ сказать такъ, потому что и первозданные не рождены, а произведены), а между тѣмъ и Ангелы и души произведены (какъ сказано въ Писаніи): *Ты творишь ангелами Своими духовъ* (Пс. 103, 4); то по мнѣнію ихъ гибнуть и Ангелы и души. Но ни Ангелы, ни души не погибаютъ; ибо они безсмертны и не разрушима, по волѣ Создателя. Посему безсмертенъ и человѣкъ. Но непригодно и то, если сказать, что вселенная погибнетъ до основанія, и не будетъ ни земли, ни воздуха, ни неба. Хотя для очищенія и обновленія весь міръ, объятый нисшедшимъ огнемъ, загорится, однакоже онъ не придетъ въ совершенную гибель и разрушеніе. Ибо, если міру лучше не быть, нежели быть, то почему Богъ, сотворившій міръ, избралъ худшее? Но Богъ ничего напрасно не творилъ. Посему Богъ устроилъ, чтобы тварь существовала и продолжала бытіе, какъ утверждаетъ это и Премудрость: *ибо Онъ создалъ все для бытія, и все въ міръ спасительно, и нѣтъ пагубнаго яда* (Прем. 1, 14). И Павелъ ясно свидѣтельствуетъ, говоря: *ибо тварь съ надеждою ожидаетъ откровенія сыновъ Божіихъ: потому что тварь покорилась суетѣ не добровольно, но по волѣ покорившаго ее, въ надеждѣ, что и сама тварь освобождена будетъ отъ рабства тлѣнію въ свободу славы дѣтей Божіихъ* (Рим. 8, 19 — 21). Тварь покорилась (говоритъ онъ) суетѣ, но онъ ожидаетъ, что тварь освободится отъ такого рабства, желая такъ называть настоящій міръ.—Ибо работаетъ тлѣнію не невидимое, но это видимое. Посему тварь продолжаетъ бытіе, когда обновляется въ лучшій и благолѣпнѣйшій видъ, веселясь и радуясь о воскресеніи съ чадами Божіими, за которыхъ тварь совокупно стелетъ и мучится до нынѣ (ст. 22), ожидая и сама избавленія нашего отъ тлѣнія тѣла, дабы, когда мы востанемъ и стряхнемъ съ себя мертвенность плоти, какъ написано: *отряси съ себя прахъ; встань, плѣнный Іерусалимъ* (Исаи 52, 2), и когда избавимся отъ грѣха, избавиться и ей отъ тлѣнія и работать уже не суетѣ, а правдѣ. Ибо знаемъ, что вся тварь совокупно стелетъ и мучится до нынѣ; и не только она, но и мы сами

имѣя начатокъ Духа, и мы въ себѣ стенаемъ, ожидая усыновленія, искупленія тѣла нашего (Рим. 8, 22 — 23). И Исаія говоритъ: ибо какъ новое небо и новая земля, которыя Я сотворю, всегда будутъ предъ лицемъ Моимъ, говоритъ Господь, такъ будетъ и сѣмя ваше и имя ваше (Исаи 66, 22). И еще: ибо такъ говоритъ Господь, сотворившій небеса, Онъ Богъ, образовавшій землю и создавшій ее; онъ утвердилъ ее; не напрасно сотворилъ ее; Онъ образовалъ ее для жительства (45, 18). По истинѣ не тщетно и напрасно, не для гибели, создалъ Богъ вселенную, какъ думаютъ суетумудрые, но для того, чтобы она существовала, была обитаема и продолжала бытіе. Посему и земля и небо необходимо опять будутъ существовать послѣ сожженія и воспламененія всего. Почему же это необходимо, слово о томъ было бы длиннѣе сказаннаго. Ибо вселенная, разрушившись, преобразится не въ безформенное вещество и не въ такое состояніе, въ какомъ была прежде устроения, и не подвергнется совершенному уничтоженію и тлѣнію.

ГЛАВА XXVIII.

Но если вселенная не уничтожится, скажутъ противники, то почему же Господь сказалъ, что *небо и земля прейдутъ* (Мат. 24, 35); и пророкъ: *ибо небеса исчезнутъ какъ дымъ, и земля обветшаетъ, какъ одежда?* (Ис. 51, 6). Это потому, скажемъ мы, что въ Писаніяхъ обыкновенно перемѣна міра изъ настоящаго состоянія въ лучшее и славнѣйшее называется уничтоженіемъ, такъ какъ прежняя форма съ измѣненіемъ всего въ лучшій видъ пропадаетъ; въ Божественныхъ словахъ нѣтъ никакого противорѣчія и несообразности. Ибо *проходитъ образъ міра сего*, (Кор. 7, 31), а не міръ, сказано въ Писаніи. Такимъ образомъ въ Писаніяхъ обыкновенно называется уничтоженіемъ обращеніе прежней формы въ лучшій и благообразнѣйшій видъ, подобно тому, какъ если бы кто назвалъ уничтоженіемъ измѣненіе младенческаго вида въ видъ мужа совершеннаго, когда возрастъ младенца измѣняется въ величинѣ и красотѣ. Когда я былъ младенцемъ, то помладенчески говорилъ, помладенчески мыс-

лилъ, помладенчески разсуждалъ; а какъ сталъ мужемъ, то оставилъ младенческое (1 Кор. 13, 11). Посему надобно ожидать, что тварь будетъ страдать, какъ бы обреченная на смерть во время горѣнія, но для того, чтобы быть возсозданной, а не погибнуть, дабы мы обновленные жили въ обновленномъ мірѣ, не испытывая печали, по словамъ сто третьяго псалма: *пошлешь духъ Твой, создаются, и Ты обновляешь лице земли* (ст. 30), такъ какъ Богъ дастъ благосостояніе окружающему (насъ). А если земля будетъ существовать и послѣ настоящаго вѣка, то по всей необходимости будутъ и обитатели, которые не будутъ умирать, ни жениться, ни родиться, но, подобно Ангеламъ, неизмѣнно въ нетлѣніи будутъ наслаждаться блаженствомъ. Посему безразсудно говорить, какую жизнь въ то время будутъ проводить тѣла, когда не будетъ ни воздуха, ни земли и ничего другого.

ГЛАВА XXIX.

Кромѣ сказаннаго, достойно, Аглаофонъ, рассмотреть и то, въ какое великое заблужденіе можно впасть, давая себѣ свободу разсуждать о такихъ предметахъ. Ибо сказавъ, что Господь, когда искушали Его Саддукеи, объяснилъ, что имѣющіе достигнуть того воскресенія будутъ въ то время, какъ Ангелы (Лук. 20, 35; Марк. 12, 25), ты присовокупилъ: „но Ангелы, какъ безплотные, поэтому и пребываютъ на высотѣ блаженства и славы; слѣдовательно и намъ, имѣющимъ сравняться съ Ангелами, необходимо нужно, подобно имъ, быть обнаженными отъ тѣлъ“. Не примѣтилъ ты, любезнѣйшій, что создавшій и устроившій вселенную изъ ничего, естество безсмертныхъ удѣлилъ не однимъ Ангеламъ и служебнымъ духамъ, но и Началамъ, Престоламъ и Властямъ. Ибо иной родъ Ангеловъ, иной Властей, потому что не одинъ чинъ, не одинъ сонмъ, поколѣніе и племя безсмертныхъ, но существуютъ (нѣсколько) родовъ, чиновъ и разрядовъ. Ни Херувимы, выступая изъ своего естества, не премѣняются въ образъ Ангеловъ, равно какъ ни Ангелы въ образъ другихъ. Ибо они должны быть тѣмъ,

что есть, и какими произошли. И человекъ, поставленный жить въ мірѣ и владычествовать надъ всѣмъ, что есть въ немъ, по первоначальному распоряженію будучи безсмертенъ, никогда изъ человѣческаго состоянія не измѣнится въ образъ Ангеловъ, или другихъ существъ, потому что и Ангелы не выходятъ изъ первоначальнаго вида и не измѣняются въ образъ другихъ существъ. И Христосъ пришелъ проповѣдать не превращеніе или премѣненіе человѣческаго естества въ иной образъ, но возвращеніе его въ то состояніе, въ какомъ человекъ былъ сначала до паденія, когда былъ безсмертенъ. Посему каждому изъ сотворенныхъ существъ должно оставаться въ усвоенномъ ему образѣ состоянія, дабы все было наполнено всѣмъ, небеса Ангелами, Престолами, Властями, свѣты—служебными духами, Божественныя мѣста и ясныя свѣты—Серафимами, предстоящими великому Совѣту, правящему вселенною, а міръ—людьми. Если же допустимъ, что люди измѣняются въ Ангеловъ, то вмѣстѣ должны допустить, что и Ангелы перемѣняются во Власти, а Власти, еще, въ иной и иной видъ, доколѣ слово, восходя выше и выше, не подвергнется опасности.

ГЛАВА XXX.

И этого нельзя допустить, будто Богъ, создавъ человека худымъ, или сдѣлавъ ошибку при его устройствѣ, вздумалъ сдѣлать его въ послѣдствіи Ангеломъ, раскаявшись, подобно самымъ плохимъ художникамъ; или будто сначала Онъ хотѣлъ сотворить Ангела, но не имѣя силъ для этого, создалъ человека. Это слабо. Почему же Онъ сотворилъ человека, а не Ангела, если хотѣлъ, чтобы человекъ былъ Ангеломъ, а не человекомъ? Потому ли, что не могъ? Это богохульно. Или отложилъ лучшее до будущаго и сдѣлалъ худшее? Это нелѣпо. Онъ не ошибается въ твореніи прекраснаго, не откладываетъ, не чувствуетъ безсилія, но, какъ хочетъ и когда хочетъ, имѣетъ возможность сдѣлать, такъ какъ Онъ есть сила. Посему желая, чтобы былъ человекъ, Онъ въ началѣ и сотворилъ человека. Если же Онъ, когда чего

желаетъ, то желаетъ прекраснаго, прекрасное же есть человекъ, а человекомъ называется существо, составленное изъ души и тѣла, то слѣдовательно человекъ не будетъ существовать безъ тѣла, а съ тѣломъ, дабы кромѣ человека не появился другой человекъ. Ибо Богу должно сохранять всѣ безсмертные роды; а человекъ безсмертенъ. Ибо *Богъ создалъ человека, говоритъ Премудрость, для нетлѣнія, и содѣлалъ его образомъ вѣчнаго бытія Своего* (Прем. 2, 23). Слѣдовательно, тѣло не уничтожится, потому что человекъ состоитъ изъ души и тѣла.

ГЛАВА XXXI.

Посему, замѣть, какъ Господь этому самому хочетъ научить, когда Саддукеи не вѣровали въ воскресеніе плоти. Ибо таково ученіе Саддукеевъ. Они, приготовивши притчу о женѣ и семи братьяхъ, дабы отвергнуть ученіе о воскресеніи тѣла, приступили къ Нему, какъ говоритъ Евангелистъ: *приступили къ Нему Саддукеи, которые говорятъ, что нѣтъ воскресенія* (Матѳ. 22, 23). Если бы не было воскресенія тѣла, но сохранилась бы одна душа, то Христосъ согласился бы съ ними, какъ съ мыслящими хорошо и правильно. Между тѣмъ Онъ отвѣчаетъ: *въ воскресеніи ни женятся, ни выходятъ замужъ; но пребываютъ какъ Ангелы Божіи на небесахъ* (ст. 30); не то, что люди не будутъ тогда имѣть тѣла, но не женятся и не вступаютъ въ замужество, а пребываютъ въ нетлѣніи, приближаясь, говоритъ Онъ, къ Ангеламъ въ томъ, что какъ Ангелы на небѣ, такъ и мы въ раю будемъ заниматься уже не браками и пиршествами, но созерцаніемъ Бога и устроеніемъ своей жизни, подъ управленіемъ Христа. Не сказалъ: *будутъ Ангелами*, но: *какъ Ангелы*, какъ увѣнчанные славою и честію по написанному: *не много Ты умалилъ его предъ Ангелами* (Пс. 8, 6), и близкіе къ тому, чтобы быть Ангелами. Какъ если бы кто, при благодѣяніи въ воздухѣ и тишинѣ, во время ночи, когда все украшено яснымъ свѣтомъ луны, сказалъ: луна свѣтитъ, какъ солнце, то мы конечно не стали бы говорить, будто онъ свидѣтельствуешь,

что луна есть солнце, но только *какъ* солнце. Равнымъ образомъ и о томъ, что не золото, а близко къ золоту, обыкновенно говорится, что оно *какъ* золото, а не самое золото. Если бы оно было золото, не стали бы говорить: *какъ* золото, но золото. А такъ какъ оно не есть золото, но близко къ золоту, и представляется золотомъ, то и говорится: не золото, но *какъ* золото. Такъ, когда Господь говоритъ, что святые въ воскресеніи будутъ, *какъ* Ангелы, то мы понимаемъ это не такъ, будто Онъ общается, что святые въ воскресеніи будутъ Ангелами, но близкими къ тому, чтобы быть Ангелами. Поэтому весьма безразсудно говорить, что такъ какъ Христосъ возвѣстилъ, что святые въ воскресеніи явятся, какъ Ангелы, то поэтому настоящія тѣла не встанутъ. Самое выраженіе ясно показываетъ значеніе того, что произойдетъ. Ибо слово: *восстаніе* употребляется не о томъ, что не упало, а о томъ, что упало и встаетъ, подобно какъ и пророкъ говоритъ: *Я возстановлю скинью Давиду падшую* (Амосъ 9, 11). Пала же подвергшаяся измѣненію скинія души, неиспустившись *въ прахъ земли* (Дан. 12, 2). Ибо опускается внизъ не то, что не умираетъ, а что умираетъ. Умираетъ же тѣло, ибо душа бессмертна. И такъ если душа бессмертная, а тѣло умираетъ, то тѣ, которые говорятъ, что есть воскресеніе, только не тѣла, отвергаютъ бытіе воскресенія; потому что не стоящее, но падшее и лежащее встаетъ, какъ написано: *развѣ упавши не встанутъ, и соvertedши съ дороги, не возвращаются?* (Іерем. 8, 4).

ГЛАВА XXXII.

А что душа бессмертна, ясно научилъ Господь, говоря и Самъ и чрезъ Соломона. Самъ—въ исторіи о богатомъ и о нищемъ Лазарѣ, представивъ этого послѣдняго, по отложеніи тѣла, успокоившимся въ нѣдрахъ Авраама, а того осудивъ на мученія, и введши въ бесѣду съ ними Авраама. Чрезъ Соломона же въ книгѣ, надписываемой: „Премудрость“, въ которой написано: *а души праведныхъ въ руки*

Божіей, и мученіе не коснется ихъ. Въ глазахъ неразумныхъ они казались умершими, и исходъ ихъ считался погибелю и отшествіе отъ насъ — уничтоженіемъ: но они пребываютъ въ миръ, и надежда ихъ полна безсмертія (Пр. 3, 1—4). И такъ воскресеніе принадлежитъ тѣлу, а не душѣ; ибо не стоящаго поднимаютъ, но лежащаго, равно какъ и лѣчатъ не здороваго, а больнаго. Если же кто усиливается утверждать, что будетъ воскресеніе души, а не тѣла, это великая глупость и безуміе. Ибо прежде должно доказать тлѣніе и разрушеніе души, чтобы доказать и ея воскресеніе, дабы показать себя не пустословящимъ, но основательно говорящимъ. Впрочемъ уступимъ ему, пусть онъ признаетъ душу смертною. Тогда одно изъ двухъ должно положить: или что Господь возвѣстилъ истину, когда училъ, что душа безсмертна, и слѣдовательно не справедливо говорить, что она подлежитъ тлѣнію: или — что подвержена тлѣнію и что Христосъ и въ рѣчи о богатомъ и нищемъ, и въ явленіи Моисея и Іліи, ложно училъ, что она не гибнуща и безсмертна. Но Господь ничего не говорилъ несправедливаго и ложнаго. Ибо не какъ призракъ и привидѣніе, изъ желанія обольстить Апостоловъ, Онъ показалъ имъ на горѣ Моисея и Ілію, но то, что они были на самомъ дѣлѣ. Изъ этого, такъ сказать, и самый необразованный пойметъ, что этимъ Онъ подтвердилъ безсмертіе и негиблемость души.

Г л а в а XXXIII.

И такъ воскресеніе принадлежитъ тѣлу, а не душѣ, дабы падшая въ тлѣніе skinія Давидова возстала, и будучи возстановлена и вновь устроена пребывала неврежденною и не разрушимою, какъ *въ дни древніе* (Амос. 9, 11); потому что Богу свойственно не каменный домъ Давиду устроить на будущее время, дабы въ царствѣ небесномъ онъ имѣлъ прекрасное жилище, но возстановлять обиталище души — плоть, которую Онъ создалъ своими руками. Такъ ты долженъ разсуждать объ этомъ, мудрѣйшій Аглаофонъ! И это всего легче ты поймешь, если обратишь вниманіе на при-

мѣръ сна и пробужденія. Ибо если за бодрствованіемъ слѣдуетъ сонъ, а за сномъ пробужденіе: то въ этомъ заключается ученіе о смерти и воскресеніи; такъ какъ „сонъ и смерть близнецы“¹⁾, то оживотвореніе изъ мертвыхъ, чтобы плоть ожила, такъ же необходимо, какъ востаніе отъ сна. Ибо какъ за сномъ слѣдуетъ бодрствование, и спящій конечно не остается на всегда въ одномъ и томъ же сонномъ состояніи, но опять встаетъ, такъ и за смертію послѣдуетъ жизнь, и умершій конечно не останется въ томъ же состояніи. Такъ, если послѣ сна бываетъ бодрствование, послѣ паденія—востаніе, послѣ разрушенія возсозданіе: то какъ можно не ожидать, что падшее встанетъ и умершее оживетъ? И мы не обольщаясь исповѣдуемъ, что умершія тѣла снова оживутъ. Объ этомъ, если хочешь, заключай не только отъ сна и востанія, но и отъ сѣмянъ и растений, такъ какъ всѣми ими возвѣщается воскресеніе. Посмотри на сѣмена, какъ онѣ голыя и тощія бросаются въ землю, а оттуда появляются опять плодоносными. Если-бы сѣмена умирали и согнивали, и изъ сѣмянъ не происходило новой жизни и растенія: тогда что другое вышло-бы, какъ не то, что все было бы истреблено смертію?

Г л а в а XXXIV.

Но болѣе говорить объ этомъ теперь, державный Теофилъ и прочіе судіи словъ нашихъ, мы не станемъ, а рассмотримъ, что слѣдуетъ по порядку, такъ какъ наша рѣчь допустила слишкомъ далекое отступленіе. Ибо по натянутому и несообразному истолкованію противникомъ пророчества въ 65 Псалмѣ, Богъ, будто бы въ наказаніе за грѣхи, заключаетъ душу въ тѣло, какъ въ узы. Это скорѣе нелѣпость, чѣмъ справедливое мнѣніе. Ибо если ранѣе преступленія, какъ мы прежде изложили, души получили тѣло: то какимъ образомъ послѣ преступленія онѣ заключаются въ тѣло, какъ въ узы, когда нѣтъ времени, въ которое бы онѣ прежде полученія тѣла согрѣшили? Тотъ не

¹⁾ Илиад. XVI, 672.

умень, кто говоритъ, то—будто бы души по причинѣ тѣла согрѣшили, то—будто бы послѣ того, какъ согрѣшили, въ осужденіе за это тѣло стало темницею и узами. Если души согрѣшили по причинѣ тѣла, значитъ, тѣло соединено было съ ними сначала, еще прежде грѣха. Ибо какъ онѣ согрѣшили бы по причинѣ того, что еще не существовало? И еще: если тѣло человѣка принимать за узы, оковы и темницу, то не оба они вмѣстѣ виновны во грѣхѣ, но одна душа. Ибо что бываетъ послѣ грѣха съ согрѣшившимъ? Ему готовятъ темницу, узы и оковы. Но мы признали, что тѣло не можетъ быть названо узами души; потому что тѣло содѣйствуетъ ей въ томъ и другомъ, т. е. въ праведности и въ неправедности, а узы удерживаютъ отъ неправды. Поэтому, какъ я говорю, надобно допустить одно изъ двухъ: или мы отъ начала согрѣшили вмѣстѣ съ тѣломъ, и не представляется времени, въ которое бы мы были безъ тѣла, и слѣдовательно тѣло вмѣстѣ съ душею есть вина и добрыхъ и худыхъ дѣлъ; или мы согрѣшили, когда жили безъ тѣла, а посему тѣло совершенно не виновно во злѣ. Но душа безъ тѣла не побѣждается неразумнымъ сластолюбіемъ, а между тѣмъ первозданные побѣждены, бывъ уловлены неразумнымъ сластолюбіемъ; слѣдовательно душа была соединена съ тѣломъ еще до грѣха.

Г л а в а XXXV.

Мнѣ кажется, я уже вполнѣ и со всякою убѣдительностію доказалъ, что нельзя думать, будто тѣло стало узами въ наказаніе за преступленіе, дабы душа, облекшись въ мертвенность, несла, по ихъ мнѣнію, непрестающее и постоянное наказаніе. Посему несостоятельно и невозможно то положеніе, будто тѣло есть сѣть и узы, и будто Богъ заключилъ души въ эту сѣть въ наказаніе, свергнувъ ихъ съ третьяго неба, за то, что онѣ нарушили заповѣдь. Ибо на какомъ основаніи можно повѣрить такимъ опрометчивымъ словамъ ихъ? И въ Псалмѣ этого нѣтъ, а они натянуто изъясняютъ его... Но я представлю самыя слова,

тамъ находящіяся, дабы обнаружилась лживость толкованія ихъ, какъ они не хотятъ правильно понимать Писанія. Эти слова слѣдующія: *Ты испыталъ насъ, Боже, переплавилъ насъ, какъ переплавляютъ серебро. Ты ввелъ насъ въ стѣть, положилъ око-вы на чресла наши; посадилъ человека на главу нашу. Мы вошли въ огонь и въ воду, и Ты вывелъ насъ на свободу* (Пс. 65, 10—11). Они тотчасъ присовокупляютъ: это сказано о душахъ низверженныхъ съ третьяго неба, гдѣ рай, въ это тѣло, какъ въ стѣть, какъ бы для подвига. Ибо, говорятъ, слова: „мы прошли чрезъ огонь и воду“ означаютъ: или вшествіе души въ міръ чрезъ утробу матернюю, такъ какъ она пребываетъ тамъ какъ бы въ пламени и влагѣ; или — ниспаденіе съ небесъ въ эту жизнь, совершающееся чрезъ источники огненные и воды, находящіяся надъ пространствами тверди. Противъ нихъ-то я и нашелъ нужнымъ выступить. Ты, Аглафонъ, самъ дай за нихъ отвѣтъ, что они будутъ говорить?

Г л а в а XXXVI.

Во первыхъ рай, откуда мы изгнаны въ лицѣ первозданнаго, очевидно есть избранное мѣсто на этой землѣ, именно назначенное святымъ для безпечальнаго успокоенія и жизни, откуда истекая Тигръ и Евфратъ и другія рѣки показываются здѣсь, чтобы своимъ теченіемъ орошать нашъ материкъ; не съ неба онѣ текутъ и низвергаются, потому что и земля не въ состояніи была бы принять такую массу воды, заразъ устремляющейся съ высоты. И Апостоль полагаетъ рай не на третьемъ небѣ, если кто умѣетъ понять тонкій смыслъ словъ его: *знаю человека, который восхищенъ былъ до третьяго неба. И знаю о такомъ человекѣ (только не знаю, въ тѣлѣ, или внѣ тѣла, Богъ знаетъ), что онъ былъ восхищенъ въ рай* (2 Кор. 12, 2—4). Онъ показываетъ, что видѣлъ два откровенія, очевидно дважды бывъ восхищенъ: однажды — до третьяго неба, въ другой разъ — въ рай. Ибо слова: „знаю человека, который восхищенъ былъ до третьяго неба“ указываютъ собственно на откровеніе, бывшее ему во время восхищенія на третье

небо; а слѣдующія за тѣмъ слова: „и знаю о такомъ человѣкѣ (только не знаю, въ тѣлѣ или внѣ тѣла, Богъ знаетъ), что онъ былъ восхищенъ въ рай“ указываютъ на другое откровеніе, бывшее ему въ раю. И такъ говорить, что души низвергаются съ неба, и, стремясь въ нашъ міръ, проходятъ чрезъ огненные источники и воды надъ пространствами тверди, есть пустословіе и натянутая рѣчь; потому что и Адамъ не съ неба былъ низверженъ, но изъ рая, насажденнаго въ Эдемѣ на востокъ; и паденіе было не прежде облеченія въ тѣло, какъ мы достаточно показали; также и это тѣло не есть сѣть, но паденіе произошло по соединеніи души съ тѣломъ, потому что человѣкъ состоитъ изъ того и другаго, и изгнаніе изъ рая случилось здѣсь же. Но противники наши, Аглафонъ, не обратили тщательнаго вниманія на это слово, но пустились въ разсужденіе о такихъ предметахъ, о которыхъ не безопасно разсуждать, и стали изъяснять Псаломъ согласно съ мнѣніемъ людей неблагонамѣренныхъ, о чемъ говорить больше не станемъ.

ГЛАВА XXXVII.

Такъ какъ мы однажды рѣшились исправить ихъ невѣжество, то я хочу раскрыть имъ смыслъ и этого пророчества: *Ты испыталъ насъ, Боже, переплавилъ насъ, какъ переплавляютъ серебро.* Такъ мученики, продолжительно искушенные ударами мученій во время пытокъ (ибо многое въ пророчествахъ относится къ намъ и исполняются они по вѣрѣ), славно и мужественно подвизавшись, словами: „Ты испыталъ насъ“ благодарятъ Бога за то, что Онъ, для доставленія имъ большей славы, испыталъ ихъ многими скорбями, предложивъ имъ одержать побѣду въ состязаніи, по истинѣ олимпійскомъ. Посмотрите, какъ согласно съ этими словами и ясно говорить о мученіяхъ и Соломонъ (ибо наше слово не лишено свидѣтельства и изъ другихъ Писаній): *потому что Богъ испыталъ ихъ, и нашелъ ихъ достойными Его. Онъ испыталъ ихъ какъ золото въ горниль, и принялъ*

ихъ какъ жертву всесовершенную, и во время воздаянія имъ и пр. (Прем. 3, 5 — 6); а выше сказалъ: ибо хотя они въ глазахъ людей и наказываются, но надежда ихъ полна безсмертія. И немногихъ наказанные, они будутъ благодѣтельствованы (ст. 4—5). И въ 123-мъ Псалмѣ говорится: если бы не Господь былъ съ нами, когда востали на насъ люди, то живыхъ они поглотили бы насъ, когда возгорѣлась ярость ихъ на насъ; воды потопили бы насъ, потокъ прошелъ бы надъ душою нашею; прошли бы надъ душою нашею воды бурныя. Благословенъ Господь, который не далъ насъ въ добычу зубамъ ихъ! Душа наша избавилась, какъ птица, изъ сѣти ловящихъ; сѣть расторгнута, и мы избавились (Пс. 123, 2 — 8). Этотъ Псаломъ поютъ мученики. Такъ два лика добропобѣдныхъ мучениковъ, — одинъ Новаго, другой Вѣтнаго завѣта попеременно возсылаютъ Богу-Заступнику и Царю всѣхъ стройную пѣснь: Ты испыталъ насъ, переплавилъ насъ, какъ переплавляютъ серебро; Ты ввелъ насъ въ сѣть, положилъ оковы на чресла наши; здѣсь разумѣется судилище язычниковъ, или пытки, во время которыхъ истерзанные и опаленные огнемъ были сильно искушаемы. Искуси меня. Господи, говоритъ Псалмопѣвецъ, и испытай меня; расплавь внутренности мои и сердце мое (Пс. 25, 2). Пусть и Авраамъ, разжегшійся утробою о единокровномъ и предпочетшій всему повелѣнію Божіе, послѣ того какъ услышалъ голосъ: Авраамъ! пощади сына своего и брось мечъ, говоритъ такія слова: Ты испыталъ насъ, Боже, переплавилъ насъ, какъ переплавляютъ серебро. Пусть и Іовъ, послѣ того какъ истекъ гноемъ, поносимъ былъ друзьями и болѣлъ тѣломъ, пусть и онъ, услышавъ Бога, глаголавшаго ему въ вихрѣ: неужели ты думаешь, что Я такъ поступилъ съ тобою для чего-нибудь иного, а не для того, чтобы ты явился праведнымъ? (Іов. XL, 3) ¹⁾, говоритъ: Ты положилъ оковы на чресла наши, испыталъ насъ, какъ золото въ горниль. Пусть и три отрока, орошаемые въ пещи, дабы не были опалены огнемъ, говорятъ: Ты испыталъ насъ, Боже, переплавилъ насъ, какъ переплавляютъ серебро. Мы вошли въ огонь и въ воду, и Ты вывелъ

¹⁾ По переводу 70-ти толковниковъ.

насъ на свободу... Боже Вседержитель, вѣчный, Отче Христа! Даруй и мнѣ, Мееодию, когда я въ день Твой безболѣзненно пройду чрезъ огонь и избѣгну стремленія водъ, премѣнившихся въ огненное естество, даруй сказать: — *Я вошелъ въ огонь и въ воду и Ты вывелъ меня на свободу; ибо таково обѣтованіе Твое любящимъ Тебя: будешь ли переходить черезъ воды, Я съ тобою, чрезъ рѣки ли, онѣ не потопятъ тебя; пойдешь ли чрезъ огонь, не обожжешься, и пламя не опалитъ тебя* (Исаія, 43, 2). Однако довольно этого для изъясненія Псалма.

ГЛАВА XXXVIII.

Теперь должно обратить вниманіе на то, какъ они, подобно соннымъ, увлеченные многообразными обольщеніями, указываютъ на слова Апостола: *я жилъ нѣкогда безъ закона* (Рим. 7, 9); и говорятъ, будто Апостоль подѣ жизнію прежде заповѣди разумѣлъ нашу въ первозданномъ жизнь прежде тѣла, что показываютъ послѣдующія слова: *я плотяны, проданъ грѣху* (ст. 14); потому что человекъ не могъ сдѣлаться подвластнымъ и подчиниться злу, *бывъ проданъ* ему вслѣдствіе преступленія, если бы не сдѣлался плотянымъ; такъ какъ, по ихъ словамъ, душа сама по себѣ недоступна грѣху, поэтому Апостоль съ намѣреніемъ присокупилъ: *а я плотяны, проданъ грѣху*, сказавъ прежде: *я жилъ нѣкогда безъ закона*. Отъ такихъ словъ ихъ многіе въ тогдашнее время приходили въ удивленіе и изумленіе, а теперь, когда истина уже яснѣе обнаружилась, они оказываются не только далеко заблуждающимися, но и дошедшими до крайняго богохульства; допустивъ, что души прежде заповѣди жили безъ тѣла, и разсудивъ, что онѣ сами по себѣ совершенно недоступны грѣху, они опять опровергли свое ученіе, или лучше самихъ себя. Ибо они усваиваютъ имъ тѣла, полученныя будто бы послѣ въ наказаніе за то, что онѣ согрѣшили прежде тѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ навлекаютъ неодобреніе и на самихъ себя, уподобляя тѣло узамъ и оковамъ и говоря другія безсмыслицы. Между тѣмъ, какъ сказано, все напротивъ. Ибо душа прежде грѣха

должна существовать вмѣстѣ съ тѣломъ; потому что, если душа сама по себѣ недоступна грѣху, то она никакимъ образомъ не согрѣшила бы прежде тѣла; а если согрѣшила, то уже сама по себѣ не недоступна грѣху, но скорѣе удобо-преклонна и легко доступна, слѣдовательно и опять будетъ грѣшить, хотя бы и не получила этого тѣла, какъ грѣшила и прежде полученія его. И вообще для чего бы она получила тѣло впослѣдствіи, послѣ совершенія грѣха? И какая была ей нужда въ тѣлѣ? Если для того, чтобы понести мученія и скорби, то почему же она вмѣстѣ съ тѣломъ роскошествуетъ и распутствуетъ? Какимъ образомъ также она является самовластною въ этомъ мірѣ? Ибо отъ насъ зависитъ исправиться и согрѣшить, отъ насъ—дѣлать добро и дѣлать зло. И можно ли послѣ этого ожидать будущаго суда, на которомъ Богъ воздастъ каждому по дѣламъ и намѣреніямъ? Не признать ли, что судъ уже есть и теперь, если родиться и войти въ тѣло для души значитъ быть осужденной и получить возмездіе, а умереть и разлучиться съ тѣломъ значитъ освободиться и придти въ покой, потому что, по вашему мнѣнію, она заключена въ тѣло въ осужденіе и въ наказаніе за то, что согрѣшила прежде тѣла? Но разсужденіе достаточно и съ избыткомъ доказало, что невозможно признать, будто тѣло есть мѣсто мученія и узы души.

ГЛАВА XXXIX.

И такъ, доказавъ изъ самаго Писанія, что первозданный прежде преступленія состоялъ изъ души и тѣла, можно удовлетвориться и окончить здѣсь разсужденіе объ этомъ предметѣ. Таперь, дабы не нарушать порядка рѣчи, я разберу ихъ ученіе въ главныхъ основаніяхъ съ тѣмъ, чтобы возраженіями опровергнуть начала ихъ доказательствъ. Ибо вы уже сами можете видѣть, судіи, что сказанныя въ посланіи къ Римлянамъ слова: *я жилъ никогда безъ закона*—не могутъ, согласно съ ихъ мнѣніемъ, указывать на жизнь души прежде тѣла, какъ показываютъ послѣдующія за тѣмъ слова, хотя бы этотъ знаменитый врачъ, вырвавъ послѣ-

дующее, усиливался передѣлать слова Апостола на пригодный ему смыслъ, поступивъ въ этомъ случаѣ не какъ врачъ, а какъ ребенокъ. Ибо вмѣсто того, чтобы соблюсти члены тѣлесные въ ихъ собственныхъ сочлененіяхъ и связяхъ, дабы весь естественный видъ тѣла былъ цѣлъ, онъ, не обративъ вниманія, изуродовалъ связь Писанія, какъ Скиѣ, который безпощадно рѣжетъ члены какого-нибудь врага для его истребленія. Пусть такъ; какъ же, скажутъ, разумѣль эти слова Апостолъ, когда ты доказалъ, что они имѣютъ не такой смыслъ? Я сказалъ бы, что онъ закономъ называетъ заповѣдь. Пусть же будетъ прежде всего по нашему предположенію, что онъ заповѣдь назвалъ закономъ,—и при этомъ онъ не высказалъ, что первоизданный прежде заповѣди жилъ безъ тѣла, а только безъ грѣха. Ибо не много протекло времени отъ сотворенія его до заповѣди, когда онъ жилъ безъ грѣха, не безъ тѣла, но съ тѣломъ. Скоро послѣ заповѣди онъ былъ изгнанъ, очень краткое время проведши въ раю. А если кто, воспользовавшись слѣдующимъ изреченіемъ: *когда мы жили по плоти, тогда страсти грѣховныя, обнаруживаемыя закономъ, дѣйствовали въ членахъ нашихъ*, подумаетъ, будто Апостолъ порицаетъ и обвиняетъ плоть, и прибавитъ къ этому то, что сказано о томъ же въ другихъ мѣстахъ,—именно: *чтобы оправданіе закона исполнилось въ насъ, живущихъ не по плоти, но по духу*, или еще: *ибо живущіе по плоти о плотскомъ помышляютъ, а живущіе по духу о духовномъ; помысленія плотскія суть смерть, а помысленія духовныя жизнь и миръ; потому что плотскія помысленія суть вражда противъ Бога; ибо закону Божию не покоряются, да и не могутъ; но вы не по плоти живете, а по духу* (Рим. 8, 4—9), — то ему надобно сказать: отрѣшился ли уже отъ жизни Апостолъ и тѣ, къ которымъ онъ писалъ это, если онъ въ этомъ мѣстѣ порицалъ не жизнь по плоти, но плоть, или еще былъ во плоти? Но что онъ не былъ во плоти, когда написалъ это, этого сказать нельзя; ибо очевидно, что и самъ онъ былъ во плоти, и тѣ, къ которымъ онъ писалъ это. Если бы ни самъ онъ уже не былъ во плоти, ни тѣ, къ которымъ онъ пишетъ, то какъ могъ бы онъ

сказать: *когда мы жили по плоти, тогда страсти грѣховныя, обнаруживаемыя закономъ, дѣйствовали въ членахъ нашихъ?* Итакъ, онъ разсуждаетъ о жизни невоздержной, а не о самой плоти; ибо онъ обыкновенно называетъ живущаго такимъ образомъ человѣка плотскимъ, равно какъ душевнымъ человекомъ такого, который потерялъ надежду видѣть истину и свѣтъ таинства. Пусть же говорятъ, что душа совсѣмъ не можетъ спастись. Ибо написано: *душевный человекъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ сіе безуміемъ; но духовный судитъ о всемъ* (1. Кор. 2, 14. 15). На ряду съ душевнымъ представляется тамъ и духовный человекъ,—духовный въ числѣ спасаемыхъ, а душевный въ числѣ погибающихъ, и не потому, будто душа погибаетъ, а другое кромѣ души спасается; такъ и здѣсь, когда онъ говоритъ, что плотскіе и сущіе во плоти погибаютъ и не могутъ угодить Богу, онъ старается истребить не плоть, но жизнь по плоти. Далѣе онъ говоритъ: *живущіе по плоти Богу угодить не могутъ; и тотчасъ присовокупляетъ: но вы не по плоти живете, а по духу, если только Духъ Божій живетъ въ васъ; и нѣсколько далѣе: если же Духъ Того, Кто воскресилъ изъ мертвыхъ Іисуса, живетъ въ васъ: то Воскресившій Христа изъ мертвыхъ оживитъ и ваши смертныя тѣла Духомъ Своимъ, живущимъ въ васъ. И такъ, братія, мы не должники плоти, чтобы жить по плоти: ибо, если живете по плоти, то умрете; а если духомъ умерщвляете тѣла плотскія, то живы будете* (Рим. 8, 8. 9. 11. 12. 13). Должно обратить вниманіе на удостовѣреніе Апостола, что не тѣло умерщвляется, а стремленіе тѣла къ сладострастію.

ГЛАВА XL.

Если же на это опять возразятъ и скажутъ: почему же сказано: *плотскія помышленія суть вражда противъ Бога: ибо закону Божію не покоряются, да и не могутъ* (Рим. 8, 7): то надобно сказать, что и здѣсь они погрѣшаютъ. Ибо Апостоль сказалъ, что не можетъ покоряться закону Божію не самая плоть, но мудрованіе плоти, что совсѣмъ

другое, нежели плоть. Такъ если бы кто-либо сказалъ: примѣсь въ нехорошо-очищенномъ серебрѣ не покоряется художнику, чтобы сдѣлать годный сосудъ; ибо не можетъ, потому что нужно прежде отдѣлить и очистить ее чрезъ огонь: то этимъ показалъ бы, что нельзя выработать въ полезный сосудъ не серебро, но находящуюся въ серебрѣ примѣсь мѣди и другое твердое вещество. Такъ и Апостолъ, сказавъ о мудрованіи плоти, не сказалъ, будто плоть не можетъ покоряться закону Божію, но мудрованіе во плоти, разумѣя стремленіе ея къ невоздержанію. Въ другихъ мѣстахъ онъ называлъ это иногда ветхимъ квасомъ злобы и лукавства, повелѣвая намъ совершенно очищать себя отъ него (1 Кор. 5, 7), иногда—закономъ противоположащимъ закону ума и плѣняющимъ (Рим. 7, 23). Но если бы онъ говорилъ о самой плоти, что она не можетъ покоряться закону Божію: тогда мы, будемъ ли распутствовать или грабить, или дѣлать другія какія-нибудь подобнаго рода дѣла при посредствѣ тѣла, не могли бы заслужить осужденія отъ праведнаго Судіи; потому что плоть не можетъ покоряться закону Божію. Ибо какъ можно было бы осуждать тѣло, когда оно живетъ сообразно съ присущею ему природою? Равнымъ образомъ тѣла нельзя было бы подчинить требованіямъ непорочности или добродѣтели, такъ какъ ему отъ природы свойственно не покоряться добру. Ибо, если естество плоти таково, что она не можетъ покоряться закону Божію, а законъ Божій есть правда и цѣломудріе: тогда по необходимости совершенно нельзя было бы быть ни дѣвственникомъ, ни воздержникомъ. Если же есть дѣвственники и воздержники, то они воздерживаются очевидно потому, что покоряютъ тѣло; иначе невозможно воздержаться отъ грѣха. Если тѣло не можетъ покоряться закону Божію, то какимъ бы образомъ Іоаннъ подчинилъ свое тѣло чистотѣ, или Петръ—святости, или другіе—праведности? Зачѣмъ же и Павелъ говоритъ: *и такъ да не царствуетъ грѣхъ въ смертномъ вашемъ тѣлѣ, чтобы вамъ повиноваться ему въ похотяхъ его, и не предавайте членовъ вашихъ грѣху въ орудія неправды, но представьте себя Богу, какъ ожившихъ изъ*

мертвыхъ, и члены ваши Богу, въ орудія праведности? (Рим. 6, 12 — 13)—и еще: какъ предавали вы члены ваши въ рабы нечистоты и беззаконію на дѣла беззаконныя: такъ нынѣ представьте члены ваши въ рабы праведности на дѣла святыхъ? (ст. 19).

ГЛАВА XLI.

И такъ Апостолъ зналъ, что эта внѣшняя храмина можетъ быть исправлена и направлена къ добру, чтобы умерщвлены были въ ней грѣхи. Иначе, какимъ образомъ человѣкъ и въ нашемъ положеніи можетъ поработиться правдѣ, если прежде не покорить члены своего тѣла такъ, чтобы они повиновались уже не грѣху, но правдѣ, и не будетъ вести жизнь, достойную Христа? Согреѣшеніе и несогреѣшеніе происходитъ при посредствѣ тѣла, такъ какъ душа пользуется имъ, какъ орудіемъ, въ добродѣтели или въ пороки. И если ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни малакіи, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злорѣчивые, ни хищники, царства Божія не наслаждаются (1 Коринѣ. 6, 9. 10), а дѣла эти совершаются и усиливаются при посредствѣ тѣла,— и оправдаться не можетъ никто, если прежде не воздержится отъ нихъ, воздерживается же отъ нихъ тотъ, кто направленъ къ цѣломудрію и вѣрѣ,—то отсюда слѣдуетъ, что тѣло можетъ покоряться закону Божію; потому что законъ Божій есть цѣломудріе. Посему-то Апостолъ сказалъ, что не покоряется добру не плоть, но мудрованіе плотское, какъ бы истребляя самое ея стремленіе къ невоздержанію, равно какъ и воспламененіе души къ неправдѣ. Вооружаясь и противъ невоздержанія чревобѣсія, онъ сказалъ, что нужно очищать себя, научая истреблять такія пожеланія и страстныя влеченія и пристыжая тѣхъ, которые думаютъ проводить жизнь въ такихъ удовольствіяхъ, которые признаютъ чрево богомъ (Фил. 3, 10), говоря: *станемъ ѣсть и пить; ибо завтра умремъ* (1 Кор. 15, 32), какъ ненасытныя животныя, заботящіяся только о дольной пищѣ и трапезахъ. Сказавши: *пища для чрева, и чрево для пищи*, онъ присовокупилъ: *но*

Богъ уничтожитъ и то и другое; тѣло же не для блуда, но для Господа, и Господь для тѣла. Богъ воскресилъ Господа, воскреситъ и насъ силою своею. Развѣ не знаете, что тѣла ваши суть члены Христовы? И такъ отниму ли члены у Христа, чтобы сдѣлать изъ членами блудницы? Да не будетъ! Или не знаете, что совокупляющійся съ блудницею становится одно тѣло съ нею, ибо сказано: два будутъ одна плоть (Быт. 2, 24). А соединяющійся съ Господомъ есть одинъ духъ съ Господомъ. Бѣгайте блуда: всякій грѣхъ, какой дѣлаетъ человекъ, есть внѣ тѣла; а блудникъ грѣшитъ противъ собственнаго тѣла. Не знаете ли, что тѣла ваши суть храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа, котораго имѣете вы отъ Бога, и вы не свои? Ибо вы куплены дорогою цѣною. Посему прославляйте Бога и въ тѣлахъ вашихъ и въ душахъ вашихъ, которыя суть Божіи (1 Кор. 6, 13—20).

ГЛАВА XLII.

Замѣть, что Апостолъ потому сказалъ эти слова, что это тѣло можетъ воспріять законъ Божій и безсмертіе, если очистится отъ нечистыхъ разжженій, совершенно не оскверняясь незаконными возбужденіями страстей. Ибо что другое можетъ прилѣпляться къ сквернодѣйцѣ, сближаться и быть одною плотію съ нею чрезъ соединеніе и взаимное общеніе членовъ, какъ не это внѣшнее тѣло, которымъ совершаются всѣ эти прегрѣшенія, относящіяся къ совокупленію и разжженію? *Бѣгайте блуда: всякій грѣхъ, какой дѣлаетъ человекъ, есть внѣ тѣла; а блудникъ грѣшитъ противъ собственнаго тѣла (1 Кор. 6, 18).* Ибо гордость, невѣріе, ярость, лицемеріе суть грѣхи души; а блудъ, похоть, развратъ суть грѣхи тѣла; съ ними ни душа не можетъ воспарить къ истинѣ, ни тѣло подчиниться правиламъ цѣломудрія, но оба должны лишиться царства Божія. И такъ, если тѣла наши, содержимыя въ святости, суть храмъ живущаго въ насъ Духа (1 Кор. 6, 19), если и Господь пребываетъ въ тѣлѣ, и члены тѣла суть члены Христовы, значитъ, тѣло можетъ покоряться закону Божію и можетъ наслѣдовать царствіе Божіе. *Воскресившій изъ мертвыхъ Христа,*

говорить Апостолъ, *оживитъ и ваши смертныя тѣла Духомъ своимъ, живущимъ въ васъ* (Рим. 8, 11), чтобы *тлѣнное сіе облеклось въ нетлѣніе, и смертное сіе облеклось въ безсмертіе, и поглощена была смерть побѣдою* (1 Кор. 15, 54). Не о другомъ тѣлѣ, какъ вы думаете, разсуждалъ здѣсь Апостолъ, но объ этомъ умирающемъ и умерщвляемомъ, посредствомъ котораго можно и блудодѣйствовать и распутствовать.

ГЛАВА XLIII.

Если же они предполагаютъ, что есть различіе между тѣломъ и плотію, и желаютъ, чтобы и мы согласились на такое ихъ умствованіе, по которому они тѣломъ почитаютъ нѣчто другое, какъ бы свойственное самой душѣ, невидимое, а плотію — это внѣшнее, видимое: то противъ этого должно сказать, что не только Павелъ и Пророки эту плотъ обыкновенно называютъ тѣломъ, но даже и философы, у которыхъ въ особенности наблюдается точность названій. Если они хотятъ научно изслѣдовать это, то вообще плотію называется собственно не вся эта масса нашей тѣлесной храмины, но нѣкоторая часть цѣлаго, какъ то: кости, нервы, жилы, а тѣломъ — все, цѣлое. Поэтому врачи, которые тщательно изслѣдовали природу тѣла, называютъ тѣломъ это видимое тѣло. И самъ Платонъ это самое признаетъ тѣломъ. Такъ въ Федонѣ Сократъ говоритъ: „почитаемъ ли мы смертію что-нибудь другое, а не отрѣшеніе души отъ тѣла? Умереть не то ли значитъ, что тѣло, отрѣшенное отъ души, существуетъ само по себѣ, а душа, отрѣшившаяся отъ тѣла, существуетъ сама по себѣ?“ ¹⁾ И блаженный Моисей (мы опять обращаемся къ Господнимъ Писаніямъ) не это ли тѣло разумѣетъ, которое и мы называемъ, когда говоритъ: *и омоетъ одежды свои во время очищенія прикоснувшійся къ нечистому, и омоетъ тѣло свое водою и нечистъ будетъ до вечера?* (Лев. 14, 9. 11, 25). Что и Іовъ? Не это ли мертвенное тѣло обозначаетъ и онъ словами: *тѣло мое одѣто червями?* (Іов. 7, 5). И Соломонъ гово-

¹⁾ Федон. 64, С.

рить: въ лукавую душу не войдетъ премудрость, и не будетъ обитать въ тѣлѣ, порабоощенномъ грѣху (Прем. 1, 4). И у Даниїла говорится о мученикахъ: огонь не имѣлъ силы (надъ тѣломъ ихъ), и волосы на головѣ не опалены (Дан. 3, 94). Также и Господь въ Евангеліи: посему говорю вамъ: не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть и что пить, ни для тѣла вашего, во что одѣться. Душа не больше ли пищи, и тѣло одежды? (Мат. 6, 25). И Апостолъ словами: и такъ да не царствуетъ грѣхъ въ смертномъ вашемъ тѣлѣ (Рим. 6, 12), указываетъ на это тѣло, въ которое мы облечены: и еще: если же духъ Того, кто воскресилъ изъ мертвыхъ Іисуса, живетъ въ васъ: то Воскресившій Христа изъ мертвыхъ оживитъ и ваши смертныя тѣла (Рим. 8, 11); и опять: если нога скажетъ: я не принадлежу къ тѣлу, потому что я не рука; то неужели она потому не принадлежитъ къ тѣлу? (1 Кор. 12, 15). И еще: и не изнемогли въ вѣрѣ, онъ не помышлялъ, что тѣло его, почти столѣтняго, уже омертвѣло (Рим. 4, 19); также: ибо всѣмъ намъ должно явиться предъ судилище Христова, чтобы каждому получить, соотвѣтственно тому, что онъ дѣлалъ, живя въ тѣлѣ (2 Кор. 5, 10); также: въ посланіяхъ онъ строгъ и силенъ, а въ личномъ (тѣлесномъ) присутствіи слабъ, и рѣчь его незначительна (2 Кор. 10, 10); еще: знаю человека во Христа, который назадь тому четырнадцать лѣтъ (въ тѣлѣ ли, не знаю, внѣ ли тѣла, не знаю (2 Кор. 12, 2); и опять: такъ должны мужья любить своихъ женъ, какъ свои тѣла (Еф. 5, 28); и еще: Самъ Богъ мира да освятитъ васъ во всей полнотѣ, и вашъ духъ и душа и тѣло да сохранится безъ порока въ пришествіе Господа нашего Іисуса Христа (1 Сол. 5, 23). Но они, ничего этого вѣрно не понявъ, подумали, что Апостолъ находится въ волненіи и смущеніи, какъ будто мысли его не имѣютъ твердости и основательности въ словахъ, но возвращаются туда и сюда и сами себѣ противорѣчатъ: будто бы онъ говорить, что плоть то воскреснетъ, то не воскреснетъ.

Г л а в а XLIV.

Посему, дабы не опустить ничего изъ предложеннаго, я опять возвращусь къ предмету, чтобы совершенно пора-

зять гидру. Представивъ въ порядкѣ, какъ я общалъ, и другія основанія ихъ недоумѣнія, и доказавъ, что должно сказать противъ нихъ, я вслѣдъ за этимъ покажу и то, что касательно вѣры въ воскресеніе плоти противникъ сказалъ согласно и тождественно съ нами. И такъ разсмотримъ то, что прежде рѣшили мы сказать о словахъ Апостола. Слова его: *я жилъ никогда безъ закона*, какъ мы показали сначала, означаютъ прежнюю жизнь нашу въ лицѣ прародителей, въ раю, прежде заповѣди, не безъ тѣла, но вмѣстѣ съ тѣломъ; потому что прежде, нежели дана была заповѣдь, *Богъ создалъ человека изъ праха земнаго* (Быт. 2, 7); и тогда мы жили безъ похоти, совершенно не зная прираженій неразумной похоти, которая увлекательными обольщеніями удовольствій побуждаетъ насъ къ невоздержанію. Ибо кто не имѣетъ опредѣленнаго закона, сообразно съ которымъ онъ долженъ жить, ни самостоятельной власти разсудка, какой избрать образъ жизни для того, чтобы заслужить справедливую похвалу или порицаніе, тотъ, надобно сказать, свободенъ отъ всякаго обвиненія; потому что такой человѣкъ не можетъ пожелать того, что не запрещено; а если пожелаетъ, не будетъ виноватъ. Ибо желаніе склоняется не къ присущимъ и находящимся въ нашей власти предметамъ, но къ такимъ, которые, хотя присущи намъ, но не въ нашей власти находятся. Какъ же можетъ кто-либо желать и любить то, что ему не воспрещено и въ чемъ оно не имѣетъ нужды? Посему я не понималъ бы и пожеланія, если бы законъ не говорилъ: *не пожелай* (Рим. 7, 7). А послѣ того, какъ прародители услышали: *а отъ дерева познанія добра и зла, не ѣшьте отъ него; ибо въ день, въ который вы вкусите отъ него, смертію умрете* (Быт. 2, 17),—тогда они возымѣли страсть и похоть. Ибо похотствующій желаетъ не того, что имѣетъ, надъ чѣмъ властвуетъ и чѣмъ пользуется, но того, что воспрещено ему и отнято и чего не имѣетъ; посему прекрасно сказано: *я не понималъ бы и пожеланія, если бы законъ не говорилъ: не пожелай*, т. е., если бы не было сказано: *не ѣшьте отъ него*. Отсюда мѣсто и поводъ къ происхожденію грѣха, обольщающаго и увлекающаго меня.

ГЛАВА XLV.

Послѣ того, какъ дана была заповѣдь, діаволъ сталъ имѣть поводъ посредствомъ заповѣди произвести во мнѣ похоть, возбудивъ и склонивъ меня хитростію впасть въ желаніе запрещеннаго. *Ибо безъ закона грѣхъ мертвъ* (Рим. 7, 8), т. е., доколѣ не дана была и еще не существовала заповѣдь, грѣхъ былъ не дѣйствующимъ, и я прежде заповѣди жилъ непорочно, такъ какъ не имѣлъ опредѣленнаго закона и повелѣнія, сообразно съ которымъ должно было жить, и которое если бы нарушилъ, то согрѣшилъ бы. *Но когда пришла заповѣдь, то грѣхъ ожилъ, а я умеръ: и такимъ образомъ заповѣдь, данная для жизни, послужила мнѣ къ смерти* (Рим. 7, 9—10); потому что послѣ того, какъ Богъ положилъ законъ и опредѣлилъ, что должно дѣлать и чего не дѣлать, діаволъ произвелъ во мнѣ похоть. Такимъ образомъ это завѣщаніе Божіе и повелѣніе, данное мнѣ для жизни и безсмертія, для того, чтобы, повинувшись ему и живя согласно съ нимъ, я имѣлъ радость и жизнь безпечальную и вѣчно блаженную и всегда цвѣтущую безсмертіемъ, по нарушеніи его мною, обратилось мнѣ въ смерть и осужденіе; потому что діаволъ, котораго теперь Апостолъ называлъ грѣхомъ, — такъ какъ онъ есть виновникъ и изобрѣтатель грѣха, — чрезъ заповѣдь получивъ случай, обманомъ склонилъ меня къ преслушанію и, обольстивъ, умертвилъ, какъ подлежащаго приговору: *ибо въ день, въ который вы вкусите отъ него, смертію умрете* (Быт. 2, 17). — *По сему законъ святъ, и заповѣдь свята, и праведна, и добра* (Рим. 7, 12); потому что дана не во вредъ, а для спасенія: ибо мы никакъ не должны думать, чтобы Богъ дѣлалъ что-нибудь неполезное, или вредное. И такъ ужели благо содѣлалось для меня смертію, т. е. законъ, данный съ тѣмъ, чтобы быть для меня виною величайшаго блага? Да не будетъ! Потому что заповѣдь Божія дана не для того, чтобы поработить меня тлѣнію и наложить на меня печать смерти, виновницы гибели, но дабы обнаружился діаволъ, посредствомъ добра устроившій мнѣ зло, дабы онъ оказался и изобличенъ былъ, какъ

грѣшникъ по преимуществу — изобрѣтатель и устроитель грѣха, и дабы отлученъ былъ отъ всего добраго, какъ устроившій противное заповѣди Божіей. *Ибо мы знаемъ, что законъ духовенъ*, посему никому и ни въ чемъ не можетъ быть причиною вреда; потому что духовное обитаетъ далеко отъ неразумной похоти и грѣха; а я *плотянь, проданъ грѣху* (Рим. 7, 14), т. е. я, будучи плотянь и поставленъ среди зла и добра, какъ самовластный, дабы могъ избирать, что хочу — (ибо говоритъ Богъ: *Я предложилъ тебѣ жизнь и добро, смерть и зло*, Втор. 30, 15), — когда уклонился къ преслушанію закона духовнаго, т. е. заповѣди, и послушался плотскаго, т. е. совѣта змія: то вслѣдствіе этого выбора падши въ грѣхъ, я проданъ былъ діаволу. Отсюда зло, осадивъ меня, сидитъ на мнѣ и водворившись живетъ въ плоти моей, какъ трутень въ пчелиномъ сотѣ, часто летая и жужжа вокругъ него. Такъ какъ за нарушеніе заповѣди наложено на меня наказаніе — быть проданнымъ злу, то я и не *понимаю, что дѣлаю*, помышляя о томъ, чего не желаю. Ибо слова: *потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю* (Рим. 7, 15), должно принимать не по отношенію къ совершенію и содѣланію зла, но только по отношенію къ помышленію, такъ какъ посторонніе помыслы часто прилетаютъ къ намъ и склоняютъ насъ къ тому, чего не желаемъ, и душа помыслами увлекается ко многимъ предметамъ.

ГЛАВА XLVI.

Ибо совершенно не въ нашей волѣ находится имѣть, или не имѣть помыслъ о чемъ-нибудь непригодномъ, но слѣдовать или не слѣдовать помысламъ зависитъ отъ насъ. Мы не можемъ воспретить, чтобы отвнѣ наносимые для нашего искушенія помыслы не входили въ насъ; но не повиноваться, или не слѣдовать имъ можемъ. Иначе, какимъ образомъ Апостолъ зло, которое ему не нравилось, дѣлалъ гораздо болѣе, а добро менѣе, если бы онъ не говорилъ здѣсь о постороннихъ помыслахъ, которые къ намъ приходятъ иногда противъ нашей воли и неизвѣстно по какой причинѣ? Впрочемъ эти помыслы надобно уничтожать и

обуздывать, дабы, расширяясь за предѣлы, они не овладѣли душою, а при занятіи ими добро возникнуть въ насъ не можетъ. Посему справедливо сказалъ Апостолъ: *ибо не понимаю, что дѣлаю: потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю*. Мы хотимъ, чтобы и не мыслить о неподобающемъ и беззаконномъ, потому что совершенное добро состоитъ въ томъ, чтобы удерживаться не только отъ совершенія зла, но даже и отъ помышленія о немъ: но вотъ добро, котораго хотимъ, не дѣлается, а дѣлается зло, котораго не желаемъ. Ибо часто противъ нашей воли приходятъ намъ на сердце безчисленные помыслы о безчисленныхъ предметахъ, наполняющіе насъ заботою и неразумными хлопотами. Посему желать не помышлять о такихъ предметахъ состоитъ въ нашей волѣ, а сдѣлать такъ, чтобы уничтожить эти помыслы, такъ чтобы они опять не пришли намъ на умъ, нельзя; потому что, какъ я сказалъ, это не въ нашей власти, а въ нашей власти только слѣдовать имъ или не слѣдовать. Посему смыслъ этого изреченія: *что хочу доброе, то не творю*, слѣдующій: *хочу даже и не помышлять о томъ, что вредитъ мнѣ*, — ибо то добро безукоризненно, которое, какъ говорится, „сдѣлано безукоризненно и совершенно и по рукамъ и по уму“ ¹⁾: — *но не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю*; не хочу мыслить, — и мыслю, о чемъ не хочу. И посмотрите, не поэтому ли самому и Давидъ, болѣзнуя о томъ, что помышляетъ о томъ, о чемъ самъ не хотѣлъ бы, просилъ Бога: *отъ тайныхъ моихъ очисти меня, и отъ умышленныхъ удержи раба Твоего, чтобы не возобладали мною; тогда я буду непороченъ и чистъ отъ великаго развращенія* (Пс. XVIII, 13, 14); и самъ Апостолъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *испроверяемъ замыслы и всякое превозношеніе, возстающее противъ познанія Божія, и плѣняемъ всякое помышленіе въ послушаніе Христу* (II Кор. 10, 5).

ГЛАВА XLVII.

Если же кто, отваживаясь итти вопреки этихъ словъ, возразить, будто Апостолъ учить, что не въ помышленіи

¹⁾ Изреченіе поэта Симонида у Платона, въ Протаг. 339, В.

только мы дѣлаемъ зло, которое ненавидимъ и котораго не желаемъ, но въ самомъ дѣйстви и совершеніи его, потому что Апостоль сказалъ: *добра, котораго хочу, не дѣлаю, а зло, котораго не хочу, дѣлаю* (Рим. 7, 19), въ такомъ случаѣ, если говорящій это говоритъ правду, мы попросимъ его объяснить: что это за зло, которое Апостоль ненавидѣлъ и не хотѣлъ дѣлать, однакоже дѣлалъ, и что это за добро, которое онъ хотѣлъ дѣлать, и однакоже не дѣлалъ; но напротивъ сколько разъ хотѣлъ сдѣлать добро, столько разъ дѣлалъ не добро, котораго хотѣлъ, но зло, котораго не хотѣлъ? То ли, что онъ, не желая служить идоламъ, а служить Богу, не могъ служить Богу, чего хотѣлъ; а могъ служить идоламъ, чего не хотѣлъ? Или то, что желая быть цѣломудреннымъ, не дѣлалъ этого, напротивъ предавался невоздержанію, которымъ гнушался? Кратко сказать: пьянство, распутство, гнѣвъ, неправду и другія дѣла порочныя, которыхъ не хотѣлъ, дѣлалъ; а правды и святости, которыхъ желалъ, не дѣлалъ? Однакоже онъ самъ, усиленно побуждая всѣхъ въ Церкви удаляться отъ беззаконій и стараясь развить въ насъ праведность безъ примѣси грѣха, внушаетъ, что блюдутся для погибели и гнѣва не только тѣ, которые дѣлаютъ непотребныя дѣла и занимаются ими, но и тѣ, которые соизволяютъ имъ въ этомъ (Рим. I, 32). Такъ какъ всякій грѣхъ и намѣреніе достигаетъ исполненія посредствомъ плоти, то, ясно научая насъ отвращаться всего этого и ненавидѣть, онъ часто говоритъ въ посланіяхъ: *не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни малакіи, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злорѣчивые, ни хищники, царства Божія не насладуютъ* (1 Кор. 6, 9—10). И, самое главное, убѣждая насъ всячески совершенно удаляться и отвращаться грѣха, говоритъ: *будьте подражателями мнѣ, какъ я Христу* (1 Кор. 11, 1). Такимъ образомъ онъ сказалъ вышеприведенныя слова не въ томъ смыслѣ, будто онъ дѣлаетъ, чего не хотѣлъ, но въ томъ, что онъ только помышляетъ; иначе какъ бы онъ былъ строгимъ подражателемъ Христу? А теперь, когда животные помыслы часто нападаютъ на насъ, на-

полняя насъ то тѣми, то другими пожеланіями и неразумными похотями, „какъ мухъ неисчетныхъ рои густые“ ¹⁾; то посему онъ сказалъ: *не то дѣлаю, что хочу* (Рим. 7, 15). Эти помыслы мы должны смѣло изгонять изъ души, никакъ не соглашаясь дѣлать то, что они внушаютъ. Ибо для того умъ нашъ и подвергается смущенію отъ многихъ помысловъ, чтобы мы, испытавъ всякія удовольствія и скорби, наслѣдовали царство небесное, если не перемѣнимся къ худшему, но напротивъ всячески искушенные, какъ чистое золото огнемъ, не отступимъ отъ своей добродѣтели. Поэтому мужественно должны мы противостать помысламъ, какъ храбрые воины, которые, узнавъ, что, они осаждены врагами, нисколько не обращаютъ вниманія на стрѣлы и разныя ихъ копья, но бодро устремляются на нихъ для спасенія города и ни мало не ослабѣваютъ въ своемъ усердіи, доколѣ, обративъ въ бѣгство ихъ полчище, не изгонятъ ихъ изъ своихъ предѣловъ. Видишь, какъ помыслы, по причинѣ живущаго въ насъ грѣха, отънѣ встаютъ на насъ, подобно бѣшеннымъ псамъ, или свирѣпымъ и дерзкимъ разбойникамъ, которыхъ всегда направляетъ противъ насъ жестокой властитель и князь неправды, и которые испытываютъ насъ, имѣемъ ли мы силу противостать имъ и воспротивиться.

ГЛАВА XLVIII.

И такъ смѣтри, душа, чтобы тебѣ, поддавшись ему, не быть увлеченною въ его власть; тогда мы не въ состояніи будемъ дать за тебя выкупа. Ибо *какой выкупъ дастъ человекъ за душу свою?* (Матѣ. XVI, 26). Хорошо и отрадно было бы, если бы мы не имѣли противудѣйствующихъ намъ и сражающихся съ нами. Но такъ какъ это невозможно, и мы не можемъ достигнуть того, чего желаемъ (ибо мы желаемъ не имѣть увлекающихъ насъ въ страсти; — тогда безъ труда можно бы спастись;—но чего мы желаемъ, то не дѣлается, а бываетъ то, чего не желаемъ; потому что

¹⁾ Иліад. II, 469.

намъ нужно, какъ я сказалъ, испытаніе), поэтому не поддадимся, душа, не поддадимся лукавому, но облечемся во *всеоружіе Божіе*, насъ защищающее и приготавливающее къ подвигу, облечемся въ броню праведности и обуемъ ноги въ *готовность благовѣствовать миръ*; а паче всего возьмемъ щитъ *вѣры*, которымъ возможемъ угасить всѣ раскаленные стрѣлы діавола; и шлемъ спасенія возьмемъ, и мечъ духовный, который есть слово Божіе, чтобы намъ можно было стать противъ козней діавольскихъ (Ефес. 6, 11—17), и низложить всякое превозношеніе, востающее противъ познанія Божія (II Кор. 10, 5); потому что наша брань не противъ крови и плоти (Еф. 6, 12). Это я говорю потому, что таковъ характеръ писаній Апостола. Ибо много можно сказать о каждомъ изреченіи въ этомъ посланіи, какъ правильно и строго оно выражено; но долго было бы такимъ образомъ разсматривать каждое изъ нихъ. Я имѣлъ теперь въ виду показать только характеръ и цѣль его рѣчи. Справедливо говоритъ онъ: *потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю; соглашаюсь съ закономъ, что онъ добръ; а потому уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ. Ибо знаю, что не живетъ во мнѣ, то есть, въ плоти моей, доброе* (Рим. 7, 15—18). Впрочемъ вы помните, что мы выше поставили себѣ предѣлы, а если я, при всей поспѣшности, желая скоро все изъяснить, слишкомъ замедляю, и объемъ моей рѣчи сталъ больше, чѣмъ я ожидалъ, то надобно же постараться окончить ее; иначе мы никогда не достигнемъ конца въ предложенномъ разсужденіи.

ГЛАВА XLIX.

И такъ мы говорили, если вы помните, что съ того времени, какъ человѣкъ, прельстившись, нарушилъ заповѣдь, грѣхъ, получившій начало отъ этого преслушанія, вселился въ него. Такимъ образомъ сперва произошло возмущеніе, — и мы исполнились пожеланій и помысловъ чуждыхъ, лишившись Духа (*ἐμψυχματοс*) Божія и исполнившись плотской похоти, которую вложилъ въ насъ хитрѣйшій змій, когда мы въ короткое время вышли изъ круга повелѣнія Божія.

Посему-то для истребленія грѣха Богъ избрѣлъ для насъ смерть; иначе въ насъ безсмертныхъ онъ и самъ, какъ я сказалъ, былъ бы безсмертенъ. Такимъ образомъ словами: *знаю, что не живетъ во мнѣ, то есть, въ плоти моей, доброе*, Апостолъ хочетъ показать, что вслѣдствіе преступленія, посредствомъ пожеланія, вселился въ насъ грѣхъ, отъ котораго, какъ молодые отпрыски и побѣги, всегда возникаютъ въ насъ стадострастные помыслы. Ибо есть въ насъ два рода помысловъ: одни возникаютъ отъ вкравшейся въ тѣло похоти, которая, какъ я сказалъ, произошла отъ вліянія плотскаго (ὀλαία) духа; другіе происходятъ отъ закона заповѣди, который получили мы, какъ врожденный и естественный законъ, возбуждающій насъ къ добру и исправляющій наши мысли. Оттого по уму мы соуслаждаемся закону Божію (это внутренній челоуѣкъ), а по живущей во плоти похоти соуслаждаемся закону діавола;—это тотъ законъ, который противувоюетъ и противудѣйствуютъ закону Божію, т. е. стремленію ума къ добру, тотъ самый, который всегда производитъ въ насъ страстные и плотскія влеченія къ беззаконію, совершенно увлекаая къ сладострастію.

ГЛАВА L.

Мнѣ кажется, что Павелъ очевидно предполагаетъ здѣсь три закона, изъ коихъ одинъ соотвѣтствуетъ врожденному въ насъ добру, который онъ ясно назвалъ *закономъ ума*; другой происходитъ отъ прираженія лукаваго и часто увлекаетъ душу въ страстные представленія, который назвалъ онъ *противовоюющимъ закону ума*; третій, — который укоренился во плоти вслѣдствіе грѣха отъ похоти и который назвалъ онъ *законемъ грѣховнымъ, живущимъ въ членахъ* (Рим. 7, 23). Утверждаясь на этомъ законѣ и имъ управляя, лукавый часто вооружается противъ насъ, понуждая насъ къ неправдѣ и злымъ дѣламъ. Отвнѣ внушаемый лукавымъ законъ и чрезъ чувства, подобно асфальтовой лавѣ, изливающійся внутрь въ самую душу, онъ поддерживается закономъ, находящимся въ плоти вслѣдствіе похоти. Ка-

жется, что въ насъ самихъ есть одно начало лучшее, а другое—худшее. Когда лучшее по природѣ будетъ сильнѣе худшаго, тогда весь умъ устремляется къ добру: а когда худшее, усилившись, будетъ подавлять лучшее, что называется войною противъ вложеннаго въ насъ добра, тогда, напротивъ, человѣкъ опять влечется къ разнаго рода мечтаніямъ и худымъ помысламъ.

ГЛАВА LI.

Посему-то Апостолъ и желаетъ избавиться отъ этого, почитая это смертію и гибелью, какъ говоритъ и пророкъ: *отъ тайныхъ моихъ очисти меня* (Пс. 18, 13). Это выражаютъ и слѣдующія слова: *ибо во внутреннему человеку нахожу удовольствіе въ законъ Божіемъ: но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ. Бѣдный я человекъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?* (Рим. 7, 22—24). Не тѣло онъ называетъ смертію, но законъ грѣховный, который вслѣдствіе преступленія кроется въ членахъ нашихъ и, всегда обольщая душу, ведетъ ее къ смерти грѣховной. Посему разсуждая, отъ какой смерти желалъ онъ избавиться, и кто избавитъ его, тотчасъ присовокупляетъ: *благодарю Бога Иисусомъ Христомъ* (ст. 25). Должно, Аглафонъ, обратить вниманіе на то, что, еслибы Апостолъ называлъ смертію это тѣло, какъ вы думаете, то онъ не упомянулъ бы о Христѣ, какъ избавляющемъ его наконецъ отъ такого зла. Ибо что особеннаго или какое преимущество въ этомъ отношеніи получили мы отъ пришествія Христова? И почему вообще Апостолъ говоритъ, будто бы вслѣдствіе пришествія Христова можетъ быть избавленъ Богомъ отъ смерти, когда всѣмъ и прежде пришествія Христова въ міръ приходилось умирать? Ибо всѣ, разлучаясь съ тѣлами при исходѣ изъ этой жизни, избавлялись (отъ нихъ); даже одинаково всѣ души и вѣрныхъ и невѣрныхъ разлучались съ тѣлами въ день смерти. Что же большаго старался получить Апостолъ сравнительно съ другими, проводшими жизнь въ невѣріи?

Или, если онъ тѣло считалъ смертію души, то для чего онъ желалъ избавиться отъ тѣла, когда это и безъ его желанія, конечно, случилось бы съ нимъ, такъ какъ всѣмъ суждено умереть и душамъ ихъ разлучиться съ тѣлами? И такъ не это тѣло, Аглафонъ, онъ называетъ смертію, но въ тѣлѣ посредствомъ похоти поселившійся грѣхъ, отъ котораго Богъ избавилъ человѣка пришествіемъ Христовымъ. *Потому что законъ духа жизни во Христѣ Іисусѣ освободилъ насъ отъ закона грѣха и смерти* (Рим. 8. 2), чтобы *Воскресившій Христа изъ мертвыхъ оживилъ и наши смертныя тѣла Духомъ своимъ, живущимъ въ насъ* (ст. 11), по осужденіи грѣха, находящагося въ тѣлѣ, на истребленіе, дабы явилось въ прежней силѣ требованіе закона естественнаго, согласно съ заповѣдью влекущаго насъ къ добру,—требованіе, которое, по причинѣ возобладанія грѣха надъ плотію прежде пришествія Христова сдѣлавшись безсильнымъ, было подавляемо земными заботами. Ибо *немошь добра, въ насъ естественнаго, ослабленнаго преобладаніемъ находящейся въ тѣлѣ похоти*, Богъ укрѣпилъ, *пославъ Сына Своего, воспріявшаго плоть подобную плоти грѣховной* (ибо что явилось, то было истиною, а не призракомъ), дабы по осужденіи грѣха на истребленіе, такъ чтобы онъ не приносилъ уже болѣе плодовъ во плоти, *оправданіе закона естественнаго исполнилось и приумножилось послушаніемъ въ тѣхъ*, которые ходятъ не по *плотской похоти*, но по желанію и наставленію духа (Рим. 8. 3, 4). *Ибо законъ духа жизни, т. е. Евангеліе, будучи отличнымъ отъ вышесказанныхъ законовъ, посредствомъ проповѣди предложенный къ повиновенію и для прощенія грѣховъ, освободилъ насъ отъ закона грѣха и смерти* (ст. 2), совершенно побѣдивъ грѣхъ, царствующій во плоти.— И такъ, Θεοοις, что они возражаютъ и что изъ словъ Апостола неправильно толкуютъ, я разъяснилъ и изложилъ. Теперь обращаюсь къ другому, если найдемъ себѣ помощника въ изложеніи рѣчи; ибо послѣдующее запутанно и не совсѣмъ удобно для опроверженія; посему я не столь охотно приступаю къ этому, видя, какъ длинны и трудны будутъ ихъ доказательства, если только какое-нибудь дуновеніе мудрости,

вдругъ повѣявшее съ неба, не приведетъ насъ, какъ бы плывущихъ среди моря, къ необуреваемой пристани и къ вѣрнѣйшимъ доказательствамъ.

О Воскресеніи.

(Продолженіе) ¹⁾.

1. Растенія,— говоритъ Меөодій,— питаются или возрастаютъ не отъ земли. Ибо,— говоритъ онъ,— кто-нибудь можетъ спросить, какимъ образомъ земля, измѣняясь, можетъ входить въ составъ деревъ? Если бы находящаяся подъ ними земля постоянно поднималась посредствомъ корней въ цѣлый составъ дерева, тогда то мѣсто, на которомъ выросло дерево, должно было бы опустѣть. Слѣдовательно неосновательно такое разсужденіе ихъ (т. е. Оригенистовъ) о превращеніи въ тѣла. Какъ можетъ земля, входя чрезъ корни въ стволы растеній и посредствомъ проходовъ раздробляясь по всѣмъ вѣтвямъ ихъ, измѣняться въ листы и плоды? Есть весьма высокія деревья, кедръ, сосны, ели и другія, производящія ежегодно много листьевъ и плодовъ; очевидно, что они ничего изъ находящейся подъ ними земли не втягиваютъ въ составъ своего вещества. Ибо, если бы дѣйствительно земля, поднимаясь посредствомъ корней, обращалась въ дерево, то все мѣсто около нихъ должно было бы опустѣть; потому что сухое вещество не можетъ, подобно влажному, постоянно притекать на мѣсто убывающаго. Между тѣмъ смоковница и другія подобныя растенія, какъ извѣстно, часто вырастаютъ на зданіяхъ памятниковъ, совершенно ничего не втягивая въ себя изъ зданія. И если бы кто захотѣлъ вычислить плоды и листья ихъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, то увидѣлъ бы, что вѣсь ихъ въ нѣсколько разъ больше земли, находящейся на памятникахъ. Посему весьма нелѣпо думать,

¹⁾ Слѣдующіе 23 отрывка изъ сочиненія о воскресеніи сохранились у Патріарха Фотія, Bibl. Cod. 234, Св. Іоанна Дамаскина, Parallel. и Orat. II de imagin., Леонтія Византійскаго, Reg. Sac. Lib. 11 и нѣкоторыхъ другихъ. Они расположены въ порядкѣ, принятомъ въ указанномъ изданіи Яна. Стр. 91—99.

будто втягиваемая земля превращается въ произрастающіе плоды и листья, хотя все происходитъ чрезъ нее, пользуясь ею, какъ мѣстомъ и сѣдалищемъ. Такъ и хлѣбъ не производится безъ жернова, и мѣста, и времени, и огня; однако ничто изъ этого не есть или не сдѣлается хлѣбомъ. Подобнымъ образомъ бываетъ и съ другими безчисленными вещами.

II. Изреченіе: *ибо мы знаемъ, что когда земной нашъ домъ хижины разрушится* ¹⁾ и пр. (2 Кор. 5, 1), Оригенисты приводятъ въ опроверженіе воскресенія тѣлъ, называя тѣло хижиною, а упоминаемая ими духовныя одѣянія — нерукотвореннымъ домомъ на небесахъ. Но, — говоритъ святой Мееодій, — подъ земнымъ домомъ, въ переносномъ смыслѣ, надобно разумѣть здѣшнюю, кратковременную жизнь, а не эту хижину. Ибо, если вы думаете, что Апостоль называетъ тѣло разрушающимся земнымъ домомъ, то скажите, что такое хижина, домъ которой разрушается? Ибо иное — хижина, иное — домъ хижины, и иное — мы, которымъ принадлежитъ хижина. *Ибо, говоритъ онъ, когда земной нашъ домъ хижины разрушится*, т. е. называя души наши — нами, хижиной — тѣло, а домомъ хижины — пользованіе плотію въ настоящей жизни, въ переносномъ смыслѣ. Итакъ, когда настоящая жизнь тѣлесная разрушится, подобно дому, то мы будемъ имѣть домъ нерукотворенный на небесахъ; *нерукотворенный*, говоритъ онъ, въ противоположность настоящей жизни, называемой рукотворенною, потому что всѣ удобства и занятія жизни совершаются руками человѣческими. Тѣло, какъ произведеніе Божіе, не называется рукотвореннымъ, потому что оно устроено не искусствомъ человѣческимъ. Если бы стали называть его рукотвореннымъ потому, что оно создано Богомъ, то были бы рукотворенными и души, и Ангелы, и духовныя одѣянія на небесахъ; ибо и они — произведенія Божіи. И такъ, что же такое нерукотворенный домъ? Это — самая жизнь кратковременная, какъ я сказалъ, которая устрояется руками человѣческими; ибо сказано: *въ потъ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ твой* (Быт. 3, 19); — и по

¹⁾ Въ греческомъ подлинникѣ читается: *домъ хижины*.
св. мееодій еп. и муч.

разрушеніи которой мы имѣемъ будущую, нерукотворенную жизнь, какъ и Господь объяснилъ, сказавъ: *приобрѣтайте себѣ друзей богатствомъ неправеднымъ, чтобы они, когда обнищаете, приняли васъ въ вѣчныя обители* (Лук. 16, 9). Что Господь назвалъ здѣсь *обителями*, то тамъ Апостолъ—*одѣянiями*; что здѣсь (Господь назвалъ) *друзьями отъ неправды*, то тамъ Апостолъ—*разрушающимися домами*. Какъ, по прекращеніи дней настоящей нашей жизни, души наши будутъ приняты въ прекрасныя зданія благотворительности, которыя мы приобрѣли среди житейской неправды, потому что *міръ во злѣ лежитъ* (1 Іоан. 5, 19), такъ, по разрушеніи кратковременной жизни, мы, души, будемъ имѣть, прежде воскресенія, обитель у Бога, пока не получимъ себѣ невозобновляемаго и неразрушимаго дома. *Отъ того мы и вздыхаемъ, желая не сбросить тѣло, но въ немъ облечься въ другую жизнь* (2 Кор. 5, 2). Ибо *жилище небесное, въ которое мы желаемъ облечься* (2 Кор. 5, 2. 4), есть безсмертіе, въ которое когда мы облечемся, то все въ насъ слабое и смертное уничтожится, бывъ поглочено вѣчною жизнью.

III. *Ибо мы ходимъ върою, а не видѣніемъ* (2 Кор. 5, 7), т. е. мы еще руководимся вѣрою, прозрѣвая тамошніе предметы весьма смутно, а не такъ ясно, чтобы созерцать ихъ и наслаждаться ими и быть въ нихъ.

IV. *Но то скажу вамъ, братія, что плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствiя Божiя, и тлѣніе не наслѣдуетъ нетлѣнiя* (1 Коринѣ. 15, 50). Плотію онъ называетъ не самую плоть, но безумное стремленіе души къ постыднымъ удовольствіямъ. Сказавъ, что *плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствiя Божiя*, онъ прибавилъ: *и тлѣніе не наслѣдуетъ нетлѣнiя*. Тлѣніе же не есть самое растлѣваемое, а растлѣвающее. Когда получаетъ господство смерть, то тѣло склоняется къ тлѣнію, а когда опять водворяется въ немъ жизнь, то оно становится неразрушимымъ. Такъ какъ плоть, находясь между нетлѣніемъ и тлѣніемъ и не будучи сама ни тлѣніемъ, ни нетлѣніемъ, подпала подъ власть тлѣнія по сладострастію, то, хотя она была твореніемъ и стяжаніемъ нетлѣнiя, потому и сама подверглась тлѣнію. Но, послѣ

того, какъ она подпала тлѣнію и предана смерти для наказанія, Богъ не оставилъ ея тлѣнію, какъ бы наслѣдіе его послѣ побѣды, но опять побѣдивъ смерть воскресеніемъ, возвратилъ ее нетлѣнію, чтобы не тлѣніе обладало нетлѣніемъ, но нетлѣніе тлѣннымъ. Посему и прибавляетъ Апостолъ: *ибо тлѣнному сему надлежитъ облечься въ нетлѣніе, и смертному сему облечься въ безсмертіе* (1 Кор. 15, 53). Тлѣнное же и смертное, облакаемое въ нетлѣніе и безсмертіе, что другое можетъ быть кромѣ того, что *спѣется въ тлѣніи и востаетъ въ нетлѣніи* (ибо душа не есть тлѣнная и смертная, а это тѣло подлежить смерти и тлѣнію), *чтобы, какъ мы носили образъ перстнаго, стали носить и образъ небеснаго?* (1 Кор. 15, 49). Ибо образъ перстнаго, который мы носили, заключается въ словахъ: *прахъ ты и въ прахъ возвратишься* (Быт. 3, 19); а образъ небеснаго есть воскресеніе изъ мертвыхъ и нетлѣніе, *дабы, какъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ славою Отца, такъ и намъ ходить въ обновленной жизни* (Римл. 6, 4). Если же кто вздумаетъ назвать перстнымъ образомъ самую плоть, а небеснымъ образомъ другое духовное тѣло кромѣ плоти, тотъ пусть напередъ подумаетъ, что Христосъ, небесный человѣкъ, явившись, носилъ члены того же вида, одинаковый образъ и одинаковую плоть съ нашею, по которой Онъ и сталъ человѣкомъ, не бывъ человѣкомъ, дабы, *какъ во Адамъ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ всѣ ожили* (1 Кор. 15, 22). Если бы Онъ принялъ плоть не для освобожденія и воскресенія плоти, то для чего Онъ напрасно и носилъ плоть, которой не намѣревался ни спасти, ни воскресить? Но Сынъ Божій не дѣлаетъ ничего напрасно. Слѣдовательно не безъ пользы Онъ принялъ образъ раба, но для воскресенія и спасенія. Ибо Онъ истинно сталъ человѣкомъ и умеръ, а не призрачно, чтобы истинно явиться *первенцемъ изъ мертвыхъ* (Апок. 1, 5), *измѣнивъ перстнаго въ небеснаго и смертнаго въ безсмертнаго*. Іустинъ Неаполитъ ¹⁾, мужъ не далеко отстоящій отъ Апостоловъ и по

¹⁾ Св. Іустинъ философъ и мученикъ, происходившій родомъ изъ Неаполя, города Сиріи Палестинской (+166 г. по Р. Х.). Слова его приводятся здѣсь изъ сочиненія, не дошедшаго до насъ. Migne, ук. изд. р. 313.

времени и по добродѣтели, говорить, что наслѣдуется смертное, а наслѣдуетъ жизнь, и умираетъ плоть, а живетъ царство небесное. Такъ, когда Павелъ говоритъ: *плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія* (1 Коринѣ. 15, 50), то онъ объявляетъ это, — говоритъ онъ, — не съ тѣмъ, чтобы отвергнуть паки — бытіе плоти, но научить, что не царство Божіе, которое есть вѣчная жизнь, наслѣдуется тѣломъ, но тѣло — жизнью. Ибо если бы царство Божіе, которое есть жизнь, наслѣдовалось тѣломъ, то оказалось бы, что жизнь поглощается тлѣніемъ. Между тѣмъ жизнь наслѣдуетъ смертное, дабы смерть была побѣдоносно поглощена жизнью и тлѣнное явилось достояніемъ нетлѣнія, освободившись отъ смерти и грѣха и сдѣлавшись рабомъ и подвластнымъ безсмертію, такъ чтобы тѣло было достояніемъ нетлѣнія, а не нетлѣніе достояніемъ тѣла.

V. Объ изреченіи: *и мертвые во Христѣ воскреснутъ прежде, потомъ мы оставшіеся въ живыхъ* (Сол. 4, 16), святой Мееодій говоритъ: эти (мертвые) — самыя тѣла; а мы оставшіеся въ живыхъ — это души, получающія воздвигнутыхъ изъ земли мертвецовъ (т. е. тѣла), чтобы намъ, восхищеннымъ вмѣстѣ съ ними въ срѣтеніе Господу, торжественно праздновать предъ Нимъ свѣтлый праздникъ воскресенія, потому что мы получимъ вѣчныя обители, не имѣющія умереть или разрушиться.

VI. Если изъ такой капли малой и совершенно незначительной ни по влажности, ни по содержанію и плотности, какъ бы изъ ничего, происходитъ человѣкъ, то не удобнѣе ли изъ человѣка, уже существовавшего, человѣкъ можетъ опять сдѣлаться человѣкомъ? Ибо не такъ трудно снова устроить уже существовавшее и потомъ разрушившееся, какъ создать изъ ничего еще не существовавшее. Если бы мы показали плодотворное сѣмя отдѣляемое отъ мужа само по себѣ, и представили тѣло умершаго само по себѣ, то изъ котораго изъ этихъ предметовъ, открыто лежащихъ предъ нами, по мнѣнію наблюдателей, можетъ произойти человѣкъ? Изъ той ли капли совершенно ничтожной, или изъ того, что уже имѣетъ видъ и величину и лице? Если

та совершенная ничтожность только при изволеніи Божиѣмъ дѣлается потомъ человѣкомъ, то тѣмъ болѣе уже существующее и вполнѣ образовавшееся при изволеніи Божиѣмъ можетъ опять сдѣлаться человѣкомъ. Такъ и богословствующій Моисей чего хотѣлъ, когда устанавлилъ таинственный праздникъ кущей (какъ сказано) въ книгѣ Левитъ? (Лев. 23, 39). Ужели того, чтобы мы праздновали Богу такъ, какъ толкуютъ Іудеи, грубо понимающіе Писаніе, какъ будто Богъ благоугождается этими кущами изъ плодовъ и вѣтвей и листьевъ, которые быстро засыхаютъ, лишаясь зелени? Нельзя этого сказать ¹⁾. Для чего же, скажите, установлено было построеніе кущей? Оно установлено въ знакъ этой истинной нашей кущи, подпавшей тлѣннѣю чрезъ преступленіе и разрушенной грѣхомъ, которую Богъ обѣщаль, снова составивши, воскресить неразрушимую, чтобы мы праздновали Ему по истинѣ великій и преславный праздникъ кущей въ воскресеніи, когда наши (тѣлесныя) хижины, составившись и украсившись безсмертіемъ и стройностію, возстанутъ изъ земли нетлѣнными, когда сухія кости, по неложному пророчеству (Іезек. 37, 4), бывъ приведены въ стройный составъ свой, услышатъ животворящаго Создателя и верховнаго художника, Бога, опять обновляющаго и скрѣпляющаго плоть уже не тѣми узами, какими они скрѣплялись прежде, но совершенно нетлѣнными и уже неразрушимыми. Я видѣлъ на Олимпѣ (это—гора въ Ликіи) огонь, который самъ собою снизу изъ земли восходилъ до вершины горы, а подлѣ этого огня стоявшее растеніе *агносъ*—столь цвѣтущее и зеленое и тѣнистое, какъ будто оно постоянно росло при водѣ. Почему же это растеніе, если оно принадлежитъ по существу своему къ тлѣннымъ и истребляемымъ огнемъ тѣламъ,—а сгараемымъ по существу своему тѣламъ невозможно оставаться несгараемыми,—не только не сгараетъ, но и дѣлается еще болѣе цвѣтущимъ и зеленѣющимъ, тогда какъ оно по существу своему сгараемо, и притомъ у самыхъ корней его воспла-

¹⁾ См. Пиръ десяти дѣвъ. Рѣчь IX. Стр. 112.

меняется огонь? Я бросалъ древесныя вѣтви изъ окружающаго лѣса на то мѣсто, откуда выходитъ огонь, и онѣ, объята пламенемъ, тотчасъ обращались въ пепелъ ¹⁾. Скажите же, почему это растеніе, которое не можетъ переносить даже солнечнаго зноя, но высыхаетъ, если не будетъ поливаемо и орошаемо, среди такого жаркаго пламени не истребляется, но живетъ и процвѣтаетъ? Что значить это диво? Богъ поставилъ это знаменіемъ и предначинаніемъ будущаго дня, чтобы мы яснѣе познали, что, когда все будетъ объято низшедшимъ (съ неба) огнемъ, тѣла, украшенныя дѣвствомъ и праведностію, будутъ проведены Имъ чрезъ огонь, какъ бы чрезъ прохладную воду, не потерпѣвъ никакого вреда. По истинѣ, многомилостивый и щедродательный Господи, *тварь, служа Тебѣ, Творцу, устремляется къ наказанію нечестивыхъ, и утишаетъ для благодѣянія върующимъ въ Тебя* (Прем. 16, 24); по волѣ Твоей огонь доставляетъ прохладу, не причиняя никакого вреда тѣмъ, которымъ Ты самъ опредѣляешь спастись, и напротивъ вода жжетъ сильнѣе огня; и ничто не противится Твоей непобѣдимой силѣ и Твоему могуществу. Ты сотворилъ все изъ ничего; посему Ты все, какъ Свое, измѣняешь и преобразуешь, какъ единый Богъ, по волѣ Своей.

VII. Посему Апостолъ, предоставляя насажденіе и поливаніе искусству, землѣ и водѣ, одному Богу усволяетъ возвращеніе, когда говоритъ: *насаждающій и поливающій есть ничто, а все Богъ возвращающій* (1 Кор. 3, 7). Ибо онъ зналъ, что раждающая все, первородная Премудрость Божія и Художница всего, производитъ все въ мірѣ. Древніе мужи называли ее природою и промышленіемъ, потому что она производитъ и возвращаетъ все, постоянно промышляя и оказывая попеченіе; ибо *Отецъ мой* (сказалъ Господь), *донныя дѣлаетъ, и Я дѣлаю* (Іоан. 5, 17). По этому и Соломонъ назвалъ ее *художницею всего* (Прем. 7, 219), такъ какъ Богъ

¹⁾ О деревьяхъ и кустарникахъ близъ воспламеняющейся сѣрной жилы на Ликійской горѣ Олимпѣ, растущихъ и въ настоящее время, свидѣлствуютъ естествоиспытатели и путешественники. См. Iahn. Method. Op. p. 114 и 128. Объ агносі см. въ Пирѣ Дѣвъ, стр. 28, 112 и 118.

не имѣетъ недостатка ни въ чемъ, но можетъ обильно и творить, и созидать, и разнообразить, и возвращать.

VIII. Богъ творящій все и о всемъ пекущійся и промышляющій, взявъ перстъ отъ земли, образовалъ нашего внѣшняго человѣка.

IX. Смотри,—говоритъ Св. Мееодій,—блаженный Іоаннъ, говоря: *отдало море мертвыхъ, бывшихъ въ немъ, и смерть и адъ отдали мертвыхъ, которые были въ нихъ* (Апок. 20, 13), не указываетъ ли на возвращеніе частицъ (умершихъ людей) стихіями, для возстановленія каждого изъ нихъ? Подъ моремъ разумѣется влажная стихія, подъ адомъ—воздухъ, по причинѣ его невидимости (*ἀειδὲς*), по причинѣ незримости, какъ сказано и Оригеномъ; а подъ смертію—земля, потому что умирающій полагается въ ней. Посему и въ Псалмахъ она названа *перстію смертною*, когда Христосъ сказалъ, что *Онъ низведенъ въ персть смертную* (Псал. 21, 16).

X. Всякій составъ, говорится (у св. Мееодія), состоящій изъ чистаго воздуха и чистаго огня и имѣющій однородность съ ангельскими существами, не можетъ имѣть свойствъ земли и воды; иначе онъ самъ будетъ землянымъ. Такимъ и изъ такихъ (элементовъ состоящимъ) представлялъ Оригенъ имѣющее воскреснуть тѣло человѣческое, которое и назвалъ духовнымъ.

XI. Каковъ же,—говоритъ онъ,—будетъ видъ воскресшаго, если этотъ человѣческій образъ, какъ негодный, по мнѣнію его (Оригена) исчезаетъ, видъ пріятнѣйшій изъ всѣхъ видовъ, какіе свойственны живымъ существамъ, котораго образъ принимаетъ и Божество, какъ изъяснилъ и премудрый Павелъ: *мужъ не долженъ покрывать голову, потому что онъ есть образъ и слава Божія* (1 Кор. 11, 7), въ который облекались и духовныя существа ангельскія? Неужели кругообразный, или многоугольный, или кубическій, или пирамидальный? Весьма много различныхъ видовъ; но это не возможно. Что же это за опредѣленіе, чтобы богоподобный видъ, какъ нѣчто неблагообразное (ибо и онъ самъ признаетъ душу по виду подобною тѣлу), отвергалось, а безногій и безрукій воскресалъ?

XII. Измѣненіе вида,—говоритъ онъ,—есть возвращеніе въ безстрастное и славное состояніе. Нынѣ есть *тѣло желанія и уничиженія* (Фил. 3, 21); посему и Даніиль названъ мужемъ желаній (Дан. 9, 23); а тогда оно преобразится въ тѣло безстрастное, не чрезъ перемѣну устройства членовъ, но чрезъ освобожденіе отъ желанія вещественныхъ удовольствій.

XIII. Обличая Оригена (Св. Меөодій), говоритъ: итакъ Оригенъ полагаетъ, что таже плоть не возстанетъ (для соединенія) съ душою, но какой образъ былъ у каждого по виду, отличающій и нынѣ плоть, такой и воскреснетъ, отпечatlѣвшись въ другомъ духовномъ тѣлѣ, чтобы каждый опять казался такимъ же по виду; въ этомъ и состоитъ обѣщанное воскресеніе. Такъ какъ,—говоритъ онъ,—вещественное тѣло измѣнчиво и никогда не пребываетъ самимъ собою, но убываетъ и прибываетъ соотвѣтственно съ видомъ, характеризующимъ образъ, отъ котораго и составляется обликъ (человѣка), то необходимо слѣдуетъ, что воскресеніе будетъ состоять только (въ воскресеніи) одного вида.—Потомъ спустя немного говоритъ: итакъ, Оригенъ, ты утверждаешь, что ожидается воскресеніе только вида, имѣющаго отпечatlѣться въ духовномъ тѣлѣ, и очевиднѣйшимъ доказательствомъ этого представляешь намъ явленіе Іліи и Моисея; какъ они,— говоришь ты,—явились послѣ смерти, сохранивъ не иной, а тотъ же видъ, какой имѣли прежде, въ такомъ же видѣ будетъ воскресеніе и всѣхъ. Но Моисей и Ілія, по словамъ твоимъ, еще прежде страданія и воскресенія Христова, воскресли и явились въ этомъ видѣ. Какъ же Христосъ именуется Пророками и Апостолами *первенцемъ изъ мертвыхъ*? (Апок. 1, 5). Если Христосъ исповѣдуется *первенцемъ изъ мертвыхъ*,—а первенецъ изъ мертвыхъ есть тотъ, кто воскресъ прежде всѣхъ,—Моисей же еще прежде страданія Христова явился Апостоламъ въ этомъ видѣ, въ какомъ, по словамъ твоимъ, совершится воскресеніе, то слѣдуетъ, что видъ не воскресаетъ безъ плоти. Итакъ: или есть воскресеніе одного вида, какъ ты учишь, и въ такомъ случаѣ Христосъ не можетъ быть

Первенцемъ изъ мертвыхъ, потому что еще прежде Него являлись въ этомъ же видѣ души умершихъ; или Онъ есть Первенецъ, какъ и дѣйствительно есть, и совершенно невозможно, чтобы кто-нибудь прежде Него удостоился воскресенія, такъ чтобы опять не умирать. Если же прежде Него никто не воскресалъ, и Моисей и Илія являлись Апостоламъ, имѣя не плоть, а только видъ, то становится яснымъ воскресеніе плоти. Подлинно, весьма нелѣпо ограничивать воскресеніе однимъ видомъ, тогда какъ души и послѣ исхода изъ тѣлъ оказываются не слагающими того вида, который, по твоимъ словамъ, воскреснетъ. Если же этотъ видъ неразлучно соединенъ съ ними, какъ и съ душами Моисея и Иліи, и, по твоимъ словамъ, не истлѣваетъ и не погибаетъ, а всегда пребываетъ съ ними, то слѣдуетъ, что не воскреснетъ видъ, который никогда не отпадалъ.—Если же кто, не удовлетворяясь этимъ, возразитъ: какъ же, если никто не воскресалъ прежде сошествія Христа во адъ, о нѣкоторыхъ повѣствуется, что они воскресли прежде Него, напр. сынъ вдовы Сарептской (3 Цар. 14, 22), сынъ Сонамитянки (4 Цар. 4, 35) и Лазарь? (Іоан. 11, 44)—то нужно сказать: они воскресали съ тѣмъ, чтобы опять умереть, а мы рассуждаемъ о тѣхъ, которые послѣ воскресенія уже никогда не умрутъ. Если же онъ еще выскажетъ сомнѣніе касательно души Иліи, о которомъ Писанія говорятъ, что онъ былъ вознесенъ во плоти, а мы говоримъ, что онъ явился Апостоламъ безъ плоти; то нужно сказать, что допускать явленіе его Апостоламъ во плоти—значитъ—говорить въ нашу пользу. Ибо этимъ доказывается, что наше тѣло способно къ нетлѣнію, какъ это видно и на взятомъ (на небо) Энохѣ (Быт. 5, 24). Если бы оно не было способно къ нетлѣнію, то онъ не могъ бы оставаться столь долгое время въ неповрежденномъ состояніи. Такимъ образомъ, если онъ явился съ тѣломъ, то, хотя бы онъ былъ умершимъ, онъ однако не былъ еще воскресшимъ изъ мертвыхъ. Это мы говоримъ, чтобы сдѣлать уступку Оригену, который утверждаетъ, будто самый видъ, отдѣляемый отъ тѣла послѣ смерти, дается душѣ, что всего невозможнѣе, такъ какъ

видъ при измѣненіяхъ разрушается прежде плоти, подобно тому, какъ видъ расплавливаемой статуи — прежде разрушенія цѣлаго ея состава. Качество не можетъ отдѣляться отъ вещества такъ, чтобы существовать самому по себѣ; и отъ расплавливаемой статуи бывшій въ мѣди видъ отдѣляется исчезая, но не получая существованія самъ по себѣ. Такъ какъ говорятъ, что при смерти видъ отдѣляется отъ плоти, то рассмотримъ, сколько считается способовъ отдѣленія отдѣляющагося. Говорятъ, что одно отдѣляется отъ другого или дѣйствіемъ и существомъ, или мыслию, или дѣйствіемъ безъ существа. Такъ, если бы кто сталъ отдѣлять другъ отъ друга смѣшанныя между собою пшеницу и ячмень, то отдѣленіе посредствомъ движенія называется дѣйствіемъ, а поколику отдѣленные существуютъ сами по себѣ, то они называются отдѣленными по существу. Мысленно же отдѣленіе бываетъ тогда, когда мы отдѣляемъ вещество отъ качествъ и качества отъ вещества; а (отдѣленіе) дѣйствіемъ безъ существа бываетъ тогда, когда отдѣленное одно отъ другого болѣе не существуетъ, не имѣя бытія само по себѣ. Это всякій можетъ видѣть и въ ремесленныхъ произведеніяхъ, взглянувъ на статую, или мѣднаго коня. Обративъ на это вниманіе, онъ увидитъ, какъ измѣняется естественный видъ и дается другой видъ, отъ котораго исчезаетъ природный видъ. И если кто станетъ сплавливать произведенія, имѣющія видъ человѣка или коня, то найдетъ, что видъ изображенія исчезаетъ, а самое вещество остается. Итакъ неосновательно говорить, будто видъ воскресаетъ, нисколько не повредившись, а тѣло, въ которомъ этотъ видъ напечатленъ, истлѣваетъ.—Но, „это такъ, — говоритъ онъ, — потому что видъ измѣнится въ духовное тѣло“. Слѣдовательно необходимо допустить, что собственно самый первоначальный видъ не воскресаетъ, такъ какъ онъ измѣняется, истлѣвая вмѣстѣ съ плотію; ибо если онъ преобразится въ духовное тѣло, то это будетъ собственно не онъ самъ, первоначально бывшій видъ, но нѣкоторое подобіе его, преобразовавшееся въ тонкое тѣло; если же такъ, то ни видъ тотъ же самый, ни тѣло не воскресаетъ, а

нѣчто другое вмѣсто прежняго. Ибо подобіе, будучи инымъ въ сравненіи съ подобнымъ себѣ, не можетъ быть тѣмъ самымъ первымъ, чего оно есть подобіе.

XIV. Видѣ, говорится (у св. Мееодія), есть то, что показываетъ тождество членовъ въ характерѣ облика каждого (лица).

XV. Оригенъ объяснялъ въ аллегорическомъ смыслѣ сказанное пророкомъ Іезекиилемъ о воскресеніи мертвыхъ, и съ натяжкою прилагалъ это къ возвращенію плѣнныхъ въ Вавилонѣ Израильтянъ, а святой (Мееодій) въ опроверженіе его, послѣ многого другаго, говоритъ и слѣдующее: нѣтъ, они не возвратили полной свободы и не совершенно преодолѣвъ враговъ поселились въ Іерусалимѣ; но, пытаясь строить храмъ, часто встрѣчали препятствія отъ иноплеменниковъ. Посему они едва въ 46 лѣтъ могли построить его, тогда какъ Соломонъ съ основанія выстроилъ его въ семь лѣтъ. И что еще нужно сказать? Начиная отъ Навуходоносора и послѣдующихъ за нимъ царей, до похода Персовъ противъ Ассиріяны и до царствованія Александра, и до войны Римлянъ съ Іудеями, непріатели шесть разъ разрушали Іерусалимъ. Объ этомъ повѣствуетъ Іосифъ (Флавій) такъ: „Іерусалимъ былъ взятъ во второй годъ царствованія Веспасіана; и прежде пять разъ онъ былъ завоевываемъ, а въ это время еще разъ подвергался опустошенію; ибо Асохей, царь Египетскій, за нимъ Антіохъ, потомъ Помпей, а послѣ нихъ Сосій вмѣстѣ съ Иродомъ, взявши городъ, сожгли его; а прежде нихъ царь Вавилонскій, овладѣвъ, опустошилъ его“¹⁾.

XVI. Оригенъ говоритъ слѣдующее: о Лазарѣ и богатомъ можетъ возбуждаться сомнѣніе; люди простѣйшіе думаютъ, что здѣсь сказано, будто они оба вмѣстѣ съ тѣлами получаютъ достойное по дѣламъ своей жизни; а болѣе точные думаютъ, что это событіе совершается не при воскресеніи, такъ какъ послѣ воскресенія никто не останется въ этой жизни; между тѣмъ богатый говоритъ: *у меня пять*

¹⁾ Іос. Флав. De bello jud. Lib. IV, с. 10.

братьевъ; чтобы и они не пришли въ сіе мѣсто мученія, пошли Лазаря возвѣстить имъ о здѣшнемъ (Лук. 16, 27, 28). Если обратить вниманіе на языкъ, перстъ, лоно Авраамово и возлежаніе на немъ, то можно допускать, что душа тотчасъ при отдѣленіи принимаетъ видъ, подобный грубому и земному тѣлу. Посему, когда повѣствуется о явленіи кого-нибудь изъ умершихъ, то онъ является въ видѣ подобномъ тому, какой онъ имѣлъ во плоти. Далѣе и Самуиль, явившись и очевидно бывъ видимымъ, представляется какъ облеченный тѣломъ,—хотя доказательства на то, что существо души безтѣлесно, заставляютъ насъ признать и ее (душу Самуила) такою же. Наказываемый богачъ и покоящійся на лонѣ Авраамовомъ бѣдный, о которомъ повѣствуется, что еще до втораго пришествія Спасителя и кончины вѣка, и слѣдовательно, прежде воскресенія, одинъ мучится во адѣ, а другой покоится на лонѣ Авраама, научаютъ насъ, что и теперь душа при отдѣленіи получаетъ нѣкоторое тѣло. На это святой (Меодій) говоритъ слѣдующее: допуская, что душа по отшествіи отсюда имѣетъ другой обликъ, подобный чувственному виду (Оригенъ), согласно съ Платономъ не подводитъ ли ее подъ нѣчто безтѣлесное? Ибо говорить, что она по переселеніи изъ міра нуждается въ сѣдалищѣ и одѣяніи, такъ что не можетъ оставаться нагою, не значитъ ли это, что она сама по себѣ безтѣлесна? А будучи безтѣлесною, не будетъ ли она и свободно отъ страстей? Изъ того, что она безтѣлесна, слѣдуетъ, что она и безстрастна и невозмутима. А еслибы она совершенно не могла увлекаться неразумнымъ пожеланіемъ, то она и не сообщалась бы съ прискорбнымъ и страждущимъ тѣломъ. Ибо безтѣлесное никогда не можетъ сочувствовать тѣлу и тѣло безтѣлесному, чтобы душа, согласно сказанному, оставалась безтѣлесною. Если же она состраждетъ тѣлу, какъ доказываютъ и свидѣтельства являвшихся (умершихъ), то она не можетъ быть (совершенно) безтѣлесною. Подлинно, одинъ только Богъ почитается не сотвореннымъ, ни въ чемъ ненуждающимся и неутомляющимся существомъ; Онъ безтѣлесенъ; потому и невидимъ;

ибо *Бога не видалъ никто* (Іоан. 1, 18). А души, будучи духовными тѣлами, устроены Создателемъ и Творцемъ всего съ членами, созерцаемыми умомъ, получивъ такой отпечатокъ. Посему и въ адѣ, какъ повѣствуется о Лазарѣ и богачѣ, онѣ имѣютъ и языкъ, и перстъ, и прочіе члены, не такъ, чтобы имъ присуще было другое безвидное тѣло, но потому, что сами души, совершенно обнаженные отъ всякаго одѣянія, отъ природы таковы по существу своему.

XVII. Такъ какъ ясно, что души безстрастны и послѣ отшествія отъ сей жизни не получаютъ опять другихъ тѣлъ, въ которыхъ онѣ явились бы предъ воскресеніемъ, то здѣсь слѣдовало бы показать разногласіе и противорѣчіе его (Оригена) самому себѣ.

XVIII. Самъ онъ (Оригенъ) признаетъ это, когда говорить: „если когда-либо кто-нибудь изъ умершихъ являлся, какъ говорятъ, то являлся подобнымъ тому виду (въ какомъ онъ былъ), когда имѣлъ плоть“. Какъ же намъ не сказать, что ты, Оригенъ, оказываешься говорящимъ тоже самое? Ибо, если и сама душа послѣ отшествія отъ міра имѣетъ видъ, подобный плоти, отпечатлѣваясь въ тѣхъ же членахъ, такъ что имѣетъ и языкъ и перстъ и прочее то почему же, если душа принимаетъ этотъ видъ главнаго и перваго (тѣла своего), не отпечатлѣется въ одинъ и тотъ же видъ съ нею и имѣющее быть для ней тѣло?

XIX. Въ концѣ святой (Мееодій) говоритъ: изреченіе: *для того Христосъ умеръ, чтобы владычествовать и надъ мертвыми и надъ живыми* (Римл. 14, 9), нужно разумѣть о душахъ и тѣлахъ: подъ живыми разумѣются души, такъ какъ онѣ безсмертны, а подъ мертвыми — тѣла.

XX. Если тѣло человѣка выше всѣхъ животныхъ, потому что оно образовано руками Божиими, какъ говорится (въ Писаніи), такъ какъ оно есть достойное чести сѣдалище разумной души, то почему оно кратковременно, между тѣмъ какъ тѣло нѣкоторыхъ неразумныхъ долговременнѣе его? Не ясно ли, что его долговременное существованіе будетъ послѣ воскресенія?

XXI. Великую тайну заключаетъ въ себѣ также исторія

(Пророка) Іоны. Подъ китомъ кажется разумѣется время, какъ никогда не останавливающееся, но всегда текущее и поглащающее рождающіяся существа въ болѣе или менѣе продолжительные промежутки времени. Іона, убѣгающій отъ лица Божія, есть самъ первый челоѡкъ, который, преступивъ заповѣдь и чрезъ грѣхъ лишившись дерзновенія предъ Богомъ, убѣждалъ, чтобы не явиться обнаженнымъ отъ безсмертія. Корабль же, на который вступивъ онъ былъ обуреваемъ, есть кратковременная и тяжкая жизнь настоящаго времени, такъ какъ мы измѣнились и перенеслись изъ той блаженной и безопасной жизни въ эту многобурную и непостоянную жизнь, какъ съ земли на корабль. Ибо корабль по отношенію къ землѣ тоже, что настоящая жизнь по отношенію къ жизни безсмертной. Буря и востающія волны суть здѣшнія наши искушенія, которыя въ этомъ мірѣ, какъ въ бурномъ морѣ, не позволяютъ намъ совершать прямое теченіе жизни въ тишинѣ и безмятежности отъ золь. А сверженіе Іоны съ корабля въ море означаетъ ниспаденіе отъ жизни въ смерть первозданнаго, услышавшаго за то, что онъ согрѣшивши уклонился отъ правды, слѣдующій приговоръ: *прахъ ты и въ прахъ возвратишься* (Быт. 3, 19). Поглощеніе же китомъ означаетъ наше неизбѣжное разрушеніе, происходящее отъ времени; ибо чрево, въ которомъ скрылся поглощенный Іона, есть всепоглощающая земля, принимающая все, истребляемое временемъ. И такъ подобно тому, какъ Іона, проведши во чревѣ кита три дня и столько же ночей, вышелъ опять здоровымъ, такъ и всѣ мы, прошедши на землѣ три разстоянія настоящаго вѣка, т. е. начало, средину и конецъ, изъ которыхъ состоитъ все настоящее время, воскреснемъ. Ибо вообще три подраздѣленія времени: прошедшее, настоящее и будущее. Посему и Господь, знаменательно проведши въ землѣ столько же дней, ясно показалъ, что по исполненіи упомянутыхъ подраздѣленій времени, наступитъ наше воскресеніе, которое есть начало будущаго вѣка и конецъ настоящаго. А въ томъ вѣкѣ нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, а только настоящее. Еще: Іона, проведши во чревѣ

кита три дня и три ночи, не подвергся разрушенію, такъ чтобы его плоть истлѣла вслѣдствіе совершающагося во чревѣ естественнаго гніенія принимаемыхъ яствъ по причинѣ большого жара у морскихъ животныхъ, чтобы показать, что эти тѣла наши могутъ быть невредимыми. Представь, что Богъ создалъ одни изъ образовъ своихъ, какъ бы изъ золота, изъ чистѣйшей духовной сущности, именно Ангеловъ, а другіе какъ бы изъ гипса, или мѣди, т. е. насъ; ибо душу, созданную по образу Божію, Онъ соединилъ съ землею. И какъ всякіе образы здѣшняго царя слѣдуетъ почитать ради находящагося на нихъ изображенія, такъ и о насъ, имѣющихъ въ себѣ образъ Божій, не слѣдуетъ думать, что мы стремимся къ совершенной гибели, какъ презрѣнные. Посему Слово и сошло въ нашу вселенную и воплотилось съ нашимъ тѣломъ, чтобы устроить этотъ образъ, какъ бы разрушившійся отъ времени, въ благолѣпнѣйшій видъ, воскресить его негибнущимъ. Такъ изъясняя таинственно совершившееся на пророкѣ домостроительство, мы находимъ все сказаніе (о немъ) явно направленнымъ къ этому.

XXII. Такъ изображенія здѣшнихъ царей почитаются всѣми, хотя бы они были сдѣланы и не изъ весьма драгоценныхъ веществъ — золота или серебра. Люди, уважая (эти изображенія), сдѣланныя изъ весьма драгоценнаго вещества, не презираютъ однако и сдѣланныхъ изъ недргоценнаго, но почитаютъ всякія на землѣ, хотя бы они были изъ гипса или мѣди. И кто осмѣлился хулить какое-нибудь изъ нихъ, тотъ не отпускается, какъ хулившій грязь, и не судится, какъ унижавшій золото, но какъ нечестиво поступившій противъ Самаго Царя и Владыки. И устрояемая изъ золота изображенія Ангеловъ Его (Бога), Началь и Властей, мы устрояемъ въ Его честь и славу.

XXIII. Каждому лицу нужно во всемъ воздавать должное.

в) О сотворенномъ.

(Противъ Оригена) ¹⁾.

1. Въ изреченіи: *не давайте святыни псамъ, и (не бросайте) жемчуга вашего предъ свиньями* (Мат. 7, 6), подъ жемчугомъ этотъ человекъ ²⁾ разумѣлъ таинственное ученіе Богопреданнаго богопочтенія, а подъ свиньями — людей, погрязающихъ въ нечестіи и всякихъ (чувственныхъ) наслажденіяхъ, подобно свиньямъ въ грязи; имъ, говоритъ онъ, Христосъ повелѣваетъ не предлагать Божественнаго ученія, потому что они не могутъ вмѣстить его, какъ преданные нечестію и грубымъ удовольствіямъ. Великій Мееодій говоритъ: если подъ жемчугомъ нужно разумѣть досточтимое и Божественное ученіе, а подъ свиньями — людей, преданныхъ нечестію и (чувственнымъ) наслажденіямъ, отъ которыхъ должна быть устраняема и скрывается апостольская проповѣдь, возбуждающая благочестіе и вѣру во Христа, то смотри, не говоришь ли ты, что никто изъ христіанъ не (долженъ былъ) обращаться проповѣдію Апостоловъ отъ прежняго своего нечестія. Тогда они, конечно, не стали бы предлагать Христовыхъ таинствъ тѣмъ, которые невѣріемъ уподоблялись свиньямъ. Такимъ образомъ или эти таинства преподаны и проповѣданы учениками Христовыми всѣмъ Эллинамъ и другимъ невѣрнымъ и обратили ихъ отъ нечестія въ вѣру Христову (какъ мы дѣйствительно вѣруемъ и исповѣдуемъ), и тогда уже нельзя понимать изреченіе: *не бросайте жемчуга вашего предъ свиньями* такъ, какъ сказано; или, допустивъ сказанное толкованіе, намъ необходимо сказать, что никому изъ невѣрныхъ, которыхъ мы сравниваемъ со свиньями, не была сообщаемъ апо-

¹⁾ Извлеченія изъ этого сочиненія сохранились въ библіотекѣ Патр. Фотія, Cod. 235, который начинается ихъ такъ: „краткое извлеченіе изъ прочитаннаго творенія святаго мученика и Епископа Мееодія: *о сотворенномъ*“. Раздѣленіе на части здѣсь принято согласно съ изданіемъ Яна, S. Meth. Oper. p. 100—102.

²⁾ Въ подлинникѣ: ξένων; подъ этимъ названіемъ разумѣютъ Оригена, который ниже называется по имени. Migne указ. изд. p. 331.

стольскою проповѣдью, свѣтло украшающею души подобно жемчугу, вѣра во Христа и свобода отъ нечестія. Но это богохульно. И такъ подъ жемчугомъ не слѣдуетъ здѣсь разумѣть таинственное ученіе, а подъ свиньями — нечестивыхъ, и изреченіе: *не бросайте жемчуга вашего предъ свиньями* не нужно объяснять такъ: не сообщайте нечестивымъ и невѣрнымъ таинственныхъ и совершеннѣйшихъ истинъ вѣры Христовой. Но подъ жемчугомъ нужно разумѣть добродѣтели, которыми, какъ драгоценнымъ жемчугомъ, украшается душа; не должно повергать ихъ свиньямъ, т. е. не должно жертвовать добродѣтелями, какъ то: дѣвственностію, цѣломудріемъ, справедливостію и истинностію — сладострастнымъ удовольствіямъ (которыя уподобляются свиньямъ), чтобы они, истребивши добродѣтели, не вовлекли душу въ жизнь свинскую и исполненную страстей.

II. Оригенъ, котораго (Св. Меѳодій) называетъ кентавромъ ¹⁾, училъ, что вселенная совѣчна единому премудрому и ни въ чемъ не имѣющему нужды Богу. Онъ говорилъ: если Создатель не бываетъ безъ созданій, творецъ безъ твореній, вседержитель безъ содержимаго, потому что непремѣнно Создатель называется по созданіямъ, творецъ по твореніямъ и вседержитель по содержимому; то необходимо слѣдуетъ, что они были при Богѣ отъ начала и что не было времени, когда бы ихъ не было. Иначе, если было время, когда не было твореній, а безъ твореній нѣтъ и Творца; то смотри, какое слѣдуетъ нечестіе: окажется, что непремѣняемый и неизмѣняемый Богъ измѣняется и премѣняется. Ибо, если Онъ только въ послѣдствіи сотворилъ вселенную, то ясно, что Онъ измѣнился, перешедши отъ нетворенія къ творенію; но это нелѣпо послѣ сказаннаго; слѣдовательно нельзя говорить, что міръ небезначаленъ и несовѣченъ Богу.

III. Святый (Меѳодій), возражая ему, спрашиваетъ отъ лица другаго: почитаешь ли ты Бога началомъ и источникомъ мудрости и славы и вообще всякой добродѣтели суще-

¹⁾ *Кентавръ* — баснословное существо съ головою и грудью человѣка и съ туловищемъ коня.

ственно, а не чрезъ приобрѣтеніе? Тотъ: да. Что же далѣе? Не совершенъ ли Онъ во всемъ Самъ по Себѣ и вседоволень? Правда; ибо невозможно, чтобы существо, ни въ чемъ не нуждающееся, было ни въ чемъ не нуждающимся съ помощію другаго, такъ какъ все, восполняемое съ помощію другаго, необходимо нужно назвать несовершеннымъ. Значить, одно только существо, имѣющее полноту само въ себѣ и чрезъ себя самого, надобно считать совершеннымъ? Весьма справедливо говоришь ты. А то, которое ни само по себѣ не имѣетъ полноты, ни восполняетъ само себя, назовешь ли ты ни въ чемъ не нуждающимся? Нѣтъ. И такъ Бога нельзя почитать совершеннымъ чрезъ что-либо другое? Ибо то, что совершенно чрезъ что-либо другое, само по себѣ необходимо бываетъ несовершеннымъ; слѣдовательно не должно ли почитать и Бога совершеннымъ чрезъ Себя Самого, а не чрезъ другаго? Весьма справедливо. Не есть ли Богъ иное, нежели міръ, и міръ иное, нежели Богъ? Конечно такъ, По сему не слѣдуетъ называть Бога совершеннымъ и Создателемъ и Вседержителемъ чрезъ міръ? Нѣтъ. Дабы Онъ оставался совершеннымъ Самъ по Себѣ и чрезъ Себя, а не чрезъ міръ и притомъ измѣнчивый? Такъ слѣдуетъ. А что, богатый считается богатымъ не за богатство ли? Справедливо. И мудраго называютъ мудрымъ не за приобрѣтеніе ли дѣйствительной мудрости, хотя самъ онъ не есть мудрость? Такъ. Что же, и Бога, отличнаго отъ міра, не нужно ли называть богатымъ и благодѣтелемъ и Создателемъ за міръ? Никакъ нѣтъ. Слѣдовательно Онъ Самъ по Себѣ есть богатство, и Самъ по Себѣ богатъ и могущественъ? Кажется. Значить, не былъ ли Онъ еще прежде міра ни въ чемъ не нуждающимся, и Отцемъ и Вседержителемъ и Создателемъ, чтобы Ему быть такимъ Самому чрезъ Себя, а не чрезъ другаго? Необходимо. Подлинно, если бы Онъ, отличаясь отъ міра, не Самъ по Себѣ, а чрезъ міръ дѣлался Вседержителемъ (прости Боже; я вынужденъ говорить это), то Онъ Самъ по Себѣ былъ бы несовершеннымъ и нуждающимся въ томъ, чрезъ что Онъ вышеестественно становится Вседержителемъ и Соз-

дателемъ. И такъ должно отвергать такой пагубный грѣхъ говорящихъ о Богѣ, что Онъ есть Вседержитель и Создатель чрезъ содержимое и созданное, а не Самъ чрезъ Себя.

IV. Посмотри еще: если, говоришь ты, несуществовавший прежде міръ сотворенъ въ послѣдствіи, то необходимо слѣдуетъ, что безстрастный и неизмѣняемый Богъ измѣняется; ибо кто прежде ничего не творилъ, а потомъ (перешелъ) отъ нетворенія къ творенію, тотъ необходимо терпитъ измѣненіе и премѣненіе. Я уже спрашивалъ: пересталъ ли Богъ творить міръ, или нѣтъ? Пересталъ, иначе онъ не былъ бы оконченнымъ. Если же переходъ отъ нетворенія къ творенію считать измѣненіемъ въ Богѣ, то не тоже ли и переходъ отъ творенія къ нетворенію? Необходимо. Но можешь ли ты сказать, что Онъ, не творя нынѣ, измѣнился въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ Онъ былъ, когда творилъ? Никакъ нѣтъ. Слѣдовательно и тогда, когда Онъ творилъ міръ, нѣтъ надобности допускать въ Немъ измѣненія въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ Онъ былъ, когда не творилъ, и нѣтъ надобности утверждать, что вселенная существуетъ Ему, чтобы не быть принуждену признавать (въ Немъ) измѣняемость и при совѣчности ихъ по той же причинѣ.

V. Отвѣтъ мнѣ и на слѣдующее: можешь ли ты назвать сотворенное не имѣющимъ начала бытія? Нѣтъ; ибо, если оно не имѣетъ начала бытія, то оно есть несотворенное. Если же оно сотворено, то ты припишешь бытіе его какому-нибудь виновнику, такъ какъ совершенно невозможно получить бытіе безъ виновника? Невозможно. Такъ и о мірѣ со всѣмъ, что въ немъ, скажемъ ли мы, что онъ, не существовавши прежде, произошелъ въ послѣдствіи отъ кого-нибудь иного, а не отъ Бога Создателя? Ясно, что отъ Бога. А ограниченному началомъ бытія невозможно быть безпредѣльнымъ одинаково съ безпредѣльнымъ (Существомъ)? Невозможно.

VI. Посему, кентавръ, снова будемъ разсуждать сначала. Скажете ли, что существующее сотворено Божественною премудростію, или нѣтъ? О, если бы, скажутъ

они; но — нѣтъ. А изъ стихій, или вещества, или твердей, или какъ вы сами захотите назвать это (ибо это безразлично), которыя несотворенно предсуществовали и нестройно носились, Богъ ли, распредѣливъ, устроилъ все, какъ превосходный живописецъ, выразившій многими красками одну идею? И этого не скажутъ. Ибо они, конечно, уклонятся отъ признанія этого противъ себя самихъ, чтобы, допустивъ начало распредѣленія и преобразованія вещества, не быть вынужденными по смыслу всего этого сказать, что Богъ началъ устроить и украшать вещество, бывшее прежде безвиднымъ.

VII. Теперь, достигнувъ съ Божіею помощію до настоящаго мѣста разсужденія, представимъ, что стоитъ какая-нибудь прекрасная статуя на возвышеніи, и удивляющіеся стройной красотѣ ея зрители пусть будутъ несогласны между собою, назвать ли ее сотворенною или несотворенною. Я спросилъ бы ихъ: почему вы называете ее несотворенною, ради ли художника, чтобы онъ не считался бывшимъ когда-нибудь безъ произведенія, или ради ея самой? Если ради художника, то какъ же она, будучи несотворенною, устроится художникомъ? Ибо, если она, нуждаясь въ искусствѣ художника, подверглась его дѣйствию, чтобы имѣть такой видъ, какой хотѣлъ художникъ, то какъ она будетъ несотворенною, претерпѣвая это вліяніе и дѣйствіе? Если же скажутъ, что статуя, будучи совершенною сама по себѣ и несотворенною, не нуждалась въ искусствѣ, по ихъ пагубному ученію, то необходимо допустить самопроизводительность (*ὁτοματιστήν*). Или, можетъ быть, не желая допустить такое разсужденіе, они отвѣтятъ еще хуже, утверждая, что статуя не есть несотворенная, но сотворенная такъ, что не имѣетъ начала бытія, чтобы художникъ могъ назваться безначально имѣющимъ художество. Но, почтенные,—скажемъ мы имъ,—если не было ни времени, ни вѣка въ прошедшемъ, когда бы статуя не была совершенною, то скажите, что доставилъ ей художникъ, или что онъ сдѣлалъ въ ней? Ибо, если она существуетъ, ни въ комъ не нуждаясь и не имѣя начала бытія, то по вашему

тѣмъ болѣе создатель окажется никогда не создававшимъ и не создающимъ. И опять рѣчь, кажется, пришла къ тому же, чтобы допустить самопроизводительность. Ибо, если будетъ сказано, что создатель хотя малѣйшимъ образомъ коснулся статуи, то она будетъ имѣть начало, вслѣдствіе того, что онъ началъ двигать и устроить ее, бывшую прежде неустроенною и неподвижною. Такимъ образомъ міръ постоянно былъ и навсегда будетъ однимъ и тѣмъ же. Художника можно уподобить Богу, а статую — міру. Какъ же вы, безразсудные, думаете, что тварь, будучи безпредѣльною одинаково съ Творцемъ, не нуждается въ Создателѣ? Безпредѣльное необходимо должно быть никогда не имѣющимъ начала бытія и одинаково несотвореннымъ и равносильнымъ. А несотворенное, оказываясь самосоввершеннымъ и неизмѣннымъ, будетъ и ни въ чемъ не нуждающимся и нетлѣннымъ; если же это такъ, то, по вашему мнѣнію, міръ неизмѣняемъ.

VIII. Церковь (Εκκλησία), говоритъ (Св. Меѳодій), называется такъ потому, что она вызвала на бой (ἐκκαλέω) чувственныя удовольствія.

IX. Святый (Меѳодій) говоритъ: мы допустили въ предъидушемъ двѣ творческія силы, одну творящую то, что она хочетъ творить, изъ ничего чистымъ хотѣніемъ, безъ промедленія, вмѣстѣ съ хотѣніемъ; это — Отецъ; другую — устрояющую и украшающую уже созданное по подобію первой (силы); это — Сынъ, всемогущая и крѣпкая десница Отца, которою Онъ, по созданіи вещества изъ ничего, устрояетъ его.

X. Святый (Меѳодій) говоритъ, что книга Іова есть Моисеева.

XI. Не погрѣшилъ бы тотъ, кто сказалъ бы, что въ словахъ: *въ началѣ сотворилъ (Богъ) небо и землю* (Быт. 1, 1), начало есть сама Премудрость, говоритъ (Св. Меѳодій). Ибо она у одного изъ мужей божественнаго сонма говоритъ о себѣ самой такимъ образомъ: *Господь имѣлъ меня началомъ пути своего, прежде созданий своихъ, искони* (Притч. VIII, 22). Всему, что получило бытіе, слѣдовало и прилично

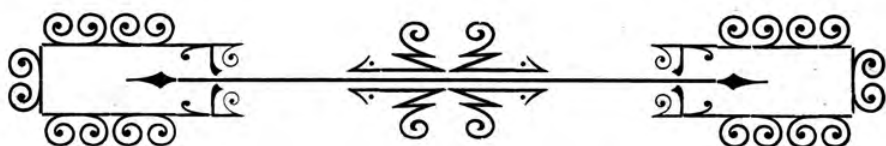
было — быть позднѣе ея, какъ происшедшему чрезъ нее. Вникни и въ изреченіе Евангелиста: *въ началъ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ; оно было въ началъ у Бога* (Іоан. 1, 1. 2); не имѣетъ ли и оно такого же значенія? Ибо началомъ, отъ котораго произрасло точнѣйшее Слово, надобно назвать Отца и Творца всего, въ которомъ оно было; а выраженіе: *оно было въ началъ у Бога*, кажется, означаетъ властительное достоинство Слова, которое оно имѣло у Отца еще прежде дарованія бытія міру, называя *власть — началомъ* (ἀρχή). Такимъ образомъ, послѣ собственно безначальнаго начала — Отца, оно становится началомъ всего прочаго, которымъ все создается.

XII. Оригенъ, послѣ многихъ баснословій о вѣчности вселенной, прибавляетъ и слѣдующее: и такъ не со времени Адама, какъ говорятъ нѣкоторые, не существовавшій прежде человѣкъ созданъ тогда впервые и вошелъ въ міръ; равно и міръ не за шесть дней до сотворенія Адама началъ твориться. Если же кому угодно будетъ не соглашаться съ этимъ, тотъ напередъ пусть подумаетъ, не лучше ли по книгѣ Моисея, принимая ее въ такомъ видѣ, считать отъ сотворенія міра (одинъ день) за одинъ вѣкъ, такъ какъ пророческій голосъ объ этомъ взываетъ: *отъ вѣка и до вѣка Ты — Богъ; ибо предъ очами Твоими тысяча лѣтъ какъ день вчерашній, когда онъ прошелъ, и какъ стража въ ночи?* (Псал. 89, 3. 5). Если въ очахъ Божіихъ тысяча лѣтъ составляетъ одинъ день, то отъ сотворенія міра до покоя, до насъ, какъ утверждаютъ опытные въ искусствѣ счисленія, составитъ шесть дней. Слѣдовательно, говорятъ, отъ Адама доселѣ продолжается шеститысячный годъ; а въ седьмой тысячелѣтній годъ, говорятъ, будетъ судъ; такимъ образомъ всѣхъ дней отъ насъ до начала, когда Богъ сотворилъ небо и землю, насчитывается тринадцать, прежде которыхъ, по ихъ безумному мнѣнію, Богъ, не творивъ ничего, лишился достоинства Творца ¹⁾ и Вседержителя. Если же въ очахъ

¹⁾ Въ подлинникѣ: *Отецъ*; но по ходу рѣчи, вѣроятно, здѣсь надобно читать: *Творецъ*, какъ полагаютъ издатели текста этого сочиненія. См. Migne, ук. изд. pag. 344.

Божіихъ отъ сотворенія міра только тринадцать дней, то какъ же говоритъ Премудрость у Сираха: *песокъ морей и капли дождя и дни вѣчности кто исчислитъ?* (Сир. 1, 2). Вотъ, что старается говорить Оригенъ, и смотри, какъ онъ пусто-словить.

V.

КРАТКІЕ ОТРЫВКИ ИЗЪ РАЗНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

а) Изъ книгъ противъ Порфирія ¹⁾.

I. Христось Сынъ Божій по опредѣленію Отца пришелъ къ видимой твари, чтобы, ниспровергнувъ державу властвовавшихъ демоновъ, избавить души отъ горькаго рабства, такъ какъ вся природа, очарованная упоеніемъ нечестія, была исполнена смятенія и нестроенія, не имѣя силъ обратиться къ помышленію о полезномъ. Потому она легко увлекалась и къ идолопоклонству, что зло потопляло все и обладало всѣми поколѣніями вслѣдствіе измѣненія, происшедшаго отъ преслушанія въ нашихъ тѣлесныхъ хижинахъ, доколѣ Христось Господь посредствомъ плоти, въ которой Онъ явился въ эту жизнь, обуздавъ порывы сладострастія, служившіе для преисподнихъ силъ оружіемъ противъ насъ для порабощенія умственныхъ способностей, не освободилъ человѣка отъ всѣхъ золъ. Для того Господь Іисусъ и принялъ плоть и сдѣлался человѣкомъ и былъ пригвожденъ ко кресту по (Своему) домостроительству, чтобы чрезъ ту же плоть, чрезъ которую демоны надменно старались представить (себя) богами, увлекаая души къ смерти способами

¹⁾ Изъ 5-ти слѣдующихъ отрывковъ два напечатаны у Гретцера (Gretser. De sancta cruce, T. II. Indolst. 1600. и 2 изд. Ratisb. 1734. p. 401—403), третій у Л. Алляція (Diatr. de Method. Script. p. 349), подъ разными заглавіями и безъ означенія, къ какому сочиненію Св. Меѳодія они относятся; послѣдніе два взяты издателями изъ твореній Св. Іоанна Дамаскина (Opus. Tom. II, Parall. p. 778 и др.). Янъ основательно относитъ всѣ эти отрывки къ одному сочиненію противъ Порфирія, въ ук. соч. p. 102—104.

обольщенія, они были ниспровергнуты и обличены, что они не боги. Желая болѣе низложить ихъ высокоуміе, Онъ сталъ человѣкомъ, чтобы чрезъ тоже самое тѣло, чрезъ которое разумный родъ (человѣческій) погибалъ, уклонившись отъ почитанія истиннаго Бога, по воплощеніи въ немъ Слова неизреченно-премудрымъ образомъ, они оказались губителями, а не благодѣтелями душъ.—Нисколько не было бы удивительно, если бы Христосъ низложилъ противныя демонскія существа грозною властію и величіемъ непобѣдимой силы Бога. Но такъ какъ то причиняло имъ (большее) посрамленіе и огорченіе (ибо быть побѣжденными Высочайшимъ существомъ они скорѣе согласились бы), для этого Богъ устроилъ дѣло спасенія всѣхъ чрезъ человѣка, чтобы люди, по пришествіи къ нимъ самой Жизни и Истины во плоти, могли приблизиться къ образу и просвѣщенію Слова, преодолевая приманки грѣха, а демоны, побѣжденные и посрамленные слабѣйшимъ, прекратили свою дерзость, по обузданіи Тифоновой ¹⁾ ихъ ярости. Для этого особенно и введенъ крестъ, воздвигнутый какъ трофей и гроза противъ нечестія, чтобы человѣкъ болѣе уже не подвергался гнѣву (Божію), оправившись послѣ пораженія за преслушаніе, законно побѣдивъ преисподнія силы и сдѣлавшись свободнымъ отъ всякаго долга по милости Божіей. Такимъ образомъ первородное Слово Божіе, оградивъ человѣка, въ котораго Оно вселилось, оружіемъ правды, преодолѣло поработившія насъ силы крестовиднымъ знаменіемъ, какъ сказано, распростертыми (на немъ) руками, показавъ свободнымъ человѣка, бывшаго подъ властію тлѣнія.—Это знаменіе, если нужно опредѣлить его, есть твердыня побѣды, путь снисхожденія Бога къ человѣку, трофей противъ нечистыхъ духовъ, избавленіе отъ смерти, основаніе восхожденія (нашего) къ истинному дню и лѣствица восходящихъ къ наслажденію тамошнимъ свѣтомъ, и орудіе, посредствомъ котораго входящіе въ составъ зданія Церкви, подобно четыре-

¹⁾ Тифонъ, по сказанію древнихъ Грековъ, былъ свирѣпый и чудовищный гигантъ, имѣвшій сто страшныхъ головъ и враждовавшій противъ Зевса и другихъ Олимпійскихъ боговъ.

угольному камню, снизу влекутся горѣ для соединенія съ Божественнымъ Словомъ. Посему здѣшніе Цари, узнавъ, что крестовидное знаменіе употребляется для отраженія всякаго злаго вліянія, устроили знамена, называемыя на римскомъ языкѣ *vexilla* ¹⁾.— Посему море, повинувся этому знаменію (при распростертіи весель по обѣ стороны судна), дѣлается удобнымъ для плаванія людей. Вся тварь, такъ сказать, облечена въ это знаменіе свободы; такъ птицы, поднимающіяся на высоту, изображаютъ крестовидное знаменіе распростертіемъ крыльевъ; самъ человекъ, распростерши руки, представляется тѣмъ же. Такимъ образомъ знаменовавъ его тѣмъ же самымъ, чѣмъ онъ былъ украшенъ при сотвореніи, Господь соединилъ его съ Божествомъ, чтобы онъ за тѣмъ былъ священнымъ орудіемъ Божиимъ, неимѣющимъ никакого разногласія и нестроенія. Ибо послѣ того, какъ человекъ сталъ настроенъ къ богочитанію и принялъ нетлѣнную пѣснь истины, посредствомъ которой онъ сдѣлался вмѣстилищемъ Божества, прилѣпившись къ древу жизни подобно струнамъ и тонамъ, невозможно, чтобы онъ уклонился въ растройство и тлѣніе ²⁾).

II. Нѣкоторые, измѣряя Бога мѣрою собственнаго настроенія, думаютъ, что Онъ считаетъ достойнымъ похвалы или достойнымъ порицанія тоже, что и дурные люди, руководясь мнѣніями человѣческими какъ бы правиломъ и мѣрою; но они не понимаютъ, по присущему имъ неразумію, что всякая тварь нуждается въ красотѣ Божіей. Онъ самъ, по всецѣлой сущности и природѣ своей, Словомъ своимъ привлекаетъ все къ жизни. Желаетъ ли Онъ благого, Онъ, будучи самъ благомъ, останавливается на Самомъ Себѣ; вождельно ли для него прекрасное, Онъ, будучи Самъ

¹⁾ Замѣчаніе о знаменахъ въ видѣ креста, вѣроятно, составляетъ позднѣйшую вставку, такъ какъ о подобныхъ знаменахъ могло быть сказано не ранѣе временъ Св. Константина Великаго.

²⁾ Этотъ отрывокъ у Гретцера озаглавленъ такъ: „Мееодія Епископа къ тѣмъ, которые говорятъ: какую пользу доставилъ намъ Сынъ Божій, воплотившись на землѣ и сдѣлавшись человекомъ? И почему Онъ благоволилъ пострадать на крестномъ знаменіи, а не другою какою-нибудь казнію? И какая польза отъ креста?“

единымъ прекраснымъ, взираетъ на самого себя, вмѣняя въ ничто предметы удивленія людей. По истинѣ прекраснымъ и похвальнымъ должно называть то, что Самъ Богъ признаетъ прекраснымъ, хотя бы оно унижалось и осмѣивалось всѣми, а не то, что считаютъ (такимъ) люди. Посему, если Онъ благоволилъ этимъ знаменіемъ освободить души отъ пагубныхъ страстей, постыдивъ полчища демоновъ, то надобно принимать, а не злословить его, какъ данное для освобожденія и разрѣшенія отъ узъ, постигшихъ насъ за преслушаніе. Ибо Слово пострададо, пригвоздившись ко кресту плотію, чтобы разслабленнаго заблужденіемъ чловѣка возвести къ горьному и божественному величію, возвративъ его къ божественной жизни, которой онъ прежде былъ лишенъ. Этимъ знаменіемъ притуплены страсти, совершилось страданіе страстей чрезъ страданіе (Христа), и смерть смерти чрезъ смерть (І. Христа), который не былъ удержанъ смертію и не былъ сокрушенъ страданіемъ. Ибо ни страданіе совершенно не сразило его, ни смерть не причинила Ему вреда, но Онъ оставался и въ страдательномъ состояніи безстрастнымъ, и въ смертномъ безсмертнымъ, объемля все, что въ воздухъ и въ срединѣ и вверху, и соединивъ смертное съ безсмертнымъ Божествомъ. Смерть совершенно побѣждена распятіемъ плоти (Христовой) на знаменіи безсмертія ¹⁾.

III. У Него была на это сила ²⁾; ибо силъ свойственно какъ сокращаться въ маломъ и уменьшаться, такъ и расширяться въ великомъ и увеличиваться. Если бы для Него возможно было расширяться въ великомъ и увеличиваться, а сокращаться въ маломъ и уменьшаться невозможно, то Онъ не былъ бы силою; ибо, если ты скажешь, что для какой-нибудь силы одно возможно, а другое невозможно, то ограничивая ее не допускаешь, что она есть сила, какъ немощная по отношенію къ тому, что для нея невозможно.

¹⁾ Этотъ отрывокъ у Гретцера озаглавленъ такъ: „того же Мееодія къ тѣмъ, которые стыдятся креста Христова“.

²⁾ У Л. Алляція этотъ отрывокъ озаглавляется такъ: „какимъ образомъ Сынъ Божій Христосъ на краткое опредѣленное время вмѣстился въ тѣлѣ, и какъ Онъ, будучи безстрастнымъ, подвергся страданію?“

Кромѣ того, Онъ не будетъ имѣть и превосходства Божества въ сравненіи съ измѣняющимися и случайными свойствами животныхъ, по которымъ они что могутъ дѣлать, то дѣлаютъ, а чего не могутъ, отъ того отступаютъ. Посему Сынъ Божій безпрепятственно вмѣстился въ чловѣкъ, потому что для Него это не было невозможнымъ, равно какъ тою же силою Онъ пострадалъ, оставаясь безстрастнымъ, и умеръ, даруя безсмертіе смертному. Тѣло, ударяемое или разсѣкаемое другимъ тѣломъ, настолько ударяется или разсѣкается, на сколько ударяющее ударяетъ и разсѣкающее разсѣкаетъ; ибо ударъ бываетъ вслѣдствіе сопротивленія предмета ударяющему, когда оба они, и дѣйствующій и подвергающійся дѣйствию, находятся въ одинаковомъ дѣятельномъ состояніи. Если же разсѣкаемое не будетъ сопротивляться разсѣкающему хотя въ малой степени, то разсѣкающее не въ состояніи будетъ разсѣкать. Такъ, если какое-нибудь тѣло не будетъ сопротивляться удару меча, а будетъ совершенно уступать ему, то дѣйствіе его остается недѣйствительнымъ, подобно тому какъ бываетъ и съ тончайшими тѣлами—огнемъ или воздухомъ; направленное на нихъ дѣйствіе твердѣйшихъ тѣлъ разрѣшается и остается недѣйствительнымъ. Если же огня или воздуха не можетъ ранить и разсѣчь камень, или желѣзо, или дерево, или что-нибудь другое, чѣмъ люди пользуются для убіенія другъ друга, по причинѣ его неуловимой и тончайшей природы, то не тѣмъ ли болѣе Премудрость осталась неуязвимою и безстрашною, не терпѣвшею ни отъ чего никакого зла, хотя она и была присуща ударяющему и приходящему тѣлу, будучи сама вышею и чистѣйшею всякой другой природы, кромѣ родившаго ее Бога?

IV. Покаяніе тогда истребляетъ всякій грѣхъ, когда при случившемся грѣхопадении души оно не допускаетъ промедленія и не позволяетъ страсти оставаться на долгое время; ибо такимъ образомъ зло не въ состояніи будетъ оставить въ насъ слѣда, бывъ исторгаяемо тотчасъ при своемъ появленіи, подобно лишь только возникшему растенію.

V. Истинное наше зло есть неуподобленіе Богу и не-

вѣдѣніе о Немъ; и напротивъ великое добро-уподобленіе Ему. Собственнымъ (нашимъ) истиннымъ благомъ представляется обращеніе къ нетлѣнному и божественному и вѣра; а зломъ—невѣдѣніе о немъ и безпечность; и то, что, произрастая въ насъ и изъ насъ, производитъ нечестіе, есть также наше.

б) Изъ слова о мученикахъ ¹⁾.

1. Мученичество такъ удивительно и вождѣленно, что Самъ Господь, Сынъ Божій, *не почитавшій хищеніемъ быть равнымъ Богу* (Фил. 2. 6), оказывая ему честь, пострадалъ, чтобы и этимъ даромъ увѣнчать человѣка, въ котораго Онъ сошелъ.

в) Изъ сочиненій непоименованныхъ ²⁾.

1. Равнымъ образомъ, когда друзья Іова думали, что они постигли причину, по которой онъ такъ страдалъ, то праведникъ въ пространной рѣчи къ нимъ исповѣдуетъ, что премудрость судебъ Божіихъ непостижима не только ему, но и всякому человѣку, и утверждаетъ, что знаніе совѣта Божія не можетъ быть доступно пребывающимъ на землѣ. Можетъ быть, кто-нибудь скажетъ, что здѣсь премудростію называется совершенное благочестіе, это божественное дѣло, сообщаемое людямъ однимъ Богомъ. Но смыслъ словъ его такой: Богъ, говоритъ онъ, даровалъ людямъ великіе дары, посѣявъ въ природѣ ихъ способность изобрѣтательную, разсудительную и художественную, при помощи которой люди извлекаютъ изъ земли металлы и обрабатываютъ землю; а относящуюся къ богочтенію премудрость нельзя найти ни въ какомъ мѣстѣ; человѣкъ не можетъ ни самъ изъ себя извлечь ее, ни другимъ со-

¹⁾ Отрывокъ сохранился у блаж. Феодорита (Орег. Т. IV. р. 37. Dial. 1), съ заглавіемъ: „святаго Меодія изъ слова о мученикахъ“.

²⁾ Изъ слѣдующихъ отрывковъ первые шесть сохранились въ сборникѣ (catena) Никиты, Митроп. Гераклійскаго, на книгу Іова, London. 1637; слѣдующіе три у св. Іоанна Дамаскина, въ Parall. Орег. Т. II, десятый у Анастасія Синаита въ сочиненіи объ образѣ Божіемъ. Edit. Mai. Nov. Coll. T. IX, р. 612; остальные взяты издателями изъ извѣстныхъ имъ рукописей. См. Migne, ук. изд. р. 404—408. Iahn. ук. соч. р. 117—119.

общить. Посему и эллинскіе мудрецы, собственною силою искавшіе богопочтенія, не достигли цѣли. Ибо это дѣло, какъ сказали мы, недоступно самимъ людямъ, но есть божественный и благодатный даръ; посему и отъ начала Богъ научалъ людей богопочтенію то посредствомъ видѣній, то чрезъ посѣщенія Ангеловъ, то посредствомъ богодухновенныхъ святыхъ пророковъ. И созерцательная мудрость есть даръ Божій, посредствомъ которой мы занимаемся искусствами и ремеслами и которую мы имѣемъ всѣ вообще, неправедные и праведные; такъ какъ мы—разумныя животныя, то и получили ее. Посему и въ предыдущемъ сказано было о ней, какъ о богодарованномъ стяжаніи, въ словахъ: *не Господь ли научаетъ разумнѣію и знанію?* (Іов. 21, 22. 22, 2).

II. Замѣть, что Господь говоритъ людямъ не вдругъ съ самаго начала; но когда душа приготовится многими способами и упражненіями и взойдетъ на высоту, сколько возможно человѣческой природѣ, тогда Онъ говоритъ и открываетъ глаголы Свои возвысившимся до этого. Такъ какъ вихрь производитъ бурю, а Іовъ въ бурѣ обстоятельство не потерпѣлъ кораблекрушенія касательно вѣры, но еще болѣе просіялъ, то Отвѣчающій ему въ знакъ объ-емлющей его бури отвѣчаетъ чрезъ вихрь; а въ знакъ измѣненія дѣлъ его изъ бури въ тихую погоду, Онъ говоритъ не только чрезъ вихрь, но и чрезъ облака.

III. Многіе низошли въ бездну (ада), не съ тѣмъ, чтобы ходить въ немъ, но чтобы оставаться узниками. Одинъ только Іисусъ, какъ свободный, ходилъ въ этой безднѣ, гдѣ нѣтъ слѣдовъ ходящихъ. Ибо Онъ принялъ смерть, не бывъ повиненъ смерти, чтобы освободить подлежащихъ смерти, сказавъ узникамъ: *выходите, и тѣмъ, которые во тѣмъ: покажитесь* (Исаи 49, 9), съ чѣмъ согласно и послѣдующее.

IV. Видишь, какъ въ концѣ подвиговъ Онъ прославляетъ подвижника блистательнымъ провозглашеніемъ и открываетъ сокровенную причину пораженія (его страданіями), говоря: *неужели ты думаешь, что Я такъ поступилъ съ тобою для чего-нибудь иного, а не для того, чтобы ты явился праведнымъ?* (Іов. 40, 3). Это—врачевство отъ ранъ; это—воздаяніе

за терпѣніе. Ибо послѣдующее, хотя нѣкоторымъ покажется великимъ, можетъ быть, маловажно, и устроено съ неважными цѣлями, хотя онъ получилъ и вдвойнѣ взаимнѣ отнятаго.

V. Мееодій подѣ *Духомъ Божественнымъ*, даннымъ отъ Бога всѣмъ людямъ, о которомъ и Соломонъ сказалъ: *нетлѣнный Твой духъ пребываетъ во всемъ* (Прем. 12, 1), разумѣетъ совѣсть, которая и укоряетъ согрѣшающую душу.

VI. Со Мною ты состязаясь, и на Меня возстаешь, и на моихъ подвижниковъ нападаешь? Гдѣ былъ ты, когда Я творилъ землю? Кѣмъ тогда былъ ты? Не былъ ли ты уже падшимъ? Подлинно въ началѣ мірозданія, говоритъ Писаніе, была *тьма надъ бездною* (Быт. 1, 2); эта тьма—не созданная тьма, но предварительно начавшаяся тьма при несуществованіи свѣта.

VII. Человѣческая природа не можетъ чисто созерцать самую праведность въ душѣ, такъ какъ помыслы ея часто бываютъ покрыты мглою.

VIII. Порокъ никогда не познаетъ ни добродѣтели, ни самаго себя.

IX. Начало всякаго добраго дѣла имѣетъ основаніе въ нашей волѣ, а окончаніе — въ Богѣ.

X. Можетъ быть, три прародительскія главы всего человечества, эти единосущныя лица, были, какъ думаетъ и Мееодій, прообразовательно нѣкоторымъ подобіемъ святой и единосущной Троицы, именно не имѣющей (земнаго) виновника своего бытія и нерожденный Адамъ представлялъ образъ и подобіе безначальнаго Виновника всего, Вседержителя Бога и Отца, рожденный же сынъ его—представлялъ образъ рожденного Сына и Слова Божія, а происшедшая (отъ него) Ева означала исходящее лице Святаго Духа.

XI. Справедливость, такъ сказать, четвероугольна, со всѣхъ сторонъ равна и подобна (самой себѣ).

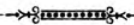
XII. Праведный судъ Божій соотвѣтствуетъ нашимъ настроеніямъ; и каковы наши (чувствованія и дѣла), таково въ соразмѣрности назначается намъ и воздаяніе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Отъ издателя.	3
Свѣдѣнія о жизни и твореніяхъ Святаго Священномученика Меѳодія.	5

Т в о р е н і я :

1. Пиръ десяти дѣвъ или о дѣвствѣ	25
рѣчи: Маркеллы.	29
„ Теофилы	35
„ Ѳаліи.	44
„ Ѳеопатры.	59
„ Ѳаллусы	65
„ Агаѡы	73
„ Прокиллы.	79
„ Ѳеклы	88
„ Тисіаны	112
„ Домнины	120
„ Ареты	129
2. Слово о Симеонѣ и Аннѣ, въ день Срѣтенія Господня.	141
3. Слово въ недѣлю Ваій.	161
4. Извлеченія изъ сочиненій:	
а) О свободѣ воли, противъ Валентиніанъ	171
б) О Воскресеніи, противъ Оригена	192
в) О сотворенномъ, противъ него же	272
5. Краткіе отрывки изъ разныхъ сочиненій	280

Тренч, арх. Дублин. Чудеса Господа нашего Иисуса Христа. М. 1883 г., ц. 1 р. 30 к.

Училище благочестия, или примѣры христіанскихъ добродѣтелей, выбранныхъ изъ житій святыхъ. Съ 16-ю рис. акад. Ф. Г. Солнцева. Изд. 18 (5 иллюстр.). По-свящ. церк.-прих. школ. Спб., 1899 г., ц. 80 к., съ перес. 1 р. 15 к. Въ кол. изящн. перепл. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 15 к. *Мин. Нар. Просв. одобрена для приобр. въ библи. средн. учебн. заведений* 21 июля 1894 г., № 14375. *Внесена въ списокъ книгъ для библиотекъ церк.-прих. школъ* (Церк. Вѣд. № 2, 1896 г.).

Ушановъ А. Н. Сборникъ службъ, молитвъ и пѣснопѣній, употребляемыхъ при богослуженіяхъ въ православной церкви. Съ объясненіемъ непонятныхъ словъ и оборотовъ рѣчи на русско-мъ языкѣ. Изд. 3-е. Спб., 1904 г., ц. 60 к., въ учебн. перепл. 75 к., въ коленкоровомъ 1 р.

Фарраръ, Ф. В. Жизнь Иисуса Христа. Новый полн. пер. съ 30 англ. изд. А. П. Лопухина. 8 изд. (иллюстр. третье). Съ прилож. и примѣч. Со множествомъ великолѣпно исполн. иллюстрац. и съ прилож. раскраш. карты Палестины. Спб., 1900 г., ц. 6 р., въ роскошн. кол. пер. 8 руб.

Жизнь Иисуса Христа. Нов. переводъ съ 30-го англійскаго изданія А. П. Лопухина. 7-е общедост. изд. Въ 2 ч. Съ прилож. 16 полит. на отдѣльн. листахъ и карт. въ текстѣ. Спб., 1899 г., ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.; въ изящ. перепл. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р. *Одобр. для функц. библи. средн. учебн. зав. вѣдом. мн. Нар. Просв.* (21 июля 1894 г., 14375).

Жизнь и труды святаго апостола Павла. Полный переводъ съ послѣдняго изданія А. П. Лопухина. Со множествомъ иллюстр. и съ прил. 4-хъ раскраш. картъ путешествій св. апостола Павла. Большой роскошно изданный томъ въ 4-ю д. л. Спб., 1901 г., ц. 8 р., въ роскошномъ коленк. перепл., съ зол. тисн. и обрѣз. 10 р.

Жизнь и труды святаго апостола Павла. Перев. съ 19-го англ. изд. А. П. Лопухина. 3-е общед. изд. съ карт. въ текстѣ. Въ 2 ч. Спб., 1893 г., ц. 3 р., пер. 4 р. *Мин. Нар. Просв. одобр. для функц. библи. средн. учебн. зав.* 21 июля 1894 г., № 14375.

Первые дни христіанства. Перев. съ посл. англ. изд. А. П. Лопухина. Въ 2-хъ част., болѣе 1.000 стр. уборн. шрифта. Изд. 2-е. Спб., 1892 г., ц. 4 р., въ изящн. коленк. пер. 5 р. *Мин. Нар. Просв. одобр. для функц. библи. средн. учебн. заведений* 21 июля 1894 г., № 14375.

На зарѣ христіанства, или сцены изъ времени Нерона. Историч. рассказы. Пер. съ англ. А. П. Лопухина. Спб. 1901 г., ц. 3 р., въ кол. перепл. съ зол.

тисн. 4 р. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977 допущено въ учительскія библиот. низшихъ училищъ и въ безпл. народн. читальни и библиотек.*

Фарраръ, Ф. В. Власть тьмы въ царствѣ свѣта. Историч. разск. изъ врем. Свят. Іоанна Златоуста. Перев. съ англійск. А. П. Лопухина. Спб., 1897 г., ц. 3 р., въ коленк. перепл. 4 р. *Мин. Нар. Пр. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущено въ учительскія библиотекы низш. учил. и въ безпл. народн. читальни и библи.*

Аллегоріи. Борьба добра со зломъ. Съ 20-ю рисунками въ текстѣ. Съ англ. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ изящн. кол. пер. 2 р. *Мин. Нар. Просв. допущена въ ученич. библи. средн. учебн. заведен. Минист.* (4 февраля 1903 г., № 4099).

Безхарактерность — причина многихъ бѣдствій. Очеркъ нравовъ школьной жизни. Съ англійскаго Ф. С. Комарскаго. Въ 2 частяхъ. Спб., 1898 г., ц. 2 р., въ изящн. кол. пер. 2 р. 50 к. *Мин. Нар. Просв. допущ. въ ученич. библи. средн. учебн. зав. Мин.* (4 февраля 1903 г., № 4099).

Во дни твоей юности. Дух.-нрав. бесѣды. Подъ ред. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1895 г., ц. 1 р. 50 к., въ коленк. перепл. 2 руб.

Голось совѣсти. Бесѣды о нравственности. Съ англ. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ коленк. пер. 2 р.

Голось съ Синая. Вѣчное основаніе нравственнаго закона. Духовно-нравственныя бес. Подъ ред. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1894 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р.

Искатели Бога. Съ англійск. Ф. С. Комарскаго (съ рис.). Спб., 1898 г., ц. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

Раскаяніе — основаніе нравственнаго совершенства. Очеркъ нравовъ школьной жизни. Съ англійск. Спб., 1898 г., ц. 2 р., въ изящн. коленк. пер. 2 р. 50 к. *Мин. Нар. Просв. допущена въ учен. библи. средн. учебн. зав.* (4 февраля 1903 г., № 4099).

Семейный очагъ. Мужнина и женщина. Съ англійск. Ф. С. Комарскаго. Спб. 1898 г., ц. 60 к., въ коленк. перепл. 1 р. *Мин. Нар. Пр. допущена въ учен. библи. средн. учебн. зав. Минист.* (4 февр. 1903 г. № 4099).

Сила добраго вліянія — результатъ правильн. воспитанія. Очеркъ нравовъ школьной жизни. Съ англійск. Ф. С. Комарскаго. Въ 2 ч. Спб., 1898 г., ц. 2 р. 50 к., въ изящн. коленк. перепл. 3 р. *Минист. Народн. Просв. допущена въ ученич. библи. средн. учебн. завед. Министерства* (4 февраля 1903 г., № 4099).

Христіанская отвѣтственность. Бесѣды о нравственности. Съ англ. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1899 г., ц. 1 р. 50 к.,

въ кол. пер. 2 р. *Мин. Нар. Просв.* допущена въ учебныя библиотеки средних учеб. завед. *Мин.* (4 февраля 1903 г., № 4099).

Фарраръ, Ф. В. Христіанскіе труженники. Съ англ. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1898 г., ц. 60 к., въ кол. перепл. 1 р. — Молитва, какъ средство къ утѣшенію печали. Спб., 1888 г., ц. 10 к.

Филаретъ (Гумилевскій) архіеп. Черниговск. Бесѣды о страданіяхъ Господа нашего Иисуса Христа. Съ портр. автора. Въ 2-хъ част. Изд. 3-е. Спб., 1884 г., ц. 3 р., въ кол. пер. 4 р.

— Гласъ Божій къ грѣшнику. Спб., 1891 г., ц. 30 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.* одобрено для учебн. библ. средн. и низш. учебн. заведеній (2 сент. 1884 г., № 12959).

— Житіе святыхъ Кирилла и Меодія, славянскихъ просвѣтителей. Въ память тысячелѣтія. Спб., 1885 г., ц. 10 к. — Житіе св. Митрофана, епископа Воронежскаго. Съ изображеніемъ. Спб. 1904 г., ц. 10 к.

— Историческое ученіе объ отцахъ Церкви, въ 3 том. (860 стр.). Спб., 1882 г., ц. 5 р., въ кол. пер. 6 р. *Учен. Комит. Мин. Нар. Просв.* рекомендована для фундам. библ. средн. учебн. заведеній. Внесена въ Справочный каталогъ книгъ для библиотекъ церковн. школъ. Спб. 1900 г., стр. 48-я.

— Историческое ученіе объ отцахъ Церкви (въ сокращеніи). Черниговъ, 1864 г., ц. 1 р. 25 к.

— Исторія русской Церкви. Изд. 6-е. Большой томъ въ 840 стр. Спб., 1894 г., ц. 3 р., въ издѣлк. кол. перепл. съ золот. тисн. 4 р. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.* одобр. для фундам. и учен., старш. возр., библ. средн. учебн. зав. (25 ноября 1898 г., № 28740).

— Житія святыхъ подвижницъ Восточной Церкви. Изд. 3-е, съ изображ. св. подвижницъ, акад. Ѳ. Г. Солнцева. Спб., 1898 г., ц. 1 р. 50 к., въ издѣлк. кол. перепл. 2 р. 25 к. *Ученымъ Комитет. Минист. Народн. Просв.* одобрено для фундамент. и учебн. средн. старшаго возраста, библиотекъ средн. учебн. заведен. (25 ноября 1898 г., № 28740).

— Житія святыхъ, чтимыхъ православною Церковью. Съ изображ. свят. и праздн. акад. Ѳ. Г. Солнцева. На русск. языкѣ, за круглый годъ, 12 мѣсяцевъ: Январь, Февраль, Мартъ, Апрель, Май, Іюнь, Іюль, Августъ, Сентябрь, Октябрь, Ноябрь, Декабрь. Изд. 3-е, дополненное. Спб. 1900 г., ц. за всѣ 12 кн. 15 руб., съ перес. 18 руб.; въ роск. кол. пер. въ 6 кн. 20 р., съ перес. 23 р.; въ 12 кн. 24 р., съ перес. 27 р. *Мин. Народ.*

Просв. внесена въ каталогъ книгъ для бесплатн. народныхъ читаленъ и для учебн. библ. средн. учебн. завед. *Мин. Нар. Просв.* Стр. кат. 17-я, 1897 г.

Филаретъ (Гумилевскій) архіеп. Черниговск. Историческій обзоръ пѣснопѣвствъ и пѣснопѣвній греческой Церкви. Изд. 3-е, съ дополн. Спб., 1902 г., ц. 1 р. 50 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.* одобр. для библ. средн. и низшихъ учеб. зав. и въ безплат. нар. чит. и библ. (1 июня 1903 г., № 17109).

— Обзоръ русской духовной литературы. Изд. 3-е, съ поправк. и дополн. автора. Спб., 1884 г., ц. 3 р., въ кол. пер. 4 р. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.* одобр. для фундам. и учен., старш. возраста, библиот. средн. завед. (25-го ноября, 1898 г., № 28740).

— Опытъ объясненія на посланіе ап. Павла къ галатамъ. Черниговъ, 1862 г., ц. 75 к.

— Православное догматическое богословіе. 2 т. Изд. 3-е. Спб., 1882 г., ц. 3 р., въ кол. пер. 4 р. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.* одобр. для фундам. и учен., старш. возр., библ. средн. учебн. завед. (25 ноября 1898 г., № 28740).

— Святые южныхъ славянъ. Описание жизни ихъ. Съ изобр. свят. акад. Ѳ. Г. Солнцева. Спб., 1893 г., ц. 1 р. 50 к., въ издѣлк. пер. 2 р. 50 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.* одобрено для фундам. и учен., ст. возр., библ. средн. учебн. завед. (25 ноября 1898 г., № 28740).

— Слова, бесѣды и рѣчи. Въ 4-хъ ч. Изд. 3-е. Спб., 1883 г., ц. 3 р. 50 к., въ роск. пер. 4 р. 50 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.* одобр. для фундам. библ. средн. учебн. завед. (25 ноября 1898 г., № 28740).

— Ученіе евангелиста Іоанна о Словѣ. Черн., 1869 г., ц. 1 р. 25 к.

Хергозерскій, А. Обзоръ пророч. книгъ Ветх. Заветъ. Изд. 4-е, исправл. Спб., 1899 г., ц. 1 р. *Прин. учебн. рук. по Св. Пис. въ дух. сем.* («Церк. Вѣстн.» 1875 г., № 22 и 1880 г., № 43).

Хитровъ, М. И., прот. Древняя Русь въ великіе дни. Съ рис. въ текстѣ. Спб., 1899 г., ц. 30 к. *Учебн. Ком. при Св. Сн. одобрена для учебн. библ. дух. сем., муж. дух. и женск. епарх. уч.* («Церк. Вѣд.», № 49-я 1899 г.).

Христіанскія размышленія на каждый день мѣсяца. Спб., 1904 г., цѣна 10 к. Чепурновскій, Д. В. Подготовка къ вѣчному блаженству. Спб., 1891 г., ц. 20 к.

Шарбонель, В. Жажда жизни. Философско-нравствен. разсужденіе. Съ фр. Ф. С. Комарскій. Спб., 1893 г., ц. 1 р.

Шкабельниковъ и Литровъ. Знаки благотворит. общества и правила награжденія лицъ за оказ. помощь дѣламъ благотв. Съ рис. Спб., ц. 1 р.

На пересылку книгъ магазинъ покорнѣе проситъ прилагать по 20 к. на каждый рубль.

Магазинъ снабженъ большимъ выборомъ книгъ религіозно-нравственныхъ.

Требованія гг. иногороднихъ исполняются съ первою почтою.